Ульяна Динова
Я беду от тебя отведу
Фэнтези • Мистика • Любовный роман

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

1-я книга в трилогии «Светлые, Тёмные и другая Майя»

В далёкой российской глубинке вместе с бабушкой проживает странная красивая девушка Майя. С детства с ней происходят разные необъяснимые вещи, пугающие её. Взрослея, она начинает замечать у себя проявление аномальных сверхъестественных способностей — видеть и исцелять болезни людей и животных, а также управлять обстоятельствами жизни других людей. Только ей решать, как распоряжаться своим даром — использовать его во благо или же сделать орудием мести. Разные слухи не заставляют себя долго ждать, вплоть до обвинения во всех бедах, постигших жителей её города. Не найдя понимания в родном городке, она принимает решение покинуть его в надежде на то, что, затерявшись в большом мегаполисе, перестанет быть такой заметной. Узнав о сильном даре Майи, ведьмы «Тёмного ордена» пытаются завербовать её в свои ряды. Немного наивной, верящей в справедливость девушке коварная судьба уготовила испытать немало зла и несправедливостей, и не всегда ей удаётся совладать с желанием пустить в ход свое тайное «оружие», которым она поклялась не пользоваться против людей, заручившись покровительством Светлых Магов. Сможет ли сильная любовь смягчить мстительный характер Майи?

- Ульяна Динова
  - ПРОЛОГ
  - Часть первая ВЕЛИЖ
    - Глава первая ВЫХОД ЗЛА. БОЙСЯ ГНЕВА СВОЕГО
    - Глава вторая ОДИНОЧЕСТВО ВЕДЬМЫ. КОНФЛИКТ НЕ РАЗРЕШЁН
    - Глава третья ИСЦЕЛЯЮЩАЯ РУКА
    - Глава четвёртая ЗАВИСТЬ. ИЗГНАНИЕ
  - Часть вторая МОСКВА-«ВАВИЛОН»
    - Глава первая ИСПЫТАНИЯ. УДАРЫ СУДЬБЫ
    - Глава вторая МИСС МАГДА
    - Глава третья АБИТУРИЕНТКА
    - Глава четвёртая ПРИЗРАК СТАРИКА С ВЕЛОСИПЕДОМ, ГРОЗА И ЧЁРНАЯ ВОЛЧИЦА
    - Глава пятая ЗНАКОМСТВО С ОБИТАТЕЛЯМИ «ДУБОВОЙ РОЩИ»
    - Глава шестая НОВАЯ ЖИЗНЬ

        - Глава седьмая ПОСВЯЩЕНИЕ
        - Глава восьмая ПРЕКРАСЕН КАК БОГ
        - Глава девятая НЕУДАЧНЫЕ УХАЖИВАНИЯ БАЛЬДЕРИКА РЭЯ
        - Глава десятая ЛЮБОВЬ, ПОХОЖАЯ НА СОН
        - Глава одиннадцатая МЭГИ РА
        - Глава двенадцатая ТАИНСТВЕННЫЙ «МОБИЛЬНЫЙ» ПОКЛОННИК
        - Глава тринадцатая «БОЖЕСТВЕННЫЙ» НАПИТОК
        - Глава четырнадцатая ПОД ВЛАСТЬЮ НАВАЖДЕНИЯ
        - Глава пятнадцатая ТАНЕЦ СМЕРТИ
    - Часть третья КАЧЕЛИ ДЛЯ ДВОИХ
        - Глава первая БЕЗ НАЗВАНИЯ
        - Глава вторая ГРУБАЯ СУБЛИМАЦИЯ
        - Глава третья ПРОДЕЛКИ ТЁМНЫХ. СПАСЕНИЕ СВЯЩЕННИКА ВАЛЕРИЯ
        - Глава четвертая ЗАТЕРЯННЫЙ УГОЛОК
        - Глава пятая ВНЕЗАПНАЯ ГОРДОСТЬ БАЛЬДЕРИКА РЭЯ
        - Глава шестая ЗДРАВСТВУЙ, ДОМ РОДНОЙ!
        - Глава седьмая СТОЛКНОВЕНИЕ С ЖИТЕЛЯМИ ВЕЛИЖА
        - Глава последняя ПРИМИРЕНИЕ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8

Ульяна Динова

Я беду от тебя отведу

ПРОЛОГ

Он вырос словно из-под земли. Границы его территории были нарушены, и покой потревожен.

Зверь.

Пустые жёлтые глаза кабана изучали непрошеных гостей — группу детей лет 9-11, беспечно играющих на вырубке леса. Монстр затаился в кустах, ни единым шорохом не выдавая своего присутствия. Ноздри его нервно подрагивали, втягивая холодный ноябрьский воздух, пропитанный запахом ненавистных людей. Запахом его врага. Дети, ничего не подозревавшие о «засаде» в кустарнике, задорно носились по поляне, размахивая руками и визжа во весь голос от избытка сил. Снести такое зверю, живущему одними только инстинктами, было не под силу. Глаза его густо налились кровью и наполнились злобной решимостью. Мокрые листья, кусочки мха и глины полетели в стороны из-под сильного копыта. В следующее мгновение, более не таясь, кабан с негодующим визгом и хрюканьем ринулся из укрытия, выставив вперёд своё смертоносное оружие — острые уродливые клыки. Один из его клыков, испещрённый тёмными прожилками трещин, был неровно сломан по краю — свидетельство давней жестокой стычки не на жизнь, а на смерть, возможно с таким же, как и он, непримиримым хозяином леса, чётко определившим границы своей территории для чужаков. Крупные размеры, множество шрамов, покрывавших шкуру животного, выдавали в нём уже немолодого, матёрого секача, привыкшего беспощадно рвать в клочья и убивать врагов. И вот сейчас эта неуправляемая машина смерти, сокрушая ветки деревьев, сметая всё на своём пути, неслась прямо на детей, жаждая только одного — растерзать их беспомощные мягкие тела, растоптать и навсегда изгнать из своих неприкосновенных владений. Дети, заслышав звериный рёв, прекратили игру, мгновенно оцепенев от ужаса. Разъярённое чудовище неумолимо приближалось к ним. Казалось бы, трагедия неизбежна, но в этот момент произошло нечто совершенно необъяснимое никакими известными законами Природы.

Немного поодаль, на поваленном дереве, никем не замечаемая, одиноко сидела маленькая девочка, отчего-то не принимавшая участия во всеобщей игре. Она вскочила с бревна и молнией метнулась на середину поляны, очутившись между насмерть перепуганными детьми и обезумевшим от ненависти кабаном, выбежавшим из зарослей. Зверь, ещё секунду назад жаждавший крови, остановился и застыл как вкопанный, тяжело дыша. Бока его ходили ходуном, из ноздрей валил густой пар.

Девочка неподвижно стояла перед ним на расстоянии всего одной вытянутой руки, и взгляд её небесно-голубых глаз выражал не то ярость, не то ужас, а может, и то, и другое одновременно. Какое-то время они смотрели друг другу в глаза. Тщедушный ребёнок и матёрый секач. Между человеком и животным происходила некая, недоступная глазу, почти физически ощутимая борьба, словно вдруг само пространство вокруг них наэлектризовалось, завихрилось потоками сильной энергии. Воздух стал плотным и тяжёлым. Кабан хрипел, мотал головой, рыл копытом землю, но не мог сдвинуться с места. Казалось, какая-то невероятная потусторонняя сила удерживает его на месте, или что-то преграждает ему путь. Противостояние длилось не более минуты. Наконец зверь, неловко подпрыгнув на месте в последней попытке прорваться сквозь невидимую преграду, рухнул как подкошенный на землю, издав жуткий рёв, гулким эхом прокатившийся по лесу. Вспугнутые вороны, многочисленными зрителями сидевшие на ветках деревьев, сорвались с насиженных мест и с возмущенным карканьем закружили над кронами сосен. Мужчина и женщина, собиравшие хворост на окраине леса, также услышали душераздирающий звериный вопль и обеспокоенно переглянулись.

Дети, став невольными свидетелями этой фантастической и одновременно жестокой сцены, молча стояли позади своей избавительницы, всё ещё не веря в чудесное спасение. Придя в себя, они один за другим бросились прочь из леса с запоздалым плачем и криками. На поляне остались только кабан, точнее… то, что им было раньше, и маленькая голубоглазая девочка. Она подошла к умирающему монстру и, опустившись на колени, принялась гладить его огромную косматую голову, словно извиняясь за причинённую боль; глаза её заволокло слезами. В маленьких глазках поверженного зверя запечатлелись страх, досада и… недоумение. Он сделал ещё несколько шумных вздохов и, вздрогнув всем телом, затих навсегда. Вороны, покружив немного над поляной, полетели вглубь чащи, в поисках более спокойного убежища. Лишь только вскрики потревоженных соек нарушали тишину осеннего леса.

Двумя часами позднее егерь с охотником, прибывшие на «место происшествия», с удивлением обнаружили, что на бездыханном теле кабана нет ни одного мало-мальски серьёзного повреждения, которое могло бы привести к его столь скоропостижной кончине. Единственное объяснение, пришедшее им на ум, впрочем, как и многим другим: по всей вероятности, зверь умер… от злости, что и явилось счастливым случаем, спасшим детей от страшной участи. После вскрытия тела

животного ветеринарный врач констатировал, что абсолютно здорового кабана в самом расцвете сил настиг внезапный разрыв сердца, а также отметил невероятный факт — все артерии и сосуды, питавшие сердце зверя, будто бы исчезли, растворились, и кровь свободно разлилась внутри по всему его организму.

Часть первая ВЕЛИЖ

Глава первая ВЫХОД ЗЛА. БОЙСЯ ГНЕВА СВОЕГО

Сегодня — суббота, и с утра зарядил сильный дождь. Как ни странно, но я люблю дождь, люблю осень; я вообще люблю все природные явления, какими бы мрачными они не казались. И поэтому я совершенно не расстроена тем фактом, что за окном идёт дождь. Скорее наоборот. Ну и пусть сегодня непогодится, зато я успела переделать все домашние дела, накопившиеся за неделю. Сварила борща на несколько дней вперёд, приготовила плов, рассадила бабушкину герань и перемыла в доме всё, что только можно. Даже полки в шкафах. Остался ещё один последний штрих, и я уже поглядываю на книгу Сэлинджера «Над пропастью во ржи», лежащую на диване, которую я уже давно запланировала прочитать. Мой пёс Джек, грустно положив умнейшую морду на лапы, украдкой бросает на меня хитрые взгляды. Бабушка хворает вторую неделю, она почти не встаёт. Ничего не поделаешь… Имя её болезни — старость.

Мне постоянно нужно занимать себя чем-то. Что-то делать — делать без конца. Физически или умственно — неважно. Иначе мысли мои не дадут мне покоя и начнут вытворять в моей голове такое, что в итоге может привести к ощущению полного абсурда, а этого бы мне совсем не хотелось. Ведь я-то не понаслышке знаю, каково это — обладать «идеальным даром» самокопания и философствования в тщетной попытке познать непознаваемое.

А тут ещё, как назло, произошли эти нелепые события…

Я наполнила миску Джека кашей с мясом, он подбежал ко мне, нетерпеливо поскуливая и виляя хвостом в предвкушении трапезы.

Джека мне подарил один знакомый охотник два года тому назад. Будучи на Алтае, он выменял его, трёх недель отроду, у местных жителей за бутылку «огненной воды». У охотника уже была собака, и зачем ему понадобился этот щенок — он даже сам себе толком объяснить не мог. По приезду домой он попытался пристроить его в хорошие руки, обивая пороги не одного десятка домов, но не тут-то было! Малыш, слишком рано отнятый от материнских сосков, беспрестанно оглушительно кричал, требуя молока. Единственными, кто согласился приютить у себя голосистого кроху, оказались мы с бабушкой. Охотник тот сильно выпивал и однажды не вернулся из похода. Никто его больше никогда не видел — ни живым, ни мёртвым. Местные, разведя руками, заявили, что душу его из расслабленного тела забрал

злой дух тайги. Не знаю, насколько это правда, но охотник уверял, что Джек — плод любви представителей двух враждующих испокон веков между собой племён. Его матерью была сибирская лайка, а отцом — дикий таёжный волк. Уродился он чёрным, с белой головой. Один глаз его был голубым, другой — карим. Мне пришлось выкармливать его молоком из детской бутылочки. Щенок вырос в могучего, красивого пса с роскошной шерстью и стал самым близким и преданным мне существом. Его невероятная интеллектуальность просто поражала. Он прекрасно читал все мои мысли и всегда заранее знал, что я собираюсь сделать. Особенно то, что было связано с прогулками и едой. Пожалуй, единственным его недостатком как собаки было то, что лаял он крайне редко. То ли не умел, то ли не хотел. Он всё-таки много чего унаследовал от своего отца. Например, любил «петь» по ночам в полнолуние, как самый настоящий волк. Что, естественно, не всегда приходилось по душе нашим соседям.

Я отнесла бабушке чаю с мёдом и забралась на диван с книгой. Книга была интересной, но я рассеянно перелистывала её страницы, и у меня всё никак не получалось сосредоточиться на чтении.

Мои мысли навязчиво крутились вокруг неприятного и непонятного происшествия, случившегося ровно неделю назад. Вновь и вновь прокручивая в памяти одну и ту же сцену, я изнуряла себя тягостными раздумьями. Вопросы без ответов вызывали у меня состояние тихой паники.

Тот злополучный день я помню как сейчас. Он мало чем отличался от сегодняшнего. Точно так же с утра целый день моросил дождик, но к вечеру он прекратился, и тут как снег на голову ко мне заявились три мои бывшие одноклассницы: Аня Даниленко, Катерина Ложкина и Олеся Остапчук. Не могу сказать, что мы были с ними какими-то закадычными подругами в школьные времена. После окончания школы я практически не общалась со своими одноклассниками. При встрече: «привет», «как дела», «пока»… Вот и всё общение. Мне не очень-то понятно, что связывает трёх девочек с детства, ведь они настолько разные. Катерина — немного взбалмошная с зачатками будущей стервы, Аня — оторва безбашенная, Олеся же, наоборот, — скромница и тихоня, предпочитающая держаться в тени подруг. Втроём они — с самого первого класса. За глаза их частенько так и называют — «святая троица».

На самом деле неплохие они девчонки, но в их присутствии я всегда чувствую себя как-то странно. Словно мы из разных миров. Создаётся впечатление, будто при общении с ними мне всё время приходится прилагать какие-то неимоверные усилия, чтобы

соответствовать им. Разговаривать на «их языке», понимать его, — как, впрочем, и со многими другими людьми тоже. Мне бы не хотелось чем-то выделяться среди людей, поэтому изо дня в день я совершаю некое насилие над своей личностью, стараясь казаться «такой, как все». Мне не очень нравится это избитое выражение, но оно наиболее точно определяет суть положения вещей. Я действительно не совсем такая, как остальные. Это несколько нервирует и доставляет определённые неудобства, но об этом я упомяну позже.

Приход девочек оказался неожиданным для меня. Скорее всего, нежеланным. Я не была к этому готова и, как следствие, приняла неправильное решение, о котором мне пришлось пожалеть.

— Май, сегодня дискотека в ДК. В приглашённых: «Братья Грим», «Серёга» и ещё кое-кто — забыла. Пошли с нами, потрясёмся? — затараторила с порога Анька, бросая мокрую куртку на комод и проходя без приглашения в комнату прямо в сапожках. Прощай, мой только что вымытый пол!

Я собралась было отказаться, но бабушка, услышав, что я с кем-то разговариваю, подала голос из-за приоткрытой двери комнаты.

— Майя, кто там пришёл?

— Бабушка… Да это девочки. Зовут в клуб. Кто-то к нам приехал с гастролями, кажется…

— Здрасть, Анна Михайловна! — закричала Катя на весь дом, плюхаясь своей совсем не маленькой попой на мой почтенного возраста диван, который тут же угрожающе затрещал и заскрипел всеми пружинами.

— Здравствуй, Катюш, — бабушка появилась на пороге моей комнаты, опираясь на костыль.

— Ну и ты сходи с ними! — с энтузиазмом начала убеждать она меня. — Что ты, в самом деле? Сидишь одна дома, как вековуха! Я в твои годы уже романы крутила направо и налево, да и замуж в восемнадцать выскочила, а тебе будто ничего и не надо. Ну и сиди тогда! — кажется, бабушка совсем выздоровела, или, может, она и не болела вовсе?

— Слушай, и то правда! Так ведь всех ребят разберут, а ты всё одна да одна, — подхватила Анька. — Или тебе с Ним хорошо?

Она с нежностью обняла Джека за мощную шею и принялась тискать; тот презрительно отвернул морду в сторону и недовольно заворчал, но не посмел показать зубы.

— Вот-вот, носится с псом, как с ребёнком, а то и в лес убежит на целый день. И что, спрашивается, можно делать одной

в лесу молодой красивой девчонке?

— Ладно… — неожиданно для себя сдалась я и, взяв свою скромную косметичку, послушно уселась на диван. Слава Богу, бабушка, высказав своё «авторитетное» мнение, удалилась к себе в комнату.

— Везёт тебе. С таким «фейсом», как у тебя, даже мазюкаться не надо, — Анюта села рядом и с интересом стала смотреть, как я «крашу» губы бесцветным блеском.

— А знаешь что… — внезапно выдала она. — Пожалуй, мы тебя с собой не возьмём. Ты ж у нас все кадры отобьёшь.

— Ну раз так, то я и не пойду? — обрадовалась я, откладывая зеркальце.

— Да шучу я, шучу, — засмеялась Аня и протянула руку к моей косметичке. — Можно взглянуть? — но прежде, чем я успела ответить, косметичка была уже у неё в руках, а всё её содержимое — вытрясено на диван.

Я догадываюсь о том, что люди считают меня красивой. Когда я иду по улицам Велижа, то постоянно замечаю на себе взгляды: завистливые со стороны женщин, и восхищённые — мужские. Но мне почему-то кажется, что люди ищут красоту совсем не там, где нужно. Лично я иного мнения касательно собственной внешности, которое, увы, весьма далеко от моего представления об идеальной красоте.

У меня не совсем обычная внешность. Чересчур броская, я бы сказала. Наверное, мне хотелось бы, чтобы мои черты были более женственными и нежными, но во мне, как назло, всё напротив кричит о том, что я, вероятно, человек очень сильной воли и с твёрдым, возможно, даже мужским характером, хотя на самом деле это совсем не соответствует действительности. Скептически разглядывая в зеркале своё отражение — эти высокие скулы и упрямый изгиб бровей, широко расставленные глаза ярко-синего цвета, которые гораздо больше подошли бы дикому представителю семейства кошачьих — ягуару, например, — я прихожу к выводу, что природа явно переборщила, экспериментируя со мной. Слишком уж яркие краски смешались в моём лице. Я действительно редко пользуюсь косметикой, ибо в этом нет нужды, и я совершенно не похожа на свою мать. Та была хрупкой блондинкой небольшого роста, с короткими, не очень густыми волосами и маловыразительными чертами лица, а я вымахала достаточно высокой, и моя тяжёлая копна блестящих чёрных волос доходила мне почти до пояса. Фотографий папы у меня, к сожалению, не сохранилось, поэтому приходится верить бабушке на слово, что я пошла внешностью в своих предков по отцовской линии.

Но мне нельзя подолгу смотреть на себя в зеркало, особенно оставшись в одиночестве, потому что я могу ненароком увидеть там ЕГО. ОН — это моя многолетняя галлюцинация. Это тот тип, который периодически появляется на заднем плане и как бы выходит из-за спины моего отражения. Странно, что мне никогда не удаётся увидеть его лица. Он будто моя тень в Зазеркалье. И я даже не успеваю сильно испугаться, поскольку он моментально исчезает, едва я начинаю приглядываться к нему более пристально. Я абсолютно точно уверена в том, что ОН — это именно «он», а не «она», но откуда у меня взялась такая уверенность, объяснить я себе не могу.

Пока я приводила себя в порядок, девочки времени зря не теряли, извлекли откуда-то пластиковые стаканы и бутылку дешёвого вина «Мускат». Аня привычной рукой разлила вино в четыре стаканчика.

— Ты не против? — улыбнулась она, заметив мои удивлённо поднятые вверх брови. — Немного допинга нам не помешает.

— Да нет, конечно, расслабляйтесь… — разрешающе махнула я рукой. — А я пас. Не люблю хмеля в голове.

— Вау! Вы только посмотрите на неё! Да у тебя всё не как у людей! Впрочем… Ну и замечательно! Значит, нам больше достанется! — Анна быстро долила содержимое моего стаканчика в остальные три.

— Девчонки, да мы же сегодня в ударе, и будем кадрить всех подряд! — подала вдруг голос осмелевшая от вина Олеся, которая всё время до этого скромно сидела на стуле и никак не проявляла своего присутствия.

— Точно! Пленных не берём! — зычно крикнула Катерина на весь дом и загоготала так, что зазвенел чайный сервиз в серванте. С таким голосом, как у неё, она могла бы вполне успешно командовать ротой морских пехотинцев.

— Тссс! — одёрнула её Анюта, глазами показывая на приоткрытую дверь комнаты бабушки.

— А есть-таки стоящие? — улыбнулась я, проводя по ресницам кисточкой с тушью. — Я имею в виду «кадры».

— Ну ты ж у нас принцесса, тебе банкира подавай или звезду заморскую, поэтому ты будешь нашей приманкой для привлечения внешних сил «противника», — пошутила Аня с коварной улыбкой.

Я встала и тщательно пригладила непослушные волосы, которые тут же приняли свой первоначальный вид.

— Вряд ли банкир, или кто-то вроде него, является предметом моих тайных девичьих грёз. Всё, девочки. Я готова. Можем выдвигаться. Почему бы нам не поспешить на встречу с

«Братьями Грим»?

Смеясь, мы вышли на улицу. Небо было чистым и прозрачным, как наши юные лица, и на нём ярко сияли звезды, словно их только что хорошенько промыло дождём. Я с наслаждением вдохнула прохладный влажный воздух. От моего дома до местного Дома Культуры было минут пятнадцать ходьбы пешком.

Эх! Лучше бы я не ходила! И зачем, спрашивается, я туда пошла? Знать бы заранее, чем закончится этот вечер…

В вестибюле ДК оглушительно грохотала музыка. Она непрерывно лилась из четырёх огромных динамиков, установленных прямо перед входом, и нещадно била децибелами по барабанным перепонкам. Едва мы зашли внутрь здания, как мне захотелось зажать уши и спастись бегством от неминуемого наступления глухоты.

— Есть кто знакомые? — изо всех сил стараясь перекричать музыку, поинтересовалась я у Аньки, заметив её ищущий взгляд.

— Да все тут у нас знакомые, но ты же всё равно никого не знаешь.

Я действительно увидела несколько знакомых лиц людей, которых когда-либо встречала, но общаться не доводилось.

— А где же «Братья Грим»? — спросила я.

— Их оставили на закуску, — засмеялась Катька. — Слушай, ну почему ты такая дикая?

— Так ты нам всех кавалеров распугаешь — с таким выражением лица, — в глазах Аньки продолжал отображаться поиск. Интересно, кого она ищет?

— И что же у меня не так с лицом? — обиделась я.

— А это, что называется, «не подходи — убьёт», — загоготала басом Катька. Наверное, выпитое у меня дома вино окончательно ударило ей в голову.

Какие же они всё-таки вредные! И зачем я только согласилась пойти с ними!

«Не подходи — убьёт», а ведь, как в воду глядела…

Двое незнакомых мне парней, узрев четвёрку озирающихся по сторонам девиц без сопровождения сильного пола, отделились от небольшой группки, стоящей неподалёку возле лестницы. Шутливо толкаясь плечами, они направились прямиком к нам, и были явно навеселе.

— Привет, тёлки! Да вы никак в режиме ожидания? — покровительственно «поздоровался» один из них, дыхнув мне в лицо пивным перегаром вперемешку с табачным смрадом. Второй, менее смелый и нахальный, лишь молча кивнул и,

глуповато улыбнувшись, быстро глотнул из бутылки, одновременно сделав неуклюжий жест рукой, видимо, означавший приветствие.

Меня передёрнуло от отвращения, и уже в который раз мне захотелось покинуть это заведение, где так сильно подвергалось разрушению моё привычное состояние комфорта одиночки. Вот тебе и «кадры»!

— Приветик! — весело защебетала Анька. — Ну вроде, как бы так… — уклончиво начала кокетничать она.

— «Каплей абсента, поджигаай любоовь!» — громко запел вдруг парень дурным голосом, пытаясь переорать динамики в вестибюле.

Боже, зачем я сюда пришла? У меня начала раскалываться голова. Я поднесла руку к пульсирующему виску. Очевидно, на моём лице отразилось какое-то недовольство, которое не осталось незамеченным со стороны наших новых «поклонников».

— Эй! Что-то не так? — обратился ко мне бойкий, по-свойски толкнув плечом, будто мы сто лет с ним были знакомы.

Я не смотрела на него. Я просто сделала вид, что его нет. Тогда он довольно грубо схватил меня за локоть и развернул к себе. Я тут же отвернулась, не скрывая своей брезгливости к нему.

— С тобой разговариваю, и смотри в лицо, когда к тебе обращаются! — с раздражением заметил парень.

Я снова промолчала, ощущая в груди неприятно усилившееся сердцебиение.

— Чего она такая невоспитанная? — тоном обиженного ребёнка спросил он у моих подруг. Те подавленно молчали, предчувствуя назревающий конфликт.

— Кто это — тёлки? — неожиданно вырвалось у меня. Я всё ещё избегала смотреть на него. Злость поднималась во мне, как потревоженный ил со дна.

— Чё? — брякнул он тоненьким голоском и засмеялся так же тоненько и мерзко.

— Я задала вопрос, — сделав над собой усилие, я наконец повернула к нему голову и взглянула ему прямо в глаза. Его опухшая от чрезмерных возлияний физиономия с маленькими поросячьими глазками была начисто лишена даже малейших признаков интеллекта. — Кого ты только что назвал словом, которым называют молодых… самок коров?

— Май… — предостерегающе дёрнула меня за рукав Анька, но я лишь раздражённо отмахнулась от неё.

— Не понял! — криво ухмыльнулся парень. — Это что, типа шутка такая, да?

— А вот я так поняла, что ты не собираешься извиниться?

Всё… Кажется, я уже не смогу остановиться, меня уже куда-то несёт… Но что это? Внезапно с моим слухом произошли некоторые метаморфозы, и мне стало мерещиться, будто я слышу в отдалении звук похожий на то, как если бы кто-то медленно, но ритмично нажимал на рояле клавишу «си мажор» в первой октаве. Я украдкой посмотрела на грубияна, пытаясь определить, слышит ли он то же, что и я. Но, похоже, он ничего такого не слышал, как, впрочем, и остальные.

— Да ты чё? — продолжил он демонстрировать «богатство» своего словарного запаса, мало чем отличавшегося от того, которым пользовалась Эллочка-Людоедка из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова.

— Мне не нравится такое обращение. «Чё», «эй, ты!», «тёлки» и тому подобные пренебрежительные словечки приберегите для себе подобных. Ясно? А мы нормальные, приличные девушки, и уж коль скоро вам приспичило поболтать с нами, то извольте соблюдать хотя бы элементарные правила приличия и уважения к женщинам!

— Ого! — присвистнул он. — Слышь ты, идиотка! А ну, катись-ка ты отсюда, а мы с девчонками и без тебя неплохо время проведём. Правда, девчонки?

Я промолчала, но заметила, что он почувствовал себя как-то неуютно под моим взглядом. Я тоже почувствовала кое-что странное — какое-то непривычное напряжение в глазах, к которому вскоре присоединилось хаотичное мелькание жёлтых «огоньков». Что-то не припомню, чтобы у меня раньше были проблемы с глазами. Нота «си» стала звучать в моей голове громче, тревожнее и настойчивее, словно ускоряя темп. Одновременно со слуховой галлюцинацией я ощущала сильный стук своего сердца, ритмически совпадающий с этим раздражающим звуком. Парень отчего-то перестал нахально улыбаться, и мне показалось, что в его глазах промелькнуло недоумение, похожее на страх.

— Ну что ты смотришь? А? Что смотришь-то? — не унимался он. — Дырку, думаешь, прожжёшь в моём черепе? Дык, он у меня каменный, — в подтверждение своих слов он стукнул себя кулаком по лбу. Его приятель тихо засмеялся было, но едва я посмотрела на него, как он сразу замолк. На его лице тоже появилось непонятное выражение изумлённого испуга.

— Ха! Тоже мне, испепеляющая взглядом! — продолжил издеваться первый. — Или, может, ты ведьма?

— Язык твой — враг твой! — сказала я в сердцах, изо всех сил пытаясь разглядеть хоть что-нибудь сквозь густую пелену оранжевого тумана, застилавшего мне глаза. Нота «си» закричала

внутри пронзительно и беспрерывно. Бешеный стук сердца разгонял кровь по моим венам, словно я превратилась в некий адский механизм.

— Да пошла ты к чёрту, дура! — последнее, что донеслось до моего слуха, и всё поплыло перед глазами окончательно.

Горячая волна разлилась по всему моему телу, и, прежде чем я успела что-то сделать, яркая огненная вспышка ослепила меня, противный звук, терзавший мои уши, резко оборвался и наступила полная тишина. На время я утратила способность что-либо видеть и слышать, будто погрузилась с головой под воду. Дальше помню только то, что увидела его голову — голову этого самого парня, стоящего сейчас передо мной, — расколотую напополам, словно грецкий орех, и его лицо, обезображенное страшными ранами. Я сейчас уже не могу точно вспомнить — представляла я себе это или, быть может… УВИДЕЛА? То, что должно произойти… Возможно, он уже был обречён с самого начала…

Я всё никак не могла выйти из этого странного потустороннего состояния, пока не почувствовала, как кто-то настойчиво трясёт меня за руку. Усилием воли я вернулась в реальный мир. Это была Катерина.

— Майя! — я не без труда повернула к ней голову. Она смотрела на меня в полном недоумении.

— А?

— Козлы они, ты права, — прошептала она мне в ухо, обнимая за плечи и пытаясь увести прочь. — Идём поближе к сцене, там наши местные банды репетируют, — наверное, на разогреве у «Серёги».

— Чёрт, что это с ней? Глаза у неё какие-то… Ужасные! Увидишь во сне такое — не проснёшься! — испуганно пятясь назад, пробормотал дружок грубияна.

— Ладно, пошли отсюда, — тянула меня за руку Катька.

— Ребят, вообще-то мы не одни, — соврала Аня, словно извиняясь, и улыбнулась виноватой улыбкой этому конченному спившемуся хаму! Да как она может так не уважать себя?!

— Вот надо было это с самого начала обозначить, шалавы! Да пошли вы на фиг, лохушки! — злобно процедил он сквозь зубы, поняв наконец, что с нами у них случился-таки полный облом.

Я уже не обращала на него внимания, словно вся моя злость вышла разом в том странном видении.

Несмотря на то, что настроение было основательно подпорчено, мы всё же решили досмотреть всю «культ-программу» до конца и дождаться появления столичных звёзд.

Минут двадцать мы слушали жуткий «панк-рок»

любительских групп местного разлива, но вскоре произошёл ещё один неприятный инцидент.

В какой-то момент сквозь треск электрогитар и ударных установок до моего уха донёсся подозрительный шум снаружи: звон бьющегося стекла, грохот и топот ног, а ещё крики, словно кого-то там били.

Народ, находившийся в зале, по инерции продолжал слушать музыкантов, пока снизу не раздался противный оглушающий звук, перекинувшийся на микрофоны выступавших, усиливших его в десятки раз. Все, включая артистов на сцене, побросавших свои инструменты, зажали руками уши; по залу прокатилась волна возмущённого ропота. Что-то вызвало сбой в работе электронной аппаратуры, и в зале вырубило свет. Свет почти сразу же включился, — видимо, сработал резервный генератор.

Толпа нездорово любопытствующей молодёжи, и мы в том числе, дружно ринулась вниз к выходу, где нам предстало следующее зрелище не для слабонервных.

На первом этаже повсюду валялись осколки стекол и несколько разбитых бутылок; окно напрочь было вынесено вместе с рамой, а на полу расплылась огромная лужа крови. Кругом — многочисленные следы, будто кто-то недавно пробежал по коридору, наступив ногами в кровь. Упавший динамик возле входа зловеще вибрировал и ползал по полу как живой, — наверное, это из-за него и создались те чудовищные помехи в зале.

Словно в кошмарном сне, я увидела, как санитары скорой помощи укладывают на носилки чьё-то обмякшее тело, а именно — того самого парня, который ещё полчаса назад так некрасиво клеился к нашей девичьей компании. Но я скорее узнала его по красной куртке с белыми полосами, поскольку… лица у него не было. Трудно было назвать лицом кровавое месиво, на котором не осталось ни одного живого места. Беззубым ртом бедняга ещё что-то пытался произнести. Он находился в сознании, но, вероятно, пребывал в шоковом состоянии; его друг корчился от боли рядом на полу, хватаясь за живот, и плакал как ребёнок. Внезапно я почувствовала острую жалость к людям, испытывающим сильные физические страдания. От увиденной мной чужой боли у меня перехватило дыхание и на глазах выступили слёзы. На мгновение я сама ощутила разрывающую боль едва ли не каждой клеткой своего тела. Мне тогда ещё запоздало подумалось, что это, пожалуй, чересчур жестокое наказание этим дуракам за их примитивное хамство. Надо было представить что-нибудь другое, полегче. Например, расстройство желудка с последствиями. И чего, спрашивается, я так

разозлилась из-за какой-то ерунды…

Но к чему эти безумные мысли? Я-то тут причем? Бред это всё! К случившемуся я не имею ровным счётом никакого отношения. Вот только то странное видение… Почему составляющие его образы казались такими похожими на ужасающие последствия того, что только что произошло? Может быть, это всего лишь чудовищное совпадение, чистой воды случайность? Скорее всего, так оно и есть. Я пыталась успокоить свою совесть этим непрочным объяснением, но на душе всё равно остался горький осадок, от которого мне было трудно избавиться.

Последние события того злополучного вечера я припоминаю довольно смутно, расплывчато. В ушах до сих пор стоит оглушительный вой милицейской сирены, я вижу слепящий свет каких-то прожекторов, бьющий прямо в глаза, и милиционеров, заталкивающих в машины всех подряд — возможно, среди них и участников драки. Видимо, подвыпившие ребята неосторожно «подкатили» к кому-то ещё, помимо нас, но не учли расстановку сил — и получили достойный отпор, призванный научить их хорошим манерам; а может, случилось что-нибудь похуже, но какая теперь разница…

«Братьев Грим» и других мы так и не дождались, и покинули ДК. Концерт ввиду непредвиденной чрезвычайной ситуации был экстренно свёрнут раньше времени. Устроители принесли посетителям свои извинения и убедительно попросили всех разойтись по домам.

Ночь прошла без сна, в тревожных, сумасшедших размышлениях, — как и следовало ожидать, не приведших ни к чему.

Глава вторая ОДИНОЧЕСТВО ВЕДЬМЫ. КОНФЛИКТ НЕ РАЗРЕШЁН

На самом деле одиночество не всегда выглядит таким ужасным, каким его рисуют пессимисты.

В одиночестве всегда можно найти много плюсов. Да, и минусов тоже, но плюсов всё-таки больше.

Одиночество — благо для того, кто никогда и ни при каких обстоятельствах не будет чувствовать себя одиноким, страдая и страшась одного только этого состояния как самого ужасного из наказаний, даже если вдруг странною волею судьбы останется совершенно один на планете Земля. Есть в нашей жизни нечто такое, едва уловимое, по ту сторону привычной реальности, что незримо поддерживает нас, не позволяя до конца прийти к печальному убеждению, что мы никому не нужны и брошены в эту жизнь, словно в бушующую пучину водоворота без спасательного круга, чтобы один на один сражаться со смертью в каждом прожитом дне. Но для полного принятия и ощущения этой поддержки необходима колоссальная внутренняя сила, раскрытие которой зависит как от самого человека, так и от многих обстоятельств, влияющих на его жизнь. Вход в глубокий чудодейственный источник скрыт в нас под множеством лишних одежд, разнообразных чужих масок и общепринятых норм, навязанных социумом, а также наметённых барханов песка прошлого негативного опыта. На протяжении всей жизни эти вражеские барханы, не расчищаемые нами, постоянно растут, становясь всё плотнее и выше; и в конечном итоге бездействие с нашей стороны приводит к тому, что в какой-то момент мы лишаемся самого главного, для чего мы существуем в этом мире, — мы утрачиваем Безграничное Знание, заложенное в нас задолго до нашего рождения. Знание — это не столько результат работы мысли, сколько яркое, побуждающее к жизни и действию чувство, пробуждённое и ясное сознание, свободный полёт души, не скованной никакими отягощающими рамками. По сути, это Знание — вера в чистом виде, не имеющая ничего общего с религиями, какими бы то ни было. Если не отпускать этого знания и настойчиво верить в то, что именно твоя собственная и искренняя проекция на всё происходящее вокруг — и есть та самая, настоящая истинная жизнь, наполненная смыслом и судьбоносными событиями, то ощущение самодостаточности, освежающей свободы и полноты жизни не покинет тебя и поддержит в минуту, когда вдруг покажется, что так никогда и не

найдётся тот, кто сумеет тебя понять и принять со всеми твоими тараканами в голове… Наверное, подобные размышления о жизни выглядят со стороны несколько странно, местами даже по-детски наивно, да и вообще совершенно ненадёжно, с точки зрения прагматиков, но в то же время они так умиротворяют, успокаивают… А прагматики, коих пруд пруди, естественно, тебе «доброжелательно» подскажут, что это всего лишь твой детский максимализм в тебе говорит, который с годами пройдёт, рассеется как дым химеры: ведь все когда-то так думали и верили в нечто бесконечно доброе и сверхъестественное, с чем они некогда были связаны невидимой хрупкой нитью. Вот именно… Все знали и верили, но с годами почему-то позабыли о нём. Почему? Ведь это совсем не то, о чём следует забывать. Подлинное Знание действительно необходимо нам как воздух, без него теряется смысл всякой жизни. Но мы всё равно теряем его… Теряем и забываем… растрачиваем понапрасну, неосознанно отказываясь от другой, более яркой и счастливой жизни… Вот ещё, в чём польза одиночества: тебе «не помогут забыть», и у тебя появится гораздо больше шансов сохранить то, что как несгораемое топливо будет поддерживать исцеляющий огонь в твоей душе, не давая ей окончательно окаменеть и омертветь. Подобная позиция, как правило, влечёт за собой много трудностей в жизни. Но в этом-то и состоит суть главного испытания: устоять и не поддаться малодушному страху; а ведь ещё надо суметь с ума не сойти, что нередко случается с теми, кто на каком-то отрезке своего пути начинает метаться меж двух и более огней, подвергая сомнению все свои замечательные наработки. Немало людей угодило в эту ловушку под названием «принцип разумной реальности».

Вот и я, видимо, отношусь к этой самой категории вечно метущихся, обречённых на бесконечное внутреннее противостояние двух взаимоисключающих друг друга взглядов на жизнь. Одного — являющегося следствием принудительного воспитания на принципе разумной реальности, и второго — разрешающего открытие в себе иных возможностей, не имеющих ничего общего с привычным реальным, что в действительности может являться следствием серьёзного психического отклонения. Мои страхи и душевные мучения усиливались ещё и от того, что трансформация реальности для меня происходила слишком грубо, стремительно и независимо от моей воли. И наконец наступил момент, когда я уже не могла отличить настоящее от вымышленного, ибо я оказалась совершенно не готовой к тесному столкновению с такими силами, существование и проявление которых в нашем мире считается невозможным и, вероятно, очень

вредным и опасным, с точки зрения проповедующих различные духовные теории.

* * *

Наверное, когда-нибудь всё прояснится и встанет на свои места. Я верю, что однажды это случится. Все те странные вещи и явления, происходившие со мной в разное время на протяжении моей жизни… Должно же им найтись хоть какое-то разумное, а может, даже научное объяснение?

С детства я не была такой, как все дети. Я не была НОРМАЛЬНЫМ ребёнком в общепринятом представлении о том, какими должны быть нормальные дети. Я это слишком явно ощущала из-за реакции людей на меня, как на нечто, не вписывающееся в привычные для них рамки. Я могла ничего не делать и просто молча находиться среди них, но всё равно эта жирная черта между ними и мной незримо присутствовала всегда. Не могу сказать, что данное обстоятельство совсем не тяготило меня. Возможно, я расстраивалась по этому поводу гораздо сильнее, чем думала. Я вообще старалась как можно меньше думать об этом, но постоянное чувство одиночества, ставшее для меня почти привычным, всякий раз напоминало мне о том, что я, скорее всего, так никогда и не смогу стереть эту невидимую черту между мной и другими. Ведь провела её вовсе не я, а некто неизвестный, ещё до моего рождения, — вероятно, преследуя какие-то свои, неведомые мне цели. Сейчас я уже менее болезненно отношусь к своей оторванности от людей; в каком-то смысле у меня даже появилась своя философия, как у Ошо[1], который искренне полагал, что именно одиночество и возможность уединения — это самый счастливый период жизни, отпущенный человеку для самопознания и самосовершенствования, — почитая его за настоящее благо, едва ли не божественный подарок. Я же всегда предпочитала обществу людей общество животных, растений, природы. И когда никто не мог меня видеть, разговаривала с деревьями, цветами, иногда даже с камнями и водой в роднике. Все они были очень внимательными слушателями и так хорошо меня понимали…

Подруг у меня не было, и чаще всего после школы я уходила в одиночестве гулять в лес. Мне доставляло несказанное удовольствие скинуть обувь и подолгу бродить босиком по лесной траве, утопая в мягком мху, вдыхая полной грудью запахи леса, или просто сидеть на берегу ручья, болтая ногами в холодной журчащей воде, слушая нежное щебетание птиц и

стрекот кузнечиков. Все эти простые природные вещи содержали в себе скрытую первозданную силу и наполняли меня живительной энергией. Что-то в них было до боли родное и понятное мне, в отличие от школы и людей с их мелочными проблемами, бесконечными пустыми разговорами и глупыми сплетнями об одном и том же, от которых хотелось оглохнуть, заснуть навсегда или улететь далеко-далеко в Космос, на Юпитер например…

Учительница в школе частенько заставала меня спящей во время занятий, и мне приходилось проводить остаток урока стоя за партой, что стало причиной насмешек одноклассников. Хотя удивительный факт: учёба давалась мне чересчур легко, гораздо легче, чем моим сверстникам. Пожалуй, я вообще никогда не прилагала никаких сверхусилий в освоении школьной программы, словно я когда-то уже всё это проходила — и не по одному разу. Большая часть учебных предметов, за исключением биологии, представлялась мне скучной и неинтересной. Какое-то внутренне чутьё подсказывало мне, что я вынужденно трачу отпущенное драгоценное время на нечто второстепенное и ненужное. Поэтому, едва раздавался звонок с последнего урока, я первой выбегала из тяготивших меня стен школы и мчалась, словно истомившаяся птица, вырвавшаяся из клетки на свободу, в мой любимый лес или к реке, чтобы насладиться абсолютным состоянием покоя и побыть в одиночестве, в котором я так остро нуждалась.

Сколько помню, мы всю жизнь жили с бабушкой на самой окраине небольшого городка Велижа Смоленской области. Здесь я родилась и выросла.

Своего отца я никогда не видела, поскольку он погиб в тот день, когда я появилась на свет. Трагические события тех лет до сих пор остаются тайной, покрытой мраком за семью печатями. 10 августа 1986 года папа возвращался домой на электричке, спеша поздравить мою мать с рождением меня, но по нелепой случайности ввязался в пьяную драку в тамбуре вагона. Негодяи несколько раз ударили отца ножом, а затем, забрав его деньги и документы, отжали двери и выбросили ещё живого в реку, когда поезд проходил по мосту. По крайней мере, так было написано в протоколе, давно погребённом в пыльных следственных архивах. Труп нашли спустя шесть суток после убийства, когда его прибило к берегу, и бабушка, ездившая на опознание, всё никак не хотела признавать в мёртвом распухшем теле, с обезображенным, изъеденным рыбами лицом, своего полного сил и здоровья сына. Убийц никто, естественно, искать не стал, и,

наверное, они до сих пор где-то живут, ходят среди людей, дышат одним с ними воздухом. А моему отцу так навсегда и осталось 29 лет…

Маму я почти не помню. Она оказалась психологически слабой и быстро сломалась под грузом навалившихся проблем. После смерти отца она, никогда не бравшая в рот ни капли спиртного, почти сразу стала сильно выпивать, и делала это так, будто решила убить себя. От сильных переживаний у неё пропало молоко, и меня выкормила чужая женщина, у которой умер младенец, родившийся почти в одно время со мной. По рассказам бабушки, раньше мы жили в большом доме в самом центре города, напротив мебельного завода, но из-за безудержного пьянства матери у нас случился сильный пожар, и наша квартира со всем нажитым имуществом в один миг сгорела дотла. Именно тогда-то городская администрация и выделила нам этот старый покосившийся домик на окраине, в котором мы проживаем по сей день. Мама умерла от разрыва печени, когда мне было три с небольшим года. До сих пор из глубин прошлого у меня в памяти всплывает мрачная картина похорон моей матери. Крупными хлопьями падает мокрый ноябрьский снег. Проститься с мамой пришли только двое: бабушка и я. Мы стояли молча вдвоём над могилами, куда погребли их обоих — моих родителей — без панихид и отпеваний. Несколько увядших гвоздик и стук мёрзлых комьев земли по крышке гроба. Других родственников у нас не было. Я была ещё слишком мала в то время и не могла до конца осознавать, что такое смерть. Я всё ждала, что мама придёт: она ведь и раньше часто куда-то уходила, но всегда возвращалась. Лишь несколько дней спустя я почувствовала, что она больше не придёт никогда, и разрыдалась так сильно, что у меня началась истерика и пошла носом кровь. Бабушке всё никак не удавалось успокоить меня, и ей пришлось вызвать мне скорую помощь, чтобы остановить кровотечение.

Бабушка мало рассказывала мне о моих родителях, почему-то избегая этой темы. Подрастая, я стала замечать, что у других детей есть мамы и папы, а у кого-то — хотя бы только мама. От этого в моём маленьком детском сердце трепыхалось ощущение вселенской несправедливости. Я терзала бабушку расспросами о том, почему у меня нет родителей, на что она мне отвечала, будто они так рано ушли в другой мир — более совершенный и прекрасный, — потому что были очень хорошими людьми; но они всё ещё продолжают любить меня и ждут там, на небесах; а когда мы встретимся, то заживём все вместе весело и счастливо и нам больше не придётся никогда разлучаться. Какое-то время я довольствовалась такими объяснениями, но в двенадцатилетнем

возрасте мне стало любопытно, чем занимались мои родители, кем они были по профессии. Бабушка рассказала, что отец был учёным исследователем: он посвятил себя науке археологии и ездил в разные уголки земного шара с экспедициями. Мама работала учительницей музыки: у неё был прекрасный голос, и она учила детей петь. Тогда же, полагая, что я уже достаточно взрослая, чтобы узнать жестокую правду, бабушка открыла мне тайну о страшной гибели отца. Я ужасно расстроилась и убежала в лес на свою любимую поляну. Там со слезами на глазах я поклялась небу и себе — во что бы то ни стало найти подонков и отомстить им за отнятую жизнь моего отца.

Ни от отца, ни от матери мне, увы, ничего не осталось. Все их личные вещи, фотографии, весь семейный архив, — всё было уничтожено огнём при пожаре. Сохранилась лишь одна единственная маленькая чёрно-белая фотография мамы, где она позировала за фортепиано, когда была ещё студенткой музыкального училища. Словно кто-то очень постарался стереть самою память о моих бедных родителях.

Чем глубже я пытаюсь копаться в своём прошлом, тем больше обнаруживаю провалов в памяти. Эти провалы связаны, как правило, с ощущением неясного страха. Ночные кошмары были неотъемлемой частью большинства моих ночей, проведённых без сна. В раннем детстве по ночам я часто слышала пугающие потусторонние звуки непонятного происхождения: то это были стуки в стенах или полу, то будто бы кто-то ритмично нажимал одну и ту же клавишу «си мажор» в первой октаве на мамином пианино, много лет простоявшем в чехле с закрытой крышкой в коридоре; иногда в кресло у изголовья моей кровати усаживался некто невидимый и начинал так тяжко вздыхать, что я прятала голову под одеяло и лежала, не шевелясь и умирая от страха, до самого рассвета, пока сон не одолевал меня. Несколько раз, вставая по утрам, я отчётливо видела что-то странное, а именно: как из-под моей кровати высовывается человеческая рука, обтянутая чёрной кожаной перчаткой, и тут же прячется обратно. Долгое время я была уверена, что под моей кроватью поселился «чёрный человек», который ужасно одинок и несчастен, и вследствие этого развлекается тем, что пугает меня. Многие дети боятся темноты и выдумывают разные истории об увиденных ими привидениях или страшных чудовищах. Может быть, и я тоже была подвержена подобным фантазиям, поскольку через какое-то время странные звуки и видения прекратились, и я перестала бояться темноты. Возможно, причина этих галлюцинаций скрывалась в моём бесконечном одиночестве.

Конечно же, у меня никогда не повернётся язык назвать

бабушку плохим человеком. Наоборот, она всегда заботилась обо мне, насколько хватало её сил, не обижала, не била меня; и я даже вообще не могу припомнить ни одного случая, чтобы она когда-либо повышала на меня голос. Умом я понимаю, что она исполняла свой родственный долг, но я благодарна ей уже хотя бы за то, что она не избавилась от меня, сдав на попечение государству, чтобы облегчить себе жизнь. Бабушка любила меня по-своему: кормила, гуляла со мной, покупала нехитрые игрушки и книжки, но всё же я отчаянно нуждалась в другой любви — той самой, которая даёт детям полное ощущение защищенности и радости, — родительской. Поэтому в детстве я часто находила забвение в картинах, нарисованных моей фантазией. Хоть я выросла и давно уже не ребёнок, но до сих пор иногда представляю себя в образе Золушки, которую однажды полюбит прекрасный принц и увезёт с собой в чудесную страну, где нет ни горя, ни печали, ни страха, ни слёз. И тогда всё встанет на свои места. Когда-нибудь именно так и будет. Когда-нибудь… А пока…

Выбор выпускника Велижской школы невелик. Предел мечтаний — мебельный завод, но, увы, девушки там не нужны. Из моего школьного выпуска половина ребят и девчонок давно уже покинули наш красивый, но бесперспективный город Велиж. Те, кто порешительнее, уехали в Смоленск, а самые отчаянные рванули в Москву — продолжать учёбу или просто на заработки. Рыба ищет там, где глубже. Подобные мысли возникают порой и у меня, но… А как же бабушка и Джек? Я не могу их бросить, ради удовлетворения своих амбиций. А ведь есть ещё мой лес и моя речка — я не перестала их любить. Я не мыслю жизни без них. Это же всё мои источники энергии и вдохновения. Как просто так — взять и отказаться от своего привычного маленького «рая»? Оборвать все ниточки… Нет. Это выше моих сил…

Вот уже полгода, как я работаю помощником ветврача в районной клинике для животных. Можно сказать, что в каком-то смысле мне повезло. Я устроилась на эту работу сразу после окончания школы, причём совершенно случайным образом. Зайдя в ветлечебницу, чтобы сделать Джеку плановую прививку от бешенства, я увидела на двери объявление, в котором сообщалось, что клинике срочно требуется ассистент ветеринарного врача. К моей огромной радости, место оказалось незанятым. Едва взглянув на меня, главный врач тут же велел мне писать заявление в отдел кадров, и на следующий день я уже приступила к работе. В мои обязанности входило поддержание операционной в стерильной чистоте, а также забота о том, чтобы в шкафчиках на полках всегда были в наличии необходимые

лекарства и перевязочные средства. Спустя две недели мне было разрешено помогать врачу на операциях и других манипуляциях различной сложности, что послужило очень хорошей практикой для меня. Михаил Петрович, ветврач, оказался замечательным специалистом, любящим животных, а самое главное, очень добрым и потрясающе спокойным человеком, с которым мы быстро сработались. Он обучил меня многому, что знал сам, а ещё отметил мои неординарные способности, посоветовав не терять времени понапрасну и обязательно поступать в Смоленский ветеринарный институт, что я и собиралась сделать нынешним летом. Ассистентской зарплаты моей, правда, хватает разве что на неделю жизни, близкой к полному аскетизму. Наверное, странный выбор для молодой девушки, не правда ли? Люди вообще говорят, что я странная. Но мне всё равно, я люблю животных. Кроме того, моя деятельность должна подразумевать некую помощь другим, чему данная профессия отчасти соответствует…

* * *

Прошло около четырёх месяцев после того отвратительного случая на дискотеке в ДК.

За это время моя жизнь претерпела кое-какие изменения, а точнее, — она превратилась в самый настоящий ад. Если раньше люди считали меня просто девочкой со странностями, то теперь они вздумали обходить наш дом стороной или, что ещё обиднее, переходить на противоположную сторону улицы, едва завидев меня.

А произошло это всё потому, что я опрометчиво позволила себе расслабиться и перестала делать вид, что я такая же, как они. Я всего лишь стала той, кем являюсь по своей сути, а именно — источником бед и неприятностей для людей! Но не всех, конечно, а только тех, кто каким-то образом имел несчастье разозлить меня. Это, естественно, не меняет плачевной ситуации, в которой я оказалась не по своей воле. Я не могу сказать о себе, что я какая-то патологически злая и мстительная особа. Только вот почему-то реагирую не в меру болезненно на всяческие несправедливости жизни. Откуда он вообще взялся во мне — этот внутренний кодекс справедливости, который не велит мне быть равнодушной в случаях, когда люди совершают нехорошие, злые поступки, попирают чужие права, обижают более слабых и незащищённых? Это качество заложено во мне на генном уровне, и изменить его я не в силах. Моя злость никогда не

выплёскивается на окружающих в виде крика, плача или пускания в ход кулаков. Может, это от того, что она совершенно дурацким образом действует во мне иначе?

Возможно отчасти это есть моя фантазия, но в душе я чувствую, что по неосторожности выпустила на свободу каких-то чудовищно хитрых и коварных демонов, которых умудрялась удерживать взаперти на протяжении очень долгого времени. И теперь они, ничем не сдерживаемые и неуправляемые, носятся вокруг меня, смущая и заставляя думать как-то неправильно. До поры до времени я полагала, что все мои чувства и мысли под надёжным контролем. А сейчас выходит так, что я боюсь сама себя, не доверяю себе, потому что существует высокая вероятность того, что я могу совершить нечто страшное и непоправимое.

Я действительно не знаю, ЧТО же ТАКОЕ происходит со мной. Я не могу понять, откуда ОНО взялось и зачем проявилось во мне, но всё это ужасно и неприятно, поскольку даёт мне совершенно искажённое представление о нормальном, о человеческой жизни. Да, это неправильно. Наверняка я сумасшедшая или близкая к этому, но я обязательно должна во всём разобраться, прежде чем произойдёт что-то уж совсем трагическое.

Восемь лет ничего не происходило. Почти ничего.

Точкой отсчёта стал год, когда мне исполнилось девять лет. Это был очень странный и тревожный год, в который со мной происходило много разных непонятных вещей. Именно в одну из ночей этого года я испытала довольно необычные и даже пугающие ощущения. Я лежала на кровати, и уже почти засыпала, как вдруг почувствовала, что меня начинает раскачивать: туда-сюда, туда-сюда; к слову сказать, это не было похоже на сотрясание моей кровати, «качка» происходила где-то «глубоко внутри меня», сначала внутри головы, а далее, словно нарастая, распространилась на всё тело; и продолжалось так до тех пор, пока я полностью не отдалась этому состоянию. Затем наступило полное оцепенение, и я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Некоторое время что-то сильно давило на меня сверху, а потом перед глазами всё завертелось, и я увидела длинный светящийся, будто охваченный огнём, тоннель, после чего последовал резкий провал в глубокий сон. Эти ощущения посетили меня только один раз в жизни и больше уже никогда не повторялись, но тогда я отчего-то решила, что стала плохой. Наутро весь мир для меня окрасился в чёрно-белые тона, и я почувствовала себя совсем не так, как раньше. Мне показалось, что я — это уже не совсем я, а нечто иное, переродившееся непонятно во что. Я стала много

злиться и раздражаться по любому поводу. Тревожным симптомом было то, что в результате моего сильного раздражения в присутствии людей, обязательно случалось что-то нехорошее. Стоило мне появиться где-либо в дурном расположении духа, как в помещениях перегорали и взрывались лампочки, случались короткие замыкания, бывало даже, загоралась электропроводка. Хоть я и была ребёнком, но всегда отличалась повышенной наблюдательностью и способностью анализировать факты, сопоставляя их между собой. Очень скоро я заметила, что с людьми в девяноста девяти процентах случаев происходит именно то, что я желаю им в душе. Однажды я встретилась с кабаном на лесной тропе…

Я плохо помню этот эпизод из моей жизни. Скорее всего, почти не помню. Словно это вовсе было не со мной. Можно даже сказать, что я знаю о нём по рассказам людей, поэтому не могу поверить до конца, что такое вообще возможно — то, что они наговорили тогда про меня… Но я чувствую: что-то не то произошло тогда в лесу. Неправильное. Противоречащее здравому смыслу. Если верить россказням некоторых, то я убила кабана, едва лишь взглянув на него. Но ведь это же полный абсурд, и быть такого не может!

Осознание неправильности происходящего со мной в полной мере пришло ко мне лет с двенадцати. Я всё чаще с тревогой отмечала: от меня может распространяться тёмная, враждебная энергия на окружающий мир, особенно в те моменты, когда я злюсь или нервничаю. Это нельзя было объяснить простой мнительностью или самовнушением. Наступило время, когда мои подозрения перешли в разряд фактически неоспоримых доказательств. И тогда я поклялась, что буду изо всех сил стараться контролировать все свои мысли и эмоции настолько, насколько это возможно. Мне нельзя позволять проявлениям зла выходить из меня и находить себе живые мишени. Поначалу это показалось трудным и практически невыполнимым. Первые несколько попыток обуздать свои дикие первобытные инстинкты, рвущиеся на волю, закончились полным крахом, что едва не привело меня на грань уныния и не разрушило всю мою решимость, но в конце концов мне всё же удалось проявить чудеса сильной воли и развеять чёрные силы, довлеющие надо мной. Во всяком случае, я была твёрдо в этом уверена до поры до времени… Как показало время, я ошиблась…

Но было что-то ещё… И это «что-то» произошло гораздо раньше, задолго до того, как мне исполнилось девять лет, и чего я никак не могу вспомнить. Однозначно в моей жизни случилось какое-то отдалённое страшное и неестественное событие, отчего

порой даже сейчас у меня сильно колотится и замирает сердце, но как я ни стараюсь, не могу вспомнить, что же это было. Мой мозг запрятал это событие в самые потаённые уголки подсознания. В моей памяти сохранилось лишь воспоминание об этом сильном чувстве страха, граничащем с ужасом, которое периодически всплывает словно из ниоткуда и так же внезапно исчезает.

Когда я рассматриваю свои детские фотографии, меня всегда поражает мой совершенно недетский взгляд исподлобья: напряжённый, сканирующий, ищущий, будто бы пытающийся проникнуть в самую глубь души, понять её подлинную суть. И в нём тоже присутствует этот страх, точнее, его фантомное отражение, запечатлённое в моих глазах. Мне трудно узнать себя в этом испуганном ребёнке с подозрительным взглядом на фотографии. На некоторых снимках я сама себе кажусь чужой. Словно что-то раскололо мою жизнь на две половинки — «до» и «после». То, что разделило её и изменило меня, и было тем самым давним устрашающим событием, которое выскользнуло из моей памяти в результате сильного стресса, — видимо, таким образом моё сознание пыталось защититься от безумия.

Время многое стёрло, прошло восемь лет, люди забыли (или сделали вид, что забыли) о моей феноменальной способности «портить им жизнь», и я, казалось бы, научилась хорошо скрывать свои истинные чувства. Что-то дремало во мне все эти годы, никак не проявляя себя, но это было лишь маскировкой, обманчивой видимостью тишины и спокойствия. Потому что на самом деле ОНО вовсе никуда не ушло. Всё вернулось на круги своя в тот день, когда я согласилась пойти с девочками на дискотеку; и, боюсь, сейчас дела мои обстоят гораздо более худшим образом, поскольку теперь ОНО стало намного сильнее, словно, затаившись на время, незаметно выросло вместе со мной. Это какое-то проклятье… ОНО продолжает набирать силу. Мне слишком трудно противостоять его влиянию, с каждым днём — всё труднее…

От списка моих «достижений» за последние три месяца мне становится реально страшно. Перечислю только некоторые из них.

Став случайной свидетельницей того, как продавщица нахамила старушке, я отчего-то сильно разозлилась, и два часа спустя грубиянка, поскользнувшись на обледенелых ступенях магазина, сломала себе лодыжку. Именно в момент своего сильного раздражения я представила её со сломанной ногой — как раз в том месте, где она оказалась травмирована.

У зажиточной семьи Петровых загорелась баня. Несколькими часами ранее эти невыносимые скряги пожалели одолжить чуток дров бедной матери-одиночке, жившей напротив нас. Неожиданно вспыхнувший без какой-либо на то причины огонь буквально за полчаса превратил их баню в тлеющие уголья. Во всём обвинили пришедшую в негодность старую электропроводку. Но в то же время незадолго до пожара я присутствовала при неприятном разговоре вдовы с Петровыми, и подверглась новой атаке своего злополучного «видения»: горящего ярким пламенем имущества жадных хозяев.

Алкоголику Пете Симонову «повезло» ещё больше. В один из дней он повстречался мне на улице и своим отвратительным поведением навлёк на себя мой гнев. Для начала Петя с утра избил свою жену. Я видела, как она бежала по дороге босая, вся в синяках и кровоподтёках, рыдая и зовя на помощь. Затем подонок возле магазина пнул ногой ни в чём не повинного бездомного щенка — и всё только потому, что ему не на что было набраться и он был зол на весь белый свет. Щенок плакал как ребёнок, а во мне опять, как ни кстати, поднялась буря эмоций, и я «нажелала» Симонову такой ерунды, что к вечеру у него случился приступ «белой горячки», и из дома его забрала «скорая» в состоянии близком к полному умопомешательству.

Ипатов Константин, новый молодой ветврач, заменивший Михаила Петровича, решил продать ампулы дорогого лекарства хозяйке больного пекинеса, ничуть не стесняясь моего присутствия. Моя реакция последовала незамедлительно: ампула развалилась в его руках, сильно изрезав ему пальцы. Я извлекла стекло и обработала рану, злорадствуя в душе, — о чём он, естественно, не догадался.

Стоя в очереди в сберкассу, я услышала разговор двух родственниц: Кошкиной и её золовки. Из их разговора сразу стало ясно: одна — нахальная стерва, вторая — глупая, тихая старая дева, которая мешает жить Кошкиной и её семейству, но уйти от них ей некуда. Первая внушала второй, какая она дура и никчёмное создание, а та, с глазами на мокром месте, молча выслушивала её оскорбления. Меня откровенно взбесил сам факт того, что один человек может подобным низким способом самоутверждаться за счёт другого, более слабого. Я снова не смогла сдержаться, и на выходе из дверей сберкассы Кошкину с ног до головы окатила снегоуборочная машина смесью из снега и грязи, отбросив её в точно такой же грязный сугроб. Приблизительно так я себе и представила эту картину за пять минут до случившегося. Никто не заметил моей коварной улыбки, кроме стоящей рядом со мной уборщицы, поливавшей

цветы на подоконнике. И она почему-то тоже улыбнулась.

Однажды я узнала, что сынок нашего местного «миллионера» Никитина — владельца небольшой сети авторемонтных мастерских, — частенько разъезжавший по городу на своей крутой иномарке, купленной отцом, бросил ради очередной пассии мою одноклассницу, с которой прежде встречался месяца три. Та, не выдержав циничного предательства, вскрыла себе вены. Её успели спасти, но бедняжка навсегда лишилась рассудка. Вскоре на свою беду этот горе-ловелас столкнулся со мной в магазине на окраине города и, недвусмысленно подмигивая и рассыпаясь в неприличных комплиментах, предложил прокатиться с ним на его новом «звере», от чего я, естественно, отказалась. Но я никак не могла не пожелать ему «всего самого хорошего», хотя особенно его шикарной машине. И вот, в машину эту, когда он оставил её на обочине, чтобы купить сигарет в киоске, на скользкой мартовской дороге врезается «КамАЗ», превратив красивое чудо техники в кучку дымящегося металлолома, беспомощно лежащего в кювете колёсами кверху. Восстановлению автомобиль не подлежал. Виновник аварии по странному стечению обстоятельств не пострадал и поспешил скрыться с места происшествия на слегка помятом грузовике.

И это ещё далеко неполный список…

Мои невольные эксперименты однажды плохо закончатся. Меня стал страшить тот факт, что в глубине души мне всё это даже стало нравиться. Какое-то ощущение превосходства и возможность восстанавливать справедливость одной только своею силой мысли. По крайней мере, я так думала. Мне не нужно было убеждать себя в том, что человеческие мысли обладают свойством материализации. Для меня это было слишком очевидным, как то, что человек может есть, пить, говорить…

Я могла бы не обвинять себя ни в чём, если бы знала наверняка, что за всем этим стоит лишь моё больное воображение, но ведь я действительно ВИДЕЛА все эти вещи незадолго до того, как они в реальности происходили с людьми, и не могу полностью откреститься от своего непосредственного участия в тех событиях, более того — прямого инициирования их. Единственное, в чём я не уверена — и до сих пор не могу понять до конца, — что же именно бывает первично: моя мысль, виденье или предвидение? Такая неясность волновала меня и расстраивала, когда я всерьёз задумывалась над этим. Лучше бы, конечно, это было предвиденьем, тогда бы я смогла снять с себя всякую ответственность за происходящее и перестать мучиться угрызениями совести от того, что я не могу не подумать, не причинив кому-то вред.

Я также не могу считать себя кем-то ужасным, ведь это не может быть правдой. На самом деле я не хочу никому зла. Просто обстоятельства моей жизни складываются таким образом, что я, как нарочно, слишком часто оказываюсь вынужденным свидетелем ситуаций, когда люди показывают свои наихудшие стороны и совершают мерзкие поступки, от которых кому-то становится больно и плохо. Главная проблема состоит в том, что я в буквальном смысле чувствую чужую боль. Физическую или душевную. Она будто бы притягивается ко мне гигантским, мощным магнитом и в результате какой-то сложной химической реакции приобретает совершенно недопустимую концентрацию в моём организме. Я пленница этого «магнита», его заложница; он держит меня в постоянном напряжении, не позволяя расслабиться, отпустить свои мысли и чувства, но заставляя периодически разряжать его об других, чтобы он не взорвался во мне и не убил меня. Это похоже на изощрённую пытку. Когда-то я пыталась записывать в дневник много ассоциаций, связанных с моими ощущениями, но, пожалуй, эта — наиболее близкая к истине. Мне абсолютно не с кем поделиться своими переживаниями; внутренний голос мне подсказывает, что я должна сохранять их в тайне, — по крайней мере, до тех пор, пока не почувствую, что смогу кому-то довериться.

Никто в открытую не говорил мне о моём «дурном глазе»; возможно, они сами ещё не до конца поняли, как, впрочем, и я, что же именно происходит на самом деле. Но вот только отчего-то в последнее время я стала замечать слишком явное отчуждение со стороны людей, даже знавших меня достаточно близко. Увы, однажды наступил такой момент, когда я окончательно утвердилась в своих мрачных подозрениях, что люди… БОЯТСЯ меня. Я внушаю им некий страх. Это что-то из области бессознательного… А теперь это влияние только усилилось.

Я чужая в этом городе, и всегда ею была.

Глава третья ИСЦЕЛЯЮЩАЯ РУКА

Странности продолжаются…

После моей невольной «выходки» с баней Петровых прошло ровно два месяца и, слава Богу, больше ничего серьёзного не происходило. Но сегодня случилось кое-что очень важное, благодаря чему я сделала ещё одно волнительное открытие, связанное с моим существом. Оно оказалось неожиданно приятным для меня.

Днём в клинику пожилая пара принесла умирающего кота. Кот был очень плох и едва дышал. Хозяева со слезами на глазах умоляли сделать хоть что-нибудь, чтобы спасти их любимца, но врач, весьма поверхностно, на мой взгляд, осмотрев кота, категорично заявил, что болезнь неизлечима и животное надо усыплять. Я взглянула на лица стариков, с заострившимися от отчаяния чертами. Кот был очень дорог им. Волна жалости захлестнула меня.

Я молча наблюдала, как Ипатов набрал в шприц смертоносную жидкость и поднёс его к животному. У старой женщины из глаз ручьём хлынули слёзы, она отвернулась; муж обнял её, легонько похлопывая по спине, пытаясь успокоить, и сам украдкой смахнул скупую мужскую слезу.

Кот взволнованно махал хвостом, как маятником, очевидно, предчувствуя свою безнадёжную участь.

Я снова бросила взгляд на стариков, на кота, на шприц, и тут… Не знаю, что на меня нашло… Повинуясь непонятному порыву, я бросилась к врачу и оттолкнула его руку со шприцом, почти коснувшимся шкуры животного. Шприц упал на пол.

— Стойте!

— Ты что делаешь, чёрт побери!? — возмущённо заорал Ипатов.

— Подождите! Погодите! Не надо его убивать!

Старики перестали плакать и растерянно уставились на нас.

— Да что же это такое? — недовольно спросил врач.

Я стояла над котом, совершенно не представляя, что должно последовать дальше. Я просто поняла, что ему ещё рановато умирать. Это понимание было как озарение, оно у меня возникло молниеносно, будто само собой, как нечто существующее и ясное проявление истинного. Сознание моё расширилось до невероятных границ, а моё зрение… Что-то с ним снова приключилось, но на этот раз я увидела такие невероятные вещи, от которых можно лишиться чувств или же вообще сойти с ума! Предполагаю, что моё зрение увеличилось в десятки, возможно,

даже в сотни тысяч раз, словно кто-то надел на мои глаза сверхмощные линзы, и я обрела возможность видеть ткани, клетки, микромолекулы, мельчайшие детали живого организма. Я увидела сквозь тело животного его внутренности: приглядевшись, я поняла, что одна почка больше другой, а кишечник переполнен — и всё это из-за сильно увеличенной печени, давящей на внутренние органы. Но я не могла точно определить, где почка, а где печень, да это и неважно; главное, что я видела исходящее изнутри, окрашенное в разные цвета свечение — источник болезни, его я опознала сразу. Что-то направляло меня и подталкивало к активному действию. Вновь доверившись интуитивному побуждению, я вытянула руку над этим свечением и почувствовала его слабый импульс на своей ладони. Ощущение стало намного сильнее, когда я приблизила руку. Внезапно от опухоли отделился какой-то маленький энергетический вихрь и вошёл прямо в центр моей ладони. Не знаю, что именно происходило, но всё случилось очень-очень быстро, буквально в считанные секунды! Мне показалось, что моя правая рука раскалилась, как конфорка на плите. Первым моим желанием было отдёрнуть руку, но я заставила себя терпеть и наблюдать за тем, что последует дальше. За первым вихрем пошёл второй, третий, их было несколько. Последние были уже гораздо менее ощутимыми по сравнению с первыми. По мере ослабевания вихрей я видела, как опухоль спадает, свечение угасает, и чувствовала, как ладонь моя остывает. Наконец последний вихрь отцепился от моих рук, и я перестала ощущать сильный жар в ладонях. Осталось лишь небольшое покалывание, как от удара очень слабым разрядом тока.

— Он… здоров… — не слишком уверенно произнесла я. Моё зрение самопроизвольно вернулось к нормальному состоянию.

— Мяу! — подал голос кот, словно подтверждая истинность моих слов.

Во взгляде животного светилась жизнь. Он оживал на глазах. Ему больше не было больно и плохо. Он громко мурлыкал, энергично виляя хвостом, скорее всего, от только что пережитого сильного стресса, когда его жизнь висела на волоске.

— Сделайте снимки, если не верите мне. Сделайте их! — почти выкрикнула я в каком-то отчаянном желании доказать свою правоту.

— Возможно, это какая-то ошибка, — пробормотал ветврач. — Сейчас разберёмся…

Спустя десять минут улыбающиеся, просветлевшие лицами, старики покидали клинику с абсолютно здоровым, хотя и несколько ослабленным котом.

— Не забудьте колоть ему витамины хотя бы недельку, я вам там, на бумажке написала, — крикнула я им вдогонку.

Новые данные рентгена показали, что печень, хоть и оставалась немного увеличенной, но в целом налицо была картина прогрессирующего выздоровления. Признаки болезни отсутствовали.

— Цирроз печени в последней стадии… Странно… Ничего не понимаю… Куда всё подевалось? — недоумевал врач.

— Вы могли ошибиться с диагнозом, — стояла я на своём. — Иногда наши допотопные приборы дают не совсем правильные показания.

— Ты что же это у нас — колдунья? — прищурившись, спросил он, недоверчиво продолжая разглядывать снимок на свет.

Я отрицательно покачала головой, всё ещё потрясенная своим странным поступком. Ипатов только неопределённо хмыкнул и ушел курить на крыльцо.

Вечером дома я сломала себе всю голову, пытаясь объяснить с точки зрения логики случившееся днём чудо в клинике, пока вошедшая бабушка своими причитаниями не прервала мои мучительные мыслительные потуги — и тем самым не дала мне утонуть в бесконечном потоке догадок и предположений, казавшихся одно абсурднее другого.

— Ну вот, голова болит целый день… — пожаловалась она. — Опять, что ли, бури магнитные у нас? Вроде по телевизору передавали.

Внезапно меня осенила безумная идея.

— Бабушка… А дай-ка я попробую кое-что. Мне надо проверить одну вещь…

— Милая моя, да что ж тут сделаешь-то? Я бы так, может, анальгину выпила, да боюсь сердце прихватит, нельзя мне его…

— Не надо анальгина. Садись, пожалуйста, на стульчик, — нетерпеливо попросила я её.

— Ну что… ну, села, — проворчала она. — Ой, не могу! Всё так и темно перед глазами! И давит! — она закрыла лицо ладонями.

Мне не пришлось прилагать никаких больших усилий для вхождения в то состояние, которое я уже испытала сегодня днём. Оказалось достаточно всего лишь одной мысли, чтобы мои «волшебные линзы» включились самым чудесным образом. Эврика! Получилось! Я с восторженным интересом разглядывала светящиеся расширенные трубки сосудов и раздражённые нервные окончания внутри человеческой головы. Сама того не ведая, бабушка оказалась моим первым «подопытным кроликом» среди людей. Я поднесла левую руку к её темени, а вторую ко

лбу, и почувствовала в центре ладони ту же самую пульсацию и вихревой поток, почти что и с кошкой, только сейчас он был гораздо слабее.

— Прохладная у тебя рука, — заметила бабушка, чему я искренне подивилась, поскольку рука-то моя горела огнём!

Бабушка сидела, расслабившись, с закрытыми глазами; страдальческие черты быстро разгладились, сменились на более умиротворённые, ушли синяки под глазами, бледные, запавшие щёки порозовели. Я чувствовала свои руки, словно по ним бежал электрический ток.

— Не болит… — растерянно улыбнулась бабушка, открывая глаза. — Надо же! Не болит. Целый день болело, а тут взяло и прошло. Не понимаю… Как же так? Неужели это сделала ты? Да?

— Даже и не знаю… — пробормотала я. — Наверное. Хотя я сама не понимаю, что происходит…

Я действительно была потрясена тем фактом, что всё оказалось до смешного просто и легко, и, самое главное, настолько быстро и эффективно. Важная деталь эксперимента: нет никакой разницы — человек или животное, на которых может распространяться действие неожиданно свалившегося на меня «дара».

— О, господи! Не может быть… Неужели она была права? — воскликнула вдруг бабушка, обращаясь то ли к себе, то ли ко мне.

Я хотела спросить, кого она имела в виду, но в этот момент в дверь постучали. Оказалось, пришёл сосед из дома напротив. Стеснительно комкая в руках кепку, он вошёл в прихожую.

— Вечер добрый этому дому.

— Здравствуй, Алексей, — поздоровалась бабушка. — Ну как там твоя Петровна поживает?

— Да всё так же, — недовольно скривился он. — То давление у ней ни с того ни с сего подскочит, то депрессия какая-то. Угораздило же связать жизнь с такой болявой бабёнкой!

— Да ладно тебе. Не злись. Что ж поделаешь-то? Человек больной, да и немолодые мы уже люди.

— А вот ты, Михайловна, смотрю, что-то помолодела, похорошела, разрумянилась, глазки вон блестят. Влюбилась, что ль? — со смешком заметил сосед.

— А почему бы и нет? — кокетливо спросила бабушка и засмеялась так, словно ей было лет тридцать, а не шестьдесят два. — Какие мои годы? Я, может, скоро ещё и молодым конкуренцию составлю, — гордо заявила она.

Я в изумлении уставилась на неё. Что это с ней такое внезапно случилось? Ещё двадцать минут назад она буквально

умирала, а тут что-то уж совсем разошлась…

Алексей смущённо откашлялся.

— Я чего к вам. Гости у нас сейчас намечаются, — пояснил он. — А Ритка уже магазин закрыла. Вот зашёл разжиться кой-какими продуктами до завтра, ежели не откажете.

— Маечка, будь добра, ублажи просьбу соседа, — попросила меня бабушка. — А я, пожалуй, пойду, гляну, что там в телевизоре наше правительство умного вещает.

И она, пребывавшая в каком-то непонятном приподнятом настроении, словно гордая птица-пава, поплыла в свою комнату, что-то мурлыча себе под нос.

— Ну… пойдёмте, — позвала я Алексея на кухню.

Доставая из холодильника всякую снедь, я почувствовала на своей спине заинтересованный взгляд соседа и, повернувшись, вопросительно посмотрела на него.

— А ты красивая чертовка, — сказал он, добродушно скалясь. — У нас баб-то таких в городе нет, как ты. Стать — прямо как у королевы. Странно, что ты так ни с кем и не мутишь. Может, боятся парни-то подойти? Ну оно и понятно. Им бы что попроще, да подоступней. Эх! Был бы я сейчас лет на двадцать помоложе да неженатый, я бы за тобой приударил. А так… я б тебе сынка своего старшего посватал. Он у меня красавец — высокий, косая сажень в плечах. В Смоленске работает кладовщиком на фирме. Неплохо зарабатывает, кстати. Ну это так, к слову… Ему бы такую жинку, как ты. Детки бы пошли красивые и здоровые. Да вот моя дура упёрлась — и ни в какую! Вбила себе в голову, что ты чуть ли не ведьма, и дружишь с нечистой силой.

— Забавно. И чего только люди себе не напридумывают… — произнесла я, не без интереса выслушав это неожиданное признание. — Но в любом случае, спасибо. И за комплимент, и за предложение…

— Вот и я тоже говорю — сплетни… А вообще, моё мнение таково: все вы, бабы, одной ведьминой породы.

— Хорошего же вы мнения о женщинах, — усмехнулась я, но намёк о том, что обо мне за спиной ведутся досужие разговоры, неприятно кольнул меня.

— Да не бери в голову! — словно спохватившись, пошёл на попятную Алексей. — Ерунду говорю. Куда ж нам без вас, чертовок-то? С вами хоть и тесно, да врозь скучно. Так и живём.

— Ну вот и ладненько… — сдержанно улыбнулась я, передавая ему пакет с продуктами.

Голова-то у бабушки прошла, да вот только моя к ночи

разболелась самым страшным образом. Сколько я не прикладывала свои руки к голове, это ничего не меняло. Я не видела источник своей боли и не чувствовала его руками, а значит, ничем не могла себе помочь. Боль становилась только сильнее, нестерпимее, местами едва ли не до тошноты. Я всю ночь металась, сбив постель, и промучилась без сна до утра. Зато я поняла, что могу творить что-то хорошее, помимо «напускания порчи» на людей, пусть даже мне и придётся расплачиваться за такое вмешательство собственной болью и недомоганием. Эта мысль согревала меня и с лихвой компенсировала все мои страдания. Да и в дальнейшем, понимание того, что в моих силах сделать кого-то хоть немного счастливее, изменить его жизнь к лучшему, избавив от долго мучившей болезни одним лишь своим прикосновением, всегда вызывало у меня прилив радости и буквально вытягивало из чёрного водоворота безнадёжного отчаяния, подобно спасательному кругу, брошенному утопающему. Это поистине неповторимое чувство, которое никогда и ни с чем не сравнится.

Я не верила ни в какую мистику, тем более в существование ведьм и колдунов. В детстве я, как и многие дети, обожала читать сказки и часто мечтала о несбыточном, но никогда по-настоящему не верила в то, что чудеса могут проявляться в нашем мире. Впрочем, и сейчас мне довольно трудно поверить в то, что человек может нечто гораздо большее, чем ему позволено природой; и даже то, что во мне чудесным образом проснулись невероятные сверхъестественные способности к видению чего-то потайного, намеренно скрытого от человеческих глаз, более того, реальная возможность радикально воздействовать на него, — даже это не могло до конца сломать моё стойкое убеждение, что всё происходящее со мной абсолютно невозможно. Такое внутреннее противоречие беспокоило меня и немного пугало. Ведь я представления не имею о том, что бы это могло быть на самом деле. И я не знаю, что хуже: прослыть сумасшедшей или ведьмой. Благоразумнее всего будет до поры до времени умолчать о том, что я стала обладательницей такого необычайного дара. О чём наутро я убедительно попросила и бабушку.

— Бабушка, я тебя очень прошу, ты пока особо не распространяйся насчёт того, что вчера произошло. Ладно? Мне ещё надо во многом разобраться. Я не хочу проблем, а они могут возникнуть буквально на пустом месте. До тех пор, пока я не буду на сто процентов уверена, что нам ничего не угрожает, лучше сохранять тайну.

— Хорошо, деточка, как скажешь. Но ты не могла бы… мне

ещё и бедро подлечить? А так — я могила. Даю Слово Бабушки!

(Три года назад бабушка неудачно упала на улице и повредила шейку бедра; с тех пор она вынуждена передвигаться с помощью костыля, и, периодически, плохо сросшийся перелом напоминает о себе сложной ноющей болью, знакомой многим пожилым людям, перенёсшим подобные травмы).

— Конечно! — обрадовалась я новой возможности поэкспериментировать со своим «чудо-даром». — Давай попробуем, но не сейчас, поскольку мне надо идти на работу; а вечером, как только я приду домой, сразу же займёмся твоей ногой. Может даже, если повезёт, ты сегодня последний раз пойдёшь на костылях.

Вечером бабушкина нога была мгновенно исцелена аналогичным образом, но я опять-таки ночью чувствовала сильное недомогание и ломоту во всех суставах, которые под утро прошли сами собой. Вот такой побочный эффект… Бабушке о своих проблемах я предпочла ничего не говорить. Её сияющие от счастья глаза и цветущий вид были для меня достаточной наградой за все мои физические муки, которые, к тому же, продолжались не так уж и долго. Ничего страшного, это всего лишь только одна ночь. В конце концов, можно немного и потерпеть…

Последующие несколько недель я только и делала, что входила в мир невидимого и жадно изучала его. Для осуществления сего от меня не требовалось приложения каких-то особенных сверхусилий. Если в случае с «пакостями» обязательным условием, предваряющим их, являлось моё сильное раздражение, для которого всё же ещё должна была найтись достаточно веская причина, то здесь мне стоило лишь немного сосредоточиться, сделать мысленный посыл и всё. «Включалось» само собой безотказно. Ничего сложного. Я думала о том, какая же я идиотка, что не пользовалась раньше этой возможностью, ведь это так просто. Конечно, все свои эксперименты я проводила втайне от людей. Интуиция подсказывала мне, что они не должны видеть моих перевоплощений, потому что, как выяснилось впоследствии, у меня в такие моменты делались какие-то «страшные глаза». Мне несколько раз удалось поймать на пару секунд отражение своих глаз в зеркале во время их «работы». Если хорошо приглядеться, то можно было увидеть, как вокруг зрачка появляется оранжевый полукруг: он мог быть ярче или бледнее — в зависимости от увеличительной степени моих скрытых «волшебных линз», которые, к слову сказать, я могла фиксировать «сильнее — слабее», «дальше — ближе» по своему

усмотрению. Смотря что, хотела увидеть. Это было где-то внутри моих глаз, словно там, в глубине их, раскалялись маленькие подковы. Увидев в первый раз этот «ужас», я от неожиданности едва не выронила зеркало из рук. С тех пор я всегда носила с собой тёмные очки и не выходила без них из дома даже в пасмурную погоду, когда не было солнца.

Досадный факт — я не могла вылечить саму себя. Даже незначительную царапину. Сколько я ни пыталась, у меня ничего не получалось. Это было почти то же самое, что и отражение от меня самой. А разве можно воздействовать на собственное отражение? Эффект как от термоса.

Зато мне удавалось незаметно «лечить» животных в клинике, когда Ипатова не было поблизости. Я выходила в коридор к ничего не подозревавшим посетителям и делала вид, что просто глажу их питомцев; на самом же деле — невидимые потоки энергии из моих ладоней устремлялись в их тела. И часто люди, сами того не зная, заходили в кабинет с уже здоровыми животными, а Константин лишь недоумённо пожимал плечами.

— Вы знаете, что-то я не вижу, чтобы ваш пёсик был очень болен, — напротив, он скорее здоров как бык, — удивлялся ветврач. И пёсик лаем «подтверждал» истинность его слов.

Я лишь молча сдерживала улыбку. Подобные моменты настолько сильно развлекали меня и доставляли такие приятные эмоции, что если бы кто-то вдруг решил отнять у меня эту фантастическую возможность соприкосновения с настоящим чудом, то я, наверное, в тот же день и час повесилась бы от горя. Это чувство было сродни наркотику, заменившему эндорфины глубоко депрессивному человеку.

От моих кратковременных прикосновений затягивались раны, рассасывались опухоли, регенерировались ожоги, уходили шрамы и дефекты кожи, срастались переломы различной сложности, растворялись камни в желчном пузыре, печени и почках, изгонялись паразиты; даже такие опасные болезни, как энтерит и вирусный гепатит, исчезали бесследно, словно их и не было. И так далее. Я фиксировала каждую свою победу, отмечая соответствующими записями в блокноте, например: «удалена катаракта у Рекса, ротвейлер, возраст 12 лет», «снята дисплазия тазобедренного сустава у щенка овчарки, 6 мес.», «кот Барсик. 7 лет. Избавлен от диабета и почечной недостаточности, инсулин не требуется», и тому подобное. Естественно, этот блокнот я прятала подальше от посторонних глаз, чтобы, не дай бог, его не прочитал кто-нибудь любопытный. Но не всегда мне удавалось тайком вылечить животное. Например, когда вне очереди приносили сильно израненного пса, которому срочно требовалось

хирургическое вмешательство, я никак не могла воспользоваться своими способностями. Если бы я на глазах у всех начала заживлять глубокую полостную рану, то мой секрет был бы моментально раскрыт. Но многим всё же я успевала помочь до того, как они попадали в руки этого горе-врачевателя Константина Ипатова, откровенно ненавидящего свою работу и делающего её абы как.

— Вот люди! А? — возмущался Ипатов. — Мнительные какие-то пошли. Носятся со своими «бобиками» и «мурками» почище, чем с детьми. О людях так не заботятся. Таскают сюда абсолютно здоровых зверей. Делать им больше нечего.

Его постоянное ворчание порядком действовало мне на нервы, и порой я едва сдерживалась, чтобы не «сотворить ему какую-нибудь гадость».

— Вы, наверное, не очень любите животных? — однажды поинтересовалась у него я, не выдержав его очередного всплеска негатива.

— При чём тут это. Люблю — не люблю. Мне за свою зарплату в пять тыщ — тут вообще надо на всё забить. Вот бы в Москву перебраться — так там бабло рекой льётся. У меня друг институтский в столице неплохо устроился, за два года работы в частной клинике — «Мицубиси Паджеро» себе купил, прикинь? А здесь, в этом захудалом городишке я даже за всю свою жизнь на ржавое корыто с гвоздями не наскребу.

— Деньги — не самое главное в нашей жизни… — попробовала урезонить его я.

— Ты-то что понимаешь в жизни? — с презрением бросил он. — Тоже мне ещё салага, рассуждать вздумала. Вот ты, вообще, со своими копейками, на что существуешь? А? Какое у тебя будущее? Ну что молчишь? Ответ — никакого. Так и будешь до конца своих дней пробирки мыть да кровь подтирать, и философствовать впустую. Замуж бы, что ли, выскочила, пока молодая и красивая.

— Вообще-то это моё личное дело, — отрезала я. — Что, как и когда мне делать — я разберусь и без вашего участия, если что…

— Да мне-то всё равно. Жизнь твоя — и делай с ней, что хочешь.

Ему было лет двадцать семь, а рассуждал он как глубокий старик, у которого жизнь не удалась, а начинать новую уже слишком поздно.

Включая своё новое «второе зрение», я получила удивительную возможность увидеть много чего интересного.

Например, какого цвета аура у растений. Это был потрясающий спектр оттенков. Выяснилось также, что вода имеет несколько энергетических слоёв, способных реагировать на звуки, человеческую речь и даже на изменения интонаций голоса, словно впитывая их в себя и преображаясь в причудливые кристаллы самых разнообразных форм и цветов. Мне открылся целый мир неведомого, который оказался намного более сложен и многогранен, чем мы привыкли считать, — и это было настолько увлекательно, что от моих мрачных мыслей не осталось и следа. Потребность раздражаться снизилась до отметки нулевой, и, что немаловажно, у меня появилась некая цель в жизни. Мне необходимо изучить свой «дар» как можно глубже и развить его настолько, насколько это будет возможным. Это то, что спасёт меня от яда, долгое время снедавшего мою душу.

* * *

В воскресенье я ездила в Ярцево навестить троюродную сестру бабушки. В ожидании рейсового автобуса я села на скамейку в тени большого тополя и стала разглядывать людей, скучающих на автостанции. Вскоре по расписанию прибыл автобус из Смоленска, который через полчаса должен был отправиться обратно. Чтобы не сидеть в душном салоне, я решила подождать на улице до отправления автобуса. Сошли немногочисленные пассажиры. Моё внимание привлекла молодая особа, которая покидала автобус последней. Едва ступив на землю, она остановилась, вздохнула полной грудью и, улыбаясь с закрытыми глазами, подняла к солнцу лицо и руки. Одеяние её я нашла несколько чудаковатым: голубой воздушный балахон до пят с длинными, расклешёнными к низу рукавами, и такого же цвета косынка, обручем перехватывавшая её пепельные волосы. Большие солнцезащитные очки на маленьком бледном лице делали её немного похожей на лягушонка из какого-то детского мультика. На ногах у неё были лёгкие «греческие» сандалии голубого цвета, а запястья обеих рук увешаны множеством массивных пластмассовых браслетов. Вещей при себе у неё не было, за исключением миниатюрного голубого рюкзачка на плече. Насладившись солнышком, она оглянулась по сторонам, словно выискивая кого-то, кто её должен был встречать. Но едва её взгляд остановился на мне, она снова расплылась в счастливой улыбке и грациозной, танцующей походкой направилась прямиком в мою сторону, приветливо помахивая рукой над

головой. Может, обозналась? Продолжая улыбаться во весь рот подкупающей улыбкой, незнакомка приблизилась ко мне и заявила, что знает моё будущее, и предложила погадать по руке. Понятно — шарлатанка. Чтобы как-то от неё отвязаться, я ответила, что: во-первых, я не верю ни в какие в гадания, а во-вторых, у меня нет денег, чтобы с ней расплатиться, — на что она заливисто рассмеялась и сказала, чтобы я не волновалась по такому смешному поводу, поскольку с её стороны денежный интерес отсутствует напрочь, и ею движет лишь одно желание — помочь, подсказать и дать добрый совет. Немного поколебавшись, я протянула ей ладонь.

— Очень скоро ты уедешь из этого скучного городишки и будешь жить в столице, большой успех ожидает тебя… — начала предсказывать она, внимательно разглядывая линии на моей руке. — Это произойдёт скорее неожиданно, чем запланированно. Отъезд будет спонтанным, даже вынужденным, но я отчётливо вижу, что это будет совсем скоро — вот-вот уже. Максимум через месяц — два тебя ждёт серьёзная перемена места жительства.

Она взяла мою левую руку и после тщательного её изучения продолжила:

— Тебе, правда, придётся многое пережить и, возможно, даже пострадать, зато в награду ты встретишь любовь всей своей жизни, о которой можно только мечтать. Но прежде ты увидишь его, своего суженого, во сне, поэтому не ошибёшься, когда ваша встреча состоится. Ты ведь часто видишь сны? — она отпустила мои руки и посмотрела на меня смеющимися глазами. — И… как тебе мой прогноз?

— Ну… — улыбнулась я. — Честно признаться: всё, что вы сказали, хоть и звучит довольно красиво и заманчиво, но слишком уж маловероятен такой расклад событий для меня. И потом, как такое может быть написано на руке? Особенно то, что мне в будущем приснится сон про суженого, или, например, что я уеду через какой-то определённый промежуток времени.

— Это совершенно не важно, что ты сейчас не веришь. Главное, у тебя будет возможность проверить и сравнить всё сказанное мной с действительными событиями своей жизни. Поверь, я в этом очень хорошо разбираюсь, поэтому скепсис людей нисколько меня не обижает, напротив — где-то даже забавляет. Кстати, я сама из Москвы, и здесь по делам проездом, поэтому если у тебя вдруг возникнут какие-либо сложности, когда ты окажешься в Вави… то есть в Москве, я хотела сказать, — всегда буду рада помочь, только позвони мне по телефону. Меня зовут Кира, я работаю в известном салоне магии. Сейчас напишу тебе номер, — сказала она скороговоркой, быстро

доставая из сумочки ручку и блокнот, не спуская с меня дружелюбного взгляда.

Она писала, слегка наклонив голову, и я заметила сквозь толстый слой тонального крема на лице Киры безобразный белесый шрам — словно от удара хлыстом, — наискось пересекающий её лоб.

Эта странная женщина вызвала у меня двоякое чувство. Скорее всего, она была просто чудачкой. А может, и правда настоящей предсказательницей. Мне трудно делать какие-либо категоричные выводы относительно неё, особенно учитывая моё собственное аномальное состояние и все те чудеса, которые произошли со мной за последнее короткое время. Девушка протянула мне бумажку со своим телефоном, и я машинально сунула её в карман, думая потом выбросить. Пожелав мне удачи на прощание, она ушла в здание автовокзала, и больше я её не видела.

Когда я садилась в автобус, какая-то монахиня, подошедшая сзади, сильно толкнула меня, буквально отпихнув от двери, и стала садиться первой. Неожиданно она обернулась со ступенек и, улыбнувшись мне, извинилась. Я увидела её глаза — зелёные, дерзкие, нахальные, обведённые жирным чёрным карандашом, а из-под скромного церковного платка выбивалась прядь ярко-синих волос. Надо же, какие нынче экстравагантные монахини пошли, подумала я с удивлением.

— Ой, извините, девушка, я такая неловкая… — её речь и тон показались мне чересчур манерными и неестественными, а улыбка — похожей на волчий оскал.

Вернувшись домой, я обнаружила возле ворот большую, красивую машину, а на ступеньках нашего дома — сидящую женщину лет сорока. В руках она держала свёрнутый плащ. Женщина была хорошо одета и ухожена. Сразу видно, что не местная. Увидев меня, она встала.

— Здравствуйте. Я ищу Майю Матвееву. Это, случайно, не вы?

— Добрый вечер. Не знаю, насколько это случайно, но это действительно я.

Незнакомка с оценивающим интересом оглядела меня с ног до головы. От неё исходил аромат дорогих духов.

— Ну, в общем, я вас примерно так себе и представляла, правда не ожидала, что вы окажетесь такой молоденькой. У меня к вам есть очень важное дело, касающееся моего здоровья.

Я посмотрела на неё и внезапно догадалась о цели её прихода, словно он был ожидаемым, но я не предполагала, что

это случится так скоро, и ещё не чувствовала себя полностью готовой к тому, чтобы раскрыться. Интуиция меня не подвела. Женщина пришла просить о помощи.

— Проходите, — нерешительно пригласила я её в дом, открывая дверь и вглядываясь в темноту коридора. — Бабушки нет, наверное…

И действительно, бабушка отсутствовала. В последнее время, избавившись от костыля, она взяла моду прогуливаться по вечерам.

— Ваш пёс… — гостья опасливо покосилась на Джека.

— Нет, не бойтесь, он вас не тронет…

— Я больна уже много лет, — хриплым от волнения голосом начала говорить женщина, но я, надев тёмные очки, уже «сканировала» её внутренности и не могла оторвать взгляда от одного места в области малого таза, в котором пульсировала, словно огромная светящаяся бабочка, попавшая в паутину, лишняя ткань, разросшаяся до неприличных размеров.

— Да, у вас и в самом деле что-то есть. Кое-какой излишек.

— Излишек? — удивилась она.

— Я не так выразилась… Чисто визуально — возможно, это опухоль, но… не злая.

— Не злая опухоль? Что вы хотите этим сказать? — воскликнула она. — Не злая опухоль… Как-то странно звучит.

— В том смысле, что она неопасная. Есть опухоли-пожиратели, состоящие из аномальных, чуждых организму клеток. А та, которая у вас, — нет. Я не знаю, как подобрать нужное определение, чтобы вам было понятно. Просто она не того оттенка, который присущ этим новообразованиям, и выглядит вполне безобидной. Я считаю… точнее, это пока моё предположение, что такие опухоли, как эта, не приводят к смерти физического тела.

Женщина порылась в сумочке, нашла в ней листок бумаги и протянула его мне.

— Вот мой диагноз.

Латинскими буквами было написано: «endometriosis, adhesion, tubal occlusion…»

Мне это ни о чём не говорит.

Она с надеждой смотрела на меня. Я вернула ей листок.

— Что за болезнь?

— Вы можете избавить меня от этого? — нетерпеливо спросила она вместо ответа.

Я пожала плечами и отрицательно покачала головой.

У неё затряслись губы, и мне показалось, что она собирается заплакать.

— Вы вылечили безнадёжно больного, умирающего кота, — заговорила она. — Наверняка можете лечить и людей. Послушайте! Неужели вы не осознаёте, каким даром обладаете? Бог мой! Но я-то ведь знаю, я чувствую, что это именно Вы сможете сделать то, перед чем официальная медицина бессильна. Врачи не дают мне утешительных прогнозов, предлагая страшную, кровавую операцию, которая навсегда лишит меня возможности иметь детей, а я очень хочу ребёнка! Мне уже тридцать девять, но я всё ещё не теряю надежды стать матерью. Ну пожалуйста! Помогите же мне, ради бога! Моё счастье, моя судьба — они в ваших руках! — последние слова она почти выкрикнула, вложив в них всё свое отчаяние и боль.

Я всё ещё колебалась. Её странная вера в меня обезоруживала и лишала способности сопротивляться.

— Хорошо. Я попробую, но если вдруг у меня не получится, то вы уж не обижайтесь. В конце концов, вы сами пришли, а я этим не занимаюсь… Хотя, если честно, мне и самой интересно, что из этого выйдет. Знаете… вы первая, кто попросил меня о таком, не считая моей бабушки, но если всё же…

— Я вам верю, — не дала договорить мне она. Глаза её лихорадочно блестели. Видимо, эта несчастная женщина была решительно настроена идти до конца и отвергала даже самою мысль о том, что её попытка решить свою проблему таким ненадёжным способом может закончиться очередной неудачей.

— И знаете, почему я вам верю? — продолжила она. — Потому что вы честны со мной. Я слишком хорошо разбираюсь в людях, чтобы понять, что вы не шарлатанка, а самая, что ни на есть, настоящая. Я вижу вас, разговариваю с вами, и моё сердце подсказывает мне, что я не ошибаюсь.

— В таком случае… Наверное, вам лучше прилечь, — я ужасно волновалась, но мне уже не терпелось испытать свои чудодейственные способности с новым человеком.

Её не надо было долго уговаривать. Она скинула туфли и устроилась на диване, положив голову на валик.

Простерев над ней руку, я почти сразу ощутила уже знакомые вихри и вибрацию, покалывание в кончиках пальцев; горячий поток устремился из центра моих ладоней прямо в организм человека, лежащего передо мной и так слепо доверившего мне своё тело. Поток был слишком стремительным, я даже немного испугалась, что не смогу контролировать его до конца.

Женщина лежала с закрытыми глазами совершенно неподвижно и молчала.

— Вы что-нибудь чувствуете? — осторожно спросила я, боясь: вдруг ей больно, а она терпит.

— Да… — пробормотала она с блаженной улыбкой.

— Не могли бы вы это описать? Ваши ощущения. Если можно…

— Мне очень хорошо. Тепло… — она была в каком-то трансе и не открывала глаза. — Я вижу поляну. Нет, скорее это всё-таки роща. Зелень кругом. Водопад, птицы поют. Мне хорошо. Мне очень хорошо….

Поток стал ослабевать, и я почувствовала в руке охлаждение. Наконец всё было закончено.

— Ну вот… Кажется, и всё… — нерешительно произнесла я.

— Так быстро? — удивилась женщина.

— Да… Вроде больше ничего и не надо.

— Будет у меня ребёнок? — был её следующий вопрос.

Я посмотрела ещё раз на её живот и не обнаружила никаких следов опухоли.

— По всей вероятности, ваши детородные органы в порядке. Я не вижу патологий.

— Это точно?

Я замялась.

— Думаю, вам следует как можно скорее обратиться к врачу и пройти повторное обследование; и если для вас это не составит труда, сообщите мне о результатах, хотя бы по почте.

Моя посетительница продолжала пребывать в какой-то странной эйфории. Её щёки порумянели, и от этого она заметно похорошела. Удивительно, но неожиданно я почувствовала к этой женщине очень сильную симпатию, которую мне трудно описать словами. Она расстегнула свою сумочку, и достав из неё толстую пачку купюр, протянула мне. Глаза у меня на лоб полезли. Наверное, я столько и за три года не заработаю…

— Возьмите деньги, вы их честно заработали, — сказала она, увидев моё замешательство. — И поверьте, это совсем немного за то, что вы только что сделали.

Я поборолась с искушением взять их, но в конце концов решительно покачала головой.

— Нет, не стоит… Во-первых, результат нам пока неизвестен, и потом, я не продаю такого рода услуги. Думаю, это не совсем то, за что следует брать деньги.

— Вы ужасно странная. С таким даром, как у вас, вы могли бы быть очень богатой и жить, — она окинула непонимающим взглядом стены моего скромного жилища, — явно не в таких условиях.

— А как вы узнали обо мне? — задала я вопрос, который не мог у меня не возникнуть.

— Я узнала о вас от подруги, она порекомендовала мне.

— А вашей подруге кто сказал?

— Её подруга.

— Понятно… — пробормотала я.

Понятно, что ничего непонятно… Хотя, что тут думать: по всей вероятности, всё началось с тех стариков с их котом, посетительница же упоминала об этой истории в самом начале.

— Я вас тоже порекомендую, если хотите, — предложила дама.

— Я ещё не знаю пока… — растерянно пробормотала я.

Когда женщина уехала, я вышла на крыльцо — подышать вечерним майским воздухом и послушать нежные трели соловьёв. Не знаю, как давно это случилось, но я только сейчас обнаружила в себе новую аномальную особенность. Она снова касалась моих глаз. Ярко-красное солнце, готовящееся уйти на закат… Я спокойно смотрела на него, не щурясь, и мне совершенно не было больно.

Ночью меня сильно рвало, температура подскочила почти до сорока. Бабушка не на шутку испугалась и хотела вызвать скорую, но я наотрез отказалась.

«Я могу с этим справиться!» — упрямо твердила я себе. Это не то, что сможет меня остановить. От животных у меня не было никакой «отдачи» (а это была именно она, как я узнала впоследствии). Почему же с людьми всё так сложно? Что заставляет мой организм так страдать? Неужели правда, что каждый человек должен сам нести свой крест и свою болезнь, данную ему в качестве расплаты за некие грехи, а чужое вмешательство недопустимо и наказуемо?

Забыться удалось лишь под утро, и мне приснился сон, будто я брожу по тёмному запутанному туннелю. Я довольно долго в нём блуждала, пока не наткнулась на странное нечеловеческое существо не очень приятное на вид. Оно улыбнулось мне и протянуло какой-то мягкий катушек, словно из глины.

— Возьми его, — предложило существо. — Съешь.

— Не надо, — брезгливо отказалась я. Мне не понравилось существо.

— Отдача будет следовать всякий раз. Вот тебе совет на будущее: после того, как примешь на себя, омойся полностью колодезной водой или водой из любого природного источника, но воду ту не выливай. Отнеси на перекрёсток дорог, там вылей. Глину можешь достать и сама. Возле реки есть утёс, под ним ущелье, внутри него пещера — там найдёшь много.

Хоть существо было отвратительным и не внушало доверия, я всё же воспользовалась его советом, и он, как ни странно, помог

мне. Не знаю, было ли это существо частью моего подсознания, но оно не обмануло меня.

Я хорошо знала этот утёс, о котором шла речь во сне, но я даже и не догадывалась о существовании расщелины под ним, скрытой за густой растительностью. На следующий день, взяв моток достаточно прочной на первый взгляд верёвки, я отправилась к реке. Закрепив конец верёвки на тщедушном стволе одинокой берёзки, рискуя сорваться с десятиметровой высоты, я спустилась метра на три вниз и сразу увидела вход в этот грот. Внутри него оказались огромные залежи голубой и серой глины. Отковырнув маленький кусочек, я проглотила его и искренне пожалела о том, что не захватила с собой воды. Я набрала побольше глины обоего цвета в мешочек и впоследствии, после каждого своего «сеанса» исцеления больных всегда проглатывала небольшой катушек. Поначалу это было довольно противно, но со временем я привыкла. Зато с тех пор я забыла, что такое отдача. Отдачи не было! И мне даже не надо было лить воду на перекрёстке.

* * *

Спустя неделю после приезда той женщины ко мне потянулись и другие. Понятия не имею, из каких источников они узнавали о моём существовании, но люди приезжали из самых разных уголков России и ближнего зарубежья. Из Смоленска, из Владимира, Вологды, Питера, Казани, Москвы, даже из Украины и Беларуси. Однажды меня посетила старая полячка из Кракова для решения многолетней проблемы бронхиальной астмы. Вот она — сила людской молвы. Знает два — знает двадцать два! Денег от них я никогда не принимала, но, правда, взамен просила людей присылать мне отчёты врачей после их повторного посещения. Для меня это было очень важно. Наверное, в душе я всё-таки немного тщеславна, поскольку, получив очередное подтверждение положительного результата после моего «врачебного» вмешательства, я радовалась как ребёнок.

Потекли дни напряжённой, но интересной работы. Моё время было расписано буквально по секундам. Порой я ложилась спать глубоко за полночь, забывая про ужин. Мне даже некогда было сбегать в мой любимый лес или к роднику, чтобы зарядиться их энергией. Всё свободное время я посвящала изучению человеческих болезней, количество которых чудовищно умножилось со времён открытия ящика Пандоры. Часто я подолгу засиживалась ночами, читая медицинские справочники, какие

мне только посчастливилось откопать в скудной Велижской библиотеке, сопоставляя полученные знания и увиденное мною в процессе работы с посетителями. В неделю ко мне приезжало от пяти до пятнадцати человек, и я не отказывала никому, за малым исключением. Многие из этих людей, проехав огромное расстояние, терпеливо ожидали на улице по нескольку часов, пока я не приходила с работы домой, или, выйдя поутру, я находила на своём крыльце очередного страдальца. Выходные дни превратились для меня в бесконечный приём больных на дому. Наверное, это доставляло определённые неудобства бабушке, но удивительный факт — она сама, без долгих объяснений с моей стороны, приняла все неожиданные перемены в нашей размеренной и скучной жизни, будто бы так и должно было быть. Ни разу я не услышала от неё ни одного упрека или слов возмущения. Она не задавала лишних вопросов, не вмешивалась в происходящее и не пыталась как-то помешать мне осуществлять то, что я стала считать своим главным предназначением в жизни. Единственным предметом для разногласий с ней было моё нежелание брать вознаграждения за приём больных; бабушка же, наоборот, не считала это чем-то постыдным и зазорным, пытаясь внушить мне мысль, что я должна пользоваться данной возможностью как можно шире.

Чем больше посетителей ко мне приезжало, тем больше я делала новых открытий для себя. Иногда случалось так, что я не обнаруживала заболеваний тела, подтверждённых официальным медицинским диагнозом. Позже я узнала, что есть также болезни более тонких структур организма, впоследствии переходящие в физические, и их лечение принципиально ничем не различается. Но существовали ещё недуги гораздо более страшные и опасные, чем душевные и телесные, происхождение и природу которых мне до сих пор разгадать пока не удалось.

Я никогда не спрашивала диагнозов людей. Мне это было не нужно. Я видела болезнь как источник яркого свечения. К тому же, мои руки моментально реагировали на «вихри» воспалённого органа. От моих ладоней в подлинном смысле слова исходил жар, как от плавильной печи. Но бывало и такое, что я не могла «поймать» волны, характерные для всех болезней. Я видела источник, но тепла его не ощущала. Это «нечто» было белого, серого или чёрного цвета и всегда излучало ледяной холод. Впоследствии я узнала, что это глубинные процессы в различных стадиях — суть тяжёлых душевных разрушений, исцелить которые, увы, мне было не под силу. Когда я «не цепляла» болезнь, что, к счастью, случалось довольно редко, то честно советовала людям обратиться к традиционной медицине или

поискать себе другого целителя, хотя и понимала, что человек уже обречён, разве что не случится чудо, и в судьбу несчастного не вмешаются высшие силы. Я не то чтобы не хотела давать людям шанс на исцеление, но, понимая всю бессмысленность и бесполезность своих действий, предпочитала с самого начала сказать правду и не доводить и без того нелёгкую ситуацию до абсурда. Естественно, объяснять свои отказы таким людям было довольно проблематично. Большинство из них наотрез отказывались покидать мой дом и настаивали на повторном лечении. Тогда я, скорее из жалости, пробовала ещё раз, но поскольку чуда не случалось и «процесс не происходил», мне не оставалось ничего другого, как пообещать им «небольшой положительный эффект», чтобы не отнимать у умирающего последнюю надежду.

Некоторые целители и люди, причисляющие себя к ним, берутся лечить такие опасные заболевания, как злокачественные новообразования. Вероятно, принятие подобного решения определяет степень их честности. Я ещё могу объяснить их поступок самоуверенностью или незнанием некоторых пугающих особенностей данных болезней, поскольку они не имеют ничего общего с тем, что мы называем жизнью в любых её формах. По моим ощущениям, эти аномальные болезни являются порождением самого человека, уничтожающего себя изнутри и даже не подозревающего об этом. Разве можно заставить кого-то жить, если он сам этого не желает? Человек убеждён в том, что он хочет жить, но его подсознание почему-то говорит обратное. Возможно, одной из главных причин неправильной работы части мозга, отвечающей за подсознание, является наличие в теле эфирных паразитов (о них я ещё упомяну чуть позже), которые питаются жизненной силой, истощая энергетический потенциал человека, в результате чего срабатывает некая внутренняя система защиты, приводящая к самоликвидации заражённого тела. Это то, что мне ещё предстоит изучить. Поначалу я тоже самонадеянно полагала, что мои возможности безграничны и я могу избавить любого человека от любого недуга, даже самого смертельного и неизлечимого. Но после нескольких попыток одолеть «злую опухоль» у людей и животных я поняла, что абсолютно невозможно с помощью живой энергии победить то, что уже является частью смерти. Я ужасно боюсь только одного этого слова «рак». Эта странная и страшная болезнь не содержит никакой энергетической структуры и не вступает в контакт с моей энергией. Хотя у меня было несколько счастливых случаев, когда люди приезжали с диагнозом «неоперабельная карцинома с метастазами в четвёртой степени», а на деле у них оказывалась

всего лишь запущенная доброкачественная опухоль, давшая осложнения на соседние органы. Понятно, что в этих случаях всё заканчивалось благополучно, и человек уезжал здоровым и «заново родившимся». Может быть, дело здесь даже не в неправильно поставленном диагнозе, а в том, что те люди каким-то чудесным образом смогли повернуть что-то в себе, что позволило им выжить. У меня есть предположение, что, если остановить в подсознании человека механизм разрушения и настроить его на волну жизни, можно добиться полного самоисцеления организма, но пока мне эти знания недоступны, и как воздействовать на подсознание — я не знаю.

Многим болезням я сама придумывала названия по своим собственным ассоциациям, возникшим в ходе увиденного мной. Эти болезни в точности походили именно на то, как я их назвала. Например, паразитические болезни вовсе не обязательно вызывались какими-то физическими их формами: гельминтами, клещами или микроорганизмами. Есть ещё, оказывается, скрытые паразиты, невидимые в микроскоп, но тем не менее достаточно крупные, иногда порой достигающие размеров самого человека или даже значительно превосходящие его. И видеть их могла только я или кто-то ещё, обладающий аналогичным мне видением, если таковые существуют.

«Сухой червь» — поражает чрево человека, располагаясь в животе, пищеводе и глотке. Он вызывает «сухой огонь» — сильную тягу к спиртным напиткам, а попросту алкоголизм. При длительном отсутствии алкоголя в организме существо приобретает форму сухого сморщенного червяка и начинает «мучить» человека, чтобы тот напоил его зельем. В «сытом» состоянии червь становится похож на толстого, откормленного слизня и, улыбаясь (образно), мирно дремлет с закрытыми глазами, а его обладатель на время теряет человеческий облик. Кто знает, может быть, это и есть тот самый пресловутый «зелёный змий», образ которого был запечатлён в фольклоре с древних времён?

«Летучая мышь» — поселяется в горле человека, ротовой полости, на языке, носоглотке, носу и глазах. Со временем она значительно вырастает, занимая собой всё пространство головы и верхнего грудного отдела; вместе с её ростом возрастают также и её потребности. Это паразит курильщиков табака и других наркотических трав. Эфирное существо, по своим очертаниям сильно напоминающее перепончатокрылое животное, проникает вместе с дымом в дыхательные органы и, используя усыпляющий яд, присасывается там подобно вампиру. Таким образом, воздействуя на мозг человека, оно заставляет того чувствовать

ощущения схожие с его собственными.

«Паучье гнездо» — страшная болезнь опиумных наркоманов. «Паук» — самый опасный и жестокий паразит из всех остальных. Он обустраивается в мозге человека, окутывая его липким веществом, похожим на паутину, и пожирает изнутри, запуская в него многочисленные присоски, одновременно выделяя в кровь продукты своей жизнедеятельности. Через определённый промежуток времени паразит начинает усиленно воспроизводить множество маленьких голодных «паучат», циркулирующих по всей кровеносной системе, которые доставляют жертве невыносимые страдания, заставляя наркомана всё больше и больше увеличивать дозу. Подселяется он в тот момент, когда человек попробовал наркотик, сделав свой мозг уязвимым и доступным для проникновения коварного паука. Сложность его удаления состояла в том, что уничтожив «паучье гнездо», можно было не заметить и оставить в теле нескольких отпрысков паука, которые тут же формировали новое гнездо и быстро возвращали «хозяина» к его прежнему плачевному состоянию.

Часто «сухой червь», «летучая мышь» и «паучье гнездо» дополняли друг друга в различных комбинациях. Причина — полуразрушенные связи нервных клеток головного мозга и вследствие этого ослабленный жизненный потенциал. После смерти тела «хозяина» паразит не умирал вместе с ним, а переселялся в новую жертву. Если человеку удавалось долгое время не принимать одурманивающие вещества, то истощённый паразит покидал неудобное тело и подыскивал себе другое, более отвечающее его потребностям, но время от времени продолжал наведываться в старое по открытым каналам проникновения, которые, однажды открывшись, уже никогда не закрываются полностью.

Нередко, когда некоторые моральные установки защищают человека от вышеупомянутых пристрастий, паразиты приспосабливаются в «неудобном» теле, трансформируясь в нечто иное и приобретая менее агрессивные формы. В этих случаях потребности паразита частично удовлетворяются любым доступным, но уже более безвредным способом; человек склонный к обжорству и перееданию — яркий тому пример, либо это может быть склонность к другим видам зависимостей, в том числе психологических.

Есть ещё болезни душевные, связанные с аномальной мужской и женской половой активностью, доставляющие их обладателям некоторые проблемы. В таких людях хорошо прослеживается наличие «двойника», в точности повторяющего контуры основного тела. Это сладострастное, глумливое

существо, похожее на сатира, сознательно возбуждает в людях сильное сексуальное желание, затрагивая гормональную и психическую сферы. Не утруждая себя придумыванием сложных названий, я окрестила их как «демон женский» и «демон мужской»; иногда (возможно, ради развлечения) они менялись местами, заставляя человека чувствовать тягу, например, к представителям своего пола. Позже я прочла о суккубах и инкубах, упоминаемых в старинных церковных и оккультных текстах, считающихся вымышленными мифическими персонажами, существование которых отвергалось официальной наукой. Возможно, мне удалось увидеть некоторых из них воочию.

Несколько слов о депрессии. Депрессия — «сонная болезнь», связанная с наличием неизвестной бесформенной субстанции в нижней части головного мозга. Сравнивая увиденное мной с анатомическими данными, я пришла к выводу, что более всего страдает правая часть нижнего мозгового придатка под названием «нейрогипофиз». Именно в этом месте прослеживалось наибольшее скопление чужеродного вещества. По одной из моих версий, эта субстанция — не что иное, как окаменевшие выделения вышеуказанных паразитов, вызывающих сильное угнетение и торможение функций гипофиза из-за нарушений связи нейронов гипоталамуса. Избавление от остатков паразитических масс и их продуктов жизнедеятельности автоматически запускало остановившиеся вследствие постоянного отравления механизмы нормального функционирования мозга. Другая возможная причина — множество погибших паразитов, переданных ребёнку матерью в момент тяжёлых родов, не успевших из-за вынужденной блокировки системы защиты вовремя покинуть тело через канал очищения, находящийся в области родничка новорождённого до момента его зарастания. Возможно, обе эти теории имеют право на существование.

Все паразитические болезни успешно поддавались моему лечению и не возвращались вновь, если человек сознательно не позволял новым разрушителям заселить его эфирное тело. Открытые каналы проникновения сохранялись до самой смерти. При определённой фокусировке моих «линз» я их очень хорошо и отчётливо видела. Это довольно устрашающее зрелище. Некоторые из людей были буквально усеяны тёмными зияющими дырами. Со временем отверстия немного затягивались и становились всё менее удобными для проникновения паразитов. В самых тяжёлых случаях наблюдались более серьёзные повреждения, вплоть до разрывов тонкого тела, и… не знаю —

совпадение это или нет, но многие люди с онкологическими заболеваниями вообще не имели эфирных тел, вследствие их полного уничтожения. Может, это и была одна из причин, по которой у меня не получалось вступать в контакт с их болезнями. Я также ничего не знаю о людях, которые, избавившись от одного паразита, подверглись нападению более сильного и жестокого его собрата. Ведь, согласно библейским данным, после изгнания одного беса, на несчастного через какое-то время в отместку должна была быть совершена новая атака, но уже в гораздо большем их количестве. Как бы там ни было, я не знала универсального способа защиты от этих навязчивых обитателей тонкого мира, поскольку изменить человеческую натуру было не в моей компетенции. Проблема состояла в том, что мною эти твари не уничтожались полностью, а лишь извлекались из тел, и одному чёрту было известно, в кого они могли вселиться позже. Я пыталась убедить себя в том, что мне не грозит их вторжение, что я надёжно защищена своим гениальным даром, но иногда меня всё же посещали сомнения и страх, и я невольно задумывалась о том, что хотя бы не стоило жить там, где в большом количестве изгонялись эти потусторонние ненасытные существа человеческого порока. Вне тела человека я не могла их видеть. Впоследствии мне довелось ощутить прелести воздействия некоторых паразитов на себе, ведь и я тоже являюсь человеком со всеми его слабостями и недостатками.

Однажды ко мне приехал пожилой человек представительного вида в сопровождении своего сына. Он жаловался на сильную слабость, головокружение, плохой аппетит и подавленное настроение. Врачи, как это водится, списывали данные симптомы на почтенный возраст и не утруждались поиском иных причин, вызвавших ухудшение качества его жизни. Правда, поначалу он отнёсся к моим «методам лечения» довольно прохладно, если не сказать — враждебно.

— Не верю я во все эти знахарства и прочие штучки экстрасенсов, — скептически заявил он с недовольным выражением лица, едва переступив порог моего дома. — Да вот сын чуть ли не силой заставил поехать в вашу Тьмутаракань. Кто-то ему про вас рассказал, что вы якобы «чудеса творите». Но, знаете ли, я как-то не могу…

— Вы зря волнуетесь, — улыбнулась я. — Уверяю вас, это не совсем то, что вы себе представляете. И потом, я же не беру денег с тех, кто ко мне обращается. Почему бы вам не попробовать, раз уж вы всё равно ничего не теряете. Посудите сами. Какой мне резон тогда вообще этим заниматься?

Он на минуту задумался, переваривая сказанное мной. Наконец на его лице появилось одобрительное выражение.

— Ну что ж… Это несколько меняет дело, — сказал он, меняя тон на более дружелюбный.

— Вы были на фронте? — спросила я его после недолгого «обследования».

— Так точно. С сорок первого по сорок четвёртый служил в артиллерийских войсках.

— Ранение в грудь получали?

— В сорок втором меня ранило снарядом, но осколок давно вытащили и вроде как даже хотели комиссовать, но потом постановили, что рана моя не очень серьёзна, и я ещё могу послужить отечеству.

— Значит, плохо вытащили, не полностью. Я вот, например, вижу осколок. Возможно, это крохотный кусочек свинца или другого токсичного металла. Это то, что не принадлежит вашему телу. Он не опасен с точки зрения возможности повредить внутренним органам, но он отравляет вас.

— Вот оно как? И что же теперь делать? Рентген ничего не показывает… И потом, я вряд ли перенесу новую операцию.

— Всё в порядке. Можно обойтись и без операций. Я могу… растворить его. Но вам бы не мешало принять противоядие на всякий случай.

Внезапно он решительно встал, куда-то собираясь.

— Куда же вы?

— Как куда? За противоядием, конечно. Вернусь через полчаса.

— Хорошо. Как вам будет угодно, — пожала я плечами.

Он вернулся через час красный как рак, и от него распространялся сильный запах водки.

— Я готов. Можете приступать к извлечению, — торжественно разрешил он.

— Вы полагаете, что это и есть противоядие? — спросила я, невольно улыбнувшись.

— Старинное народное средство. Проверено многими поколениями.

— Ну ладно. Тогда закройте глаза, расслабьтесь и ни о чём не думайте.

Я смотрела в одну точку и почувствовала, как зрачки мои расширяются; от ладоней побежали центробежные волны. Я всегда старалась не допускать, чтобы люди видели мои глаза в такие моменты, и заранее просила их закрывать свои. Но иногда я чувствовала к некоторым из них необъяснимое доверие — и не

надевала очки. Они мне потом рассказывали, что глаза мои сильно преображались, радужка вокруг зрачка начинала светиться и приобретала своеобразный красноватый оттенок раскалённых углей.

В несколько секунд растворив микроскопический кусочек инородного тела, я занялась изгнанием «сухого червя», о чём его «хозяину», естественно, не сообщила. Он хорошо перенёс мою «операцию». Даже не шелохнулся. На вопрос — было ли ему больно, он только рассмеялся. Пустяки, комар больнее кусает. Он также видел какие-то «райские кущи», как он мне это обрисовал. Впрочем, интересный факт — и многие другие «пациенты» также утверждали, что во время моих сеансов они лицезрели различные природные пейзажи потрясающей красоты. Мне бы хоть разок побывать там, куда они все попадают… Через две недели я получила письмо, подписанное этим ветераном, но без обратного адреса. В конверте — тысяча благодарностей и приличная сумма денег.

Денег было совсем мало. Точнее, их не было совсем. Я много думала, ломала голову над тем, как их заработать, но ничего путного в неё приходило. В нашем городишке это было невозможно в принципе. Многие жители, имевшие дома с земельными участками, спасались огородами и натуральным хозяйством. Но я упорно не желала брать деньги от несчастных больных людей, считая это делом аморальным и безнравственным. Я не могла продавать то, что мне не принадлежало. Это принципиальное убеждение никогда не покидало меня и не покинуло по сей день.

Приезды людей со стороны не остались незамеченными жителями моего города. Многие из них были недовольны. Уж не знаю, чем именно я их разгневала и в чём не угодила, но я всё чаще замечала угрюмое осуждение на их лицах. В последнее время у меня появилось острое предчувствие назревающего конфликта. Увы, но произошёл он гораздо раньше, чем я успела к нему оказаться готовой.

Глава четвёртая ЗАВИСТЬ. ИЗГНАНИЕ

Как-то с утра в пятницу перед работой ко мне забежала Светлана Иванова — парикмахерша с соседней улицы — и попросила меня сделать кое-что нехорошее. Точнее, совершенно недопустимое. Улыбаясь во все тридцать два зуба, половина из которых отсутствовала, она выложила передо мной на стол портрет усатого немолодого дядьки, в коем я сразу узнала директора магазина бытовых товаров, давно и счастливо женатого на моей школьной учительнице Марии Вячеславовне.

— Можешь присушить его на меня? — спросила парикмахерша, когда я подняла на неё вопросительный взгляд.

— Его? Я? — испугалась я.

— Ты, ты. А кто ж ещё? Колдунья ты наша.

Я растерянно повертела портрет в руках.

— И как я это сделаю? Я не умею… — и это было правдой.

— Ну как же так? Всё ты умеешь. Давай, не ломайся, деньги тебе хорошие заплачу, — настаивала она.

— С чего вы взяли, что я этим занимаюсь? Кто вам такое сказал? — нахмурилась я.

— Кто-кто. Все говорят, или ты думаешь — мы слепые? Посёлок у нас небольшой. Всё на виду да на слуху. А эти шикарные машины у твоего дома? Народ-то знает, что ты колдовством и магией занимаешься. Что? Будешь отпираться? Ну скажи-скажи, зачем они все сюда приезжают? Молчишь? А я тебе отвечу. Таскаются сюда шлюхи — любовников богатых привораживать.

От столь неожиданного заявления я на несколько секунд потеряла дар речи.

— Я не буду этого делать, — ответила я ей, возвращая фотографию. — Вы обратились не по адресу.

— Ааа… — недобро прищурилась она. — Понимаю. Денег тебе моих маловато. Значит, нос от своих воротишь, тебе только москвичей подавай да иностранцев!

— Да при чём тут ваши деньги? Вы сами не знаете, о чём просите! И главное — кого. Я не гадалка и не ведьма, а даже если бы и была ею, то не стала бы никого привораживать — ни за деньги, ни за так. Я думаю, что вам лучше оставить свои попытки. Никакие привороты не заставят Анатолия Павловича уйти от жены и детей. Это же безумие какое-то!

— Зачем уйти? Ах, вот оно в чём дело! На принцип идёшь? А знаешь ли ты, что до того, как он женился на Машке, он меня любил? Души во мне не чаял. На руках носил, руки-ноги целовал,

луну с неба достать обещал. А? Да это же она, стерва, — она его приворотом насильно на себе женила! А меня он бросил, когда я уже дитё под сердцем носила! Ты считаешь это справедливым?

— В любом случае… Я ничем не могу вам помочь. Я действительно не владею подобными знаниями, поэтому поищите себе кого-нибудь другого. Более…. - я не сразу подобрала подходящее слово, — квалифицированного в данном вопросе.

— Ну ладно… Ну хорошо… Смотри, только не пожалей! — сквозь зубы процедила она, и я успела заметить зловещий огонёк, проблеснувший в её глазах.

Я вышла на крыльцо и посмотрела на улицу: там уже стояла серебристая машина и рядом — девушка в белом брючном костюме. Она робко мялась, не решаясь войти в калитку.

— Ух! — с негодованием бросила Светлана, проходя мимо неё, с лицом, перекошенным от злобы. — Проститутки столичные!

— Заходите, — позвала я испуганную девушку. — Не обращайте внимания…

— У меня проблемы с почками, я из больниц не вылезаю… — услышала я привычное начало очередной жалобы. Как же они все похожи друг на друга…

— Сейчас разберёмся…

Когда я закончила и уже собиралась проводить свою клиентку, тщетно пытавшуюся расплатиться со мной, бабушка подкараулила меня у двери и поманила пальцем в свою комнату.

Я упорно избегала брать деньги от своих посетителей, которых не приглашала, но сейчас бабушка попросила меня взять их.

— У тебя же есть дар, — убеждала она. — Всё-таки она была права. Возьми деньги. Эта девица богатая, а мы почти нищие. Ты посмотри, как мы живём. Если не хочешь брать их для себя, возьми хотя бы для меня. Дом-то наш скоро совсем развалится…

Жалость и совесть боролись в моём сердце.

— Я подумаю… — пообещала я.

— Ты подумай, подумай. Однако я считаю, что нет ничего зазорного в том, чтобы взять немного денег за свою работу.

— Но кто — ОНА? — спросила я бабушку. — В чём она была права, и о ком идёт речь? Ты уже не в первый раз произносишь эту фразу.

— Да это я так… ерунду болтаю… — махнула рукой бабушка, быстро укрываясь на кухне и начиная греметь кастрюлями.

— Майя, — окликнула меня девушка из коридора.

— Всё нормально, — сказала я, вернувшись и открывая ей

дверь. — Не забудьте прислать мне результаты вашего обследования, как мы и договаривались.

Через три дня главврач Сергей Вениаминович вызвал меня к себе в кабинет и, избегая смотреть мне в глаза, попросил написать заявление на увольнение по собственному желанию.

— Майя, видишь ли, такое дело… Ипатов наотрез отказывается работать с тобой. Мне очень жаль. Лично я против тебя ничего не имею. Но мы уже нашли другого человека.

— Интересно, почему? — поинтересовалась я, проглотив комок обиды. — Да, конечно, бывает, мы не всегда с ним ладим, но это ещё не повод…

— Люди разное о тебе говорят.

— Что говорят? — с вызовом спросила я.

— Говорят, ты ведовством занимаешься, ну и разного рода магией, а мы — люди науки — не приветствуем подобного и считаем неприемлемым, чтобы в наших рядах находились те, кто развращает неустойчивые умы всякой фантасмагорией и искажает правильное представление о действительном. В общем, на сегодняшний день ситуация такова: или Константин, или ты. Я как мог пытался уладить конфликт, но… Короче, напиши, пожалуйста, заявление.

— Вы что, тоже меня боитесь? — возмутилась я. — Верите сплетням? Скажите, разве я плохо справляюсь со своими обязанностями?

— Не в этом дело. Даже и не знаю, как сказать… Трудно подобрать слова… — лицо главврача приняло болезненное выражение, и он, нахмурив лоб, стал тереть левую руку чуть повыше локтя. Я увидела очень тонкий сосуд на входе в сердечный желудочек, кровь плохо поступала в него и, накапливаясь, пульсировала в этом сосуде, растягивая и без того его истончённые стенки.

— Я всё поняла, — тихо произнесла я, не глядя на него, и добавила: — Берегите сердце.

— Подожди… — он посмотрел на меня каким-то растерянным взглядом.

— Прощайте! — звенящим от обиды голосом бросила я, срывая с себя халат и со стуком захлопывая дверь.

Вот дела… Вдобавок ко всему прочему, я ещё и лишилась работы. Но, возможно, это и к лучшему. Значит, теперь у меня будет больше времени на то, чтобы совершенствовать свои способности; и раз уж судьба не оставляет мне никакого иного выхода, то придётся зарабатывать на жизнь этим странным даром

целительства, так внезапно свалившимся на меня. Немного поразмыслив и поборовшись с голосом совести, я приняла решение, что всё-таки буду брать деньги за свою работу, но только от достаточно состоятельных клиентов, а остальным стану помогать, как и прежде, бескорыстно, не делая различий по какому-либо признаку.

Два дня спустя после моего увольнения нас с бабушкой посетил священник из местного прихода. Я собиралась испечь кулебяку и замешивала тесто на кухне, когда увидела в окно его красную «Ниву» возле наших ворот. Обычно на ней он или его жена «попадья» ездили на рынок за яйцами, маслом, творогом и прочей снедью. Детей у них было пятеро, и все они — от мала до велика — как на подбор с какими-то безучастными, отрешёнными лицами, словно чувства обычной человеческой радости были им чужды либо вообще незнакомы.

Его приезд показался мне не случайным, и снова у меня в душе появился неприятный холодок, будто от предчувствия беды.

Он достаточно долго выгружал из машины своё тучное тело.

Бабушка открыла ему дверь.

— Что вы хотели, святой отец? — поинтересовалась она не слишком-то дружелюбным тоном.

Я вышла из кухни в коридор, вытирая испачканные в муке руки.

— Да вот зашёл посмотреть на предполагаемое «логово ведьм», как люди судачат, — поведал он нам о цели своего визита.

— Увидели? — с насмешкой спросила бабушка. Меня удивило её странное ехидство.

Батюшка страдал сильной одышкой и, вероятно, тахикардией, судя по цвету его лица. Я принесла ему стул из своей комнаты, на который он тут же тяжело опустился, даже не поблагодарив меня.

— Вижу, что не богато живёте, — сказал он, разочарованно разглядывая растрескавшиеся половицы, выцветшие обои на стенах и старую ветхую мебель из ДСП производства конца 70-х годов.

— Может быть, стоит задуматься о том, что колдуны и ведьмы все в миллионерах ходят да в правительстве упырями сидят? — не без ехидства предложила ему бабушка.

— Я тебя ни разу не видел в церкви, — обратился священник ко мне, никак не отреагировав на бабушкины колкости. — Ты атеистка, или есть какие-то другие убеждения?

— Да, я не хожу в церковь, и в основном из-за людей. Им не нравится моё присутствие и ещё… Разве обязательно нужно

посещать службы, чтобы верить в Бога? Лес, река, небо и звёзды — вот мой Бог. Это всё его прекрасные творения, как и мы. Я вижу его в каждом проявлении природы, я чувствую это.

— Это называется язычеством, дочь моя, — категоричным тоном заявил он, недовольно насупившись.

— Это вовсе не язычество, — возразила я. — По крайней мере, я так не считаю. Это нечто другое. Я просто доверяю своим чувствам, а не тому, что написано в евангелии, особенно в его переводах, где многое может быть искажено по сравнению с первоисточником. Вера не должна быть настолько слепой… Я так думаю.

— Ты ещё слишком молода, чтобы рассуждать о таких вещах, как вера. Чувства не всегда бывают от Бога, но и от лукавого тоже. Ты что-нибудь слышала об одержимых бесами?

— Вы считаете меня одержимой? — спросила я, даже не собираясь его переубеждать. Это было бы то же самое, что пытаться разговаривать с кем-то на разных языках без понимания смысла сказанного.

— Я не могу утверждать этого наверняка, но предположения таковые имеются.

— Знаете, батюшка, спасибо вам большое за то, что так беспокоитесь обо мне. Но не о моей душе вам стоит волноваться. Есть очень много людей, которые нуждаются в ваших наставлениях гораздо больше, чем я.

— Гордыня в тебе говорит. Тебе хотя бы стоило прийти на исповедь, покреститься, причаститься, тогда и станет понятно, с кем ты — с Богом или с Чёртом.

— Я подумаю над этим и, возможно, что-то для себя решу, или же — не решу. В любом случае это будет исключительно моё собственное, продуманное решение. И ничьё больше. Надеюсь, батюшка, вас не обидели мои слова, но я всегда предпочитаю говорить то, что думаю на самом деле, а не то, что от меня хотят услышать. Именно в этом и состоит моя основная проблема, не так ли?

От моего прямолинейного, даже чуть резковатого ответа священник немного растерялся и замолчал, видимо, пытаясь подобрать в уме более убедительные аргументы для такой непонятливой особы, как я, но в этот момент в разговор вновь вмешалась бабушка.

— Если вы сказали всё, что хотели, святой отец, то вам, скорее всего, уже пора, — сказала она, добродушно улыбаясь, но с какой-то издевкой в голосе. — Нехорошо вам опаздывать на вечерний молебен. Ещё, чего доброго, люди решат, что вас ведьмы заворожили и вы перешли на «другую» сторону.

— Ладно, — священник с трудом поднялся со стула, тот жалобно заскрипел под ним. — Думай что-то, решай для себя. Но помни одно: дьявол не станет долго ждать, он не дремлет и повсюду подстерегает неуверенных. Именно поэтому ты можешь стать лёгкой добычей для него.

— Угу, — кивнула я, благоразумно решив далее с ним не спорить, и таким образом сократить время его пребывания в нашем доме. — Всего вам хорошего, батюшка.

Я с огромным облегчением закрыла за ним дверь. Этот человек, несмотря на его сан священнослужителя, вызывал у меня смешанное чувство неприязни и подозрения в неискренности вкупе с мракобесием.

— Ходят тут всякие попы ряженые, понимаешь, — проворчала бабушка. — А креста на них всё равно нет. И сколько ты не рядись в рясу, ближе к Богу не станешь. Вот здесь Бог, — она прикоснулась рукой к груди, — и больше нигде. А с такой-то ряхой ходить — так вообще Бога позорить.

Я убежала в лес к роднику и, сбросив одежду, принялась с наслаждением обливаться холодной водой, смывая с себя всю отрицательную энергию, в большом количестве накопившуюся за последние дни в результате произошедших негативных событий.

Я настолько увлеклась этим приятным занятием, что напрочь забыла об осторожности и слишком поздно заметила, что в лесу я далеко не одна. Подозрительный шорох и какое-то движение в кустах неподалёку привлекли моё внимание. Неужели кабан? Наспех прикрывшись футболкой, я, неслышно ступая босыми ногами по земле, как кошка, пошла на шум, напряжённо вглядываясь в густые заросли ивняка. Я едва успела отпрянуть: куст рядом со мной зашевелился, ветки его раздвинулись, и оттуда вышли двое парней, которые, по всей вероятности, подглядывали за мной всё то время, пока я здесь находилась. Я узнала в них Костика и Вована — двух мерзких типов из местной шайки хулиганов, имевших обыкновение проводить целые дни, сидя за гаражами, распивая спиртные напитки и задирая прохожих. Но их оказалось трое. Вслед за ними из-за массивного ствола сосны показался и третий. Это был, маленького роста, толстяк Женька, судя по всему, бывший их «шестёркой». Я часто видела, как он бегает из магазина к гаражам с большой сумкой, гремя бутылками «пивасика» для всей их кодлы.

— Нет, вы только гляньте! — воскликнул Костик, довольно присвистнув. — Да она же тут одна — и совсем голенькая. Вот нам повезло! Сейчас повеселимся вволю. Чур, я первый! Кис-кис-кис. Иди-ка сюда скорее, крошка. А ведь правда похожа на дикую

кошечку? — спросил он, обращаясь к своим дружкам.

Я растерянно переводила взгляд с одного мерзавца на другого, тщетно пытаясь прикрыть свою наготу распущенными волосами. Толстяк подошёл ближе, плотоядно поглядывая на меня.

— Ты после нас, — презрительно предупредил его Вован, выплёвывая изо рта мятую, изжёванную сигарету, так её и не закурив. — Когда она нам надоест.

Он пошёл ко мне, расставив руки.

— Позабавимся? — предложил он, расплываясь в сальной улыбке.

— Не смей! — крикнула я и попятилась назад.

— Ну что ты, милая, иди, иди к нам. Мы тебя не обидим. Ты же такая сладенькая.

Трое голодных, нетрезвых самцов и я одна. Что же мне делать?! Бежать? Бросив отчаянный взгляд за их спины, я не смогла сдержать улыбки. Мой преданный друг тайком увязался за мной и тоже вышел из укрытия, где прятался всё время, охраняя меня.

Парень расценил мою улыбку как знак благосклонности и прибавил энтузиазма в своих действиях.

— Стой, где стоишь, — предупредила его я.

— Это ещё почему? — возразил Вован с кривой ухмылкой и сделал ещё два шага вперёд.

Позади него раздался грозный волчий рык. Негодяй моментально застыл на месте и, изумлённо открыв рот, стал медленно поворачивать голову назад. В этот момент двое его дружков шарахнулись в разные стороны.

Джек прыгнул на Вована и, свалив его на землю, вцепился ему в плечо, — тот взвыл на весь лес от боли. Костик уже подобрал палку и бежал к ним, намереваясь ударить собаку, но пёс обернулся к нему, страшно лязгая зубами. Внезапно я вспомнила, что и сама далеко не так безоружна. Мои глаза тут же «включились», и я, быстро проникнув в нездоровый организм Костика, представила, что в его голове происходит настоящий салют с фейерверком. Он в ужасе схватился за голову, пошёл, ослеплённый, и врезался в сосну. Я повернулась к толстяку, но тот убежал сам.

Воспользовавшись замешательством подонков, я схватила свои вещи и, свистнув Джеку, унеслась прочь быстрее лани.

Я сочла разумным не рассказывать бабушке о попытке изнасилования в лесу, чтобы не волновать её.

Посреди ночи я проснулась от странного шума и едкого

запаха дыма. Что-то гудело и трещало за окном. Подозрительный свет шёл с улицы, неровно освещая комнату. На стенах плясали рваные отблески. Треск. Пламя. Пожар!

Я выскочила в одной пижаме на крыльцо и увидела, что наши ворота полыхают огнём, — видимо, их облили бензином и подожгли, — а во дворе почему-то валялся труп козы. Мне едва удалось сбить пламя, оно уже собиралось перекинуться на сарай. Спасибо Алексею, соседу, пришедшему на помощь. Выйдя в кальсонах и шлёпанцах на босу ногу, он, ничего не говоря, помог потушить огонь и так же молча ушёл.

Утром я обнаружила на двери своего дома сделанную углём надпись крупными буквами: «ВЕДЬМА, УБИРАЙСЯ ВОН ИЗ НАШЕГО ГОРОДА!»

В магазине и на улице со мной не здоровались, бабки крестились при моём появлении и испуганно перебегали на другую сторону дороги. По всей вероятности, этот город окончательно объявил мне войну. И я приняла для себя нелёгкое решение…

* * *

Вечером мы с бабушкой на кухне пили чай. Случившееся минувшей ночью мы предпочли не обсуждать, и тягостное напряжение молчаливой тревоги повисло в нашем доме.

— Расскажи мне о моём отце, я ничего о нём не знаю. Почти ничего, — попросила я, нарушая молчание.

— Ты никогда не спрашивала… — бабушка отчего-то всегда избегала тем, касающихся моих родителей.

— Раньше я считала, что так будет лучше, но теперь я хочу это знать. Всё, что только можно.

— Хочешь знать, почему ты такая? — неожиданно спросила она, отставляя чашку в сторону.

— Какая?

— Непохожая на других в этом городе.

— Я давно это чувствую, но сейчас уже просто нет сил притворяться и делать вид, будто всё нормально. Ведь всё очень НЕНОРМАЛЬНО, бабушка! И я боюсь, что если в ближайшее время не выясню, из-за чего это происходит, то просто сойду с ума или что-нибудь ещё случится ужасное…

Бабушка подошла ко мне и, обняв за плечи, принялась утешительно гладить меня по волосам.

— Какой бы ты ни была, внученька моя, и что бы ни говорили о тебе злые языки, ты всегда будешь для меня самой родной,

самой любимой и самой доброй на свете девочкой.

— Похоже, что никто кроме тебя так не считает… — горько усмехнулась я, и глаза мои невольно защипало от готовых хлынуть слёз, вызванных острым ощущением несправедливости.

Вдруг бабушка резко отстранилась от меня, лицо её, всегда добродушное, запылало гневом.

— Ну, я им покажу! — со злостью выкрикнула она.

Бабушка схватила с вешалки платок и, накинув его на голову, стала завязывать дрожащими от волнения руками узел под подбородком. Затем она подобрала свою старую облупленную трость, давно без дела стоявшую в углу, явно собираясь использовать её в качестве орудие возмездия.

У меня упало сердце. Господи! Только этого мне ещё не хватало! Я подбежала к двери.

— Бабушка, пожалуйста, не надо никуда не ходить! — зарыдала я, загораживая от неё дверь. — Честное слово, будет только хуже! Умоляю тебя! К кому ты собралась идти? К кому?!

Она воинственно потрясла в воздухе кулаком, отбросила костыль в сторону, и с грохотом скинув с лавки на пол пустое ведро, уселась на неё, стягивая платок и вытирая им бегущие ручьём слёзы. Я никогда ещё не видела бабушку в таком состоянии ярости и отчаяния.

— Негодяи! Подонки! — причитала она, плача и задыхаясь. — Господи, сыночек, зачем же ты ушёл так рано? И нет у нас защитника от этого злого воронья!

Слёзы градом катились у меня по щекам. Я села рядом с бабушкой и обняла её. Так, обнявшись, мы вместе плакали навзрыд, давая выход долго копившемуся напряжению. Неожиданно я поняла, что это прощание…

— Твой отец был хорошим человеком, — продолжила бабушка, когда мы немного успокоились, — чего я не могу сказать об Ирине, твоей матери.

— Почему? Что было не так с моей матерью?

— Я была против их брака, и они так и не расписались. Он не успел… Я считала, что она не подходила ему.

Я тяжко вздохнула.

— Бабушка, я спрашивала тебя не об их отношениях, меня больше интересует другое… Скажи, а мой отец… Ты говорила, что он занимался военной археологией. А не мог ли он случайно быть каким-нибудь… не знаю… ну например, ликвидатором аварии в Чернобыле? Или, может, его работа была как-то связана с радиоактивными веществами? Что-то в этом роде.

— Почему ты так решила? — удивлённо посмотрела на меня

бабушка.

— Возможно, я… мутант?

— Господь с тобой, детка! — испугалась бабушка. — Вот уж глупости какие навыдумывала себе!

— Но мне кажется…

— Твой день рождения — день его смерти.

— Да, я знаю. И мне очень горько это осознавать…

— Ты здесь ни при чём, милая. Ирина жила со мной в то время, когда ждала тебя. Она всегда была такой беспечной, всё порхала, как мотылёк, и порхала… Ничего по жизни не умела, кроме как бренчать на пианино.

— Понятно… Я не это хотела узнать. Просто… — я посмотрела на бабушку, — на глазах у неё снова блестели слёзы. — Ну хорошо. Не хочешь говорить — не надо…

— Я не знаю, что тебе ещё сказать, детка, — грустно сказала бабушка. — Твой отец никогда не посвящал меня в подробности своей работы. Он постоянно находился в разъездах и командировках, но о нас всегда хорошо заботился. Феликс мечтал о большой семье, чтобы у него было много детей, но вот видишь, как всё повернулось…

Я раздражённо покачала головой. Зачем я пытаюсь что-то выяснить? Что это теперь изменит?

— Ладно. Давай оставим эту тему. Но я хочу спросить тебя ещё кое о чём. Скажи, а если я уеду из Велижа, ты очень сильно расстроишься? Хотя, что я спрашиваю…

— Господи! Что это значит? Куда же ты поедешь, девочка? — встревожено всплеснула бабушка руками.

— Ты сама понимаешь, мне не дадут здесь жизни, да и тебе тоже из-за меня, вот я и думаю уехать куда-нибудь подальше, например, в Москву. Возможно, там я найду своё предназначение.

— Ты хочешь поехать в Москву? — испуганно спросила она. — Это же такой большой город! Что ты там будешь делать?

— Ну как, что? Что другие делают, то и я буду. Для начала попробую поступить в институт.

— Но как же ты там будешь одна? Ты ведь почти ребёнок!

— Какой же я ребёнок, бабушка? Я уже давно выросла. Ты разве не замечаешь? Мне восемнадцать, скоро будет девятнадцать. Я почти взрослая женщина, а ты в моём возрасте уже замужем была, разве забыла?

Она посмотрела на меня так, будто только сейчас обнаружила, что я стала большой и мне не 10 лет. В этот момент мне показалось, что в её взгляде промелькнуло какое-то облегчение. Но я, наверное, не совсем справедлива к ней.

— Да… Наверное, ты права, — неожиданно быстро

согласилась она. — Как мне этого не хочется, но, может, тебе и вправду лучше уехать отсюда. Народ — он… злой, и вся его злость идёт от зависти. Конечно, ты обязательно должна выбиться в люди, доченька. А здесь тебе совсем не место. Ты слишком хороша для этого города. С твоей красотой и умом ты легко найдёшь себе мужчину, который сумеет позаботиться о тебе. Я-то уже старая…

— Что за ерунду ты говоришь, бабушка! — возмутилась я. — Я вовсе не собираюсь никого искать. Я всего лишь хочу поступить в институт и выучиться на ветеринарного врача. Можно было бы, конечно, попробовать устроиться на работу в Смоленске, но я хорошо подготовилась к экзаменам и не хочу терять ещё один год. В Москве, по крайней мере, у меня будет больше шансов найти работу, мне всё равно кем — хоть посудомойкой, хоть дворником. Зарплаты там наверняка побольше, чем у нас здесь. Буду учиться и работать. А как будет выдаваться свободное времечко — навещать тебя и Джека.

Она помолчала и, горестно вздохнув, спросила расстроенным голосом, смирившись с моим решением:

— И когда ты собираешься ехать?

— Думаю, через два — три дня. Мне надо успеть подать заявление в приёмную комиссию на второй поток, первый я, увы, уже проворонила, и ещё я боюсь, что меня убьют, если я не уеду в ближайшее время. Честно говоря, мне уже становится по-настоящему страшно выходить из дома.

— А где ты будешь жить?

— Ну… У меня есть знакомые девочки — из тех, что уехали в прошлом году, — соврала я, неожиданно вспомнив худенькую девушку на автовокзале, которая гадала мне по руке и дала свой номер телефона. Должно быть, он по-прежнему лежит в заднем кармане моих джинсов.

— Оля Подлесная и Марина Аксёнова? А вы разве дружили?

— Да… немного, и ещё есть одна, но ты её не знаешь…

* * *

16 июня в 5-30 утра я садилась в первый автобус, следующий до Смоленска. Никто меня не провожал, и на автобусной станции было совсем пусто. Тёплый туман с ночи уходил, низко стелясь по полям. Я в последний раз вдохнула полной грудью свежий утренний воздух родного края, напоённый ароматами горьких трав. В автобус села только я одна. Это было странное чувство. Страх неизвестности сковывал меня по рукам и ногам, но я

заставляла себя преодолевать инертность и двигаться вперёд, осуществлять свои намерения. Отступать было некуда.

Джек дал лапу на прощание и жалобно заскулил, уткнувшись головой мне в грудь. Эх, ты, грустная морда, жаль с тобой расставаться. Но ничего не поделаешь…

— Не плачь, малыш. Я скоро вернусь и привезу тебе что-нибудь вкусненькое, — пообещала я псу и поцеловала его в широкий волчий лоб.

В Смоленске я купила билет в плацкартный вагон, и ещё два часа мне пришлось просидеть на вокзале в ожидании электрички до Москвы.

Когда поезд проезжал по мосту через Днепр и я находилась в полудрёме, случилось кое-что странное. Пространство и время словно раздвинулись, и я увидела лица… Их было двое. Я увидела лишь маленький кусочек картины 18-летней давности и поняла, что они всё ещё живы. Те самые подонки, которые убили моего отца… И в этом видении более всего меня поразило то, что они совсем не были похожи на обычных воров. Это было целенаправленное убийство — не с целью ограбления, а с целью убрать человека, стереть его из жизни, заставить замолчать навсегда.

Часть вторая МОСКВА-«ВАВИЛОН»

Глава первая ИСПЫТАНИЯ. УДАРЫ СУДЬБЫ

Выйдя из поезда на Белорусском вокзале, я испытала самый настоящий шок. Я никогда ещё не видела сразу так много народу в одном месте. Мне почти девятнадцать, а я лишь только раз в жизни была в Москве, да и то в далёком детстве, когда вместе с классом ездила на экскурсию. Боже мой! Какая же я деревня… К вящему стыду, должна признаться, я понятия не имела, что такое метро. Я приехала совершенно одна, и некому мне было что-то подсказывать и водить за ручку. Наверное, я вела себя не очень адекватно, растерянно разглядывая мужчин и женщин, снующих мимо меня нескончаемым потоком. Наш-то городишко совсем маленький — за час можно обойти вдоль и поперёк. А здесь — столько людей, и вряд ли кому-то из них есть дело до перепуганной провинциальной девушки в потрёпанных джинсах и бейсболке. Хотя мне почему-то казалось, что все вокруг только и делают, что пялятся на меня и подсмеиваются надо мной, видя, как я дико озираюсь по сторонам, словно Тарзан, попавший из джунглей в центр Манхеттена.

Мне всё же удалось подавить симптомы назревающей панической атаки и взять себя в руки. Расстегнув рюкзак, я достала карту Москвы, заблаговременно купленную в газетном киоске Велижа. Ужасная паутина, как в ней разобраться?

Отойдя на несколько метров от вокзала, я увидела знак «М». Наверное, это и есть метро.

В подземном переходе какой-то дядька без ног, одетый в старые лохмотья, просил милостыню. Я порылась в кошельке и… неожиданно увидела, что ноги-то у него, оказывается, есть и всё с ними в порядке. Он лишь поджал их под себя, выставив наружу муляж культи. Я усмехнулась про себя и побрела дальше по переходу. Выйдя вновь на улицу, я подумала о том, стоит ли мне сразу поехать в институт или прежде перекусить в каком-нибудь кафе, и выбрала первое. Надо позвонить в приёмную комиссию, уточнить проезд, но, как назло, у меня не оказалось мелочи.

— Простите, а вы не подскажете…

— Скажите, а где находится…

— Будьте добры…

— Извините… Да чёрт… — я чуть не упала, наступив на свой развязавшийся шнурок.

Положив рюкзак на ближайшую скамейку, я нагнулась над кроссовкой. Повернулась — а его и нет. Мой рюкзак исчез! Только

удаляющиеся спины двоих парней на роликовых коньках. У одного из них в руке, естественно, мой рюкзачок. Я бежала за ними, сколько могла, но они оказались быстрее и сумели скрыться, юркнув в какую-то подворотню.

— О, проклятье! — вырвалось у меня. — Там же все мои деньги, документы… — бормотала я в отчаянии, стоя посреди улицы. Кто-то толкнул меня и не извинился.

Я всплакнула на скамейке в скверике, но люди по-прежнему не замечали моего горя и продолжали течь нескончаемыми муравьиными потоками в разных направлениях. Но не могу же я сидеть здесь вечно в ожидании неизвестно чего. Я сунула руку в карман джинсов и вытащила бумажку с номером той странной девушки, которую повстречала на автостанции, когда навещала бабушкину родственницу.

Не совсем отдавая себе отчёт в своих действиях, я подошла к тому «безногому» нищему в переходе и попросила у него три рубля на таксофон. Он посмотрел на меня как на чумную и сказал довольно грубо: «Так сама заработай. В чём проблема-то?» Я, вероятно, всё ещё пребывая в шоковом состоянии, вызванном внезапной кражей моего имущества, встала рядом с ним и протянула руку, но мне никто не подавал.

Я догадалась снять бейсболку и, держа её в руке, стояла так, опустив глаза и сгорая от стыда. Нищий недовольно покосился на меня, но ничего не сказал.

Проходящий мимо небритый мужчина в пиджаке с заплатками на локтях порылся в кармане и положил в мою кепку пятьдесят рублей. Я решила, что это Ангел пришёл ко мне на помощь, и угасшая было надежда вновь проснулась в моей душе.

— Нет-нет, мне только рубля три, позвонить подруге…

— У меня нет мелочи. Бери, и всё тут! — мрачно буркнул он.

— Спасибо вам…

— Да не за что, и… всякое бывает, — пожав плечами, мужчина отправился по своим делам.

Внезапно чья-то проворная рука выхватила у меня полтинник.

— Плати за место! — раздался гнусавый голос за спиной. Я повернулась и увидела «безногого» попрошайку, сейчас вполне твёрдо стоящего на своих собственных двоих.

— Ах, так! Вы симулянт! Немедленно отдайте!

— Эй, мужик, я всё видел, верни ей деньги, — потребовал небритый мужчина, неожиданно вернувшись. — Ну-ну, давай, или я тебе сейчас и вправду все ноги переломаю. А смотри-ка, вон тут сколько мелочи, — он порылся в коробке нищего. — На, возьми, — и сунул мне ещё горсть монет. А тому швырнул

десятку: — Я разменял.

С трудом найдя единственный работающий таксофон, я достала из кармана листок с номером телефона незнакомки с автовокзала. А больше в этом городе звонить мне было некому. Немного поколебавшись, я набрала номер. После серии гудков мне ответил автоответчик. Я сделала ещё несколько попыток дозвониться, но они оказались безуспешными, и в итоге автомат сожрал все мои монетки. Мне хотелось кричать от отчаяния.

Когда я выходила из телефонной кабинки, на моё плечо легла жёсткая рука. Я вздрогнула и резко обернулась, невольно сжав кулаки.

Оказалось, это милиционер. Он был довольно низок ростом — почти на полголовы ниже меня.

— Могу я взглянуть на ваш паспорт? — скучным голосом произнёс он, оглядывая мою фигуру каким-то липким, неприятным взглядом.

— Ой, как вы кстати! — обрадовалась я. — Пожалуйста, помогите мне. У меня украли все мои вещи.

— Вот как? — язвительно спросил он.

— Да. Я приехала всего-то меньше часа назад. Я едва с электрички сошла, но не успела и шагу ступить, как…

— Что, красавица, ищем в столице? — прервал он мои жалобы. Мне не понравился его тон. Похоже, он меня совсем не слушал и, кажется, его совершенно не интересовала история моего ограбления.

— Я приехала поступать в институт… Только и всего.

— Хм… И что же, прям так сразу и в Москву? Неужели в вашем родном «Мухосранске» совсем нет никаких учебных заведений? ПТУ, например?

— Нет! — мой голос предательски зазвенел от обиды.

— Ну тогда пошли, разберёмся.

— Куда?

— В гостиницу тебя отвезу, — недобро лыбился он. — «Метрополь» называется, слыхала о таком?

Мне не оставалось ничего другого, как покорно проследовать за ним и сесть в милицейскую машину. Тревожные предчувствия усилились. Кажется, я влипаю из одной мерзкой истории в другую со скоростью света.

В отделении милиции было полным полно каких-то оборванных бродяг и полутрезвых типов с лицами, похожими на один большой синяк. Одни из них сидели на лавочке вдоль стены, другие томились в зарешёченном углу. Моё сердце дрогнуло.

— Можно мне позвонить? — почти шёпотом попросила я своего провожатого. — Я знаю, что один звонок мне всё-таки по закону положен.

— По закону, говоришь? — усмехнувшись, спросил тот.

Он подвёл меня к окошку дежурного, который что-то писал в журнале, где мне всё же милостиво было позволено воспользоваться своим правом одного звонка. Милиционер взял телефонный аппарат со стола дежурного и, вытащив его вместе со шнуром через окно, поставил передо мной.

— Звони, — сухо разрешил он. — Но только один звонок.

Я набрала номер. Гудок, ещё один… Господи! Снова включается этот чёртов автоответчик: «пожалуйста, оставьте своё сообщение». Я в полной прострации положила трубку и растерянно посмотрела на милиционера.

— Ну что? Неудачно? — ехидно спросил он. Я вздохнула и ничего не ответила.

— Что будем шить? — поинтересовался дежурный, наконец обращая на нас внимание, но все ещё не поднимая головы от своей замусоленной тетрадки.

— Попрошайничество в черте города, отсутствие документов. К девкам её пока подсади, там видно будет. А вообще, она не в моём вкусе. Тебе — как?

— Да нет же! — возмутилась я. — Всё совсем не так! Это меня обокрали, я пострадавшая, и я хочу написать заявление!

Дежурный оторвался от журнала и с интересом посмотрел на меня. Но этот взгляд мне был знаком и присущ людям явно нехорошим, готовым использовать любую возможность, включая своё служебное положение, чтобы получить лёгким путём то, чего они не могут добиться честными способами. Он откровенно раздевал меня глазами.

— Ну что? Может, всё-таки договоримся? — совсем уже неофициальным тоном предложил он.

— Каким образом? — насторожилась я. Кажется, до меня начал доходить смысл его «предложения».

В моём родном Велиже не было такой милиции. Я всегда считала, что милиция призвана защищать интересы граждан, а не попирать их права. Скольким ещё моим подобным наивным убеждениям предстоит подвергнуться разрушению?

Лейтенант продолжал сверлить меня бесстыдным взглядом.

— Ну это… ты — мне приятно, я — тебе, ну… Не сообразительная, что ли? — он вышел из своего закутка, играя связкой ключей на пальце.

— Вы не в моём вкусе, — последовал мой презрительный ответ. Я хоть и поняла, что к чему, но твёрдо решила не терять

чувства собственного достоинства, что для человека, находящегося в моём положении являлось довольно проблематичным.

— А ну, пошли! — рявкнул он и, грубо схватив меня за локоть, потащил куда-то по коридору.

В клетке, а иначе её не назовёшь, сидело пять сонных девушек, одетых во что попало, будто их забрали сюда прямо из бани или бассейна.

— Курить будешь? — спросила одна из них, с лицом, разукрашенным разводами от туши, едва за мной захлопнулась решётчатая дверь. Всё её облачение состояло из короткого махрового халатика.

— Нет…

Как ни странно, девушки оказались довольно душевными, несмотря на слишком явный характер их «профессии». Потеснившись, они уступили мне место на жёсткой неудобной лавке, внимательно выслушали мою историю и даже посочувствовали, напоследок дав очень ценный совет: ни в коем случае не связываться с «волками позорными».

Вскоре девушек выпустили. Всех пятерых. Пришла их сутенёрша и пересчитала по головам, точно курица цыплят.

— Эта не моя, — сказала «мамка» хриплым прокуренным голосом, кивнув на меня. — Хотя… — она пригляделась ко мне с интересом профессионалки. — Слышь ты, красотка, — окликнула она меня. — Тебе восемнадцать есть уже? Хочешь к нам? Ты вроде очень даже ничего. Отмыть тя, приодеть, и будешь примой в нашем театре любви. Что скажешь?

— За эту сто баксов, — предупредил лейтенант.

— Нет, спасибо, — отказалась я. — Я уж сама как-нибудь…

— Ну, как знаешь. Красивая ты, хоть и дикая. Видно, что не порченная… А то подумай. Может, контакты оставить? Неплохо заработаешь подъёмных.

Я молча покачала головой.

Когда путаны ушли, стало совсем тихо. Только было слышно, как жужжит перегорающая лампочка в коридоре.

Надо выбираться отсюда. Стоило так много часов трястись в поезде ради того, чтобы угодить в этот обезьянник?

Я решительно встала с лавки и подошла к решётчатой двери.

— Эй! Кто-нибудь! — крикнула я в пустоту. — Откройте! Мне надо в туалет! Я не могу больше терпеть!

Скрипнула дверь, и в коридоре раздались шаги.

— Не передумала? — зловеще улыбаясь, спросил лейтенант.

Я стояла, держась руками за решётку, и молча смотрела на

него. Он медленно шёл по коридору, позвякивая связкой ключей. Для меня оказалось достаточно всего несколько секунд, чтобы увидеть то, что надо. Моё внимание привлёк маленький камушек на выходе из почки, — его зазубренные неровные края повредили ткань выходного отверстия, и уже начиналось воспаление.

Я изо всех сил впилась взглядом в этот камушек, сдвинула его с места и резко повернула в мочеточнике на 180 градусов. Самодовольная улыбка моментально соскочила с лица дежурного, уступив место страдальческой гримасе.

— Ой! — охнул он и согнулся пополам. — Матерь божья!

— Что это с тобой? — спросил кто-то из служащих, выглядывая в открытую дверь.

— Ой-ёй-ёй! — заныл лейтенант, становясь на четвереньки.

Я безжалостно продолжала вертеть камешек в разных направлениях, сильно до крови раня стенки мочеточника, потом стала продвигать его к уретре — как я знала из курса анатомии, одному из самых болезненных мест у мужчин. Лицо дежурного приняло тёмно-серый цвет.

Это тебе за моё унижение, придурок!

— Скорую! — простонал он, ложась на пол и теряя сознание.

Меньше чем через час меня освободили. Появился хмурый, невыспавшийся человек в штатском и открыл «клетку».

— А где лейтенант? — невинным голосом поинтересовалась я у него.

— Камень у него пошёл, — мрачно ответил тот. — В больницу отвезли.

— Понятно…

— Выходи, — буркнул он, буквально вытолкнув меня из камеры, и бросил к моим ногам рюкзак.

— Твой?

— Ага.

Я лихорадочно осматривала содержимое рюкзака. Слава Богу, папка с документами на месте, мои нехитрые пожитки тоже, только вот денег не наблюдалось и обратного билета…

— А где мой кошелёк деньгами? — спросила я у «штатского».

— Ты шутишь? Его не было.

— Значит, не было… А почему меня выпускают?

— За тебя внесли выкуп.

— Кто? — изумилась я.

— Твоя сестра, — он кивнул на высокую молодую женщину в тёмных очках, стоящую возле стенда с фотографиями уголовников. Голову её покрывал чёрный платок, и всё её остальное одеяние также было чёрным, словно она только что

приехала с похорон.

— Моя… — но «моя сестра» уже кинулась мне на шею, обняла и едва не задушила в своих объятиях, не давая мне и пикнуть.

— Пойдём, — женщина легонько ущипнула меня за руку, незаметно поднеся палец к губам.

— Подождите-ка, мне ещё нужно вернуть мои деньги, — заупрямилась я.

— Забудь о деньгах. Их не вернуть. Даже глупо думать о том, что воры любезно оставили тебе твои сбережения.

— Похоже, это действительно так, — с горечью согласилась я.

— Кто вы? — спросила я, едва мы оказались на улице.

— Доброжелательница. Тебе ведь нужна была помощь? На определителе номера у меня высветились звонки.

— Точно! Простите, что я вас побеспокоила. Дело в том, что я никого не знаю в этом городе и мне не к кому было обратиться, — внезапно я спохватилась: — А как вы узнали, что меня забрали в милицию, и причём — именно в этот участок?

— Как я узнала… как я узнала… — она защёлкала пальцами, словно пытаясь что-то вспомнить. — Ах да! Я же позвонила по номеру, который высветился на определителе, и мне ответил мужчина — представился сотрудником милиции, — вот так я и узнала.

Это походило на правду, но всё равно были некоторые нестыковки в её объяснении. Например, я ведь не оставляла никаких сообщений на автоответчике. Даже если она и позвонила в милицию, то с чего вдруг она решила, что звонки были от меня? Вряд ли лейтенант фиксировал все исходящие звонки и вообще помнил, что я звонила с его телефона.

— Слушай, а поехали ко мне, — предложила она. — Отдохнёшь, расскажешь о своих злоключениях, и вместе придумаем, как тебе помочь.

Не знаю почему, но мои подозрительные мысли вмиг развеялись, и я согласилась. Что заставило меня проявить такую неосторожность и поверить ей? Это до сих пор остаётся для меня загадкой. У неё был приятный голос и внешность, внушающая доверие. Я действительно жутко устала. И потом, никаких других вариантов для меня пока не намечалось, а эта женщина оказалась единственной, кто изъявил желание поучаствовать в моей жалкой судьбе, хотя я и не понимала, какие мотивы побуждали её к этому.

Я смущённо улыбнулась и нерешительно кивнула.

Её машина была припаркована неподалёку, на углу улицы.

Тоже, кстати, чёрная. Она сняла чёрный шёлковый платок и очки. Длинные блестящие волосы цвета воронова крыла, как у меня, чёлка почти до глаз, а глаза — ярко зелёные… Странно. Какой-то неестественный, мультяшный оттенок. Мне показалось, что где-то я их уже видела — эти глаза. Вот только не могу вспомнить…

— Да, я люблю всё чёрное, — неожиданно призналась она, словно прочитав мои мысли. — На мой взгляд, самый чистый и благородный цвет из всех остальных. Кстати, будем знакомы, — она протянула мне руку и я машинально пожала её. — Меня зовут Лаура Крисби. А тебя… Ах, ну да, я же знаю.

— Откуда вы знаете моё имя? — снова напряглась я.

— Лейтенант сказал — тот самый, которого ты отправила на больничную койку.

Я внимательно посмотрела на неё и ничего не ответила, пытаясь понять, что же всё-таки за человек находится передо мной, и откуда она может знать такие подробности. Но с тем же успехом можно было пытаться прочесть белый лист бумаги.

— Да ладно, — засмеялась она, весело сверкая зелёными глазами, заметив моё напряжение. — Меня-то можешь не опасаться, да и, вообще, ты всё правильно сделала. Хотя, если бы со мной поступили подобным образом, то вряд ли бы им больница понадобилась. Скорее катафалк.

На улице стояла невыносимая жара с духотой. Когда мы вышли из милиции, я сняла водолазку, но в машине Лаура включила кондиционер на полную мощность, и вскоре у меня уже зуб на зуб не попадал, а ей хоть бы что, несмотря на то, что одета она была гораздо легче, чем я, — прозрачный газовый шарфик на шее и тонкие чёрные перчатки — не в счёт.

Пока мы ехали, я всю дорогу пялилась в окно, как последняя деревенщина. Более всего меня поразило огромное количество машин, движущихся медленнее идущего человека. «Садовое кольцо. Пробки, — пояснила водительница, усмехнувшись. — Ничего, попривыкнешь». Я чувствовала себя крайне неловко, сидя в своих заношенных джинсах и футболке рядом с этой холёной, красивой женщиной в её шикарной машине, но она словно не замечала подобного контраста между нами и относилась ко мне как к равной. Видимо, это тоже не могло не подкупить меня в ней.

Несмотря на автомобильные пробки, мы добрались до её дома менее чем за полчаса. Проживала она на улице Фадеева в девятиэтажном здании старой постройки. В подъезде царила идеальная чистота: сверкающий мраморный пол с ковровой дорожкой, на подоконниках — экзотические цветы в горшках. Лифт с зеркальными стенами, благоухающий запахом сирени,

одним взмахом поднял нас на последний этаж. Вряд ли в таких домах живут простые смертные, подумала я. Лаура открыла замок своим ключом и, толкнув дверь, посторонилась, первой впуская в квартиру меня. Жилище её оказалось ещё более впечатляющим, чем запах сирени в лифте и убранство подъезда и лестниц. Просторная с высокими потолками пятикомнатная квартира, обставленная дорогой красивой мебелью. Я с интересом разглядывала причудливую мебель — вероятно, сплошь один антиквариат. По всему огромному коридору, как и в каждой комнате, на стенах висели картины известных художников различных эпох. Хотя, может, это были всего лишь искусные имитации, ведь я не слишком хорошо разбираюсь в живописи. Большие старинные часы с кукушкой громко тикали в конце коридора.

— Эта квартира со всей меблировкой досталась моему покойному мужу от его дедушки и перешла мне по завещанию как единственной наследнице, — объяснила хозяйка, заметив моё любопытство. — Вся мебель — настоящая, конца семнадцатого и начала восемнадцатого века, привезённая из Италии и Испании, и уже дважды реставрированная. И картины почти все в подлинниках, за исключением одной — моего портрета в кухне, который писал для меня самый модный столичный художник. Всё, что находится в этой квартире, — стоит бешеных денег, но меня это совершенно не волнует.

— Так, значит, вы вдова? — с сочувствием спросила я, понимающе посмотрев на её траурное одеяние.

— Ну да, — без малейшей тени скорби заявила она. — С супругом детей, увы, завести не успели, вот теперь я и проживаю одна в пяти комнатах со всем этим старым хламом в придачу. Иногда у меня, правда, останавливаются подруги. Мои друженьки-подруженьки. Я тебя с ними познакомлю, но чуть позже.

— А кто они — ваши подруги?

— Да как тебе сказать… Сама поймёшь, когда увидишь. Все мы, если можно так выразиться, — одна большая семья, и никто тебя в ней не обидит и не посмотрит косо из-за каких-либо твоих чудачеств. Поскольку у каждой из нас есть свои. С нами ты сможешь быть самой собой, не опасаясь, что кто-то тебя не так поймёт и осудит.

— А ваш муж, простите… Он давно…

— Два года назад. Но я никогда не любила его, — неожиданно жёстко добавила она. — Он никто, пустое место с деньгами, типичный прожигатель жизни. Для меня он ничего не значил. Обстоятельства вынудили меня на брак с этим

ничтожеством. Я ведь совсем одинокая, как и ты…

Она прошлась по комнате, поглаживая рукой картины и мебель.

— Родственники мужа ненавидят меня, — продолжила свой рассказ Лаура, повернувшись ко мне с коварной улыбкой. — Они не могут спать спокойно, видя какое богатство от них уплыло, кусают локотки и уже два года, высунув языки, бегают по судам и высшим инстанциям, пытаясь отсудить у меня хоть что-нибудь из этого старья. Но всё это лишь пустая трата времени. Смешно наблюдать за их жалкими потугами. Впрочем, иногда они доставляют некоторые неудобства. И можно было бы их понять чисто по-человечески, если бы не их фатальная жадность и склочность. Пусть бесятся, поделом им! Ха-ха! Мне даже приятно видеть, как они мучаются, исходят на крик, брызжут слюной, а поделать ничего не могут. Они заслужили это, в конце концов. Лично мне абсолютно ничего не нужно из барахла этого идиота, но я и чайной ложкой с ними не поделюсь.

Когда она произносила последние слова, в глазах её загорелся какой-то безжалостный победный огонь. И вообще она вся как-то очень сильно изменилась, будто превратившись из одного человека в другого. Её тон и речь преобразились до неузнаваемости, она перестала изображать из себя скромную безутешную вдову, приняв облик довольно стервозной дамы с жёстким характером. Я не нашлась, что ответить на эти откровения, касающиеся чужих семейных неурядиц, поскольку не знала, что могло заставить её так поступать. Возможно, у неё были веские основания для этого, да и не моё это дело. Но такая резкая перемена в её поведении несколько настораживала и наталкивала на мысль, что либо она хорошая актриса, либо страдает раздвоением личности.

Тем временем, отодвинув гобелен, Лаура нажала рукой кнопку на стене. В потолке звёздообразно раздвинулось круглое отверстие, открывая люк, и сверху в комнату бесшумно опустилась лёгкая винтовая лестница. Хозяйка жестом пригласила меня подняться наверх.

— Хочешь посмотреть чердак? Там тоже всё оборудовано для комфортного проживания и, как мне кажется, гораздо больше подходит для таких девчонок, как мы. Она легко взбежала по ступенькам вверх.

Я не без опаски поднялась на залитую солнцем мансарду. Здесь было всё совсем по-другому. Одна огромная комната, больше похожая на просторный зал. Минимум мебели. Точнее, почти полное её отсутствие. Лишь низенький чёрный диван посреди комнаты и четыре плоских экрана телевизоров,

подвешенных по периметру прямо под потолком. Возле стены — два динамика внушительных размеров, подсоединённых к музыкальному центру, и простой металлический стеллаж с большим количеством дисков. Противоположная стена была сплошь застеклена от пола до потолка, отчего вся комната хорошо освещалась, а на улицу открывалась шикарная панорама. Меня поразило то, что в этой комнате практически игнорировалась какая-либо цветность, за исключением контрастного преобладания чёрно-белых тонов. На полу — серое ковровое покрытие. На белых стенах также висело несколько абстрактных чёрно-белых картин непонятного содержания. Я посмотрела на Лауру. Сидя на корточках, она вставляла диск в привод плеера, продолжая с интересом наблюдать за моими перемещениями в комнате. Поборов в себе робость, я подошла к огромному окну и заглянула вниз: по Садовому кольцу медленно ползли потоки машин. Внезапно, кажется впервые за всё время моего пребывания в этом городе, мне в голову пришла некая здравая мысль: «Господи, что я здесь делаю?» Я уже собиралась задать этот вопрос своей новой знакомой, но неожиданно из динамиков раздалась быстрая и ритмичная музыка; вздрогнув, я обернулась — и так и застыла с открытым ртом.

Лаура освободилась от обуви и сбросила с себя шаль прямо на пол. Послав мне чарующую улыбку, она сорвалась с места и стремительно закружилась по комнате в каком-то безумном энергичном танце. Я обалдело уставилась на неё, не в силах произнести ни слова. Подобно большой чёрной птице, взмахивая руками точно крыльями, она порхала в стенах этого непонятного чёрно-белого помещения. Её танец представлял собой сочетание балетного искусства и акробатического мастерства. У неё была отличная растяжка, и в прыжке она делала такие безупречные шпагаты, опасные сальто и другие сложные элементы, которым позавидовали бы мастера спорта по гимнастике. Я, как заворожённая, смотрела на это неожиданное представление и не могла оторвать взгляда. Периодически у меня буквально глаза на лоб вылезали, ибо это действительно был очень странный танец. Двигалась она так, будто закон земного притяжения для неё был не писан. Словно теряя невесомость, она летала по комнате, или какая-то неведомая сила подбрасывала её вверх. Пару раз с разбегу она запрыгнула на стену и, пробежавшись по ней, приземлилась на пол, сделав сальто назад. Наконец, выбежав на середину комнаты, Лаура принялась крутить фуэте с такой нереальной скоростью, что её практически не было видно; до меня доносился лишь лёгкий ветерок, а её быстро мелькавшая тень казалась бесплотным духом из потустороннего мира. Она

танцевала босиком, но при этом легко вставала на пальцы ног, как балерина на пуантах. Мне трудно было поверить в то, что человеческое тело способно вытворять такое. Когда она пробегала мимо меня, я могла видеть её лицо. Оно постоянно менялось. То в нём отображалось исступление, то боль, или же в её глазах загорался огонь ненависти, то страсть, то нежность… и ещё столько много всяких эмоций и чувств, что трудно передать словами. Лаура выражала себя в танце на все сто процентов, выплёскивая в своих движениях всё то, что хотела, но не могла сказать. Она обладала абсолютным талантом к перевоплощению и превосходным чувством ритма. Я никогда ещё не видела столь прекрасного эмоционального выступления. Музыка закончилась, и Лаура упала на пол в изнеможении.

— Ну как? — тяжело дыша, спросила она, поднимаясь. На лбу у неё блестели капельки пота.

Я некоторое время ловила ртом воздух, как рыба выброшенная на берег, и не могла говорить, поражённая невероятным зрелищем, которое мне только что довелось увидеть.

Лаура явно была довольна произведённым ею на меня эффектом.

— О! У тебя ТАКИЕ глаза! — весело засмеялась она. — Этот танец называется «Тени». Вообще-то его надо исполнять вдвоём с партнёром. Раньше он у меня был, но когда он… В общем, когда его не стало, я переделала танец под себя и стала танцевать соло. Тоже ведь неплохо, правда?

— У меня просто нет слов! — воскликнула я, наконец обретя дар речи, но всё ещё находясь под впечатлением от увиденного. — Здорово! Вы потрясающе танцуете. Это же каким надо быть профессионалом, чтобы выполнять такие сложные вещи!

— Хм… В детстве и юности я занималась художественной гимнастикой, и до сих пор стараюсь поддерживать форму. Но, к сожалению, не всегда хватает на это времени.

— Всем бы иметь такую форму! — искренне восхитилась я. — Кому-кому, а уж мне-то до вас точно далеко.

— Я бы могла войти в сборную России, но меня вовремя «ушли», — продолжила Лаура, отходя в другой конец комнаты и подбирая шаль.

— То есть как это — «ушли»? — не поняла я, идя за ней.

— Элементарно, — она повернула ко мне красивое лицо. Взгляд её больших печальных глаз стал колючим и жёстким: в них читалась всё ещё не прощённая сильная обида. — В семнадцать лет я упала с гимнастического бревна и получила

травму позвоночника. Травма была серьёзной, но можно было бы восстановиться. На лечение и реабилитацию нужны были средства и время, поэтому меня просто выкинули за борт, как отработанный материал, заменив другим, более свежим мясом, а мне предложили альтернативу — танцевать в кордебалете для сластолюбивых самцов.

— Не может быть! — возмутилась я. — Вы такая талантливая! Уверена, что они многое потеряли! Вы и сейчас выступаете?

— Нет, с этим давно покончено. Теперь я могу себе позволить танцевать просто для себя и моих друзей.

— Этот мир слишком жесток и несправедлив… — пробормотала я, тронутая до глубины души, печальным рассказом Лауры.

— Как видишь, — усмехнулась она. — У меня есть множество причин, чтобы ненавидеть людей и всю их социальную систему в целом.

— Да… В какой-то степени мне это знакомо… — согласилась я.

Лаура весело посмотрела на меня.

— А теперь скажи, где тебе больше нравится — внизу или наверху? — спросила она, уже стоя возле лестницы.

— Даже и не знаю. И здесь и там хорошо. По-своему.

— Согласна. Может, чайку?

Мы спустились обратно в квартиру, и она угостила меня чаем с шоколадными конфетами. Большая кухня оказалась вполне современной, оборудованной по последнему слову техники; в неё было понапихано всё, что только можно, для того, чтобы до минимума сократить работу женщины на кухне. Я увидела много всяких хитрых приспособлений и приборов, назначение которых мне было незнакомо, но спросить я постеснялась, чтобы не показаться совсем уж дремучей.

— Это моё самое излюбленное местечко в квартире после ванной, — поделилась Лаура. — У меня их, кстати, две — одна с джакузи. Захочешь побаловаться — всё к твоим услугам.

Интересно всё-таки, с чего вдруг такое гостеприимство?

Я обратила внимание на огромную картину в рамке, выполненную маслом, на которой Лаура была изображена абсолютно обнажённой. Чёрные развевающиеся волосы и горящие зеленые глаза делали её похожей на ведьму.

— Хочешь себе такую же? — спросила она, улыбаясь.

— Да нет… — смутилась я. — Зачем она мне? И потом, я бы не смогла позировать художнику в таком… откровенном виде.

— Такая стеснительная? — засмеялась она. — Ну ничего. Это поправимо. Так ты расскажешь, что с тобой стряслось за

последние двенадцать часов?

— Я приехала сегодня утром с первой электричкой, чтобы подать документы в институт и найти себе жильё на время экзаменов. А тут на меня вдруг ни с того ни с сего посыпались разные неприятности. Сначала меня ограбили возле вокзала, потом забрали в милицию, ну а дальше появились вы и…

— Замечательно. Тебе очень повезло, что ты обратилась именно ко мне. Ведь я в основном тем и занимаюсь, что помогаю таким, как ты.

— Таким, как я? В смысле, каким это — таким?

— Бедовым девочкам. Которые тащат за собой все неудачи, какие только есть, поскольку не умеют защищаться.

— Да, похоже, в чём-то вы правы… — согласилась я. — Но только почему-то все эти неприятности начали сыпаться на меня, едва я приехала в этот город; хотя и раньше у меня бывали трудности, но чтобы всё так сразу…

— Гораздо раньше, поверь мне. Намного раньше, если ты вспомнишь как следует. Запомни: этот город не любит наивных, витающих в облаках дурочек, которые не знают нескольких элементарных, но важных правил успешной игры.

Внезапная неприятная догадка осенила меня.

— Скажите, а вы случайно не эта… Как это называется… ну… — я вспомнила «мамку» в отделении милиции с её сомнительным предложением. — В общем, хочу чтоб вы знали: я не ищу себе приключений на свою…

— Ааа… Нет-нет… — она поняла, что я имела в виду и залилась весёлым смехом. — Не волнуйся. Даже близко не угадала.

— Честно говоря…. Тогда не знаю. Я вообще-то звонила по номеру, который мне дала одна девушка на вокзале, и она убеждала, что это телефон какого-то салона магии. Но в таком случае откуда взялись вы? Что я должна думать и…

— Худенькая блондинка? — перебила она меня. — И говорит так быстро-быстро?

— Вы её знаете? — удивилась я.

— Ну конечно! — продолжая смеяться, она дружески хлопнула меня по коленке. — Это моя лучшая подруга Кира, мы живём вместе, но сейчас её нет. И мы действительно в некотором роде оказываем магические услуги населению. Но только избранной его части. Возможно, не самой лучшей с человеческой точки зрения, но точно более выгодной — с экономической. А за что тебя забрали в участок, если не секрет?

— Ну… — мне не очень приятно было это вспоминать. — Двое подростков стащили у меня рюкзак со всеми моими

деньгами — мне даже не на что было позвонить по телефону, — и я не придумала ничего лучшего, как встать в переходе с протянутой рукой. Да, я, наверное, полная идиотка… Милиционер потребовал у меня документы, но поскольку мой паспорт был в украденном рюкзаке, меня посадили в тюрьму как антисоциального элемента.

— Кого? Анти со циа… — внезапно она взорвалась от смеха и принялась так сильно хохотать, что я даже испугалась, не случилась ли с ней истерика. Но она быстро взяла себя в руки и успокоилась.

— Значит, вы — социальный работник? — сделала я новое наиглупейшее предположение.

— Ммм… Да? — Лаура подняла вверх красивые чёрные брови, едва сдерживаясь, чтобы вновь не засмеяться. — Ну в каком-то смысле, да…

«Социальный работник» — пробормотала она.

Зажимая рот рукой, Лаура отошла к шкафчику, достала графин и налила рубинового вина в два бокала — по половине себе и мне.

— Выпей. Это придаст тебе сил, — сказала она, поставив бокал передо мной.

— Да нет… Извините, но вообще-то я не пью, — попробовала отказаться я.

— Лёгкое вино, не более того. Почти компот. Давай. За твоё освобождение! — она подняла свой бокал и слегка пригубила из него.

Я осторожно отпила глоток. Вино оказалось приятным на вкус. Я сделала ещё пару глоточков и внезапно одним залпом осушила весь бокал, чего со мной никогда ещё не случалось. Мне показалось, моя новая подруга осклабилась как-то по-звериному. Как волчица. Но, возможно, мне это только померещилось. Лаура пересела на кожаный диванчик и, поджав одну ногу под себя, затянулась кальяном. Она предложила и мне, но я отказалась. На неё было приятно смотреть, и я невольно залюбовалась ею. В своей расслабленной позе на этом изящном диване она походила на первую наложницу богатого арабского шейха.

— Да ты не волнуйся. Считай, что все твои беды и неудачи уже в прошлом. Всё это легко поправимо. Мы поможем тебе, но вот только…

— Только — что? — я почувствовала, что начала пьянеть, причём как-то уж слишком быстро, хотя Лаура и заверила, что вино лёгкое, но, может, это у меня с непривычки…

— Ты должна будешь отработать, — продолжила она, отставив свой бокал и внимательно вглядываясь в моё лицо.

— Да, конечно. Без проблем. Я могу прибраться в квартире, в магазин сходить… — понесла я какую-то чушь. Хмель ударил мне в голову, и приятное тепло разлилось по всему телу. Наверное, я совсем опьянела…

Она криво усмехнулась, и опять мне почудилась волчья улыбка.

— Какие же вы дикие — ведьмочки с глубинки, — сказала она, выпустив изящную струйку дыма. — Но мне это нравится. Городские совсем поистаскались, а у вас сил хоть отбавляй. Вот что значит — черпать силы от самой Природы. Знаешь, ты мне напоминаешь меня в юности. Только я с Воронежа, а ты с Велижа. Нас, воронежских, здесь в Москве пруд пруди, а вот о велижских я что-то ещё не слышала. Значит, будешь первой из первых. Как профессионал, должна тебе сразу сказать, что ты уже имеешь уровень достаточный для того, чтобы жить в этом городе как королева. Только ты об этом ещё не догадываешься. И никто не подсказал, не научил, как пользоваться тем богатством, которое тебе как снег на голову свалилось, верно?

То ли из-за ужасной усталости, то ли от вина, выпитого натощак и подействовавшего слишком сильно, но я совсем потеряла чувство реальности и слушала эту странную женщину, развесив уши. Она казалась мне потрясающей, такой необычной, и говорила так красноречиво и убедительно, что я почти влюбилась в неё.

— Я помогу тебе раскрыться. Ты ведь мне доверяешь? — спросила она ласково, смотря мне в глаза. А мне показалось, что прямо в душу.

— Да…

— Тогда не будем больше тратить время впустую, пойдём, проведём один небольшой ритуальчик — у нас для этого есть специальная комнатка. После чего ты навсегда забудешь все свои дурацкие комплексы и сможешь делать всё, что только пожелаешь. Ведь свобода — это единственное, ради чего стоит жить и чего следует добиваться в этой жизни любой ценой. Ты согласна? — спросила Лаура, продолжая гипнотизирующе смотреть на меня, а я на неё — как кролик на удава.

— Согласна…

Не знаю, было ли это во сне или наяву. Если это и был сон, то он затмил все мои предыдущие кошмары, которые ни в какое сравнение не шли с тем, что мне пришлось пережить в эту ночь по своей глупости и доверчивости. Но, увы, это был не сон… Я действительно участвовала в каком-то странном и страшном Обряде; правда, я помню только некоторые его детали, поскольку

от напитка, которым угостила меня эта женщина, я почти полностью утратила способность что-либо соображать. Лаура отвела меня в небольшую тёмную комнату наподобие кладовки, где не было окон, или же их занавесили плотными светонепроницаемыми шторами. Она зажгла несколько свечей, помогла мне раздеться до пояса и, произнося какие-то непонятные заклинания, дотронулась рукой до моей груди чуть повыше солнечного сплетения. А потом быстро отошла в тень. Я озиралась по сторонам, ища её, но тут внезапно что-то схватило меня, точно стальными клешнями, сковало и держало. Я попыталась вырваться, но не смогла даже пошевелиться. Невидимая горячая рука, зависающая в воздухе, что-то нарисовала у меня на теле, как раз в том самом месте, где до этого прикоснулась Лаура, причинив мне жгучую боль. Одновременно с этим я испытала сильнейший приступ ужаса, несколько притуплённый выпитым зельем. Потом Лаура вышла из темноты. Она тоже разделась и приблизилась ко мне в тусклом свете свечей. Я что-то увидела, точнее мне показалось, будто в груди у неё шевелится клубок змей или червей. Я истошно закричала и запоздало попыталась включить своё «оружие», но оно не сработало. Я почувствовала, как пол уходит у меня из-под ног, и потеряла сознание…

Среди ночи я очнулась, лёжа на большой чужой кровати. Грудь горела огнём, и меня терзали невыносимые кошмары. Чьи-то тени плясали у изголовья, слышался шёпот множества голосов. Голова была тяжёлой, мысли путались… Я вспомнила последние события, которые довели меня до обморока, но всё произошедшее казалось полным бредом. Я попыталась скинуть с себя наваждение, но оказалась бессильна, проваливаясь в отвратительное состояние, когда не можешь уснуть, но и не можешь проснуться до конца. Лишь когда забрезжил рассвет, кошмары стали отступать. Последние силы оставили меня, и я, наконец, отключилась.

Утром я увидела на своей коже проступившее красное изображение в виде звезды, каждый сегмент которой содержал внутри себя какие-то неизвестные символы и заканчивался головой змеи. Это было как ожог. Как клеймо на животном! Я чуть было не зашлась в крике от ужаса и отвращения, но инстинкт самосохранения подсказал мне, что нужно вести себя тихо и ни в коем случае не показывать своего страха этой безумной женщине. Сомнений нет, надо бежать отсюда, но так, чтобы это не выглядело как побег. Нужно прикинуться, будто я принимаю всё как должное, каким бы страшным и нелепым мне

это не казалось, усыпить её бдительность, а, как только представится возможность, незаметно ускользнуть — и бежать, бежать без оглядки из этого страшного логова непонятно кого! Скрипнула дверь, и я быстро закрыла глаза. Кто-то прошёл по комнате и остановился рядом с моей кроватью. Моё сердце учащенно забилось. Ничего не происходило.

Осторожно приоткрыв глаза, я увидела совершенно голую женщину. Она стояла ко мне спиной перед зеркалом трюмо; я с ужасом разглядела у неё на копчике какой-то омерзительный отросток, словно маленький хвостик, который как-то мелко трясся. Когда она повернулась, я закрыла глаза и сделала вид, что ещё не проснулась.

— Не притворяйся спящей, — раздался надо мной раздражённый голос. — Ты не спишь, я знаю, я чувствовала твой взгляд. Давай, поднимайся и продолжим то, что не успели закончить вчера, поскольку ты оказалась слишком впечатлительной.

Я открыла глаза и посмотрела на пришедшую. Это была та самая девушка, которая на автостанции всучила мне свой злополучный телефон, и которым я так глупо воспользовалась. Тогда она казалась приветливой и улыбчивой, но сейчас её бледное лицо было перекошено от злобы.

— Послушайте, я… Вы меня, вероятно, не за ту принимаете… — охрипшим от волнения голосом пробормотала я.

Я из последних сил пыталась сохранить самообладание, но ужас моего положения был настолько очевидным, что я снова почувствовала страх, граничащий с отчаянием.

В этой девушке не было ничего человеческого.

— Лаура, Королева Тёмных Ведьм, недовольна твоим поведением, — заявила она. — И из-за тебя мне тоже достанется. Не стоит впадать к ней в немилость с самого начала.

— Королева ведьм? — я сглотнула комок в горле.

— Ты что, с луны свалилась? Только что узнала? И ОНА, и Я, и ВСЕ, и ТЫ тоже, — сказала она подчёркнуто медленно и членораздельно. — МЫ все Тёмные, и для тебя же будет лучше, если ты перестанешь корчить из себя идиотку!

— И я тоже… тёмная? — едва удалось выдавить мне из себя.

— А ты как думаешь?

— Нет, — прошептала я. — Я не верю. Что вам от меня нужно?

— Разве тебе не сказали, что ты должна будешь отработать? Ну, ты и согласилась. Так в чём же дело?

— Наверное, я не совсем то имела в виду, что имели в виду вы, и…

— Хватит болтать! Ну-ка, поднимайся! — она грубо схватила меня за руку и скинула с кровати на пол. Я закрыла голову руками, пробуя вновь и вновь «включить» свои глаза, но всё было бесполезно. Моё, как я полагала, безотказное оружие покинуло меня. Я даже не могла сфокусировать взгляд на одном предмете. Зелье, всё ещё циркулирующее в моём организме, напрочь отключило мою способность воздействовать на что-либо посредством мысли. Глаза болели и слезились от дневного света.

— Ладно, — неожиданно вдруг смилостивилась блондинка. — Похоже, ты действительно не врёшь. Даю тебе сроку девять часов, чтобы прийти в себя! А потом… мы всё-таки закончим то, что начали, — добавила она зловещим голосом, от которого у меня по коже пошли мурашки.

Она ушла, громко хлопнув дверью.

«Тёмная ведьма. Лаура принадлежит к тёмным — и ты тоже»… Господи, что же это за адский бред?!

Мне стало хуже, и я пролежала до вечера на кровати, тщетно пытаясь придумать способ, как мне выбраться отсюда, но мои мозги точно расплавились и совсем перестали соображать от проклятого вина. Наконец мои нервы сдали, я встала, быстро оделась и решила выйти прямо и не таясь. Просто открою дверь и уйду. Даже если мне придется вступить в драку с этими сумасшедшими ведьмами, я вырвусь отсюда во чтобы то ни стало. Или погибну. Одно из двух. Взявшись за ручку, я обнаружила, что дверь заперта на замок. Проклятье! Подёргав ручку, я сползла спиной по двери, села на пол и тихонько заплакала от бессилия и страха неизвестности. Взгляд мой упал на окно, и во мне затрепетала было надежда, но я вспомнила, что квартира находится на 9-ом этаже, а я всё же не птица…

Но тут кто-то позвонил во входную дверь.

Звонок повторился несколько раз тревожно и настойчиво. Сквозь шум в голове я услышала, как открылась дверь и раздались голоса. Говорили на повышенных тонах.

— Нам надо довести ритуал до конца! — донёсся из коридора голос Лауры.

Я приложила ухо к двери, чтобы слышать разговор более отчётливо.

— На каком основании? — спросил чей-то дребезжащий голосок, больше похожий на детский.

— Вас это не касается! Девушка у нас, и пришла она сюда сама по своему собственному желанию.

— Вы что же, предложили ей выбор? Она должна была ознакомиться с двумя вариантами и лишь по истечении девяноста

дней принимать какие-либо решения. Читайте устав.

— Это лишняя трата времени. Налицо все признаки того, что она пошлёт вас к чертям собачьим.

— Договор нарушен…

— Плевать я хотела на ваши идиотские бумажки! Они ничего не значат!

— Я доведу содержимое ваших речей до сведения высших инстанций, и у вас возникнут большие неприятности!

Я едва успела отскочить от двери, потому что внезапно она распахнулась и яркий свет от лампы ударил мне в глаза, вызвав в них резкую, обжигающую боль. Ослеплённая, прикрывая глаза рукой, я попятилась назад. Лаура, одетая в чёрный шёлковый халат до пят, вошла в комнату. Лицо её было искажено гневом, длинные прямые волосы, сейчас почему-то синего цвета, струились по плечам до пояса. Внезапно я вспомнила, где видела её. На автостанции в Ярцево… Монахиня, толкнувшая меня… В проём двери я увидела в коридоре пришедших — маленькую изящную старушку в соломенной шляпке, с большим старомодным зонтом в руке вместо трости, и двух, огромного роста, мужчин в костюмах и при галстуках, один из которых был в фуражке таксиста с козырьком и держал на руках маленькую собачку.

— Ну что? Очухалась? — Лаура больно вцепилась в мой локоть железной хваткой и потащила в коридор. — С вещами на выход!

— Забирайте! — она подтолкнула меня к «гостям», будто я была неодушевлённым предметом.

— Считай, что сегодня тебе повезло. Но мы ещё увидимся, и быстрее, чем ты думаешь, — проговорила она с плотоядной улыбкой, от которой меня бросило в дрожь. — Даже не сомневайся в этом.

Она кинула в меня мой рюкзак, я едва успела поймать его.

Не говоря ни слова, я поспешно вышла из квартиры вместе со старушкой и её сопровождающими, и мы все вместе, также молча, спустились на лифте вниз. Я бросила взгляд на старушку. Она чем-то смахивала на мисс Марпл из детективов Агаты Кристи. Возможно, своим чопорным одеянием в стиле 20-х годов. Её совершенно не злое лицо выражало праведный гнев в высшей степени.

Едва оказавшись на улице, я рванула со всех ног куда подальше от этих странных людей, передающих меня друг другу, словно вещь, и решающих мою судьбу. Они мне что-то кричали вслед, но я быстро нырнула в ближайший подъезд, выбежала с чёрного хода и, смешавшись с другими людьми, растворилась в

вечернем городе. Я пробежала ещё несколько улиц, прежде чем окончательно убедилась, что погони за мной нет, и перешла на быстрый шаг, чтобы отдышаться. Я не знала, где нахожусь, и шла в неизвестном направлении, но испытывала огромное облегчение, будто мне только что чудом удалось избежать смертной казни.

Я пряталась за угол, едва завидев милицейскую машину, и выбирала наиболее безлюдные улочки для своих перемещений. Мне казалось, что все жители этого города, словно сговорившись, следят за мной с одной целью — причинить мне зло. Я долго бесцельно бродила по улицам, а потом решилась спуститься в метро. Денег на проезд у меня не было, но понаблюдав за пассажирами, я увидела, что некоторые из них проходят через турникеты бесплатно — по двое, а то и по трое человек. Выбрав самую худенькую девчушку, я пристроилась позади неё; вахтёрша в кабинке заметив это запоздало засвистела в свисток. Я успела сбежать по лестнице и прыгнуть в стоящий поезд, когда он уже начал закрывать двери.

Доехав до конечной станции, я поднялась на улицу и побрела куда глаза глядят. Впервые в жизни я ночевала под открытым небом. Зато теперь я имею полное представление о том, что чувствуют бездомные собаки, оставшись без крова и еды. Мои блуждания привели меня к мосту на набережную Москвы-реки. Спустившись под мост, я забилась в какую-то вонючую нишу и, откинувшись спиной на рюкзак, в полном изнеможении закрыла глаза. Голова кружилась от голода и ведьминского зелья. Татуировка на груди горела адским огнём. Я не могла уснуть. Тяжёлые мысли вперемешку с бредом мучили меня до самого утра. Открыв посреди ночи глаза, я наблюдала страшные вещи, и снова закрывала их, чтобы не видеть этого кошмара.

Похожие на зомби, люди с тёмными пустыми глазницами ходили по берегу или сидели вокруг костров, раскачиваясь из стороны в сторону, словно в каком-то безумном трансе. Господи! Дожить бы до утра!

Я твёрдо решила уехать обратно в Велиж и больше никогда не возвращаться в этот Город Проклятых! Только вот где взять денег на обратный билет?

Глава вторая МИСС МАГДА

Я уныло брела по улице, двигаясь в людском потоке, покинув на рассвете своё неуютное убежище под мостом. Мои глаза вновь «заработали». Это, к радости своей, я обнаружила, когда поднявшееся утреннее солнце осветило берег, по которому я шла: посмотрев на солнце, я привычно не ощутила никакого напряжения и боли в глазах.

Оказалось, что вчера с перепугу я довольно далеко переместилась на окраину, забредя в какую-то промышленную зону. «Зайцем» я добиралась на автобусе до тех пор, пока зашедшие контролёры не высадили меня. Вернувшись к полудню в центр, я сразу принялась искать ломбард, чтобы заложить бабушкины часы с тонким золотым браслетом — единственную ценность, которая у меня ещё оставалась. Люди спешили по своим делам — кто на работу, кто ещё куда-то. Меня перестало шокировать их большое количество, особенно после ночёвки под мостом и всего того, что мне пришлось пережить вчера. Пройдя по подземному переходу, я вышла на оживлённую площадь и побрела вдоль домов. На противоположной стороне дороги я наконец-то увидела искомую надпись «ЛОМБАРД». Я уже собиралась перейти улицу и стояла в ожидании, когда загорится зелёный свет на светофоре, как услышала сильный визг тормозов: одна из проезжавших машин резко затормозила, сдала задним ходом и, наехав на пешеходный переход, остановилась прямо передо мной. В автомобиле открылось окно, и в нём показалась уже знакомая вчерашняя старушка. Моё сердце тревожно забилось. Я тут же повернулась и пошла прочь. Машина последовала за мной. Я ускорила шаг, в любую секунду готовая пуститься наутёк. Машина не отставала и продолжала ехать рядом с тротуаром, но у меня уже не было сил на новое бегство. Я не знала, куда мне бежать.

— Нам надо поговорить, мы не хотим причинять тебе зла, просто выслушай, прошу, а потом пойдёшь, куда тебе вздумается, — сказала старушка обиженным детским голосом.

Я остановилась, машина тоже. Женщина высунула голову в открытое окно, придерживая рукой шляпку от ветра.

— Где ты скрывалась? Мы всю ночь искали тебя, — спросила она.

— Зачем… — устало промямлила я, смотря в одну точку остановившимся взглядом.

— Ты голодна? — поинтересовалась старушка вместо ответа. — Ну конечно! Что же я спрашиваю! Бедняжка…

Я хотела быть гордой и соврать, но всего лишь тихонько кивнула. Этому страшному Городу с его безжалостными, коварными обитателями почти удалось сломать меня…

Она повертела головой по сторонам, что-то ища глазами.

— Пойдём вон туда, посидим, поговорим, — предложила она, кивнув на небольшую закусочную неподалёку.

В ту же секунду водитель с готовностью вышел из машины. Я сделала шаг назад, собираясь дать дёру, но он успокаивающе улыбнулся мне, взяв под козырёк, и открыл дверь перед старой дамой. Её пёсик первым выпрыгнул на асфальт, отряхнулся, и подбежав ко мне, встал на меня передними лапками, с любопытством обнюхивая.

— Чарли, подожди меня в машине, я ненадолго покину тебя, — сказала ему старушка. — Аврил, дорогой мой друг, развлеки его, пожалуйста, чтобы он не скучал, — попросила она шофёра.

— Есть, мэм, — невозмутимо улыбаясь, ответил тот, галантно подавая ей руку и помогая выйти из машины.

В кафе от запахов горячей еды у меня моментально закружилась голова. Мы сели за самый уединённый столик в углу. К нам тут же подошла приветливая официантка, чтобы принять заказ.

Я с жадностью набросилась на еду. Со вчерашнего утра у меня во рту не было маковой росинки.

Старушка с интересом наблюдала за тем, как я поглощаю яичницу с булочками, и молчала, не мешая мне утолять голод.

— Хороший у тебя аппетит, — заметила она.

— Извините… — я чуть не подавилась. Дикий голодный зверёк уже покинул меня, и вернулись нормальные человеческие чувства вроде стыда и стеснительности.

— Да нет, не стесняйся, я просто так тебе позавидовала. В иной день я и чайной ложки съесть не могу. Молодость! — Она с грустью посмотрела на свой нетронутый чай и внезапно спросила резким тоном: — Как тебя угораздило?

— Угораздило — что? — не поняла я.

— Всего лишь один день в Вавилоне, а уже якшаешься с Тёмными? Ну и как тебе? Понравилось?

— В каком ещё Вавилоне? О чём вы говорите? И кто это — Тёмные? Не понимаю… — но тут я вспомнила слова девушки Киры о том, что они какие-то «тёмные», и я якобы тоже.

— Лаура, та женщина, которая вызволила тебя из тюрьмы, — она главная у Тёмных. И Кира, и все остальные, — они навьи — прислужницы Мага Тьмы, без морали и совести поправшего все

законы — человеческие и магические.

Я не знала, что сказать на такое заявление. Возможно, те две девушки в огромной квартире на улице Фадеева и эта старушка в придачу — все вместе взятые, слегка «не в себе», хотя… Я невольно поёжилась, вспомнив страшный ночной обряд и невидимую руку в темноте, начертавшую у меня на теле странное изображение, а ещё этот шевелящийся клубок змей в груди у Лауры… Неужели мне всё это привиделось? Но тогда как быть с татуировкой? Боль от неё немного притупилась, но всё ещё давала о себе знать, особенно когда одежда случайно соприкасалась к ней.

Старушка опасливо посмотрела по сторонам и вдруг, наклонившись ко мне, раздвинула рубашку на моей груди. Она тут же отпрянула назад, издав сдавленный вскрик возмущения. В её голосе слышались гневные нотки.

— Так вот, значит, как они вербуют к себе наивных ведьмочек! Теперь мне всё понятно!

— Простите… Вы меня, что ли, имеете в виду? — спросила я, застёгивая блузку на все пуговицы.

— А кого же ещё? Они тебе хоть что-нибудь потрудились объяснить?

— Нет. Надо было расспросить в подробностях? Если хотите знать, я вообще понятия не имела, что меня куда-то вербуют!

— Тогда вот что я скажу тебе, дорогая. Этот их противоестественный, мерзопакостный обряд не может считаться признанным действительным. Устав для Тёмных и Светлых — один: честный поединок в борьбе за каждую привлечённую Душу. Тебе должны были предоставить выбор. И это решение должно было быть исключительно твоим. Скорее всего, тебя напоили сонным напитком и склонили к ритуалу, воспользовавшись твоим беспомощным состоянием, поскольку ты утеряла контроль над собой. Ведь так всё и было, верно?

— Да… вроде так. Она угощала меня вином, а потом я отключилась. Наверное, подмешала какой-то наркотик, я даже и сейчас ещё не до конца отошла от него. Но мне слишком трудно вас понять. Я догадываюсь, что со мной что-то не так, но…

— Всё с тобой так! Вот только… Скажи: ты всегда доверяешь первому встречному? Такая наивная?

— Разве у меня был выбор? Мои вещи и документы украли, меня забрали в милицию, как последнюю попрошайку или проститутку. В кармане — ни копейки, и я никого не знаю в этом огромном городе. А тут, точно ангел, появилась эта милая девушка, освободила меня и любезно предложила помощь. Что мне ещё оставалось? Откуда мне было знать, что это ловушка?

— Ну что же… Ты начинаешь узнавать жизнь. Но не всегда так будет, поверь. Запомни только одно раз и навсегда: в словах Тёмных нет ни слова правды — одна только ложь и пыль в глаза. Нельзя верить никаким их обещаниям и посулам. Ты ещё легко отделалась.

— Хорошо. Допустим, так. Но почему я должна доверять вам? — задала я вполне резонный вопрос.

— Да, действительно… — махнула она рукой, соглашаясь. — Время. Оно само всё расставит по своим местам. Но позволь задать тебе ещё один вопрос. Зачем ты вообще приехала в Москву? В это прибежище порока и разврата. Да, вижу, что ты не в курсе, но в наших кругах Москву называют вторым Вавилоном; и если его жители не одумаются и не изменят образ своих мыслей, его ждёт та же участь, что и библейский. Это время уже не за горами, и ждать осталось совсем недолго. Итак, какова цель твоего приезда в этот город?

— Я приехала только для того, чтобы попробовать поступить в ветеринарную академию. Разве в этом есть что-то плохое?

— Так вон оно что! — радостно воскликнула она.

— Это что-то меняет?

— Всё меняет! Милая моя! Конечно же ты поступишь в институт, даже не сомневайся в этом. Только ты поступишь в самый лучший медицинский институт. Ты станешь очень хорошим дипломированным врачом и сможешь помочь многим людям. Тебе это по роду написано.

— Правда? Вы так думаете? — невольно улыбнулась я, кажется впервые за всё время, что провела в Москве.

— Я не думаю, я знаю! У тебя дар, который не может быть проявлением тёмных сил. Используя его, ты сделаешь очень много добрых дел в своей жизни. Твоё призвание — исцелять тела и души. Правда непонятно, почему ты выбрала профессию ветеринарного врача.

— Даже и не знаю… Я люблю животных, и потом, я работала в ветеринарной клинике, где один очень хороший человек посоветовал мне стать ветврачом. А откуда, кстати, вы узнали о моём даре? — с подозрением спросила я, спохватившись. — И каким образом вам вообще стало известно о моём существовании и о том, что я была в той квартире на Фадеева?

— Тебя не должно пугать это, а вот откуда узнала Лаура — мне тоже очень интересно! Она, как спрут, нет, скорее, как паук, сидит и подстерегает новую жертву! У тебя, бедняжки, совсем нет защиты, но она у тебя будет, клянусь своей шляпкой и Чарли! Нет, пожалуй, только шляпкой: нехорошо всё же клясться живым существом, пусть даже и таким сварливым, как Чарли…

Я снова улыбнулась. Моя собеседница казалась мне забавной и безобидной. По всей вероятности, мне не стоит её опасаться.

— Я не могу сказать точно, но эта блондинка Кира, подруга Лауры, приезжала к нам в Велиж, и это именно она предсказала мне скорый переезд в Москву. Хоть я и не поверила ей тогда, но так оно всё и случилось. Я теперь, конечно, понимаю, что сделала огромную глупость, решив воспользоваться телефоном, который она мне дала, якобы желая помочь…

— Да уж, эти проходимки — мастерицы пользоваться «сарафанным радио». Но ничего. Главное, что мы приехали до того, как они успели обработать тебя по полной программе.

Я вспомнила ночь, проведённую в квартире Лауры, и мурашки снова пробежали у меня по коже. Понемногу я начинала чувствовать к этой старушке доверие, и мне даже стало стыдно за своё дурацкое поведение в качестве «благодарности» за то, что она спасла меня от этих сумасшедших.

— Вы меня, бога ради, извините. Я довольно дико повела себя вчера вечером… — смущённо начала я объяснять ей своё вчерашнее бегство. — Просто я жутко перепугалась. То, что произошло прошлой ночью, было настолько ужасным, что я почти потеряла голову. Никогда бы не хотела пережить подобное ещё раз. Я действительно очень благодарна вам за то, что вы избавили меня от общества этих страшных и неприятных людей.

— Ничего-ничего. Не извиняйся. Я всё прекрасно понимаю. Но ты права, теперь ты в безопасности и никто больше не посмеет проявить какое-либо насилие над твоей личностью.

— Даже не знаю, как и быть… — грустно вздохнула я, спускаясь на землю. — В данный момент мне совершенно негде жить и у меня совсем нет денег. Меня ограбили в первые десять минут, едва я сошла с поезда. Слава Богу, хоть документы не взяли… Я так понимаю, самое разумное, что я могу теперь сделать, — это поскорее вернуться домой и забыть обо всех своих радужных планах и перспективах. Хотя… и дома-то мне тоже не жить… Что же мне делать? Может, мне в Смоленск уехать?

— Даже не думай! И не переживай о таких мелочах, как деньги или кров над головой. Я помогу тебе. Мы все поможем тебе.

— Вы — ВСЕ? Вас, что ли, много? И кто вы такие? Зачем вам мне помогать?

— Всему своё время…

Опять какая-то тайна! Не нравится мне это…

— Но взамен… — я вопросительно посмотрела на старушку, вспомнив условие, которое мне выдвигала Лаура.

— Ничего! Только если сама не захочешь отблагодарить, —

схитрила она.

— Похоже, у меня нет другого выхода. Но и вы не обязаны мне помогать. Ведь так?

— Я не обязана, но тем не менее я помогу. И только потому, что ты достойна того, чтобы тебе помогли. Ты всё ещё пока не доверяешь мне, но это пройдёт, как только ты убедишься в том, что мы тебе не враги.

— Это всё очень странно… Лаура тоже предлагала помощь, и вот чем это едва не закончилось…

— Лаура и я — это как небо и земля. Не будем вдаваться в подробности, кто из нас земля, а кто небо. Но, наверное, я должна тебе представиться? — она протянула мне маленькую руку, и я пожала её прохладные, высохшие пальцы. — Я одна из Светлых ведьм, хранительница манускриптов Друидов. Меня зовут Магда, но все называют меня «мисс», потому что я всё ещё не замужем.

— Разве вы англичанка? — спросила я; теперь она ещё больше показалась мне похожей на мисс Марпл.

— Нет, — захихикала она. — Считай, что это моя партийная кличка.

— Ясно… — улыбнулась я. — А меня зовут Майя. Майя Матвеева. Кличка у меня в школе была — «дикарка» или «дикая Майя».

— Дикая Майя! — воскликнула Мисс Магда. — Однако, дети — жестокие создания… Но я и так знаю твоё имя. Впрочем, недолго тебе с ним ходить.

— Как это понимать? — насторожилась я. — Интересно, почему все знают моё имя? Лаура, например, тоже знала; правда, наврала, что лейтенант ей сообщил.

— Когда придёт время, ты всё узнаешь… — снова уклонилась она от ответа. — Вижу, ты очень устала и порядком намаялась, поэтому скажи-ка лучше вот что. Ты как? Чистюля? Ну в том смысле, что не разбрасываешь вещи где попало, посуду за собой моешь.

— О да! — усмехнулась я. — Это мой бзик с детства…

— Тогда решено! Я разрешаю тебе пожить в квартире моей двоюродной сестры — она до самых заморозков живёт за городом, — а потом что-нибудь ещё придумаем. Так что, если у тебя нет никаких других планов, то едем прямо сейчас смотреть квартирку.

Я снова взглянула на старушку. В её облике не было ничего зловещего и враждебного, особенно в сравнении с Лаурой — с её резкими переменами в настроении и странными припадками смеха, больше похожими на истерические.

— Хорошо… — согласилась я, решив в последний раз слепо

довериться судьбе. Будь что будет. И если меня снова попробуют запереть в очередной квартире, я буду сражаться как тигрица — не на жизнь, а на смерть.

Мы сели в машину, ожидавшую нас возле кафе. Тойтерьер вырвался из рук громадного Аврила и, запрыгнув ко мне на колени, принялся лизать моё лицо, смешно виляя купированным хвостиком.

— Удивительно, обычно он никогда не идёт к незнакомым, а с тобой у него прямо-таки любовь с первого взгляда, — заметила Магда, изумлённо качая головой.

— Наверное, он чувствует, что я лечила животных. С животными у меня особый контакт, — я безуспешно пыталась увернуться от любвеобильной собачки.

— Чарли, я уже ревную, — шутливо сказала старушка своему псу. Я передала ей Чарли, и она посадила его в корзинку. Собака немного успокоилась и часто задышала, высунув розовый язычок.

Квартира сестры Мисс Магды находилась на окраине Москвы в пятиэтажной «хрущёвке» на втором этаже. Двухкомнатная клетушка с микроскопической кухней и совмещённым санузлом. Мисс Магда пощёлкала выключателем в коридоре — лампочки не включились.

— Кажется, проводка сгнила, — с досадой констатировала она.

— Может, просто лампа перегорела, — предположила я.

— Конечно, это скромное жилище ни в какое сравнение не идёт с квартирой на Фадеева, — сказала Мисс Магда, наблюдая за тем, как я рассматриваю облупленный потолок и запылённую старую мебель. — Хотя что-то мне подсказывает, что тебе здесь будет гораздо уютнее и спокойнее, чем там.

— На Фадеева было жутко, — призналась я, уже в который раз порадовавшись, что удалось унести оттуда ноги.

— Ну что ж, живи, — Мисс Магда торжественно взяла мою руку и вложила в неё ключи.

— Одно только одно условие… — добавила она.

— Какое? — снова немного напряглась я.

О, боги! Речь шла всего лишь о попугае…

— Корми, пожалуйста, Жако — он в соседней комнате — и не забывай поливать кактусы Полли два раза в неделю, иначе она меня прибьёт. Считай, что это и есть твоя плата. А то мне не очень-то с руки приезжать сюда каждый день с другого конца города.

— Вы могли бы забрать его к себе на время.

— Ну что ты! Чарли ужасный ревнивец. Он съест его при

первой же возможности.

— Я всё равно не понимаю, почему вы мне помогаете… — я посмотрела на неё, всё ещё пытаясь уловить хоть какой-нибудь подвох. — Мне, конечно же, очень хочется вам верить, но жизнь учит тому, что бесплатный сыр — только в мышеловке…

— Поэтому-то, из-за своего неверья, люди и не могут добиться многого. Верить надо тому, кому можно верить. А ты с самого начала доверилась совсем не тем. Вот мне интересно — почему?

— Я тогда была в шоке. Наверное, плохо соображала…

— Да, ты уже говорила… Извини… Но я так сильно возмущена поведением Тёмных, их наглостью и вероломством… Они всегда плевали на все законы и соглашения. Такова их суть, — и проявляется она во всём, что бы они ни делали. Но на этот раз они перешли всякие границы допустимого!

Я промолчала, поскольку она вновь затронула тему, которая мне была не совсем понятна.

Мисс Магда положила на комод пачку денег.

— Этого тебе должно хватить на месяц, — сказала она.

— Нет-нет… Что вы… Не стоит. Это уж слишком… — попробовала отказаться я.

— Ты ужасная гордячка. Я знаю, что у тебя нет ни гроша. Поэтому давай сделаем так: я тебе даю в долг, а ты мне его возвращаешь, когда у тебя появится такая возможность.

Немного помявшись, я согласилась.

— Ну ладно… Договорились. Только… Вы даже не представляете, кем я себя чувствую и насколько мне всё это неудобно…

— Я всё прекрасно понимаю, но и я ведь тоже не всем помогаю; хотя, если бы могла, — осчастливила бы всех нуждающихся.

— Как вы думаете, — спросила я Мисс Магду после того, как она ознакомила меня с нехитрым хозяйством своей сестры, — а эта женщина, Лаура… она больше не станет искать меня?

— Она знает, что теперь ты под нашей защитой, но в любом случае осторожность тебе не помешает. И если тебе вдруг покажется что-то подозрительным или ты почувствуешь непонятный страх — пожалуйста, сообщи немедля. Опасность всё ещё остаётся очень высокой.

— А как мне вас найти?

Она на минуту задумалась, потом спросила:

— У тебя есть сотовый телефон?

Мне было стыдно признаться, что у меня его вообще никогда

не было.

— Нет…

— В этом городе невозможно нормально существовать без сотовой связи, — сказала Мисс Магда.

Она ушла в соседнюю комнату и, порывшись в старом серванте, вернулась с телефоном в руке.

— Вот тебе мобильный телефон; он, правда, старенький — ни я, ни моя сестра давно им не пользуемся, — но работает он по-прежнему исправно, только его надо зарядить. Потом, когда у тебя появятся средства, купишь себе самый, как это сейчас говорит молодёжь, навороченный, со всеми «прибамбасами». Мой номер забит в записной книжке под именем Магдалена.

Внезапно мне захотелось обнять Мисс Магду, поднять на руки, как ребёнка, и закружить с нею по комнате.

— Скажите только честно, — спросила я. — Мне вас… Господь послал?

— Может быть, он, а может, кто-то ещё… — уклончиво ответила та. — Ну ладно. Не буду тебе мешать, располагайся тут, осматривайся. Завтра утром я тебе позвоню.

Когда она удалилась, я оглядела своё новое жилище.

И без того тесная квартира была завалена всяким ненужным, на мой взгляд, хламом, но я была в ней ОДНА. А главное — здесь был Душ. Я не имела возможности помыться как минимум два дня, и мне казалось, что на мне накопились тонны грязи, которые буквально притягивают меня к земле. Едва странная Мисс Магда отъехала со своим шофёром и собачкой, я наполнила ванну и, нетерпеливо сбросив с себя одежду прямо на пол, погрузилась в горячую воду со стоном наслаждения. Резкая, жгучая боль напомнила мне о том, что я всё ещё ранена. Нахмурившись, я посмотрела на свою татуировку: она горела уродливой красной звездой на моей груди. Выйдя из ванной, я старательно втёрла в неё крем и осторожно надела халат, стараясь не задевать воспалённую поверхность ожога.

Не хочу сглазить сама себя, но, кажется, жизнь налаживается. И, возможно, это только начало. У меня хорошее предчувствие.

Господи! Большое тебе спасибо за то, что послал мне эту добрую, чудесную старушку!

Глава третья АБИТУРИЕНТКА

На следующий день я уже подавала заявление в приёмную комиссию РГМУ. С этим у меня, как и обещала Мисс Магда, никаких проблем не возникло.

С утра в квартире раздался телефонный звонок. Звонили по городскому телефону. Я подумала, что это кто-то из знакомых сестры Мисс Магды, и решила не брать трубку, но после серии долгих и настойчивых звонков всё-таки набралась храбрости и ответила. Слава Богу, звонившей оказалась Мисс Магда. Милая старушка осведомлялась о том, как я устроилась, затем во всех деталях и подробностях объяснила мне, как проехать до института. Сначала она предложила прислать в помощь своего огромного шофёра со странным именем Аврил, от чего я, естественно, отказалась, решив, что не должна обременять их своими проблемами. Не хватало ещё, чтобы меня водили за ручку как малое дитя. Мисс Магда и без того слишком много сделала для меня, а мне неплохо бы и самой научиться справляться с такими элементарными вещами, как проезд на общественном транспорте до места назначения.

Пока закипал чайник, я покормила своего пернатого соседа и налила ему воды в поилку. Попугай, смешно тряся хохолком и пританцовывая на жёрдочке, трижды поклонился мне и сказал «спасибо». Я выглянула в окно и улыбнулась: на небе не было ни облачка. День обещал быть солнечным и тёплым. Переодевшись в лёгкое платье и босоножки без каблуков, в приподнятом настроении я вышла на залитую солнцем улицу. Меня поразил удивительный контраст по сравнению со вчерашним днем. Сегодня я шла по городу и больше не чувствовала себя никому не нужным испуганным щенком, брошенным на произвол судьбы. А ведь не далее как вчера я находилась на грани отчаяния. Трудности с перемещением по-прежнему оставались, но, как выяснилось, моя адаптация происходила гораздо быстрее, нежели я предполагала, и мне уже не казались такими злыми и чёрствыми жители этого города. Напротив, многие из них сегодня были вполне доброжелательными и даже участливо подсказывали мне дорогу. Возможно, свою роль здесь отчасти сыграло моё собственное восприятие окружающего мира на фоне возникших вчера многочисленных стрессовых ситуаций. Сегодняшний же день, по моим ощущениям, должен быть более спокойным и удачливым. Не прошло и часа, как я уже стояла в вестибюле одного из крупнейших медицинских вузов Москвы, изучая на стенде информацию для абитуриентов.

До первого экзамена оставалось ещё две недели с хвостиком. За это время нужно было успеть всё повторить, благо библиотека университета была открыта для поступающих, а мои конспекты лежали в рюкзаке, любезно не тронутые ворами, за что я им бесконечно благодарна.

Условия конкурса напугали меня не на шутку. Боженьки! Пятнадцать человек на место! Куда мне? Это же один шанс из пятнадцати… Расстроенная донельзя, я уже собиралась уйти побеждённой, даже не дойдя до поля битвы, но внезапно какая-то злость и самолюбивое упрямство взыграли во мне, заставив развернуться у дверей и подойти к столику приёмной комиссии.

Немного успокоившись и поразмыслив над ситуацией, я подумала о том, что готовилась к экзаменам целый год, а сдавать, по сути, нужно было те же самые предметы, что и в ветеринарную академию. Билеты с вопросами не могут сильно различаться. Словно боясь передумать, я быстро написала заявление, и вместе с паспортом и школьным аттестатом отдала его женщине, принимавшей документы.

Я стояла возле стенда, переписывая расписание предстоящих экзаменов и консультаций. Ну вот… Кажется, полдела и сделано. Ладно, пусть не полдела, ну хотя бы четверть…

— Ты после подготовительного? — раздался у меня за спиной голос. — В первый поток не прошла? — Оглянувшись, я увидела невысокую полноватую девушку с короткой стрижкой, постарше меня. Я не сразу поняла, что она обращается ко мне, но повертев головой по сторонам, убедилась, что возле стендов находились только мы вдвоём.

— Нет, я не училась на подготовительном, а к экзаменам готовлюсь сама, — ответила я.

— Ясно. Тоже по чьей-то протекции… Наверное, у тебя есть родственники в институте? — спросила она, как-то недобро посмотрев на меня.

— Нет… Моя единственная родственница — бабушка, которая живёт в Белиже.

— Так ты вообще приезжая? — с оттенком презрения в голосе воскликнула она, усмехнувшись. — Забавно! Я вот уже пятый раз пытаюсь поступить, закончила медучилище, работаю сестрой на две ставки, — и всё никак… Преподы валят нещадно на экзаменах неугодных и пропускают только тех, кто в «белых списках». А ты-то без блата, на что надеешься?

— На чудо, наверное… — пробормотала я, моментально сникая и теряя уверенность в себе. Её слова сильно расстроили меня.

Девица неопределённо хмыкнула и пошла к выходу с таким выражением лица, будто я была сумасшедшей.

Я почувствовала в кармане вибрацию. Оказалось, мне на телефон пришла «эсэмэска». Это было сообщение от Мисс Магды, прочтя которое, я улыбнулась, и покинувшее было меня хорошее настроение вновь вернулось ко мне.

«Ни о чём не волнуйся, пусть даже будет тысяча человек на место. Твоё место — уже ТВОЁ!» — прочитала я содержимое СМС.

— Ладно… поживём — увидим… — сказала я уже сама себе, убирая в сумку ручку и тетрадь.

Этой доброй маленькой женщине каким-то магическим образом удавалось внушать мне сильную убеждённость в том, что всё у меня получится. И в конце концов, должен же быть когда-нибудь и на моей улице праздник, помимо бесконечных неприятностей и неудач?

На обратном пути я вспомнила о бабушке и ахнула. За всеми этими молниеносными событиями, произошедшими со мной, я напрочь забыла сообщить ей о том, что доехала, и что я вообще жива. Она ведь там, наверное, с ума сходит от неизвестности! Зайдя в первое же попавшееся по дороге почтовое отделение, я отправила бабушке срочную телеграмму с сообщением, что у меня всё в порядке, и чтобы она не волновалась. И я её не обманывала. Пока всё шло согласно моему плану — пусть и с некоторыми осложнениями по моей собственной глупости, но, по крайней мере, сейчас я уже видела свет в конце туннеля и решила как можно сильнее настроиться только на лучшее. Чтобы ни случилось — больше никогда не сдаваться и не падать духом.

Все последующие дни я провела за повторением ранее изученного материала. Первый экзамен по биологии и анатомии был назначен на 10 июля. Затем с небольшими перерывами в неделю шли химия и сочинение. Биология и химия не пугали меня, но я немного опасалась за сочинение. В школе я частенько излишне увлекалась подробными описаниями событий и действий литературных героев, поэтому мои сочинения получались очень уж длинными, из-за чего учительница злилась, утверждая, что краткость — сестра таланта, и просила меня ограничивать полёт своей фантазии, угрожая в противном случае начать снижать оценки.

В доме сестры Мисс Магды на первом этаже обнаружился небольшой магазинчик, где было всё самое необходимое для не очень привередливого покупателя, и мне не приходилось рыскать по городу в поисках продуктов и предметов гигиены, что значительно экономило моё время.

Соседи оказались тихими пожилыми людьми. Предусмотрительная Мисс Магда не забыла сообщить им о том, что какое-то время в квартире соседки будет проживать «её троюродная внучатая племянница», чтобы не возникло ненужных подозрений и кривотолков.

Всё было бы ничего, если бы меня не начали мучить по ночам кошмары. Это происходило довольно часто и с какой-то пугающей периодичностью. Иногда тревожные, нехорошие сны снились мне по нескольку раз за ночь, заставляя меня просыпаться, после чего я уже не могла уснуть. Бывало даже, что мне приходилось прибегать к помощи валокордина, чтобы успокоиться. Все эти сны были очень странными, яркими, и происходящее в них надолго оставляло в памяти полное ощущение реальности. Один из снов особенно запомнился мне своей жестокостью.

Мне приснилось, что я «проснулась в своём сне», словно очнувшись от забытья, почувствовав затхлый запах подвальной сырости и ледяное дыхание склепа. Замёрзшая, с клацающими от холода зубами, я лежала на каменном столе, наподобие алтаря. Вокруг — мрачные серые стены средневекового замка, тускло освещаемые огарками свечей в поржавевшей металлической люстре, с которой белыми хлопьями свисала плотная паутина, и мои волосы были покрыты этой противной липкой паутиной. В руки и ноги больно впивались толстые цепи, намертво приковывавшие меня столу. Где-то совсем рядом, за стенами, слышался гул голосов, смех и чьи-то безумные вскрики. Внезапно массивные дубовые двери со скрипом отворились, и из соседнего помещения в зал вошла толпа людей зловещего вида в чёрных длинных плащах, во главе их — Лаура; они все встали вокруг меня и со звериной жадностью принялись что-то пить из принесённых ими железных кубков. По сладковатому тошнотворному запаху я догадалась, что это кровь; лица пришедших также были испачканы кровью. Сердце моё сильно забилось от ужаса и отвращения. Лаура наклонилась надо мной: в её зелёных фосфоресцирующих глазах на мертвенно-бледном лице светилось откровенное торжество зла.

— В расход её! — приказала она, и я увидела над собой занесённый кинжал — его окровавленное стальное остриё, неумолимо приближающееся к моим глазам.

Я дёрнулась, закричала и проснулась в холодном поту, упав на пол с кровати. Тяжело дыша и ощущая бешеный стук сердца, я сидела на полу, вырываясь из кошмара, всё еще цепляющегося за моё сознание своими мёртвыми ледяными щупальцами. Из соседней комнаты доносился какой-то подозрительный шум.

Преодолев страх и слабость, я встала и зашла в тёмную комнату, но, ещё не зажигая свет, поняла, что это с истошным криком мечется по клетке бедный Жако.

— Ну что ты, малыш? — спросила я разволновавшегося попугая. — Неужели тебе тоже приснился страшный сон?

Наконец настал день первого экзамена. Вечером накануне меня посетила Мисс Магда с Аврилом, принёсшим в обеих руках несколько пакетов. Оказалось, она потратила полдня, чтобы купить для меня новую одежду. Ну вот зачем ещё?! Мне было ужасно неловко принимать от неё всё это, ведь я ей была никем, совершенно посторонним человеком, а заботилась она обо мне так, будто я была её дочерью. В то же время мне не хотелось обижать пожилую женщину, которая была так добра ко мне. Возможно, таким образом она пыталась реализовать свои материнские потребности, поскольку детей у неё не было. Такое иногда бывает…

— А теперь слушай внимательно и запоминай, — наставляла она меня. — Когда пойдёшь отвечать, постарайся сделать так, чтобы экзамен у тебя принимал лысый, худой, в очках. И не забудь включить… — она многозначительно постучала указательным пальцем себе по лбу. — Сама знаешь, что! И ещё. Ничего не бойся и будь уверена в своём успехе на все сто, поскольку в отношении тебя всё уже решено. Окончательно и бесповоротно. Понятно?

— Лысый, в очках, ага… запомню, — повторила я, нервно улыбаясь.

С утра никакая еда не лезла в меня. Я сделала глоток остывшего чая и ушла, не позавтракав.

В вагоне метро на меня напал такой мандраж, что моё тело стала сотрясать сильная неконтролируемая дрожь. Все мои попытки справиться с ней лишь только усугубляли положение, вызывая новый, ещё более агрессивный приступ трясучки. Как я ни сжимала и ни напрягала дёргающиеся руки и колени, они самопроизвольно ходили ходуном, и мне даже стало казаться, что подо мной подпрыгивает сидение вместе со всеми сидящими на нём пассажирами. Наверняка люди заметили это и решили, что я психически больная или наркоманка. На последнее предположение, кстати, могли ещё натолкнуть тёмные очки, скрывающие мои глаза. Слава Богу, вскоре в вагон зашла старушка с палочкой, и я, уступив ей место, встала у дверей, привалившись к ним спиной, проигнорировав надпись «Не прислоняться!» Ехать стоя почему-то оказалось куда лучше, — по

крайней мере, частота судорог в моих конечностях значительно снизилась.

Чтобы отвлечься, я стала заниматься какой-то ерундой и случайно, не желая того, открыла у себя ещё одну странную способность — не так уж, чтобы очень важную с точки зрения полезности, но тем не менее она позабавила меня. Суть её заключалась в том, чтобы заставить человека почувствовать то, что я мысленно представляла, как бы оказавшись в его теле. Началось это с того, что мой взгляд нечаянно упал на ногу ближайшего пассажира, и я, вообразив, что я — это он, стала фантазировать, будто у меня (то есть у него) сильно чешется правая нога под коленом. И… о чудо! Не прошло и полминуты, как он наклонился и почесал свою ногу в том самом месте. Потом я проделала то же самое с ногами ещё нескольких людей — и все они как один нагибались и почёсывали свои правые ноги в одном и том же месте. Это мне показалось настолько смешным, что я не выдержала и рассмеялась, чем неосмотрительно вновь привлекла к себе внимание окружающих. Рядом стоящий мужчина опасливо покосился на меня. Вероятно, он принял меня за нервнобольную — и немудрено: то трясусь, как в малярийном приступе, то хохочу сама с собой без причины. Отругав себя за неосторожность, я продолжила экспериментировать. На противоположной стороне вагона сидел парень и читал газету, рядом с ним дремал пожилой мужчина. Я начала внушать пожилому, чтобы он легонько укусил парня за ухо. Какое-то время мужчина продолжал спать, но вот он, почмокав во сне губами, зашевелился, открыл глаза и повернул голову в сторону молодого человека. Взгляд его заскользил по соседу и заинтересованно остановился на его ухе. Наверное, тот почувствовал на себе плотоядный взгляд старика, и, оторвавшись от спинки сидения, сел, чуть выдвинувшись в проход и сгорбившись над газетой. Но когда старик открыл рот и наклонился близко к нему с непонятными намерениями, парень вскочил как ужаленный и выбежал из вагона, бросив газету на сиденье. Едва сдержав смех, я стала выбирать себе новую «жертву». Неподалёку, держась за поручень, стояла маленькая коренастая таджичка с большой хозяйственной сумкой и смотрела на меня, как мне показалось, с явным неодобрением. Заметив мой взгляд, она тут же отвернулась, а я принялась потихоньку «колоть» её спину маленькими воображаемыми иголочками. Реакции ноль. Тогда я «взяла спицы побольше», и всё равно это не подействовало; даже когда я «вонзала» в её спину «огромные стальные копья» — ничто не заставило её хотя бы вздрогнуть или пошевелиться. Поскольку таджичка никак не

реагировала на мои «уколы», я вновь переключилась на других людей. В результате остальных моих «шуточек» один мужчина поцеловал возмущённую женщину, стоящую рядом с ним, несколько джентльменов уступили места дамам, а ещё у двоих я удалила «сухих червей» и одну «летучую мышь». Мой мандраж как рукой сняло.

Я так сильно увлеклась этими «шалостями», что чуть не проехала свою станцию, и выпрыгнула из поезда в самый последний момент.

Экзамен принимали трое преподавателей. Молодая женщина с несчастным, даже трагическим лицом, и два профессора — оба лысые и в очках. На этом их сходство заканчивалось. В остальном они довольно сильно различались. Один из них был пожилой мужчина добродушного вида, с седыми усами и небольшой аккуратной бородкой, второй — помоложе первого, гладковыбритый, нервный тип, худой как смерть. В аудиторию запустили сразу человек двадцать. Первые зашедшие абитуриенты торопливо стали занимать места как можно дальше от стола преподавателей, но поскольку у меня всё равно не было никаких шпаргалок, то смысла мне скрываться не было, и я уселась прямо напротив экзаменаторов.

— Шпаргалки, мобильные — мне на стол. При себе иметь только ручку и чистый листок бумаги, — предупредил худой преподаватель. — Если замечу, что кто-то списывает или как-то ещё пытается мухлевать, — тот будет немедленно и беспощадно удалён с экзамена. — Голос у него был вкрадчивый и крайне неприятный.

Ребята с бледными, напряжёнными лицами по очереди подходили и тянули билеты.

Мне достался билет?13. На секунду моё сердце дрогнуло, но прочитав вопросы, я пожала плечами: в общем-то, ничего сложного, и ни к чему все эти глупые суеверия…

Тридцать минут на всё про всё. Я могла бы ничего и не писать, но решила не идти первой, а понаблюдать, как будут отвечать другие.

Женщина-преподаватель не казалась ни доброй, ни злой — скорее никакой. Её лицо покрывала смертельная усталость, которую усиливали большие чёрные синяки под глазами, выдававшие в ней не выспавшегося человека. Она спрашивала кратко и по существу. Очевидно, ей нестерпимо хотелось, чтобы экзамен побыстрее закончился и можно было уйти домой. Возможно, дома у неё находился маленький ребёнок или кто-то болел из родственников.

Внешность пожилого преподавателя вызвала в моём воображении образ профессора Преображенского из «Собачьего сердца» Булгакова. Я заметила, что он почти всем ставил положительные оценки. «Лысый, в очках…» — вспомнила я странное напутствие Мисс Магды. Наверное, мне к нему и надо.

Второй — тот, что помоложе, — был поразительно похож на Кощея Бессмертного. Желчный, нервный и, вероятно, очень жестокий. Я успела поставить ему несколько неутешительных диагнозов. Например, невралгия тройничного нерва, практически не поддающаяся лечению. Наверняка он страдал сильными головными болями. Плюс печень и поджелудочная — в довольно плачевном состоянии. Троих абитуриентов, едва начав слушать, он тут же забраковал и отправил восвояси с оценкой «неудовлетворительно». Никто не хотел к нему садиться; тогда он брал список и начинал вызывать насильно.

— Антонов Виталий здесь? — позвал он очередную «жертву».

Парень, сидевший рядом со мной, вздрогнул как от удара током и поднял голову. На секунду я встретилась с ним взглядом: в его глазах была такая невыносимая тоска, будто его вызывали на расстрел. Он стал медленно подниматься, но тут же упал обратно на стул, словно силы покинули его.

— Я сейчас… ещё немного… надо дописать, — пробормотал он дрожащим голосом.

— Что вы там лепечете? Ваше время вышло, садитесь!

В этот момент у «Преображенского» встала девушка и со счастливым выражением лица упорхнула прочь, неся двумя пальчиками свой экзаменационный лист.

Я толкнула ногой под столом Антонова и быстро показала ему глазами на освободившееся место.

— Таак… — угрожающе начал «Кощей».

Неожиданно я выпрямилась и посмотрела ему прямо в глаза.

— Готовы, девушка? — садистски улыбаясь тонкогубым ртом, спросил он.

— Я? — испуганно переспросила я.

— Вы, вы. Ну а что тянуть-то? Садитесь, перед смертью всё равно не надышишься.

Я снова посмотрела на него. В конце концов, он тоже лысый и в очках…

— Да, я готова, — услышала я свой обречённый голос.

Я быстро встала, взяла свой экзаменационный лист и отправилась к «Кощею», как овца на заклание, сопровождаемая сочувственными взглядами со всех сторон. В проходе я едва не столкнулась с Виталием Антоновым, который вдруг неожиданно обрёл силы и резво вскочил, чуть не перевернув стул, поскольку с

задних рядов уже начали подниматься желающие оказаться у «профессора Преображенского».

— Присаживайтесь, что вы на меня так смотрите, словно я монстр какой-то? — «Кощей» постучал рукой по стулу рядом с собой, приглашая меня садиться. За толстыми линзами очков он был похож на большого богомола, собирающегося плотно пообедать.

— Да нет… Вроде я на вас нормально смотрю… — растерянно пробормотала я.

— Отлично, отлично! Ну? Что у вас тут? Давайте-давайте — только поживее. Не видите, что ли? Здесь же очередь из страждущих отвечать!

— Эээ… вот… — я положила перед ним свой билет.

— Итак, билет номер тринадцать. Ну что ж, прекрасное число, — он зловеще оскалился и отложил билет в сторону, перевернув его «лицом вниз».

— Я не спрашиваю по билету, — заявил он. — Меньше всего меня интересует пищеварительная система кольчатых червей и половой цикл папоротников. Поэтому отвечайте сходу: что находится под малым крылом клиновидной кости человека? А?

— Отверстие зрительного канала, — без запинки выпалила я, и сама подивилась своему быстрому ответу.

— Какой позвонок имеет «зуб» и в каком отделе позвоночника он располагается?

И на этот вопрос ответ в моей голове родился мгновенно.

— Осевой позвонок верхнего отдела позвоночника.

Поджав губы, он молча достал из-под стола дипломат и открыл его. Заглянув в него, я содрогнулась от ужаса: дипломат был битком набит настоящими человеческими костями! Да он же ненормальный! Самый натуральный маньяк! Отобрав несколько экземпляров, профессор выложил их на стол передо мной.

— Смотрите и перечисляйте названия этих позвонков. Если хотите, можете взять их в руки для наглядности.

Я предпочла не брать их в руки «для наглядности» и ответила моментально:

— Атлант, шейный позвонок, грудной позвонок, поясничный, крестец. Всё.

— Хорошо… А такой вопрос… Что образует собой соединение бедренной кости и передне-нижняя ость подвздошной кости? Чем они соединяются? Образец посмотрите?

— Не надо. Эти кости образуют тазобедренный сустав и соединены подвздошно-бедренной связкой.

Странно, но я отвечала, практически не думая и совершенно не напрягаясь. Словно кто-то вкладывал уже готовый ответ в мою

голову, а я его просто повторяла.

— Угу… Ладненько. Это было всё легкое, теперь чуть посложнее, — он снова порылся под столом и положил передо мной, слава Богу, большую стопку анатомических плакатов. — Вот вам картиночки, рассматривайте внимательно и вспоминайте. Вот это что? А? А это?

Я ему перечислила все части мозга, половину мышц человека: поверхностных, средних и глубоких, — а ему и этого было мало.

— Что вы видите на этой картинке? — спрашивал он в который раз.

— Это позвоночный канал… вскрытый сзади.

— Возьмите ручку и, показывая на рисунке, перечислите мне все его оболочки.

— Тело позвонка, мягкая оболочка, твёрдая оболочка, паутинная оболочка, дуга позвонка, спинной мозг, спинномозговые артерии, спинальный ганглий, субдуральное пространство…

— Достаточно! Нервы! Нервы — это наше всё. Переходим к ним.

Ну, Мисс Магда! Ну, спасибочки вам! Кого вы мне присоветовали! А может, это я перепутала? Их же два — лысых в очках, — и всё-таки надо было садиться к «Преображенскому»! Этот «доктор Лектер», пока не завалит меня, не успокоится!

«Профессор Преображенский» не слушал заикающегося Антонова, зато, подложив руку под щёку, с полуулыбкой слушал своего коллегу.

— Валентин Петрович, окстись, — это же программа второго курса, ты что спрашиваешь-то? — не выдержав, вмешался он.

— Молчи, совесть, я прощупываю будущий потенциал! — буркнул «Кощей», отмахиваясь от него.

Он задал мне ещё ряд довольно сложных вопросов, касающихся нервной системы и наконец сдался.

— Ну что сказать… — разочарованно развёл он руками. — Молодец! Хорошо подготовилась. Скорее всего, ты после медучилища, и училась на подготовительном у Лилии Анатольевны Шелкопряд?

— Что? Нет… Я не знаю эту женщину и никогда у неё не… — неожиданно я увидела, на третьей парте девушку-медсестру, которая поступала уже пятый раз. Закусив губу, она быстро писала, украдкой подглядывая под листок.

— Думаю, по билету спрашивать бессмысленно, — сказал «Кощей». — Если уж вы ответили мне всё, что я вас спрашивал, то эта школьная ерунда вам больше не понадобится.

Он взял мой экзаменационный листок и стал в нём что-то

писать.

— Что я…

— Я склонен выставить вам наивысший балл, — объявил он, впрочем довольно сухо. — И я вам его ставлю. Точнее — вынужден поставить. Желаю успехов в сдаче остальных экзаменов!

Небрежными взмахами кисти, словно прогоняя надоевшую кошку со стула, он показал мне, что я могу быть свободна.

Я вышла в коридор на ватных ногах, всё ещё не веря своей удаче. Неужели мне только что приснилось, что я сдала экзамен на «пять» этому жуткому «Кощею»? Я потрясла головой и зажмурилась на секунду, надавив пальцами на переносицу. Посмотрев в свой экзаменационный лист, я почувствовала порхание бабочек в животе и чуть не засмеялась. Да нет же! Вот оно — корявенькое «отлично» и роспись профессора. Ура! Я сделала это!

Остаток дня я предавалась эйфории. Это состояние было настолько приятным, что хотелось продлить его как можно дольше. Я решила устроить себе маленький отдых и отказалась от всех дел на сегодня. Конечно, было бы неплохо прогуляться по Москве, посмотреть её достопримечательности, или просто сходить в какой-нибудь парк, поскольку мне очень не хватало Велижской природы, особенно леса, в котором так хорошо приводились в порядок мои мысли и чувства. Но я пока ещё недостаточно хорошо ориентировалась в городе и боялась заблудиться. Кроме Мисс Магды, у меня здесь не было никаких знакомых, а напрягать её своими прихотями и просить устраивать мне экскурсии было бы верхом наглости. Поэтому по дороге домой я накупила много всяких вкусностей, не забыв про угощение для своего пернатого друга, и до вечера провалялась на диване, просматривая спутниковое ТВ, переключая с одного канала на другой. Завтрашний день я посвящу повторению задачек по химии, которые, в принципе, были для меня лёгким развлечением…

* * *

Оставшиеся экзамены прошли гладко и без каких-либо нервных потрясений для меня. Я не могла не заметить, что многие абитуриенты «отсеялись» уже после первого экзамена. На химию пришло ровно вполовину меньше человек, чем я видела на биологии, а на сочинении их количество и подавно сократилось до четверти от всех подавших заявления на мой факультет.

Наверное, те, кто получил «тройки» и «четвёрки» на предыдущих экзаменах, были вынуждены отказаться от дальнейшего участия в конкурсе, сочтя это бессмысленной тратой времени и нервов, поскольку строго установленный проходной балл в «пятнадцать» не оставлял им никаких шансов, и абитуриент, получивший оценку менее чем «отлично» хотя бы на одном из экзаменов, фактически сразу выбывал из игры. Но слова той девушки о невозможности поступления честным путём, будь ты хоть Ломоносовым, прочным осадком отложились в моей голове, заставляя терзаться плохими предчувствиями.

Для меня настало время «Х». Почти целую неделю мне предстоит мучиться неизвестностью и бороться с чёрными мыслями о своём возможном неуспехе. Итак, подвожу итоги: три пятёрки по всем экзаменам плюс мой аттестат с отличием. Через шесть дней станет ясно, как сказал Гамлет: «Быть или не быть…»

Пока шло время томительного ожидания, я решила привести квартиру сестры Мисс Магды в более-менее божеский вид. Для начала я провела в ней генеральную уборку: вытерла всю пыль и до блеска вымыла окна. В чулане обнаружилось несколько рулонов старых, но вполне ещё приличных обоев. Я купила клей, кисточку, и приступила к работе. Когда приехала Мисс Магда, я уже заканчивала ремонт в смежной комнате.

— Ух ты! Как тут интересно стало! — услышала я из коридора её удивленный возглас.

Чарли ураганом влетел в квартиру, пробежал по намазанным клеем обоям, разложенным на полу, и брезгливо задрыгал тонюсенькими лапками, стряхивая желеобразную жидкость. Жако, сидевший на люстре и наблюдавший за всем этим безобразием, неожиданно наклонил голову и громко, возмущённо закричал: «Дуррак, дуррак, дурак!» В ответ собака разразилась таким сварливым лаем, что мы с Мисс Магдой чуть не надорвали животы от смеха. Я протянула руку попугаю, и он перебрался на моё плечо, всё ещё продолжая тихо ворчать.

— Что это ты делаешь, девушка? — спросила Мисс Магда, с интересом разглядывая покрытую газетами мебель и вёдра с красками и шпатлёвкой.

— Как видите — делаю ремонт. Должна же я хоть как-то расплатиться за своё льготное проживание на чужой территории.

— Опять ты об этом! Ну что ты за человек такой?

— Мне это совсем нетрудно. Кстати, я починила проводку в коридоре. Там теперь горят обе лампочки.

— Да ты что? Это же просто фантастика!

— А в ванной сухо и не пахнет сыростью, — удивилась она, в

свою очередь заглянув в санузел.

— Ага. Я поменяла прокладки в обоих кранах, больше не будет так течь. Если хотите, ещё и стены покрашу, только скажите в какой цвет.

— У меня просто нет слов! А ещё говорят, что женщина беспомощнее мужчины. Да в любой, какой хочешь, хотя, наверное, лучше в зелёный или белый. Но зачем ты сама так напрягаешься? Ведь можно нанять людей.

— Да это же ерунда. И потом, подобная работа отвлекает меня от плохих мыслей.

— Ну-ка, ну-ка! Что ещё за плохие мысли бродят в твоей красивой головке? Давай, рассказывай, — строгим голосом потребовала мисс Магда.

— Видите ли… Дело в том, что, скорее всего, я не поступлю в институт. И всё это напрасно… Ну что ж… Я хотя бы попыталась.

— Очень интересно. И исходя из каких фактов ты сделала такие выводы?

— Не знаю… Но что-то подсказывает мне, что в такие вузы просто так без взяток не поступают, и потом, я же приехала из глубинки, а тут, оказывается, москвичам мест не хватает. Да и кто я вообще такая… У меня нет ни связей, ни родственников. Я никто и звать меня никак…

— Так-так-так! Кто-то вбил тебе в голову эти дурацкие мысли! — угрожающе постучала она пальцем по столу.

— Возможно… Одна девушка, которая не может поступить уже пять лет; и ещё я слышала, как ребята разговаривали между собой в коридоре, — они тоже считают, что все места давно куплены, поэтому у всех прочих шансы пройти по конкурсу равны нулю.

— Тогда скажи мне вот что: У ТЕБЯ КТО-НИБУДЬ ВЫМОГАЛ ВЗЯТКУ? Или, может, тебе предлагали решить вопрос твоего поступления именно ТАКИМ ОБРАЗОМ?

— Да нет… Вроде нет… — удивилась я.

— Тогда зачем ты слушаешь всяких глупых и злых людей? Сама посуди: раз тебе никто ничего подобного не предлагал, и по всем экзаменам ты получила высшие баллы, то разве вопрос твоего поступления уже не решён? Ну? Тебе ещё нужны какие-то доводы, или я тебя убедила?

Я вздохнула с облегчением и улыбнулась.

— Странно… И как я сама до всего этого не могла додуматься? Не знаю почему, но всякий раз вы меня просто вытаскиваете из моего болота страхов и сомнений. Наверное, я всё-таки полная дура, каких свет не видывал…

— Ты обычная паникёрша. Хорошо ещё, что ты занялась

малярно-штукатурными работами, а не ищешь успокоения в какой-нибудь гадости наподобие пива, банки коктейля, или что там сейчас любит употреблять молодёжь. Итак, даю тебе установку прекратить грызть себя и принижать свои достоинства.

— Ладно… Я постараюсь, — не слишком уверенно пообещала я.

— Постарайся как следует! И ещё. Я давно хотела спросить: не беспокоил ли тебя никто из Тёмных? Может, случилось что-то, о чём я не знаю?

— Нет. Я их не видела с тех самых пор как покинула квартиру на Фадеева; правда, мне периодически снятся кошмары, — в некоторых из них присутствует Лаура и ещё какие-то очень неприятные люди. Думаю, это сказывается нервное перенапряжение из-за экзаменов.

— Я так и знала! — неожиданно воскликнула она с гневом. — Вот дрянь такая! Нет, это не от нервов. Завтра же привезу тебе снадобье, от которого ты будешь спать сном младенца. Похоже, эта негодяйка пытается мстить исподтишка. Но ей это не удастся! — потрясла она сжатыми кулачками над головой, при этом её кудряшки, выглядывающие из-под накрахмаленного чепца, смешно затряслись в такт.

Я не стала уточнять, каким образом Лаура могла мне мстить своим появлением в моём сне. Но участие доброй старушки было мне приятно.

— Мисс Магда… Даже и представить себе не могу, чтобы я без вас делала. Наверное, я бы уже давным-давно погибла где-нибудь под мостом, а может, меня убили бы или продали в проститутки…

— Ну что ты за глупости несёшь и зачем страсти такие выдумываешь? Опять ты себя унижаешь! Ты же только что дала обещание изменить своё отношение к себе.

Я снова вздохнула и решила сменить тему.

— Извините… А не могли бы вы хоть чуточку подробнее рассказать мне о том, кто вы есть на самом деле?

— Я хранительница манускриптов Друидов, Светлая…

— Это я уже поняла… — улыбнулась я. — Только, знаете… Кем бы вы ни были, лично для меня — вы прямо как добрая фея из сказки про Золушку. Вы появились из ниоткуда, освободили меня из плена злодеев, предоставили жильё и поддерживаете материально и морально, ничего не требуя взамен. Может быть, вы ангел?

Я сказала это с некоторой долей иронии, но Мисс Магда, кажется, этого не поняла.

— Мне очень лестно слышать такие речи, дитя, хоть я и не

ангел, — сказала она, немного смутившись. — Скорее, я просто стараюсь хорошо выполнять свои обязанности, хотя ты и симпатична мне как человек. Придёт время — и это будет довольно скоро, — я тебя обязательно во всё посвящу. Если не во всё, то во многое. И ты познакомишься со многими интересными личностями в этом городе. Только ты должна будешь дать обещание, возможно, даже жизнью поклясться, что никому ничего не расскажешь о том, что узнаешь. Никто из посторонних не должен знать то, что им знать не позволено. Но ты уже почти одна из нас, и займёшь достойное место в наших рядах. Если, конечно, сама того пожелаешь, — добавила она, словно спохватившись. — А если нет… Ну что ж, тогда будешь жить как самый обычный человек, хотя ты прекрасно понимаешь, что у тебя это вряд ли получится. Поскольку ты далеко не совсем обычный человек.

— Да, я знаю. И когда же вы начнёте… посвящать меня во всё, что вы сказали?

— Скоро. Но пока тебе лучше отдохнуть и ни о чём не думать. Насчёт института — выбрось все глупые мысли из головы. Ты уже поступила — это я тебе гарантирую. А за ремонт огромное спасибо. Моя сестра будет тебе только благодарна за все твои труды, потому что в этой квартире ремонта не было уже лет тридцать — с тех самых пор как умер четвёртый муж Полли. Ну и всё, наверное… Чарли, пойдём! Не будем мешать этой мнительной особе избавляться от своих комплексов!

За работой время пролетело незаметно, и вот, наконец, наступил долгожданный день. Я отправилась в университет, чтобы узнать окончательный результат всех моих мытарств.

Сегодня на первом этаже было оживлённо и многолюдно. Возле четырёх стендов толпились счастливчики — будущие студенты, а также те, кому не повезло оказаться в их числе. Моё сердце буквально выпрыгивало из груди от волнения и любопытства. Проталкиваясь сквозь толпу, я снова увидела ту самую девушку, с которой разговаривала в первый день, когда приходила подавать документы. Заметив меня, она подошла ко мне.

— Забавно, что мы с тобой опять встретились на том же самом месте, — мрачно произнесла она.

— Привет, — поздоровалась я. — Как твои успехи? Получилось на этот раз?

— Ха! Дышите глубже! Я снова провалилась, чего и следовало ожидать. А ты?

— Сейчас узнаю…

Я подошла к стенду и вгляделась в списки поступивших. Быстро пробежав глазами лист сверху вниз, я увидела свою фамилию и едва успела больно укусить себя за губу, чтобы не улыбнуться и не показать своей радости.

— А ты? — с какой-то надеждой в голосе повторила девушка, не отходя от меня.

— Увы… — соврала я, оборачиваясь к ней и принимая скорбный вид. — Завалила сочинение… Нет, я не прошла, не хватило балла. Придётся возвращаться домой в Велиж. Мебельный завод ждёт меня с нетерпением!

— Я же говорила, что без блата поступить нереально! — злорадно заулыбалась она. — Ну ладно. Пока тогда? До следующего года?

— Пока…

Как сомнамбула, я добрела до женского туалета и, умывшись холодной водой, взглянула на своё отражение в зеркале. Словно не узнавая себя, провела мокрыми ладонями по лицу.

— Я студентка? — спросила я отражение.

— Я студентка… — ответила я и засмеялась.

В этот момент в одной из кабинок спустилась вода и оттуда вышла девушка. Она с подозрением покосилась на меня и поспешила скрыться за дверью. Видимо, у неё возникли некоторые сомнения относительно моего психического здоровья.

Ну что ж… По крайней мере на ближайшие пять лет моя жизнь приняла хоть какую-то определённость, что не могло не радовать.

— У тебя есть ещё месяц до начала занятий. Как ты собираешься его провести? — поинтересовалась Мисс Магда после всех поздравлений и лобызаний. Чарли прыгал на меня передними лапами, отчаянно пытаясь привлечь моё внимание.

— Первым делом я хотела бы съездить домой: навестить бабушку и снять немного денег со сберкнижки, — сказала я, взяв собаку на руки. — У меня их, конечно, кот наплакал, но есть кое-какие сбережения, которые мне позволят частично покрыть мой долг перед вами. В конце августа я смогу переехать в общежитие, где мне выделили место. Там пока идёт ремонт, но к сентябрю всё уже будет готово.

— О! Скажите-ка на милость… Какая принципиальность! Забудь об этом, хорошо? А как зовут твою бабушку?

— Анна Михайловна.

— Конечно же тебе необходимо навестить Анну Михайловну, а потом возвращайся как можно скорее, хорошо? Да и Жако уже успел полюбить тебя. Только о тебе всё время и говорит.

— Вы серьёзно? — улыбнулась я. — Наверное, вы сказочница?

— Ну так пойди и сама послушай, коли мне не веришь.

— Я считала, что он умеет говорить только «спасибо» и «хочу кушать», ну и ещё время от времени ругается как пьяный сапожник. Интересно, кто его этому научил?

— Третий муж Полины был жутким матерщинником, за что и поплатился… — смущённо пояснила Мисс Магда.

Мы зашли в соседнюю комнату. Жако, клетку которого я никогда не закрывала, вовсю осваивал новые шторы, но, увидев меня, тут же спикировал мне на плечо.

— Ну-ка, дружок, скажи. Тебе Майя нравится? — обратилась Магда к попугаю.

— Майя хоррошая! Майя хоррошая! Майя любит Жако! Жако любит Майю!

Я удивлённо рассмеялась и потрепала его мягкую белую щёчку. Он закрыл глаза от удовольствия и обнял коготками мой палец, тихо поскрипывая.

Глава четвёртая ПРИЗРАК СТАРИКА С ВЕЛОСИПЕДОМ, ГРОЗА И ЧЁРНАЯ ВОЛЧИЦА

Я с облегчением покинула душный салон автобуса, выйдя единственной пассажиркой на конечной остановке. Стояла июльская жара. Я не была в Велиже всего полтора месяца, но сейчас словно не узнавала свой город. В нём царило какое-то непонятное запустение. Горячий воздух плавился над раскалённым, потрескавшимся асфальтом, жухлая, будто выжженная, трава утопала в серой пыли, деревья грустно шумели на ветру высохшей, не по сезону рано пожелтевшей листвой. Немногочисленные люди ходили по улицам с безучастными лицами. На дверях многих частных домов и заведений я увидела замки. Даже маленький ларёк, возле автостанции, много лет торговавший кофе с пирожками, стоял с наглухо закрытыми ставнями Странно…

Бабушка с порога обняла и расцеловала меня.

— Поздравляю, милая внученька моя! Радость-то какая! Надо же — ты будешь врачом! А у Светки, парикмахерши, дочка так никуда и не поступила, второй раз уже провалилась в техникум. Бестолковая она. Теперь мамаша в срочном порядке жениха ей подыскивает. Сынка соседа нашего пытались окрутить, смотрины, говорят, устраивали. Но вроде как не запал он на неё.

— Ясно… А как ты, бабуль? Голова больше не болит?

— Голова-то не болит, но… потяжелее заметно стало. Ты же у меня такая помощница была — и сготовишь и приберёшь. А теперь всё сама… Вот я кляча старая! Ну ничего, прорвёмся. Правда, ведь Джекуня?

Пёс уселся около её ног, помахивая хвостом и улыбаясь.

Я печально вздохнула и села на табурет. Мне действительно по-настоящему будет их не хватать…

— А я вот купила нам с тобой мобильные телефоны, недорогие правда, но по крайней мере функцию свою они выполняют… — я достала из сумки коробочку с зарядным устройством и телефон в пластиковом чехле. — Вот этот — твой.

— Господи! Я уже такая старая и тёмная, что никогда не разберусь в этой сложной технике! — испугалась бабушка.

— Ничего страшного. Я тебя научу. Это совсем не сложно. Запомнишь всего две кнопочки — и всё.

— Мне теперь только и учиться на старости лет, — засмеялась она, разглядывая телефон, как какую-то диковину.

— Про меня что-нибудь говорили? — осторожно спросила я.

— Ой, да приезжали все эти люди со своими болячками. Много людей. Как они надоели! И откуда только узнают. Паломничества тут к тебе целые устроили. Ну расстраивались, конечно, просили твой адрес. Ты ж у нас теперь вроде этого… Мисинга.

— Мессинга? — поправила я её, улыбнувшись.

— Да, наверно. Кажется, так называли его. Но знаешь… Недобрый народ у нас в Велиже какой-то стал. Отчего это — непонятно. Ты как-то раньше освещала этот город. Что-то изменилось в нём в твоё отсутствие.

— Я думала, мне показалось, будто город изменился, — не из-за меня, разумеется, а вообще…

— А ещё тебя искали твои знакомые.

— Кто? — напряглась я.

— Девушка — худенькая, светловолосая. Шрам у неё такой, — бабушка пересекающим жестом показала на лоб. — Вот здесь.

— Ясно… Что ей было надо? — спросила я, чувствуя учащающееся сердцебиение.

— Она хотела передать тебе привет от твоей подруги Лауры из Москвы.

Меня прошиб пот.

— Ой, детка, ты так побледнела, — всплеснула руками бабушка. — Я, может, чего сказала не то?

— Да нет… Ничего… Всё нормально. Я просто устала. Пойду, прогуляюсь немного по лесу…

Лес встретил меня мёртвой тишиной. Ни пения птиц, ни стрекота кузнечиков. Он также разительно изменился со дня моего последнего посещения. Едва заметная тропинка, по которой я так часто бегала в детстве к ручью, была сплошь завалена упавшими стволами погибших деревьев. Печальное зрелище. Огромные многолетние колоссы беспомощно лежали с вывернутыми корнями, словно какая-то мощная стихия вырвала их из земли и бросила умирать мучительной смертью. Дойдя до родника, я с горечью обнаружила, что он полностью высох. На песчаном дне его валялась изуродованная пластмассовая кукла без головы и рук. Я посмотрела кругом: повсюду лежали груды мусора, а в ветках кустов и деревьев застряли рваные полиэтиленовые пакеты. Вместо красок живописной природы, которую я всегда обожествляла, моему взгляду предстала ужасающая картина торжества смерти и полного упадка во всём.

— Что здесь случилось, пока меня не было? — потрясённо

спросила я у Джека, но он лишь жалобно заскулил в ответ и, сгорбившись, сел, отвернув в сторону морду, словно боясь, что я увижу его слёзы.

— Ты всё понимаешь, — грустно сказала я ему. — Жаль, что ты не человек и не можешь сказать…

Пёс завилял хвостом, подбежал ко мне, сунул голову под мою руку и замер.

Расслабиться и отдохнуть не получилось. В моей голове беспрестанно, словно птицы в клетке, бились вопросы.

Что Кире нужно было от меня? Зачем она приезжала?

Почему они решили, что я покинула Москву и вернулась в Велиж? Откуда им известен мой адрес?

С утра я зашла в ветлечебницу, чтобы забрать свои вещи, которые в расстройстве забыла после увольнения. Из вежливости я решила поздороваться со своими бывшими сослуживцами и постучалась в дверь главврача. Обычно он приходил за час до начала рабочего дня, но сейчас из-за двери никто не ответил. В конце коридора уборщица мыла пол.

Я повернула ручку и осторожно приоткрыла дверь. В кабинете никого не было. Только четыре засохших гвоздики в вазе на подоконнике и фотография в чёрной рамке.

— А… Сергей Вениаминович? — спросила я у уборщицы, выглядывая обратно в коридор, хотя всё уже и так поняла сама.

— Он скончался.

— Не может быть! Как скончался? От чего?

— Обширный инфаркт после тяжёлого инсульта. Неделя, как похоронили его. Теперь Константин вместо него. Временно исполняющий обязанности.

— Ты зачем пришла? — раздражённо спросил Ипатов, появляясь на пороге кабинета. — Хочешь попроситься обратно? Не возьму, даже не проси.

— Да я и не собиралась. И вообще-то я ненадолго. Пришла вот, вещи свои забрать. Завтра утром у меня поезд.

— Хм… И где же ты теперь живёшь?

— В Москве.

— Нашла, что ль, себе папика? — презрительно поинтересовался он.

— Неа. Я в университет поступила. В медицинский, имени Пирогова.

— М-да… — потрясённо пробормотал он, доставая пачку сигарет и закуривая прямо в кабинете.

Я вышла из клиники, проклиная себя за своё малодушие и эгоизм. Бедный Сергей Вениаминович! Ну как же так? Он был

совсем ещё не старый, и вдруг раз — и нет человека… Почему я не попыталась ему помочь? Я думала о себе. Ведь я знала, что с ним и каковы будут последствия его болезни. И мне тогда было раз плюнуть — удалить этот ерундовый тромб! Из-за своей обиды и гордости я предпочла бездействовать, хотя должна была что-то сделать. Но теперь уже ничего не исправить…

Перед отъездом я решила искупаться в реке и пополнить свои запасы глины.

Наплававшись вдоволь, я намазалась серой глиной с головы до ног и, отжимая рукой воду с волос, села у песчаной горки. Задумавшись, я попыталась представить себе свою будущую жизнь, но какая-то странная тревога поселилась во мне, и я не могла понять её причину.

Кто-то кашлянул у меня за спиной.

Оглянувшись, я вздрогнула. Рядом со мной стоял незнакомый старик с велосипедом. На одном плече у него висел моток чёрного провода, свёрнутый в кольцо, а на втором — старый школьный ранец на ремне. Откуда он тут только взялся? Я бы не могла не заметить, как старик шёл по берегу, разве что он спустился с горы, но вряд ли бы у него это получилось с такой тяжелой ношей и велосипедом, да и мой тонкий слух сразу же уловил бы скрип колёс его ржавого «коня».

— Помнишь тот день? — спросил он, мечтательно улыбаясь и смотря в небо.

— О чём вы? — насторожилась я.

— В тот день было так же, как и сегодня, — последовал загадочный ответ.

— В какой день?

— В тот день, когда родилась Дочь Грозы.

— Я вас не понимаю… — растерянно сказала я.

— Не ходи на поле, — предупредил старик с серьёзный видом, перестав улыбаться.

— Почему?

— Гроза скоро начнётся, — он многозначительно поднял указательный палец вверх.

Я взглянула на небо — на нём не было ни облачка.

— С чего вы взяли? — усмехнулась я и перевела взгляд на старика, но не увидела его на берегу. Он исчез. Чудеса какие-то… Завязав кое-как полотенце на талии, я вскарабкалась на горку и покрутилась в недоумении. Старика нигде не было видно, словно он вдруг взял и испарился в воздухе. Неужели у меня от жары начались галлюцинации? Стайка ребятни прибежала на пляж, но, увидев меня, измазанную глиной, дети с испуганным визгом и

смехом помчались по отмели к песчаной косе, которую катера и баржи обходили стороной. Я тоже засмеялась и, сбросив полотенце, с разбегу прыгнула в воду, смывая с себя грязь.

Возвращаясь домой, я шла по краю поля, несмотря на странное предостережение старика-«призрака». Это был самый ближний путь от реки до моего дома. Я почти дошла до перелеска, ведущего к окраине города, как внезапно Джек насторожился, глухо зарычал, взъерошив загривок, и стал нюхать воздух. На всякий случай я взяла его за ошейник покрепче. В июле после покоса здесь всегда водилось много гадюк, охотящихся на полёвок. Но Джек продолжал рычать и волноваться, смотря куда-то на противоположную сторону поля — откуда мы пришли. Я посмотрела туда, куда был устремлён взгляд собаки. По полю, возле самой кромки леса двигалась маленькая едва заметная чёрная точка. Я включила своё «второе» зрение, и, увеличив «линзы», сфокусировала их на подозрительном предмете, который при ближайшем рассмотрении оказался большой чёрной овчаркой. Огибая поле и следуя нашим же путём, собака приближалась к нам. Я держала рвущегося Джека. Чёрный пёс добежал до угла поля и остановился в каких-то пятнадцати метрах от нас. Теперь я окончательно разглядела его и поняла, что ошиблась. Передо мной была вовсе не собака, а самый настоящий волк — крупный, изящный, с чёрной лоснящейся шерстью без единого светлого пятнышка. Высунув розовый язык, он дышал по-собачьи: видимо, ему было жарко. Что-то странное, противоестественное было в этом волке. А именно: его глаза, которые имели совершенно несвойственный для волков цвет — светло-зелёный, как два изумруда, — и они смотрели на меня вполне осмысленным, почти человеческим взглядом. Волк, грациозно вытянув вперёд длинные, худые лапы, улёгся на дороге, не сводя с меня своих удивительных глаз. Джек жалобно заскулил и завилял хвостом. Я догадалась, что это волчица, и снова испытала чувство неясной тревоги. В этот момент у меня возникло короткое отрывочное воспоминание из детства, связанное с историей о скоропостижной смерти кабана. Скорее, это было бессознательным проявлением памяти ощущений тела, нежели разума; и я, как и тогда — в минуту сильной опасности, — почувствовала, будто всё, что меня окружает, начинает менять свои физические свойства. Возможно, я приготовилась повторить тот жестокий опыт, если вдруг волчица вздумает напасть на меня или Джека. Но она не проявляла никаких признаков враждебности и спокойно продолжала лежать на брюхе, смотря на нас. Мне даже

показалось, что она улыбается.

— Ты что-то хочешь мне сказать? — спросила я, осторожно делая к ней шаг.

Лениво подняв морду кверху, волчица понюхала воздух, встала и, повернувшись, не спеша потрусила в лес. Словно она шла по своим делам и, утомившись, прилегла передохнуть на минутку, а до нас ей не было никого дела. Неожиданно ветер резко поменял направление, и я услышала совсем рядом угрожающие раскаты грома. Огромная чёрная тень накрыла поле, полностью поглотив солнце. Я взглянула на небо: невесть откуда налетевшие тёмные тучи кружились прямо над моей головой, будто собираясь в гигантском водовороте. Но моим глазам предстало ещё более удивительное и устрашающее явление: над лесом, окружавшим поле со всех сторон, плясали многочисленные вспышки вертикальных молний. Заворожённая этим зрелищем, я выпустила из рук ошейник, и Джек с громким лаем помчался вслед удалявшейся волчице. Обжигающее ощущение сильной опасности парализовало меня, и вместо того, чтобы уносить ноги да побыстрее, я продолжала стоять с открытым ртом и смотреть, как электрические смертоносные стрелы разрезают землю вокруг меня, с каждым разом всё ближе и ближе к тому месту, где я находилась.

Молния сверкнула настолько близко, что я услышала в воздухе сухой щелчок и почувствовала странный запах. От грянувшего грома у меня заложило уши, а сотрясаемая земля отозвалась гулкими продолжительными толчками. Следующая вспышка произошла впереди меня. Я увидела, как из неба в землю почти вертикально вошёл огромный светящийся столб, от которого отделился огненный сгусток; с шипением пролетев метрах в пятидесяти от меня, он ударил в стог сена, взорвавшись слепящим снопом искр. Сухая скирда за несколько секунд превратилась в большой пылающий факел. Воздух был насыщен резким тяжёлым запахом, от которого было трудно дышать. Деревья жалобно скрипели и стонали, как живые, под властью беснующегося, завывающего ветра. Я услышала предостерегающий треск сверху и едва успела отскочить: прямо передо мной на дорогу, шурша листвой, рухнула высокая тонкая берёза, сломанная пополам. Несколько крупных капель упали на землю, и начался сильный ливень. Я припустилась бежать что есть силы, ощущая опасность каждой клеткой своего тела и испытывая от этого непонятное чувство дежавю. Мне казалось, что гроза гонится за мной по пятам, и я жалела, что не послушалась старика с велосипедом.

Насквозь промокшая, я влетела в дом — и вовремя: едва я забежала на крыльцо, как по ступеням забарабанил град размером с грецкий орех. Джек прибежал почти сразу следом за мной и недовольно ворча улёгся на свой матрасик в углу. Мокрая шерсть на морде делала его похожим на обиженного щенка. Видимо, он не сумел догнать волчицу.

— Слава Богу! И где тебя носило? Я уж волноваться стала. Смотри, ты же вся до нитки промокла. Скорее переодевайся, а то заболеешь, — запричитала бабушка.

— Нет, не заболею, — возразила я, тяжело дыша и торопливо закрывая окна от хлеставших в них потоков воды.

— Ничего не случилось? Ты выглядишь испуганной.

— Бабушка, с каких это пор у нас волки бродят рядом с городом? — спросила я вместо ответа.

— Волки? — удивилась она. — Не слыхала о таком. Отродясь волков здесь не водилось. А ты что, видела волка?

— Да нет… Наверное, показалось. Скорее всего, просто видела пса, похожего на волка.

— Сорок дней у нас дождя не было, а тут прям как прорвало, — дивилась бабушка, глядя в окно на разбушевавшуюся стихию.

— Я была в поле, когда началась гроза. Странно, что началась она как-то внезапно. Непонятно, откуда взялись все эти тучи, хотя за пять минут до этого небо было абсолютно чистым и даже лёгкого ветерка не было.

— В тот день было почти также… — тихо сказала бабушка и, словно спохватившись, замолчала.

— В тот день? В какой именно? — спросила я, вспомнив, что и «призрачный» старик на пляже произнёс похожую фразу про какой-то особенный день.

— Местные старожилы утверждали, что есть поверье: будто бы поле возле реки — грозовое место, — начала рассказывать бабушка. — На нём когда-то росли могучие вековые дубы, а среди дубов лежали огромные серые валуны выше человеческого роста, но когда в тридцатые годы стали осваивать землю под сельхозугодия, то все деревья вырубили, а камни перетащили тракторами и сбросили в реку. Очевидцы рассказывали, что многие из этих дубов были сильно изуродованы и местами обуглены оттого, что в них часто попадали молнии. Дубы-то вырубили, но и теперь время от времени что-то притягивает грозы к этому месту. Ты не помнишь, наверное, — тебе ещё было слишком мало лет, — как ровно четырнадцать лет назад, точно также в июле, разразилась страшная гроза, но тогда творился настоящий ад. Дома горели и народу много пострадало. Человек

сто, не меньше, погибло. Люди, которые работали в поле, падали замертво, а те, кто уцелел, видели, как молнии убивали других людей. В электрика нашего тоже молния ударила. Он на велосипеде ехал по дороге, его и шибануло. Правда, тело его почему-то не смогли найти. Так и пропал бедолага вместе со своим велосипедом. То ли сгорел, то ли Господь его живым забрал на небеса. Да он почти юродивый был, хотя дело своё хорошо знал.

Невероятно. Перед моими глазами опять возник образ странного старика с велосипедом.

— Электрик? Сколько же ему было лет, когда он погиб?

— Под шестьдесят, наверное. Да он выпить любил. Жена от него ушла, дети с ним не общались. Так и прожил один-одинёшенек до самой смерти. До сих пор помню, как он со смешным детским портфелем ходил по домам и всем услуги свои предлагал. Уж сколько раз его током било по пьяни — не пересчесть, — но вот, оказывается, судьба-то какая…

— Мне кажется, я помню его. Ранец у него был такой — тёмно-синий, потрёпанный, да? — спросила я.

— Верно, — удивлённо подтвердила бабуля. — И как это ты его вспомнила, тебе ведь тогда и четырёх лет-то не было.

— Да вот что-то врезался мне в память этот его синий чемодан… — пробормотала я, пожав плечами.

— Странно… — задумчиво сказала бабушка, подходя к окну.

Дождь почти закончился, лишь редкие капли падали с крыши в бочку под водостоком. Мне вспомнились умные глаза чёрной волчицы, смотревшие на меня почти по-человечески.

— Бабушка, а ты веришь в то, что я могла убить кабана, который напал тогда на детей в лесу? — неожиданно вырвалось у меня.

Бабушка застыла, словно мой вопрос поставил её в тупик, и ответила не сразу.

— Я верю в то, что Бог послал ангелов защитить тебя и тех ребятишек, — произнесла она. — А дураков всяких нечего слушать, тем более верить им.

— Да… Скорее всего, это были ангелы, — для вида согласилась я и отправилась в свою комнату переодеваться.

Я села на кровать и зарылась лицом в сухую, чистую пижаму. Завтра мне предстоит новое расставание с теми, кого я любила, — и теперь уже точно надолго.

Господи! Как же мне не хочется уезжать! Здесь всё такое до боли родное… Но там, на «Большой Земле» меня ждут великие дела и новая интересная жизнь.

Когда я уже сидела в купе отъезжающего поезда, не знаю, показалось мне это или нет — среди проплывающих мимо людских фигур за окном я увидела стоящую на платформе Лауру. В чёрном балахоне, с развевающимися длинными синими волосами и сверкающими зелёными глазами она походила на демоницу из ада, и улыбалась как-то зловеще и плотоядно. Что-то волчье опять почудилось мне в её улыбке, ещё больше похожей на звериный оскал.

Глава пятая ЗНАКОМСТВО С ОБИТАТЕЛЯМИ «ДУБОВОЙ РОЩИ»

— Женщина! Заполните, пожалуйста, бланк!

— Какой по счёту? Вы что, издеваетесь?!

Пожилая женщина посмотрела в глаза девушки и осеклась. В них зияла абсолютная чернота. Не в том смысле, что глаза были чёрными, скорее это была чернота души, безграничная тьма, непонятная абстракция…

Мы вошли в огромное офисное здание на Ленинском проспекте; миновав охрану, поднялись на 16-й этаж и прямиком направились к кудрявой темноволосой девушке, сидящей за секретарской стойкой в конце коридора. Вывеска на стене при выходе из лифта сообщала название организации: ООО «Дубовая роща».

— Велеста, ну зачем ты опять пугаешь людей, — едва сдерживая смех, стала урезонивать Мисс Магда секретаршу, наблюдая за посетительницей, которая поспешно удалялась с растерянным выражением лица.

— Та нудная она какая-то тётка, всё чего-то ходит-ходит, спрашивает-выспрашивает, пусть хоть немного встряхнётся! — возмущённо стала оправдываться та.

— Ну… какая ты… Неплохо бы тебе перечитать Устав, а особенно один его пунктик, — ты случайно не забыла, а?

— Да нет…. - с досадой ответила девушка и вопросительно уставилась на нас: дескать, чего надобно.

— Велеста — это Майя. Майя — это Велеста, наш бессменный администратор, — представила Мисс Магда нас друг другу. — Вообще-то Велеста работает не здесь, а в Центре Магии, но сейчас временно заменяет девушку, от услуг которой мы были вынуждены отказаться, поскольку та не умела хранить тайн, — пояснила она мне.

— Очприятно! — смешно выпятив пухлые губы, сказала девица.

— Это центральный офис «Дубовой рощи», здесь мы занимаем всего два этажа, — Магда кивнула на белую мраморную лестницу, ведущую на 15-й этаж. — Нижний этаж служит для приёма посетителей. Помимо этого офиса у нас есть ещё несколько филиалов, разбросанных по всей Москве, а также в других городах, но этот, так сказать, — головной. С него начнётся твоё знакомство с представителями нашего мира. Самое

интересное ждёт тебя в Центре Магии. Подожди здесь немножко: я пойду поздороваюсь кое с кем.

— Чаю? Кофе? Водки? Крови? — предложила Велеста, тараща на меня свои огромные, бездонные глазищи.

— Нет, спасибо, — усмехнулась я.

Зазвонил телефон, и Велеста, забыв обо мне, весело защебетала с какой-то своей подругой. Вскоре их разговор принял конфиденциальный оборот, и, прикрыв трубку рукой, она многозначительно посмотрела на меня поверх очков.

Я поняла намёк и тактично отошла к лестнице, вдоль которой стояли этажерки со свисающими папоротниками и другими экзотическими растениями. Чтобы чем-то себя занять, я спустилась на несколько ступеней вниз и принялась разглядывать обстановку 15-го этажа. А посмотреть там было на что. В центре вестибюля шумел маленький водопад в окружении камней, покрытых зелёным мхом; вместо ковра пол был устлан дёрном с живой травой, по которой, никого не боясь, разгуливал откормленный фазан; стены были сплошь скрыты за вьющимися растениями, а в больших аквариумах плавали яркие красивые рыбки. Да уж. Интересно они здесь устроились, нечего сказать. Но кто всё-таки ОНИ? И чем занимаются? Неужели какая-то секта?

Приятный баритон сбоку отвлёк меня от созерцания искусственного оазиса природы.

— Мы с вами нигде не пересекались?

Я повернула голову. Рядом, облокотившись о перила, стоял высокий молодой брюнет в одежде мотоциклиста и смотрел на меня смеющимися глазами.

— Не знаю… Вряд ли… — растерялась я.

— Значит, вы и есть та самая новенькая, о которой только все и говорят?

— Прямо так и все? — улыбнулась я. Парень мне понравился, хотя и смущал своей напористостью и некоторой нахальностью.

— Разрешите представиться? — сказал он, протягивая мне руку. — Ладдок Маджестик Эллери Девятый, но можешь звать меня просто — Ладдок.

— Это ваше настоящее имя?

— Самое что ни на есть.

— Меня зовут Майя, — протянула я ему руку, которую он пожал, задержав в своих ладонях и чересчур нежно, на мой взгляд, смотря мне в глаза.

— Ты здесь впервые? — поинтересовался он, переходя на «ты».

— Ага, — ответила я, осторожно высвобождая свою руку. Он усмехнулся.

— Я могу составить тебе компанию, развлечь, познакомить с разными нужными людьми, обеспечить полезные, так сказать, контакты, — предложил он.

— Вообще-то, кажется, Мисс Магда уже этим и занимается.

— Кто? Бабуля? — презрительно и в тоже время снисходительно переспросил он. — Внутреннее чутьё подсказывает мне, что со мной тебе было бы гораздо интереснее. Вот увидишь, сейчас она перезнакомит тебя со всеми своими стариками и прочими скучными занудами.

— Ну… одно другому не мешает, — я снова украдкой посмотрела на него.

Внешность у него была очень располагающей. Восточные черты, перемешанные с европейскими; чёрные прямые волосы, зачёсанные назад и уложенные гелем, делали его лицо утончённым и благородным.

Ладдок был, наверное, одним из самых симпатичных парней, каких мне доводилось видеть, если бы не его карие глаза. Что-то демоническое было в них. То ли хитрость, то ли двусмысленность. Этакий Мефистофель. Я подумала, что он не упустит случая обдурить меня как-то или втянуть в какую-нибудь сомнительную историю.

— Не успела оставить на минуту — и уже тут как тут вьются черти всякие! — закудахтала вернувшаяся Мисс Магда. — А ну-ка, бррысь отсюда!

— Мадам, ваше слово для меня — закон, — смиренным голосом заявил Ладдок, отступая на шаг назад и делая шутовской поклон.

— Мадемуазель, — строго поправила его Магда.

— Ах, ну да! Конечно же, мадемуазель! Так разрешите откланяться?

— Валяй! — со смехом разрешила та.

— Ещё увидимся? — подмигнул он мне. То ли это был вопрос, то ли с утверждение, но, скорее всего, последнее. Хитро улыбнувшись, он съехал с перил лестницы на 15-й этаж, напевая что-то вроде: «Брошу я свои якоря у твоего причала».

— Поосторожней с ним, — предупредила меня Мисс Магда. — Ладдок самый настоящий демон, не смотри, что он выглядит как человек. Коварство и ложь — неискоренимый порок Тёмных. В их задачу входит запутать, расположить к себе наивных и доверчивых. Люди верят им на слово и готовы отдать все свои деньги спустя всего две секунды общения с ними. Но однажды Ладдок поклялся встать на путь добра и справедливости. Иногда ему это удаётся, но всё же не лишне будет держать с ним ухо востро.

— Так он Тёмный?

— Конечно. Хотя… Он, что называется: и нашим и вашим. Источник из-за своей безграничной доброты принял его условно, но Ладдок постоянно растрачивается.

— Ммм… — замялась я. — Вы говорите вещи, не слишком понятные для меня.

— Прости, я совсем забыла, что ты ещё не посвящённая. Ну ничего, скоро ты многое узнаешь, и тогда всё, что я говорю, перестанет казаться тебе пустым звуком.

Она посмотрела на меня, и лицо её смягчилось.

— У меня никогда не было мужа, но у тебя есть все шансы найти того, к кому твоё сердце расположится. Ты невероятно красива. В человеческом понимании и в магическом — твои тело и душа совершенны. Я вижу, как люди смотрят на тебя. Многие завидуют тебе. Но ты душой будешь принадлежать только одному — самому достойному. Я хоть и не пророчица, но тебе это обещаю.

Я раньше думала, что все старые девы такие вредные и ненавидят молодых девушек, но Мисс Магда со своей опёкой и добротой напрочь опровергала этот стереотип. Наверное, мне бы хотелось иметь такую маму, как она.

Словно прочитав мои мысли, она пояснила:

— У одинокой женщины, не нашедшей себе мужа, есть три пути: стать со временем вечно брюзжащей, раздражённой старухой, стать ангелом блаженным, помогая всем подряд, даря нерастраченную любовь направо и налево; или стать ведьмой, посвятившей всю свою жизнь магии.

— Я думаю, у вас отлично получается второе и третье, но уж точно не первое, — заявила я ей без малейшей тени лести.

— Хорошо. С Велестой и Ладдоком ты уже познакомилась, пойдём дальше: тебе предстоит знакомство ещё с сотней, другой. О, знаю, с кем я тебя познакомлю. Сейчас же, не теряя времени, поедем в Центр Магии. Не переживай, всё устаканится, и ты перестанешь чему-либо удивляться, — разглагольствовала она, заходя в открывшиеся двери лифта.

Попетляв немного по городу, Аврил завёз нас в глухой, совершенно неинтересный дворик со стороны Сретенки. Мы подъехали к невзрачному обветшалому пятиэтажному зданию с заколоченными окнами, по-видимому нежилому и предназначенному под снос.

— Это и есть ваш Центр Магии? — не скрывая своего разочарования, спросила я.

— Не спеши делать выводы по первому впечатлению, — хитро подмигнула мне Мисс Магда, подходя к ржавой железной

двери и нажимая звонок.

Господи, неужели тут ещё и звонок работает?!

— Слушаю, — ответил по домофону низкий женский голос с сильным азиатским акцентом.

— Открывай, Шику. Свои.

Дверь открылась, и я остолбенела, увидев женщину, открывшую её. Не может быть! Это была та самая таджичка, которую я пыталась «уколоть» воображаемыми кольями в вагоне метро, когда ехала на экзамен по анатомии.

— Здрасьте… — от испуга промямлила я первой. Женщина, как мне показалось, укоризненно посмотрела на меня.

— Защита, — постучала она себе пальцем по лбу и рассмеялась. — Заходите.

— Вы знакомы? — удивилась Магда.

Я лишь смущённо улыбнулась, но таджичка Шику не выдала меня.

— Всё понятно, — сказала Мисс Магда и не стала далее развивать эту тему.

Мы вошли в дом, и я ахнула от изумления. То, что я увидела, показалось мне абсолютно нереальным, более того — абсурдным. Либо у меня что-то случилось с головой, либо…. чудеса всё-таки существуют! В этом старом полуразрушенном здании — и такие высокие потолки с мраморными колоннами! А роскошь — неописуемая! Везде, где только можно: на стенах, колоннах и под потолком — сложнейшая лепнина, выполненная в виде виноградных гроздьев, цветов и деревьев, очевидно, изображающих символ изобилия; огромные зеркала в золочёных рамах, причудливые светильники — также в виде растений и животных. Фантастическую композицию завершали статуи древнегреческих богов и богинь, словно охраняющих всё это богатство. Сейчас светильники не горели. В коридоре царили полумрак и приятная прохлада.

Мисс Магда с интересом наблюдала за выражением моего лица. Было видно, что её очень позабавила моя реакция.

— Ну? Что-то не так? — спросила она. — Вот так-то…

— Полтергейст какой-то, — прошептала я. — Разве такое возможно?

— В нашем мире нет ничего невозможного, и очень скоро для тебя это тоже станет чем-то привычным и обыденным.

— Но… как? Почему? — продолжала я изумляться.

— Никто этого не знает. Светлые Маги постарались обеспечить нам комфортные условия и создали излишне вычурное, на мой взгляд, великолепие. Но это говорит лишь об их

исключительном расположении к служителям «Дубовой рощи».

— У меня просто нет слов… — призналась я.

— Хочешь посмотреть зал приёмов? — предложила Мисс Магда.

— С удовольствием, — с готовностью согласилась я.

— Иди вперёд — по правой стороне увидишь открытые двери.

Большинство дверей первого этажа оказались запертыми, но белоснежные двери одной из комнат были распахнуты настежь.

— Ого! Вот это да! — вырвалось у меня, едва я заглянула внутрь.

За дверьми действительно находился самый настоящий зал размером… с небольшую городскую площадь.

— Можно? — нерешительно спросила я у семенящей ко мне Мисс Магды.

— Конечно, заходи, не стесняйся. Будь как дома.

Я с опаской, словно боясь поскользнуться и упасть, ступила на паркетный пол натёртый до блеска, чувствуя себя Золушкой, впервые попавшей в королевский дворец. От богатого убранства зала у меня захватило дух, и мои глаза стали блуждать по стенам и потолку, не в силах охватить разом всё представшее мне великолепие. Белые атласные гардины на окнах свисали до самого пола. Возле стен располагались изящные столики, которые, вероятно, в дни приёмов расставлялись по центру в нужном порядке. В конце зала на невысокой импровизированной сцене стоял рояль, а на стульях лежали скрипки, флейты, виолончель и другие музыкальные инструменты, принадлежащие оркестру. Несмотря на то, что в зале также полностью соблюдался старинный стиль, все вещи и мебель в нём казались совсем новыми, а само помещение выглядело как будто после евроремонта.

— Это Малый Зал, в левом крыле находится Большой, но сейчас он закрыт, поскольку до сезона балов ещё больше двух месяцев, — пояснила Магда.

— Если это малый зал, то каким же огромным должен быть большой? — потрясённо пробормотала я.

— У тебя ещё будет возможность это оценить, — пообещала она.

— Что… Что это такое?

Я услышала странный звук, подозрительно напоминавший шум листвы деревьев. Подойдя к открытому окну, я раздвинула гардины — и в который уже раз остолбенела от увиденного мной очередного чуда, ибо за окном находился… лес. НАСТОЯЩИЙ. На огромном пространстве, куда только хватало взгляда, раскинулись красивые могучие дубы; из леса доносилось

многоголосое пение птиц, а в воздухе витал нежный аромат трав и цветов, — и всё это, чёрт побери, в самом центре Москвы! Невероятно!

— Куда это… Куда выходят окна этого зала? — спросила я дрогнувшим голосом, когда дар речи вернулся ко мне.

— В соседний двор. Такой же тёмный и неприглядный, как и тот, в который мы недавно въезжали.

— Но…

— Не спрашивай меня. Это тоже из разряда непознаваемого. Но если ты сейчас выйдешь в окно, то очутишься прямиком в соседнем дворе. А если попробуешь зайти аналогичным способом обратно, то попадёшь в полуразрушенное здание совершенно не пригодное для жилья.

— Но учти, — добавила она. — Даже если ты и захочешь рассказать кому-нибудь о том, что увидела, то, придя сюда, вы обнаружите лишь брошенное нежилое строение, а внутри него — развалины и полчища крыс.

— Я не…

— Я знаю, что ты не из болтливых, но всё же мой долг тебя предупредить. Есть особые секреты вхождения сюда, которые знают лишь посвящённые. Меры предосторожности и всё такое… Ну что? Пойдём, дальше?

Я последовала за ней по длинному коридору мимо многочисленных статуй; попутно Мисс Магда объясняла мне, что находится за той или иной дверью. Возле одной из дверей я почувствовала приятные запахи еды.

— Здесь есть буфет. Если хочешь, можем зайти перекусить, — предложила Магда.

Я не особенно была голодна, но предложение заинтриговало меня. Мы вошли в небольшое помещение буфета. Там тоже оказалось довольно интересно. Приглушённый свет от светильников в виде скрещённых между собой факелов, пол из чёрно-белой плитки, выложенной в шахматном порядке, стёкла окон, разукрашенные калейдоскопической мозаикой в разные цвета, — создавали романтическую атмосферу средневековья эпохи Возрождения. На конфорке газовой плиты томился небольшой глиняный горшочек, от которого распространялся чудный запах пряностей. У стены, рядом со столом для разделки овощей, высился блестящий металлический шкаф. На столе были разложены чистые ножи всех размеров. Деревянные столики для гостей пустовали. В буфете не было никого, за исключением смуглой полноватой буфетчицы в кружевном белом фартуке и накрахмаленном чепце. Она не спеша расставляла стаканы на стойке, протирая их полотенцем. Несмотря на полноту, она

казалась очень женственной и даже изящной. Увидев нас, женщина улыбнулась красивой белоснежной улыбкой.

— Здравствуй, Аметис, — поздоровалась с ней Мисс Магда. — Мы почувствовали запах твоего потрясающего ризотто и не смогли пройти мимо. Никто так не умеет готовить его, как ты.

— Сейчас мало посетителей, и Аметис может позволить себе немного отдохнуть, — поделилась она своей радостью, забавно говоря о себе в третьем лице.

— Это Майя — моя новая подопечная. Прошу любить и жаловать, — представила меня ей Мисс Магда.

— Добро пожаловать, Майя, — сказала Аметис, дружелюбно глядя на меня.

— Здравствуйте. А у вас тут очень уютно и чисто, — сделала я ей комплимент.

— Грасиас… — почему-то по-испански ответила та, скромно опустив глаза, но по её улыбке было видно, что ей приятны мои слова. Отойдя к плите, она убавила огонь под горшочком и вновь вернулась к нам.

— Что бы ты хотела поесть? — спросила меня Мисс Магда.

— Не знаю, — растерялась я. — А можно посмотреть меню?

— Зачем тебе меню? Говори, что пожелаешь, и всё.

— А что… здесь можно любое заказывать?

— Конечно. Всё, что захочешь.

Я нервно сглотнула слюну.

— Я бы хотела немного сока и булочку.

Мисс Магда удивлённо подняла брови и взглянула на Аметис, та улыбнулась и кивнула.

— Без проблем, — сказала она. — Секундочку.

Она быстро повернулась к большому металлическому шкафу и вытащила из него запотевший стеклянный кувшин с холодным апельсиновым соком и поднос, на котором горкой лежали тёплые свежеиспечённые булочки.

— Приятного аппетита! — раздался из шкафа голос, заставивший меня нешуточно вздрогнуть.

Мы взяли по стакану сока и по булочке, причём не заплатив ни копейки.

— Да уж… Неплохо было бы иметь такой шкафчик дома, — мечтательно произнесла я, с аппетитом жуя ароматную мягкую булочку и запивая превосходным апельсиновым соком. — И даже готовить не надо.

— Знаешь, иногда он халтурит и выдаёт совсем не то, что ты заказываешь, — призналась Магда. — Мы уже неоднократно говорили Магам о данной проблеме, они обещали заменить

шкаф, но, видимо, за делами и заботами постоянно забывают.

Она посмотрела на меня и рассмеялась.

— Я пошутила. В шкафе буфета нет ничего волшебного, просто твои желания и его возможности, так сказать, совпали.

— Я так и знала, — с шутливым укором произнесла я, досадуя на свою глупость и полное отсутствие фантазии. Надо было заказать ягнёнка под соусом из розовых лепестков.

Подкрепившись, мы отправились на второй этаж, обстановка которого оказалась куда скромнее вызывающего великолепия первого и скорее напоминала помещение скучного казённого учреждения. Здесь было также тихо и безлюдно.

— Административный отдел, — объяснила Мисс Магда вполголоса. Возле некоторых дверей она ненадолго останавливалась, с минуту прислушивалась к чему-то происходящему внутри комнаты, и мы шли дальше.

Наконец, приложив ухо к одной из дверей, она улыбнулась, подняла палец вверх и тихонько постучалась в неё, та со скрипом открылась. Сама. Ну вот и всё. Кажется, у меня окончательно поехала крыша…

— Входите, — разрешил мужской голос.

За столом кабинета восседал тучный пожилой мужчина с закрытыми глазами. Даже когда мы вошли, он не соблаговолил открыть их. Весь его стол был завален бумагами; бумаги также лежали на всех стульях, а шкафы ломились от переполнявших их многочисленных папок. В помещении было пыльно и душно. Мисс Магда подняла валявшуюся на полу бумагу и, бегло прочитав её, бережно положила на полку одного из шкафов.

— Он спит? — шёпотом спросила я.

— Нет, с какой это стати? Он прекрасно видит нас, ему совершенно необязательно открывать свои глаза, чтобы видеть окружающий мир.

— Бонжур, Монсеньор! — поздоровалась она с хозяином кабинета.

— Ки — ки — ки — ки — ки! — смешно по-птичьи прокричал тот, не поворачивая головы и не меняя положения своего тела. Лицо его скривилось и выглядело недовольным.

Я подавила невольный смешок, зажав себе рот рукой. Мисс Магда посмотрела на меня испепеляющим взглядом.

— Же сьви трэ миньён, нэс па?[2] — с кокетливой улыбкой снова обратилась она к толстяку.

— Ти — та — ту, — последовал «содержательный» ответ.

— Ваша супруга на прошлом балу была бесподобна! Такая грация, такой тонкий стиль — просто верх совершенства! А платье! Оно великолепно, выше всяческих похвал — почти

произведение искусства! — рассыпалась в комплиментах Магда, взмахивая руками и прыгая вокруг этого полуспящего сердитого увальня, точно мать, уговаривающая своего капризного ребёнка съесть хотя бы ложку каши.

— Кит, — коротко изрёк он и три раза хлопнул в ладоши. Черты лица его смягчились, а толстые губы растянулись в благодушной улыбке. Кажется, обстановка была разряжена.

Они немного о чём-то пошептались. При этом Мисс Магда периодически поглядывала в мою сторону, а я маялась возле двери, не зная, как реагировать на происходящее. Толстяк же, казалось, совершенно не обращал на меня никакого внимания.

— Все в отпусках, но вы можете заглянуть в учебный корпус, — неожиданно сказал он уже по-человечески. У него был ленивый, медлительный голос, и сам он сильно смахивал на большого лемура.

— Вот так неудача… — огорчённо пробормотала Мисс Магда.

— Это та самая девушка? — поинтересовался он, очевидно имея в виду меня.

— Здравствуйте, — робко поздоровалась я, все ещё топчась у выхода.

— Какая стеснительная. Ну подойди, подойди поближе, — пригласил он меня к своему столу.

Мисс Магда снова что-то зашептала ему на ухо.

— Скажи-ка нам, Майя, — начал он, медленно растягивая слова. — Как тебе кажется, ты бы хотела приносить пользу этому миру или в тебе — всё-таки больше тёмного?

Я растерянно посмотрела на Магду, потом на этого странного господина.

— Не волнуйся, скажи всё как есть. Не надо ничего выдумывать, приукрашивать и в той же мере принижать свои достоинства, — сказала Мисс Магда, успокаивающе гладя меня по плечу и кивая головой.

— Нет. Вряд ли я тёмная, — неуверенно предположила я. — Я… В общем, я хочу добра людям, но иногда они выводят меня из себя, и во мне что-то как будто взрывается… не знаю, как это объяснить. Главное, чтобы в такие моменты меня всегда что-нибудь отвлекало… Точнее, чтобы мне было на что переключиться…

Сначала затрясся стол со всеми бумагами, потом раздался какой-то скрипучий звук. Оказалось, это смех «Лемура». Мои глаза невольно сузились.

— Это суть чистая энергия, — с видом знатока заявил он. — И вполне возможно, что ты не умеешь ей правильно пользоваться, значит придётся тебя ещё многому учить.

— И кто же будет меня учить? — поинтересовалась я.

— Как гласит замечательная древняя мудрость: «Учитель приходит тогда, когда готов ученик». В первую очередь ты должна как можно более тщательно изучить сама себя. Все свои возможности. Они ведь не сводятся к одному лишь созданию мелких пакостей людям, пусть даже они и заслуживают этого, с твоей точки зрения. Верно? Тебе необходимо научиться шире смотреть на этот мир, хотя он и не твой. В тебе ещё есть много тёмных пятен. Будем лечить.

— Нет, я не это хотела сказать… — возразила я, испугавшись, что меня неправильно поняли. — Я могу кое-что ещё. К примеру, я лечу болезни руками, а вижу их через тело. Конечно, я не только болезни вижу, но и разные другие вещи… Да, я действительно могу сделать плохо людям, но не специально.

Я почувствовала облегчение оттого, что могу наконец-то рассказать о своей тайне — и меня не примут за сумасшедшую.

— Не специально, говоришь… Это хорошо. Очень много девушек и молодых людей со способностями выбрали иной путь, более простой, но опасный, поэтому мы и наша команда, с которой ты постепенно познакомишься, стараемся сделать всё возможное, чтобы в сети Тёмных не попадались чистые и наивные души. В любом случае, согласно Всеобщему Закону, мы даём тебе достаточное количество времени, чтобы ты могла определиться со своими предпочтениями. Я осведомлён о том, что ты побывала у Тёмных, но они не успели сбить тебя с толку, хотя и пытались.

— Я просто была не в курсе… — стала оправдываться я. — Я вообще не знала — Тёмные они или кто… Я думала, они обычные люди, как все.

— Не торопись пока судить о своей принадлежности раньше времени. Через три месяца Источник даст нам ответ, и ты сможешь сделать окончательный выбор.

— Одно я знаю наверняка уже сейчас, — сказала я. — Я не хочу иметь ничего общего с Лаурой и ей подобными.

— Гм… — обратился он к Магде. — Определим её для начала к Лорине? Пусть проверит её на левитальность.

— Что это? — шёпотом спросила я у Мисс Магды.

— Это умение сбрасывать земное притяжение, — ответила та.

— Ааа… — кивнула я головой.

«Лемур» вдруг открыл глаза, посмотрел на моё серьезное лицо и снова расхохотался.

— Почему вы все время смеётесь? — обиделась я. — Я кажусь вам смешной?

— Всё будет хорошо, — ободряюще сказал он, закрывая глаза. — Всё будет хорошо… — и его лицо приняло

первоначальное выражение, с которым он сидел, когда мы вошли в кабинет.

— Пойдём, — позвала меня к выходу Магда. — Не будем его отвлекать. У него очень много дел.

— Кто это был? — спросила я у неё, когда мы вышли из кабинета.

— Это заместитель верховного жреца Амона, по совместительству — директор школы Центра Магии.

— Ааа… — снова понимающе протянула я, хотя ровным счётом ничего не поняла: ни кто такой верховный жрец Амон, ни тем более — что из себя представляет школа Центра Магии.

Мы поднялись на третий этаж, в котором располагался учебный корпус. К слову сказать, выглядел он вполне современно; многие кабинеты были открыты, но пусты. В классах не было ничего напоминающего о магии. В одном из них, например, стоял рояль и подставка для нот, в соседнем я увидела мольберты с незаконченными картинами и холсты с карандашным набросками, а стены были расписаны граффити: видимо, здесь находилась художественная студия; в большинстве же остальных — просто парты и стулья, как в обычном учебном заведении. Единственное, что меня несколько смутило, это почти полное отсутствие людей. Но кое-кто здесь всё-таки был. Когда мы перешли в левое крыло, я услышала мужской голос, доносившийся в коридор из открытой двери кабинета. Хорошо поставленная речь и чёткая дикция говорящего выдавали в нём опытного преподавателя, зачитывающего лекцию. В аудитории действительно сидели ученики, которые внимательно слушали высокого мужчину в строгом чёрном костюме и галстуке, стоящего на трибуне; Мисс Магда приветливо помахала ему рукой и мы пошли дальше. Краем глаза я отметила, что на партах обучаемых было абсолютно пусто — ни ручек, ни тетрадей, — то есть они ничего не записывали и не конспектировали.

— Чему обучаются студенты школы Центра Магии? — поинтересовалась я у Магды.

— Они обучаются всему тому же, что и люди, но с той лишь разницей, что в процессе их обучения используются магические ритуалы. В зависимости от того какие способности проявляются наиболее выраженно, в том направлении и ведётся дальнейшая интенсивная работа. Наши учителя развивают у ученика именно тот дар, который помогает раскрыться ему полностью. Искусство, поэзия, музыка — всё это несомненно пронизано магией творчества, и вдохновение, необходимое для них, — это не что иное, как энергия от Источника. И чем раньше будет выявлена главная тенденция к развитию, тем лучше для ребёнка. Но лишь

немногие родители следуют этому правилу, подавляя природные склонности детей в угоду своим желаниям и интересам, пытаясь заставить своё чадо соответствовать каким-то нелепым, выдуманным стандартам, подчас чуждых ему и даже разрушительных для его личности.

Я прислушалась: в конце коридора раздавалась оживлённая музыка.

— Хочешь посетить мастер-класс Лорины? — спросила Мисс Магда.

— Думаю, это должно быть интересно, — предположила я.

В классе, больше напоминающем спортзал, шли обычные, на первый взгляд, занятия по танцам. Миниатюрная блондинка лет тридцати, пять девушек и двое парней исполняли танец с элементами аэробики. Стройная блондинка, видимо, была ведущей и направляла действия остальной команды. Мы немного полюбовались их красивыми слаженными движениями. Наконец учительница сказала:

— Стоп! Разминка закончена.

Кивнув нам в качестве приветствия, она подошла к шкафчику для спортивного снаряжения и, достав оттуда метлу, начала лекцию.

— Метла — это так, пережиток, — объясняла она. — Скорее, дань сложившейся традиции. Просто всегда удобнее иметь что-то под рукой, чтобы манипулировать им. Можно было бы вообще не использовать никакие предметы и перемещаться в пространстве, приобретая иные формы бытия. Магам это хорошо удаётся, нам же, увы, — не очень. Но у меня для вас есть и хорошая новость. Для того, чтобы летать на метле, не нужно каких-либо особых затрат энергии и времени с вашей стороны. Это самый простой и быстрый способ подняться в воздух. В случае опасности вы можете моментально прибегнуть к нему и избежать нападения на вас или даже смерти. Итак, возьмите мётлы и приступайте к тренировке, но только по моей команде.

— Это всего лишь тренажёры, — продолжала она, ставя метлу обратно в шкаф и фиксируя её прочными креплениями. — Но ведьмина суть такова, что, задействовав её, вы сможете привести к состоянию невесомости почти любой предмет. Вот смотрите. Это совсем нетрудно.

Она села в кресло, закрыла глаза, и… кресло взмыло под потолок. ВМЕСТЕ С НЕЙ. Я стояла с открытым ртом.

— А теперь попробуйте сами, — предложила она, плавно опускаясь на пол.

Ученики, потолкавшись немного у шкафа, разобрали мётлы и, оседлав их, один за другим поднялись в воздух и стали

носиться по просторному залу с восторженными воплями. Две девушки нечаянно столкнулись друг с другом и со смехом упали на маты. Я взглянула на Лорину. Она улыбнулась и поманила меня к себе пальцем. Я испуганно покачала головой. Тогда она сама достала из шкафчика последнюю рвущуюся в бой метлу и, с криком «держи!», кинула её мне. Я машинально схватила её.

Метла тут же вырвалась у меня из рук и, описав полукруг в воздухе, запрыгала по полу вокруг меня, словно издеваясь. Я стала её ловить, в результате она ускакала от меня в коридор под оглушительный хохот остальных. Моё самолюбие было уязвлено.

— Это что ещё за безобразие?! — раздался из коридора возмущённый мужской голос, вслед за которым появился невысокий сухощавый мужчина, как две капли воды похожий на моего школьного физрука Сан Саныча — разве что у него не было усов в отличие от последнего. В руках он держал мою трепыхающуюся метлу. — У нас не так много живых мётл, и если каждый начнёт портить учебный инвентарь, то мы скоро по миру пойдём! — строго заметил он.

— Извините… — пробормотала я, готовая от стыда сквозь землю провалиться.

— Ничего страшного. Не расстраивайся. Человеческое пока не позволяет тебе отпустить на свободу магическое, — сказала Магда, до этого момента молча наблюдавшая за нелепым представлением с моим участием. Мне показалось, что она тоже едва сдерживает смех.

— А вы сами-то умеете… летать? — спросила я её, всё ещё не веря увиденному.

— Конечно. По молодости, бывало, много пришлось пошабашить, но учти следующее: Закон Магов гласит, что ведьма — ни Тёмная, ни перешедшая на сторону Светлых — ни в коем случае не должна заниматься левитацией на глазах у людей, являть чудеса и устраивать трам-тарарам.

— Какой ещё Тарарам? — не поняла я.

— То есть — наводить беспорядки, вызывать полтергейст, шуметь, портить имущество людей, разрушать и причинять вред их здоровью.

— Ясно, — сказала я, неожиданно припомнив сгоревшую баню, разбитую машину и сломанную конечность продавщицы (наверное, это тоже можно сюда отнести). — Теперь буду знать…

После посещения класса Лорины, мы продолжили экскурсию, переместившись на 4-й этаж Центра Магии.

Этот этаж представлял собой очаровательную какофонию цветов, запахов и звуков. Каждая из дверей, казалось, символизировала вход в свой, особенный, мир хозяина комнаты.

Коридор был застелен мягким ковром, словно сотканным из разных лоскутков.

— Здесь обитают наши специалисты различного профиля, — загадочно сообщила мне Мисс Магда.

Но и здесь большинство дверей оказались закрытыми.

— Да что же нам так не везёт? — в отчаянии воскликнула бедная старушка, безуспешно дёргая ручку очередной запертой двери.

Впереди на противоположной стороне коридора я увидела приоткрытую дверь.

— Кажется, там кто-то есть, — сделала я предположение, кивнув на дверь.

— О! Это Алхимик. Давай-ка, зайдём к нему, поздороваемся, — обрадовалась Магда.

Мы зашли в комнату, оказавшуюся химической лабораторией. У меня в глазах зарябило от огромного количества баночек с реактивами. Деревянный шкаф, тянувшийся вдоль всей стены, снизу доверху был заполнен колбами и пробирками с надписями. Возле противоположной стены имелся точно такой же шкаф, но плотно забитый книгами. На нескольких столах, посреди лаборатории громоздились камни различных пород. За ближайшим к двери столом сидел пожилой человек, которого Мисс Магда назвала Алхимиком. Его наряд показался мне забавным и сказочным. Одет он был в синий расшитый камзол с выглядывавшими из-под рукавов кружевными манжетами, белые чулки до колен, туфли на каблуке и перчатки. Вдобавок голову его украшал пышный кудрявый парик, какие должно быть носила дворянская знать в 18 веке. Он что-то делал сварочным аппаратом, надев на лицо защитную маску. Мы подождали на некотором расстоянии от стола, пока он закончит, опасаясь разлетавшихся во все стороны белых искр.

— Здравствуйте, барон Беллингаузер, — поздоровалась Мисс Магда, подходя к нему. — Как ваши успехи?

— Ах, простите, милые дамы! — воскликнул он, вскакивая из-за стола и сдёргивая маску. — Я так увлёкся своим исследованием, что не заметил, какие у меня чудесные посетители. — По очереди взяв наши руки, он галантно приложился к ним губами. Мне стало немного неловко, а Мисс Магда жеманно улыбнулась.

— Вот, пришла познакомить новую девочку с нашими, да, как назло, все словно сквозь землю провалились, хотя вроде бы каникулы уже закончились, — посетовала она.

— Ничего. Через недельку-другую начнут подтягиваться как миленькие, — с уверенностью сказал барон и обратил взор своих

светло-серых глаз на меня. — Очень приятно познакомиться, а я, между прочим, уже наслышан о вас. Рад, что вам удалось избежать неприятного общества Тёмных, и их коварный план был сорван. Ваши таланты никого не могут оставить равнодушными.

— Спасибо, — удивилась я такой его осведомлённости и окинула взглядом лабораторию: — А у вас тут очень интересно.

— Ах! Не бередите мою рану, дорогая фройляйн, — отмахнулся Алхимик. — Лаборатория приходит в упадок. Моя покойная супруга помогала мне содержать её в идеальном порядке, ведь она была помешана на чистоте… — Он вынул из кармана кружевной платочек и промокнул им скупую слезу.

— Извините, я не знала… Если вы хотите, я могу помочь вам прибрать немного тут. Моя прошлая работа в общем-то в этом и заключалась.

Он прижал руку к сердцу и расплылся в улыбке.

— Какое премилое, доброе создание! Мадемуазель Магда, вы позволите…

— Не позволю, — шутливо сказала Мисс Магда, потом добавила: — Я думаю, что девушка сама в состоянии решить, как ей распоряжаться своим свободным временем.

— Конечно, конечно… — замялся Алхимик.

— Ах, я негодяй! Вы ведь наверняка хотите чаю? — внезапно воскликнул он и схватил большую колбу с голубоватым порошком, который тут же пересыпал в пустой деревянный ящичек. Понюхав освободившийся сосуд, он налил в него воды из-под крана, видимо, собираясь подогреть на газовой горелке.

— Нет, спасибо, — поморщилась Мисс Магда, поверх очков наблюдавшая за его действиями. — Заманчивое предложение, но как-нибудь в другой раз. Нам уже пора. До скорой встречи! — Она легонько взяла меня за локоть и повлекла к выходу.

— Заходите в любое время! Двери моей лаборатории всегда открыты для вас! — крикнул Алхимик нам вслед.

— Всенепременно и обязательно, — пробормотала Магда, стоя уже в коридоре.

— Хоть он немного и чудаковат, но бесконечно добрый и ужас как любит поболтать, неважно с кем, — поделилась она со мной.

— Он что, тоже маг? — спросила я.

Она покачала головой, грустно улыбнувшись.

— Разумеется, нет… Он, как и я, всего лишь хранитель древних знаний, а алхимия — это его увлечение. Маги не находятся в этом городе постоянно, но посещают нас несколько раз в год и всегда задают шикарные приёмы. Кстати, скоро будет один из них, и ты увидишь подлинное великолепие и могущество

«Дубовой рощи». Тысячи гостей посещают нас в такие дни, съезжаясь со всех уголков земного шара.

Тысячи!

Похоже, она боготворит их, этих загадочных Магов, создателей странного общества, именуемого Орденом Светлых, собиравшего с неизвестной целью под своё крыло людей с разными необычными способностями. Хотелось бы и мне взглянуть на них хотя бы одним глазком.

Мисс Магда осторожно приоткрыла дверь в одно из помещений, также оказавшимся незапертым. Там явно кто-то был. Сгорая от любопытства, я заглянула внутрь и увидела довольно странную картину.

Лысый, худой, белый мужчина, похожий на йога, неподвижно сидел, точно изваяние, посреди тёмной комнаты с обнажённым торсом в позе «лотоса». Голубоватый свет конусом падал на него откуда-то сверху, отчего казалось, что он сидит в центре светящегося треугольника, а его кожа выглядела почти прозрачной.

— Это Спирит, его зовут Мэги Ра, но он сейчас в медитативном трансе. Не будем его тревожить, — вполголоса сказала Магда, закрывая дверь.

— Так вот же, здесь написано, — я потрогала висящую на ручке двери табличку «Do not disturb»[3].

— А! — досадно крякнула она, махнув рукой. — Кстати, Мэги Ра без пяти минут является магом и он может запросто найти на расстоянии человека или пропавшую вещь, используя приёмы тайной древней магии.

— Да уж… — только и смогла произнести я. У меня уже голова пошла кругом от такого большого количества новых впечатлений.

Следующая комната, которую мы посетили, была увешана пучками сухих ароматных трав с кореньями и уставлена многочисленными баночками. Здесь царила настоящая идиллия простой русской старины. Бревенчатые стены комнаты воссоздавали абсолютно точную имитацию деревенской избы, разве что печи не было. За грубо сколоченным дубовым столом сидела крупная румяная девушка в длинном сарафане, с уложенной вокруг головы толстой косой, и сосредоточенно толкла что-то в деревянной ступе; рядом, забравшись на лавку, копошился какой-то низкорослый косматый старик в лаптях и рубахе, подпоясанной верёвкой.

— Лесовичок и его помощница Варвара, — сообщила Магда.

Увидев нас, маленький дед издал радостный вопль, соскочил со скамейки и кинулся нам навстречу с распростёртыми

объятиями.

— Ааа! Наконец-то! Ааа! — закричал он, обнимая нас обеих и тряся за руки, словно сто лет не видел и безумно соскучился.

Старик едва доходил мне ростом до плеча.

Полная девушка даже не повернула головы в нашу сторону.

— Добрый день, — вежливо поздоровалась я с ней.

— Она не говорит, — предупредила меня Мисс Магда.

— Почему?

— Когда ей было пять лет, медведица у неё на глазах убила и съела её родителей.

— Это ужасно… Вероятно, у неё затяжной посттравматический синдром, — предположила я. — Его можно попробовать вылечить.

— Лучшие целители Центра пытались заставить её заговорить, но все их усилия оказались напрасными. Варвара не желает изъясняться человеческим языком и не понимает его.

Лесовичок сосредоточенно слушал нас, переводя взгляд то на меня, то на Магду, потом покачал головой.

— Она думает, что медведица вселилась в неё и именно медвежий дух помогает ей находить редкие травы, — сказал он.

— Это возможно? — скептически спросила я.

— У каждого из нас здесь своя правда, — серьёзным тоном ответила Мисс Магда. — И если она не противоречит законам Устава, и не несёт в себе ничего тёмного и враждебного светлому, то никому не возбраняется считать себя тем, кем он хочет.

Старик ласково погладил девушку по голове, она повернула к нему лицо и совсем по-детски улыбнулась.

— Она понимает только меня. Для этого мне пришлось освоить медвежий язык. Кстати, барышня, как вам понравились мои капли? Помогли справиться с ночными кошмарами? — поинтересовался он у меня.

— Ах, да, спасибо, вроде бы помогли. А что содержится в этом снадобье, если не секрет?

— О! Это всего лишь простая настойка из смеси трав: валерианы, шлемника, вербены, кошачьей мяты, хмеля и ещё чуть-чуть омелы. Отлично снимает беспокойство и нервное перенапряжение.

— Хорошие травки — но ведь часть из них у нас не растёт?

— Это верное наблюдение, поэтому периодически нам с Варей приходится отправляться в дальние путешествия, чтобы собрать их. По секрету скажу: всё то, что продаётся в ваших городских аптеках, не имеет никакой пользы и силы, поскольку та трава собрана и засушена неправильным образом, без заговора и молитвы. А ведь для каждой из травок существует свой

специальный заговор. Так что, ежели у вас возникнут ещё какие хвори, — обращайтесь, не стесняйтесь, и я с радостью подберу вам именно то, что нужно.

— Не хотелось бы, конечно, чтобы они возникали, но если вдруг они всё же возникнут, то буду иметь вас в виду в первую очередь, — улыбнувшись, пообещала я.

— Когда-то они были дикарями, жили в лесной глуши и никого к себе не подпускали, — сказала мне Мисс Магда, после того, как мы покинули комнату Лесовичка и шли по коридору. — Но семь лет назад Светлые Маги нашли их и поручили нам заботиться о них. И если бы не они, то дед Линь таких бы бед мог натворить. Ведь раньше он был тёмным колдуном, слыл мастером в приготовлении приворотного зелья, а ещё делал из каких-то трав страшные напитки, которые отнимали у человека жизненную силу и после медленного и мучительного угасания приводили его к смерти.

— Удивительная история… — только и нашлась, что ответить, я.

В последней открытой комнате сидела томная брюнетка лет тридцати пяти с каре и накрашенными алыми губами, одетая стильно, но несколько старомодно. Одной рукой она держала тонкую дымящуюся сигарету в мундштуке, а другой раскладывала колоду карт Таро. На изящном круглом столике перед ней стоял бокал красного вина и маленькая магнитола, из которой тихо лился джаз.

— Здравствуйте, Эльвира, можно к вам? — Мисс Магда, легонько побарабанила пальцами по двери, привлекая внимание хозяйки комнаты.

Та молча кивнула, не отрываясь от расклада.

— Вы разве не уехали из города? — спросила Магда, подходя к ней.

— Увы, дела вынудили меня вернуться раньше времени, — безразлично ответила Эльвира, поправив фиолетовую горжетку на плече. Длинные ногти её были также выкрашены ярко-красным лаком. Печальные глаза и бледное лицо женщины напоминали об измождённых барышнях эпохи декаданса.

— Как поживают ваши детки? — участливо поинтересовалась Магда.

— Спасибо, хорошо. Думаю на следующей неделе показать их господину Тамизу, — возможно, он им подберёт что-нибудь из своей новой программы.

— Хорошая идея. Да вот, кстати, познакомьтесь. Это Майя, о которой я вам говорила, помните?

Женщина обратила на меня уставший взгляд печальных глаз.

— Возьми карту, Майя, — предложила она мне, протянув сложенную веером колоду.

Я вытащила карту и отдала ей, она перевернула её и положила на стол. Это была десятка Мечей.

— А теперь ещё одну.

Я извлекла новую карту, на сей раз восьмёрку Жезлов. Эльвира положила её рядом с первой.

— Ну что я могу тебе сказать… — задумчиво произнесла она. — Сегодня вечером тебя ждут тревожные известия издалека.

— Да? А какие, если не секрет?

— Это всё, о чём говорит данная комбинация. Для более полной картины нужно сделать развёрнутый расклад.

— В другой раз, дорогая, в другой раз, — вмешалась Мисс Магда, обеспокоенно взглянув на старинный циферблат часиков, висевших у неё на цепочке в виде медальона. — Мы обязательно посетим вас, но сейчас нам уже пора.

— Милости прошу, — сказала Эльвира, вставляя в мундштук новую сигарету.

— Я так понимаю, эта женщина — гадалка? — спросила я у Магды, когда мы вышли за дверь.

— Это Эльвира Млади, таролог высшей категории. Также владеет искусством рунического гадания, хиромантии, физиогномики и толкования сновидений, — перечислила она послужной список красивой печальной дамы.

— Она выглядит довольно грустной и уставшей, — заметила я.

— Немудрено. На долю бедняжки выпало множество испытаний. Её старшая сестра Милада — на стороне Тёмных; кстати, она увела приворотом её мужа — просто так, развлечения ради; и даже сама Лаура побаивается сестрицу Эльвиры — настолько сильны её злые чары.

— Почему нельзя вернуть ей мужа с помощью магии?

— Потому что отворот, как и приворот, относится к чёрной магии и имеет самые негативные и жестокие последствия.

— Честно говоря, я не верю в привороты, — скептически сказала я, качая головой. — Меня вот, например, нельзя приворожить.

— Нельзя приворожить того, у кого есть защита, — возразила Магда. — А у тебя её пока нет, так что лучше не зарекайся.

— А что находится на пятом этаже? — полюбопытствовала я, переводя разговор на более интересную для меня тему.

— Этого я тебе пока сказать не могу. Посещение пятого этажа разрешено только посвящённым. До тех пор, пока ты не пройдёшь обряд инициации, вход туда для тебя закрыт.

— Какая жалость! — шутливо-расстроенным голосом произнесла я.

Мы ещё немного поговорили с ней, стоя возле лестницы.

— У вас тут всё так странно… — улыбнулась я. — Словно в разные сказки попадаешь.

— Во-первых: не «у вас», а «у нас». Привыкай считать «рощу» своим вторым домом. Хоть ты пока и не посвящена, но я на все сто процентов уверена, что ты не ошибёшься, когда придёт время выбирать.

— Мне кажется, вы считаете, что этот вопрос уже решённый, верно? — я внимательно посмотрела на неё.

— Тёмные Маги знают о твоём существовании, и они будут всеми силами пытаться помешать тому, чтобы ты сделала выбор в пользу нас, — вместо ответа сказала она.

— Но я ведь могу выбрать и третье, точнее, не выбирать ни одно из двух, а остаться обычным человеком, помните?

— Да, конечно… — вздохнула Магда. — Но если мы не будем настаивать на твоём решении, то Тёмные сразу набросятся на тебя, как свора голодных шакалов, поскольку у тебя не будет защиты.

— Похоже, что у меня вообще нет выбора, — сказала я с лёгкой иронией. — Получается, что я должна выбрать либо чёрное, либо белое, правильно? Но поскольку чёрное я точно не выберу, мне остаётся только…

— Есть ещё промежуточное звено.

— Какое?

— Те, кто отсрочили свой выбор на неопределённый срок. То есть, некоторые не отказались совсем от желания сделать выбор, но пока ещё не чувствуют в себе достаточных сил прийти к окончательному решению. Хотя это и не приветствуется.

— Почему?

— Это сказывается на способностях и на психическом здоровье. Тёмные никогда не отступятся от своего намерения прибрать к рукам ещё одного колеблющегося и будут давить на него до последнего.

— А Светлые никак не попытаются воспрепятствовать этому?

— У нас есть несколько Тёмных, которые перешли под покровительство Светлых Магов, поскольку были посвящены насильно или обманом, иные сами сделали выбор, а потом передумали. Но это очень опасное решение, поскольку месть Тёмных ещё долго будет преследовать того, кто осмелится открыто выйти из их Ордена. Подчас этот переход превращается в жестокое испытание. Спроси у Велесты, она тебе может многое рассказать о том, что ей пришлось пережить, прежде чем они

оставили её в покое.

— А чем занимаются Тёмные и Светлые? И в чём их основное отличие?

— Не трудно понять, что мы пытаемся нести свет в этот мир — не только для того, чтобы помочь людям удовлетворить их прихоти, и даже не от нашей большой любви к ним, а потому, что энергия Тёмных чужда нам и противопоставлена изначально. Мы по роду своему должны бесконечно находиться в состоянии борьбы с ними.

— Но мне показалось, что добро…

— Добро… Это слово имеет относительный смысл, так же как и зло. Мы не можем пройти мимо чужой беды и боли, просто потому, что не можем. Поскольку боль вызывает страх, агрессию, и вместе с тем растёт неживая энергия, которая питается ими. Необходимо её нейтрализовать и подарить человеку созидание.

— Да… это мне знакомо. Я тоже совершенно не выношу чужой боли.

— Вот видишь! — обрадовалась Магда. — Это явный признак того, что ты не можешь быть Тёмной, поскольку они всегда наслаждаются чужой болью и пытаются приумножить её.

— Да уж… Какое-то извращённое восприятие жизни… — поморщилась я.

— Скорее смерти. Чья-то смерть — это их жизнь. И ещё тебе на заметку. Хоть люди и считают это сказками, вымыслом, но Тёмные реально могут обращаться в любое животное, в основном в то, какое соответствует их сути. Большинство ведьм и колдунов превращается в волков. Для этого время от времени они покидают город, чтобы в лесной глуши проявить свою сущность и дать волю дикому желанию убивать. Едва оказавшись в шкуре зверя, они начинают охоту на всех тварей подряд только для того, чтобы почувствовать вкус крови на зубах и увидеть агонию несчастной жертвы.

Волки… А кого же тогда я видела на поле перед грозой? На мгновение образ чёрного волка с зелёными, почти человеческими глазами вновь занял мои мысли, но я не решилась озвучить свои подозрения.

— Ты о чём-то задумалась? — заметила Магда мою отстранённость.

— Нет, — покачала я головой и спросила: — А Светлые не могут оборачиваться в кого-нибудь?

— Могут тоже, но это нежелательно.

— В этом есть что-то нехорошее?

— Светлые не способны обращаться в хищных зверей, но они могут превратиться в птиц или каких-нибудь безобидных

животных — барашка например, — в то время как поблизости будет бродить Тёмный в обличии хищника. Сама понимаешь, какая может последовать неприятная и печальная ситуация. Но наиболее опытные маги умеют управлять природными стихиями, и сами обращаться в любую из них: к примеру, становиться ветром или дождём. Или же — вызвать сильную бурю или грозу. Но это в крайних случаях, когда Источник позволяет совершать данные действия, и то только для того, чтобы предотвратить ещё большее несчастье.

— А как можно внешне отличить Тёмных от Светлых, когда они находятся в… людском обличье?

— Ты уже видела Ладдока и Велесту. У них тёмные, словно бездонные, глаза, — в основном, это характерный признак, но вовсе не обязательный. У Лауры, например, зелёные глаза, как у большинства воронежских ведьм, а у Киры — светло-голубые. Но даже по глазам можно прочитать многое. Взгляд Тёмных — это взгляд хищников, проникающий в душу. Отличить их можно не только по взгляду, но и по поступкам. Поступки их всегда эгоистичны, направлены на удовлетворение собственных желаний, но они могут обманывать, заставляя человека поверить в то, что их действия продиктованы искренним альтруизмом, и ты сама уже это испытала на себе. В Вавилоне очень много Тёмных; в большинстве своём они все знакомы между собой, и мы их тоже знаем, но если вдруг появляется залётный гастролёр, то для того, чтобы найти «своих», он подаёт им опознавательный знак. Смотри, вот как они держат левую руку, — Магда переплела пальцы руки, сложив их вместе. — Считается, что это символизирует змеиную голову их хозяина — Чёрного Барона, — хотя он часто любит менять облик и являться то с козлиной головой, то с волчьей, а также принимать человеческое воплощение. Старайся обращать на это внимание, особенно когда общаешься с незнакомыми людьми.

Неожиданно я вспомнила, что Лаура именно так и держала руку, когда я впервые увидела её в милицейском участке.

— Лаура — истинная Тёмная ведьма в своём поколении, ведущем род с очень древних времён, — продолжила Мисс Магда, словно угадав о чём я подумала. — А что касается Киры… Когда-то Кира была Светлой ведьмой, но однажды она пренебрегла защитой. Чёрный Маг похитил её, совратил и посеял в неё своё семя. У неё есть сын, от которого она отказалась, поскольку тот родился слишком ужасным. Отличительная особенность всех Тёмных ведьм — наличие у них рудимента, небольшого хвоста. Ведьмы не рождаются с ним, но появляется он от сношений с Тёмными Магами. Дети от таких союзов всегда имеют хвосты и

являются Тёмными по рождению.

— Кажется, я видела у неё какое-то подобие хвоста, выглядит это довольно противно…

— Мы предлагали ей помощь, но она отказалась, предпочтя нам общество Тёмных.

— А защита — это что? Какой-то амулет или заговор?

— Это практически аналог того, что у людей называется причастием. Маги специально посещают нас несколько раз в году, чтобы обновить защиту. Заключается она в специальном обряде, во время которого тот, на кого ставят защиту, произносит специальные магические заклинания и приносит импровизированную жертву.

— Как зовут Чёрного Мага Тьмы и где он находится?

— Имён у него много. К тому же, он не один, а как бы в нескольких лицах. То есть условно — Магов несколько, но на самом деле это одно и то же существо. В настоящее время все они представлены под именем Чёрный Барон. Главное наше достижение — за время многовекового противостояния, нам почти удалось изгнать Чёрных Магов с центрального материка, вытеснив их в места наименее удобные для манипуляции сознанием людей, где они нанесут меньше вреда. Магия их тесно связана с некромантией и древними шаманскими обрядами, которым они уже обучили тысячи людей.

— Они могут вернуться?

— Теоретически такая вероятность существует, но после последней схватки в 1604 году силы их значительно пострадали, поскольку нашему Ордену удалось уничтожить две ипостаси Чёрных Магов, которые теперь накапливают силы, уйдя в Запредельное, и где ещё пробудут по меньшей мере триста лет; оставшаяся ипостась пребывает в человеческом теле и скрывается повсеместно, рождая тиранов, чтобы мучить людей. Источник не приветствует войн; лишь когда наступает прямая угроза преобладания тёмного влияния на Земле, происходят решающие столкновения между нашими кланами. Однако с Тёмными ведьмами у нас заключено некое, признаюсь, довольно шаткое соглашение, согласно которому они приняли некоторые пункты Устава для ведьм, но они всё равно продолжают нарушать их и не соблюдают многих законов. Есть ещё нейтральные силы, которых в наших кругах называют Смотрящими, — это что-то вроде полиции, наделённой полномочиями находить и наказывать тех, кто нарушает закон, без различия по принадлежности к тому или иному Ордену. Вызывать их могут как Светлые, так и Тёмные.

— Зачем я нужна Лауре и как Тёмные узнали о том, что я не такая, как остальные люди?

— Вот для чего мы и не раскрываем наших имён. Одна из твоих посетительниц, проболталась Тёмным — так они узнали о тебе. В наших кругах соблюдение инкогнито — лучшая защита. Но твой сильный природный дар привлёк их. С помощью тебя они рассчитывали усилить свои позиции и заслужить особое поощрение со стороны своих Хозяев.

— А Ладдок — кто он? Как попал к вам? Он тоже переметнувшийся?

— Ладдок Девятый — Тёмный по своей сути, он сам пришёл к нам; до этого он занимался разными неблаговидными делами, был карточным шулером, наводчиком грабителей, помогая им безнаказанно проникать в жилища людей и быстро находить в них самое ценное, потому что он сильный провидец и может гипнотизировать на расстоянии, вводить в заблуждение, запутывать следы так, что ни один, даже самый опытный детектив не мог раскрыть преступления, совершённые с его помощью. Изменился он после того, как Тёмные убили его девушку, которую он очень любил, — она не была посвящённой и ничего не знала о его порочных связях.

— Велеста изначально принадлежала к Ордену Тёмных, — продолжила Мисс Магда. — Её мать и бабушка были Тёмными по рождению, но она избрала иной путь, и Источник быстро принял её, поскольку Источник всегда видит суть, намерение и желание избавиться от разрушающего влияния Чёрных Магов.

— У Велесты тоже есть эээ… хвостик? — спросила я, смутившись от своего бестактного вопроса.

— Был, но больше нет, — улыбнулась Магда. — Один из наших посвящённых врачей удалил его обычным хирургическим путём.

— А татуировку? — я непроизвольно поднесла руку к своей груди.

— Думаю, об этом тебе лучше спросить у неё самой. Единственное, что мне известно об этой татуировке, это то, что она не является простой наколкой на коже. Говорят, она остаётся до конца жизни и даже после сведения проступает вновь. Но лишь немногие захотят рассказать правду, считая данное обстоятельство чем-то постыдным и унизительным.

— А что такое источник? Или кто? Я несколько раз слышала это слово, но так и не поняла, что оно символизирует.

— Не сейчас, милая, — внезапно отмахнулась она от меня. — На сегодня, пожалуй, хватит вопросов. Мы обе немного устали, и мне уже пора присутствовать на собрании — я там выступаю с отчётом. К сожалению, туда я тебя пригласить не могу. Не обижайся, но ты ещё пока не стала полноценным членом нашей

большой семьи, да и, думаю, тебе там будет скучно. Только скажи: после всего увиденного, ты всё ещё считаешь нас какой-то сектой? — спросила Магда, и я снова поразилась удивительной для её лет проницательности.

— Честно? Мне кажется, что я стала персонажем какой-то безумной, но очень интересной сказки. Вы мне её рассказываете, а я сплю и вижу сон наяву… и вы продолжаете сниться мне вместе со всем, что я увидела и услышала сегодня. Вот такие мои ощущения.

Она рассмеялась.

— Ничего, это пройдёт. Совсем немного времени — и всё станет для тебя обыденным и привычным. Кстати, здесь есть лифт, если ты не заметила.

И действительно — в маленьком закутке за стеной, на который я поначалу не обратила внимания, обнаружились двери лифта. Словно поджидавшие нас, они открылись, издав нежное треньканье колокольчиков.

Мисс Магда отправилась на второй этаж, а я спустилась на первый. Двери открылись с голосовым сопровождением — причём этот голос был подозрительно похож на тот, который раздавался из шкафа в буфете, — выразившим огромную радость по поводу моего посещения, а также высказавшим горячее пожелание увидеть меня вновь. Я прошла мимо величественных статуй, направляясь к вестибюлю. Со стороны лестницы я заметила выходящих учеников и Лорину, которая ненадолго задержалась перед одним из зеркал, поправляя причёску. Две девочки лет 14–15 со спортивными сумками на плечах, проходя мимо меня, неожиданно остановились.

— Привет, ты отлично летаешь, — издевательски пошутила худенькая зеленоглазая девчушка с короткими рыжими волосами. — Я Илона — та, которая купается в море из грёз, — гордо обозначила она себя.

— А я Любава — та, которая знает язык русалок, — представилась черноволосая. — А ты кто?

— А я Майя, которая не умеет летать, — в свою очередь подыграла им я.

— Забавно. Ты непосвящённая?

— Нет пока.

— Интересно, какое имя тебе дадут. Иногда Маги любят пошутить и дают посвящаемым странные имена. Но тут уж не откажешься. Мы придём на твоё посвящение, если ты не против.

— Приходите, если хотите, — разрешила я, пожав плечами.

— Попробуй потренироваться в прыжках на батуте; может, тебе это поможет, — посоветовала мне чёрненькая.

— Пока, Майя, которая боится летать, — засмеялась рыжая, помахав ладошкой.

— Девочки, — укоризненно сказала им подошедшая Лорина. — Зачем вы так?

Но девушки уже с хихиканьем убежали.

— Не слушай этих болтушек, — обратилась она ко мне с улыбкой. — Мне было бы очень интересно поработать с тобой. Если ты выберешь мой курс, буду рада видеть тебя на своих занятиях. Хочу всё-таки понять, что мешает тебе игнорировать закон земного тяготения. Ведь это же так просто.

«Мне бы тоже хотелось это знать», — подумала я про себя.

— Спасибо, я с удовольствием.

— Ну тогда ещё увидимся, — попрощалась она, ободряюще подмигнув мне.

Лорина отдала ключи консьержке Шику и расписалась в журнале. Всё как у обычных людей…

В этот момент я увидела Велесту. В очень короткой узкой юбке и красных туфлях на высоченных шпильках она стояла возле стойки ко мне спиной и что-то быстро писала. Я хотела спросить у неё про татуировку, избавилась ли она от неё, и, главное, каким образом. Но, словно почувствовав мой взгляд, она повернулась и заговорила первой.

— О! Ты-то мне как раз и нужна. Будь добра, в следующий раз привези с собой паспорт — я должна внести твои данные в компьютер; а также открой расчётный счёт в банке — вот, возьми, я тебе написала, как он называется, — с этими словами она сунула мне в руки листок, вырванный из блокнота.

— Зачем? — спросила я.

— Как зачем? У нас всё по закону. А зарплату ты как собираешься получать? Может, ты хочешь наличными?

— Я что, буду у вас работать? — удивилась я.

— Так! — нетерпеливо закатила она глаза. — Все вопросы к бабуле. Я только выполняю свои обязанности. Ладно, пока. Потом поговорим, я уже опаздываю на собрание. Из-за проклятых пробок еле добралась. Если бы не эти дурацкие законы, я бы…

Громко цокая каблуками и виляя аппетитной попой, Велеста быстро побежала по ступеням вверх.

Я посмотрела на бумажку с названием какого-то иностранного банка и, пожав плечами, подошла к таджичке Шику, которая, насупившись, сидела за стойкой и вышивала крестиком на пяльцах.

— Послушайте, — обратилась я к ней, испытывая неловкость. — Я бы хотела извиниться за то, что пыталась подшутить над вами, ну… тогда в метро, помните? И ещё сказать

вам спасибо, что не выдали меня. Честно говоря, никак не ожидала встретить вас здесь.

— Ничего, девочка, не извиняйся, — беззлобно сказала консьержка на ломаном русском. — Я и сама иной раз люблю тайком позабавиться с людьми. Только не пытайся проделать это с Магами, они в ответ могут тоже так подшутить, что мало не покажется.

— Спасибо за предупреждение, — улыбнулась я и добавила: — А ещё, я буду вам признательна вдвойне, если вы подскажете, как мне выйти на улицу.

— Там с левой стороны есть квадрат с изображением дуба, переставь его в пустое место рядом с головой льва, — объяснила она, наклоняясь над своей вышивкой.

Я быстро нашла искомую геометрическую фигуру и вставила её в подходящее по размеру отверстие под бронзовой головой с кольцом в носу, имеющей, надо сказать, довольно отдалённой сходство с львиной. Впрочем, механизм сработал, и, издав тихий щелчок, дверь немного приоткрылась. Кольцо в носу бронзовой статуэтки оказалось ни мало ни много дверной ручкой.

Очутившись на улице, я вспомнила слова Мисс Магды и не удержалась от эксперимента. Для начала, оглянувшись назад, я не увидела никакого звонка или хотя бы подобия его. Потянув ржавую дверь на себя, я убедилась, что она не заперта. Когда она со скрипом открылась, моему взору предстало мрачное зрелище в виде рухнувших перекрытий, груды обгоревших досок, разбитых стекол и стен, исписанных всяческими непристойностями. Где-то наверху зловеще каркнула ворона. Атмосфера крайне угнетающая… Задрав голову вверх, я увидела вместо крыши просвечивающее сквозь полуразрушенные балки небо, по которому тревожно бежали белые облака.

Мы договорились с Мисс Магдой, что я буду работать в «Дубовой роще» в свободное от учёбы время, а также помогать ей в разных делах, если вдруг понадоблюсь. Я с радостью согласилась. Моя работа заключалась в том же самом, что я и делала в Велиже: в исцелении больных людей и животных. Контингент моих будущих «пациентов» предположительно был определён наиболее незащищённой и небогатой категорией людей, не имеющих возможностей и средств оплачивать дорогостоящее лечение.

— Услуги специалистов нашего Центра щедро вознаграждаются, — заметила Мисс Магда.

— Я никогда не брала денег за такие вещи, потому что считала это аморальным.

— Я знаю, и именно поэтому ты достойна поощрения. Люди, которым ты будешь помогать, не будут платить ни копейки. Все траты взяли на себя Маги, и они сами оценивают размер платы, которой, по их мнению, заслуживает та или иная выполненная работа. Могу сказать только то, что ты больше ни в чём не будешь нуждаться.

— Но ведь я же ещё не посвящённая, — напомнила я ей. — Вы так запросто доверите серьёзную работу человеку, который не является одним из вас?

— К тебе у меня особое отношение, и потом, как я могу тебе не доверять, если меня назначили твоим куратором до момента посвящения. Но, несмотря на то, что до этого события должно пройти ещё три месяца, я уже сейчас готова дать тебе положительные характеристики. А я ведь не самый последний человек в «Дубовой роще». К моему мнению прислушиваются, — не без гордости сказала она.

— Понятно, — ответила я, как всегда постаравшись избежать лишних вопросов, могущих повлечь за собой новые.

Я получила за день массу невероятно ярких впечатлений и ночью долго не могла уснуть, прокручивая в голове увиденное и пытаясь проанализировать его, но это оказалось делом бесполезным и просто невозможным.

Вечером, когда я мыла на кухне посуду, раздался звонок. Я схватила телефон, и он чуть не выскользнул у меня из мокрых пальцев прямо в раковину. Звонила бабушка. Её голос был встревоженным.

— Майя, скажи, пожалуйста, в каком месте ты позавчера видела волка?

— А что случилось?

— Беда случилась. Волки! Стадо порезали. Больше половины телят. Представляешь? Даже есть не стали. Просто взяли и убили почём зря.

— Когда же это произошло? — спросила я, холодея внутри.

— Да вот вчера, как ты уехала. Я Джека в доме закрыла — боялась, как бы не побежал за тобой. Но он так сильно разволновался, всю ночь выл как потерянный. Я ещё подумала, что не к добру это. И точно. С утра пастух погнал стадо на северный выпас возле реки, так старый дурак напился и заснул, а когда проснулся к полудню — трети как не бывало.

— Какой ужас! Трудно в это поверить! — потрясённо воскликнула я.

— А ещё приходили женщины с соседней деревни; говорят, лисицу видели, и всё то же самое: несушек из курятника

потаскала, подушила и бросила на дороге.

— Лисицу я не видела, а вот большого чёрного волка… Хотя…

Перед моими глазами снова всплыло лицо Лауры с её кривой волчьей улыбкой. Там, на платформе… Какая здесь может быть связь?

«Тёмные могут обращаться в любое животное, в основном в то, какое соответствует их сути. Большинство ведьм и колдунов превращается в волков. Для этого время от времени они покидают город, чтобы в лесной глуши проявить свою сущность и дать волю дикому желанию убивать…»

— Бабушка. Послушай меня, пожалуйста. Ты пока никому не говори про то, что я видела волка, хорошо? У меня какое-то странное предчувствие, будто это только начало чего-то нехорошего.

Боюсь, что не волк это, а кто-то… другой.

Глава шестая НОВАЯ ЖИЗНЬ

Первое сентября выдалось холодным и дождливым. Проснувшись утром, я услышала через открытую форточку шелест шин по лужам. Мне ужасно не хотелось вылезать из тёплой постели, и я понежилась ещё немного. Но ничего не поделаешь. Теперь придётся привыкать к ранним подъёмам, чтобы получать знания.

Несмотря на протесты Мисс Магды, я всё же собрала свои нехитрые пожитки и в конце августа перебралась в общежитие. Делить комнату мне предстояло ещё с двумя девочками: одна была из моей группы, другая — из параллельной. Вторая ещё не переехала, но должна была сделать это со дня на день. Конечно же, в квартире сестры Мисс Магды я чувствовала себя гораздо свободней. По крайней мере, там никто не занимал подолгу туалет и ванную, и не приходилось караулить, чтобы кто-нибудь не украл твою еду на общежитской кухне. Но моя совесть не позволяла мне злоупотреблять чужим гостеприимством, а также очень не хотелось оставаться в долгу. И потом, добираться каждый день с другого конца города было неудобно и накладно.

Первый день в институте прошёл довольно сумбурно. Занятий как таковых не было. Скорее, это был день знакомства. Студентов — с преподавателями и друг с другом. После прослушивания сжатой поздравительной речи ректора под проливным дождём группы разошлись по аудиториям. На первой паре мы изучали латынь. Преподавателем оказалась приятная пожилая женщина, не лишённая чувства юмора, и предмет свой подавала очень доходчиво и весело. Второй шла лекция по анатомии, и, как выяснилось, вести данную дисциплину от и до у нас будет тот самый ужасный «Кощей» — Валентин Петрович Олежко, который принимал у меня экзамен. Когда он вошёл в учебный класс, по рядам прокатился скорбный стон; вплоть до этого момента студенты, скрестив пальцы, молились: только бы это был не он. Но «Кощея» такой «тёплый» приём, похоже, только позабавил, и он невозмутимо улыбнулся своей знаменитой улыбкой Ганнибала Лектера. Третья пара у нас была отменена в честь первого дня. Мы получили учебники и разошлись кто куда.

Вечером студенты целыми группами отмечали День Знаний; в одном из корпусов была даже организована дискотека и банкет, который плавно перетёк в комнаты общежитий, но в самый разгар веселья я покинула свою группу и ушла одна гулять по городу. Бродя по мокрым туманным улицам, я вспомнила Велиж, печальные глаза Джека, бабушку с её ворчанием, и почувствовала

грусть, похожую на тоску. Я не должна забывать о них никогда! Слёзы навернулись у меня на глаза. Я набрала телефон бабушки и долго слушала длинные гудки. Наверное, уже поздно и бабушка уснула… Я посмотрела на часы. Полпервого ночи. Ну конечно же! Надо не забыть позвонить завтра между парами…

Потекли долгие дни занятий. Я с головой окунулась в учёбу, чтобы чёрные мысли не атаковали меня. Видимо, у меня это очень хорошо получалось, потому что вскоре я прослыла заядлой «ботаничкой» в группе, и ко мне потянулись очереди сачкующих студентов для списывания лабораторных и лекций.

Мои соседки по комнате оказались вполне хорошими девчонками, и мы подружились. Ту, которая училась со мной в группе, звали Оля, вторую — Александра. Вероятно, нас сблизило ещё и то, что мы все были провинциалками, поэтому так быстро нашли общий язык. Хотя у каждой из нас очень скоро выявились свои недостатки. Оля, например, любила покомандовать, и вообще решила, что она у нас главная, Саша была немного капризной и имела склонность всё излишне драматизировать. Я же несколько раздражала девочек своей молчаливостью и замкнутостью. Но, несмотря на разность в характерах, в целом мы отлично уживались — и это главное.

Помимо института, время от времени я помогала Мисс Магде. Поначалу она хотела, чтобы я немного втянулась в учёбу, и сказала, что не будет дёргать меня по пустякам — разве что в случае крайней необходимости, — но я упросила её, чтобы она как можно скорее начала давать мне поручения, связанные с возможностью лечить больных. Мне необходимо было найти применение моим способностям и дать выход накопившейся энергии, чтобы не привлекать излишнего внимания посторонних своим странным поведением, а также — не оставлять себе возможности совершать «мелкие пакости», в виду отсутствия более положительной альтернативы. Мне пошли навстречу в «Дубовой роще», и очень скоро я официально была зачислена в «отдел целителей особого назначения».

Мои встречи с клиентами, как и остальных работников Центра, всегда происходили анонимным образом, как правило, в офисе на Ленинском проспекте. Но иногда, в самых тяжёлых случаях, мне приходилось выезжать на конкретный адрес. Никто не должен был знать о существовании Центра Магии. Мисс Магда доверяла мне и, несмотря на то, что я ещё не стала «посвящённой», всё-таки открыла мне нехитрый секрет вхождения в здание с улицы. Заключался он в следующем: стоя перед дверью, нужно было мысленно представить, что ты находишься

посреди настоящей дубовой рощи (нарисовать у себя в голове её наиболее реалистичный образ) и одновременно — вслух или хотя бы про себя — произнести определённые слова, являющиеся кодом, после чего сбоку от двери на несколько секунд появлялся маленький, едва заметный звонок. «Вызвать» звонок, с помощью данных манипуляций, к моему восторгу, у меня получилось с первого же раза. Также можно было войти в дом, приложив к отверстию рядом со звонком медальон с каким-то необычным камнем, выполняющим функцию аналогичную ключу от домофона. Но такие ключи были в распоряжении только у специалистов, преподавателей и некоторых посвящённых сотрудников Центра.

«Клиент» и те, кто его сопровождали, всегда находились в моём присутствии с завязанными глазами, и я, не боясь быть узнанной, работала под конспиративным именем «Мария Лебедева».

Я была рада, что могу развивать свой дар и помогать людям, и Мисс Магда, видя моё искреннее желание и заинтересованность, всё чаще прибегала к моей помощи.

Кроме того, деньги, которые платили загадочные меценаты «Дубовой рощи», были дополнительным стимулом для энтузиазма. Только за один свой «сеанс» я получала от девяти до двадцати тысяч, — их мне исправно перечисляли на банковскую карту неизвестные благодетели. Когда через месяц я сняла свою «зарплату» в сумме ста семидесяти четырёх тысяч, мне стало «по-хорошему» плохо. Впервые в жизни я держала в руках столько денег и не верила, что их вообще может столько быть, — что равнялось восемнадцати месяцам моей работе в Велижской лечебнице для животных или шестидесяти стипендиям. Теперь я могла оплатить ремонт нашего дома и посылать бабушке суммы, значительно превышающие её скромную пенсию.

Девушки в общежитии часто жаловались на то, что им ужасно хочется есть, но буфет и столовая были слишком дорогим удовольствием для иногородних студентов. Молодые организмы требовали еды, и, к сожалению, нормально питаться на стипендию было нереально. Хорошо ещё, если материально помогали родственники. Тем же, кто мог рассчитывать только на собственные силы, подчас приходилось довольно туго. Иногда бедные студенты вынуждены были утолять голод всякой ерундой, лишь отдалённо имеющей отношение к еде: например, лапшой быстрого приготовления; а жареная картошка вообще являлась верхом кулинарного изыска. Некоторые даже умудрялись жарить лук в качестве «основного горячего блюда». Как-то посреди

лекции парень из параллельной группы упал в обморок, — как потом выяснилось, от голода. Слушая по утрам унылое: «Чего бы такого схавать, чтобы дотянуть до вечера?», мне было по-настоящему жаль своих подруг и я решила потихоньку «подкармливать» их, что едва не привело к конфузу и необходимости неприятных объяснений с моей стороны.

Однажды я заявилась в общежитие с сумками, полными продуктов, и мои соседки недоумённо смотрели, как я выкладываю всё их содержимое на стол.

— Девочки, налетайте, — щедрым жестом пригласила я их, забыв о всякой осторожности.

— У нас сегодня что? Праздник живота? — обалдело спросила Саша.

Девчонок не нужно было долго уговаривать. После того, как добрая половина съестного была уничтожена, посыпались вопросы и нелепые предположения касательно свалившегося на меня «богатства».

— Слушай, а откуда у тебя столько бабок? — с набитым ртом удивилась Оля.

Вопрос, естественно, застал меня врасплох.

— Я… я подрабатываю.

— Да? И где же, если не секрет? — они одновременно прекратили жевать и уставились на меня с одинаково заинтересованным выражением лиц.

— Да это… Помогаю старушке одной по хозяйству, — она одинокая, но состоятельная, — на ходу сочинила я банальную и неубедительную байку.

— Что, совсем одинокая? Ни детей, ни родственников? — выпытывали они.

— Совсем… Никого нет.

— Ни фига себе. Может, и квартиру тебе оставит, — практично предположила Ольга. — Ловкая ты оказалась штучка, ничего не скажешь, а с виду такая неприспособленная.

— Теперь понятно, куда ты так часто отлучаешься после учёбы. Мы бы тоже были не прочь так устроиться, — с намёком заметила Александра.

— Да нет, это не совсем то, что вы думаете… — пробормотала я.

— Да ладно. Так мы тебе и поверили. Впрочем, кто бы отказался?

Я решила их не переубеждать. В конце концов, пусть думают и верят во что хотят, — главное, в итоге, чтобы они не узнали настоящей правды.

Всё же я не преминула поделиться возникшей проблемой с

Мисс Магдой, на что она рассмеялась, а мне только посоветовала впредь быть более осторожной и не привлекать излишнего внимания безрассудными «акциями благотворительности». С тех пор я старалась особо не светиться своим новым статусом «зажиточной девочки», но в любом случае взяла за правило не допускать, чтобы мои подруги голодали, и взвалила на себя большую часть затрат по добыче продовольствия.

Иногда — впрочем случалось это не так уж и часто — мне могли позвонить из «Дубовой рощи» поздно вечером и срочно вызвать на «работу». Возвращалась я за полночь, и тогда мне уже подолгу приходилось объясняться с охранником на проходной общежития, отказывавшимся пропускать меня, принимая за очередную легкомысленную искательницу приключений. Гораздо хуже дело обстояло с девочками, которые не могли взять в толк, куда меня к чёрту лысому понесло в полдвенадцатого ночи, ну и, конечно, особенно, каким образом у меня так замечательно улучшились финансовые возможности. Я продолжала врать им, что подрабатываю в социальной службе. Но они мне всё равно не очень-то верили и просили устроить их в то же место.

Я изредка посещала учебный корпус Центра Магии. Мне предоставили на выбор любые три дисциплины, которые я хотела бы изучать. Я не чувствовала в себе склонности ни к магии, ни к литературе, ни к изящным искусствам, зато меня заинтересовал класс Лорины. Но, увы, сколько я ни пыталась научиться летать, у меня ничего не выходило. Все ученики Лорины очень скоро от мётл-тренажёров перешли к настоящим и спокойно парили под потолком, принимая произвольные позы. А моя метла никак не реагировала на мои команды, и, по всей вероятности, я вообще не имела способностей к «сбрасыванию земного притяжения». В один прекрасный день, расстроившись после очередной неудачи, я сказала, что мне этого не дано и нет смысла продолжать дальше. Невзирая на все уговоры Лорины и ребят, я перестала ходить на занятия, сочтя это лишней тратой времени — своего и чужого.

Мне всё же пришлось вызубрить пресловутый Устав, соблюдение положений которого, по мнению Мисс Магды, должно стать нормой жизни для меня.

Вот его основные положения:

— Сохранять в тайне своё членство в Ордене, своё имя, данное Магами при посвящении, и избегать всего того, что может повлечь раскрытие вышеуказанного непосвящённым людям;

— Три раза в год, в дни новолуния совершать обряд очищения и обновлять Защиту;

— Не ворожить (не привораживать);

— Не использовать свой дар и полученные знания для развития оного с целью обогащения и удовлетворения собственных честолюбивых желаний и страстей;

— По возможности посещать все мероприятия, организуемые Административным отделом с целью упрочнения как внутренних отношений, так и расширения полезных контактов, а также знакомства с новыми членами, нуждающимися в опёке и наставлении;

— Не использовать магические ритуалы в целях навредить кому-либо, или для помощи недостойным получить что-то, что им не предназначается (см. п.4.);

— Беречь природу, растения и животных;

— Не заниматься левитацией на глазах у людей, не являть чудеса;

— Не портить имущество людей и не причинять вред их здоровью. Избегать злых помыслов и поступков;

— В случае возникновения неразрешимых ситуаций обращаться за помощью к Учителям. В случае если и они не смогут разрешить данную проблему, добиваться аудиенции с Магами или посредниками (в данном случае — учениками Магов, стоящими на ступень выше Учителей)…

И так далее, ещё на двенадцати страницах — правила: некоторые смешные, некоторые разумные или, наоборот, нелепые. Впрочем, я не нашла в перечне запретов ничего из того, чего бы нарушила, за исключением п.9, да и то здесь ещё можно было бы поспорить.

Я быстро привыкала к метро и уже довольно хорошо ориентировалась в городе, перестав впадать в панику всякий раз, когда оказывалась в незнакомом месте. Во время поездки я часто разглядывала людей в вагоне метро. Большинство из них было поражено «сухими червями» и «летучей мышью». Если у меня было настроение и силы, то я незаметно удаляла паразитов из спящего человека. Мне нравилось смотреть, как лицо его преображается и приобретает осмысленное выражение. Чтобы никто не видел моих глаз, я, разумеется, всегда ездила в тёмных очках и могла включать свою «адскую машинку» когда мне вздумается. Иногда, правда, я не отказывала себе в маленьких шалостях, заставляя людей оглядываться от невидимых прикосновений и внушая им разные ощущения. Наверное, это не очень порядочно с моей стороны, но я помнила, что вроде бы в запретах Устава ничего подобного не числилось, и к тому же я не причиняла никакого вреда их здоровью, а тем более жизни.

Некоторые воспоминания далёкого детства, выдернутые кем-то из моей памяти, постепенно возвращались ко мне. Так, лёжа на кровати и читая учебник по лабораторному анализу, я вдруг неожиданно, но очень ясно и отчётливо вспомнила, как в детстве шутила над бабушкой. Может, мне было лет пять или меньше… Она заходила в мою комнату и закрывала шторы, а я лежала в постели и раздвигала их взглядом после того как бабушка выходила. Вернувшись с чашкой горячего молока для меня, она недоумевающе смотрела на окно и вновь задёргивала занавески.

«Разве я не закрыла шторы?» — удивлялась бабушка.

Или вот ещё странное воспоминание уже из школьного периода…

Однажды зимой в лютый мороз я села в автобус, а он почему-то отказался ехать. Не заводился мотор. Пассажиры многозначительно оглядывались на меня, перешёптываясь между собой, и водитель, зайдя в салон, строгим голосом велел мне покинуть автобус. Я осталась одна замерзать на остановке, шмыгая носом, а автобус уехал без меня.

А это? То ли сон, то ли явь.

Я сижу в чужой пустой квартире с обшарпанными стенами на коленях у какой-то незнакомой женщины — очень красивой, голубоглазой и рыжеволосой, — она гладит меня по голове и ласково говорит мне, чтобы я ничего не боялась, хотя сама выглядит довольно испуганной.

Выбрав подходящий момент, когда в комнате общежития никого не было, я провела серию экспериментов с некоторыми вещами. Впрочем, я не особенно верила в успех, но, к моему удивлению, все мои подозрения подтвердились. У меня легко получалось изменять предметы, придавать им другую форму: например, сгибать взглядом ложки или вилки, завязывать их узлом; заставлять лампочку светить более тускло или, наоборот, ярче; открывать замки дверей без ключа, и много чего ещё. Обнаружение этого факта оказалось тяжёлым и даже шокирующим открытием для меня. Возможно, кто-то другой пришёл бы в неописуемый восторг, окажись он на моём месте. Но на меня данное знание почему-то произвело угнетающее действие. Обладание дополнительными способностями, хоть и открывало мне новые возможности в материальном мире, но в то же время напрочь стирало границы дозволенного — законного, в человеческом понимании, — которые я всегда боялась перейти, не до конца доверяя своей совести.

Но самым неприятным было то, что мне часто стал сниться

один и тот же страшный сон: будто в меня через стекло окна бьёт молния — прямо в голову. В этот момент я просыпалась с диким криком и будила своих соседок.

— Вы видели это? — вскрикивала я спросонок, ощупывая свой лоб и с ужасом таращась на окно, которое было абсолютно целёхоньким.

— Что ещё случилось? — раздражённо спрашивали проснувшиеся девчонки.

— Да нет, ничего… Наверное, мне просто приснилось… — бормотала я, чувствуя себя полной идиоткой.

— Тебе пора к психиатру, дорогая. Кажется, ты сходишь с ума от чрезмерного увлечения учёбой, — замечала Ольга.

— Может быть… — нехотя соглашалась я.

Мне и в голову не могло прийти, что все мои кошмары являются следствием чьего-то недружественного влияния. И даже если бы кто-то сказал мне, что это так, я вряд ли бы ему поверила.

За время учёбы я изучила множество болезней. Но многие из них по-прежнему оставались мне недоступны ввиду того, что мой уровень способностей был недостаточным для воздействия на эти патологии. Мне хотелось проникать всё глубже внутрь, познавать причины их породившие — не физические, а духовные, — поскольку каждая болезнь просто обязана была нести в себе затаённую лишнюю энергию — как я её называла, — и не всегда моё «второе» зрение было способно её уловить. В Центре Магии я не нашла никого, кто бы мог проконсультировать меня по данному вопросу. Большинство из того, что говорили местные «гуру», было мне непонятно и, чего уж там скрывать, совершенно не близко. Хотя, скорее всего, я просто не верила им. То, что меня волею судьбы связало с обитателями «Дубовой рощи», я относила к случайному совпадению и не придавала этому какого-то особого и важного смысла. Но само по себе существование в центре Москвы огромного комплекса магии — детища Светлых Магов, скрытого в небольшом полуразрушенном доме под снос, — действительно являлось настоящим чудом, которое необходимо было просто принять как факт, не пытаясь обосновать с помощью разума.

— Источник — это центр, — объясняла Мисс Магда. — Вокруг него — все мы. Мы берём энергию от него, и только Источник решает, сколько эйбов мы достойны. Эйб — единица энергии Иммаргель. Магической энергии, излучаемой Источником, позволяющей вмешиваться в жизненные процессы, чтобы нейтрализовать влияние Тёмных. Светлые черпают силу от

Источника, безграничного в своей щедрости и справедливости. Тёмные же получают энергию от своих Магов, находящихся в Запредельном. Противостояние между Светлыми и Тёмными длится уже многие тысячи лет. Равновесие вот-вот нарушится — и тогда Источник может иссякнуть… Мы должны сделать всё возможное, чтобы сохранить его.

* * *

Мне всю жизнь не хватало чего-то… Я не могла понять, чего именно. С возрастом это чувство только усиливалось, но понимание пришло чуть позже.

Я жила так, словно находилась в двух мирах одновременно: днём — среди обычных людей, вечером — среди ведьм и других магических существ. Определить точно, к какому миру я больше принадлежу, для меня не представлялось возможным. А может, я вообще была обречена на вечное существование меж двух миров? Я не была такой, как все нормальные люди, но в тоже время и не совсем такой, как обитатели «Дубовой рощи», а тем более те, кого они в противовес себе называли Тёмными. Я была как бы сама по себе. Это угнетало меня и беспокоило, заставляя ещё острее испытывать чувство одиночества. Хотя вскоре я начала догадываться об истинных причинах моего беспокойства. Во мне проснулись вполне естественные потребности для женщины.

Я заметила за собой новую странную особенность. Когда я смотрела на влюблённые парочки, то меня всё чаще и чаще посещало чувство, подозрительно похожее на зависть. Раньше мне довольно редко приходила в голову мысль о том, что у меня тоже должна быть своя «вторая половинка». Но теперь эта мысль почему-то заняла главенствующую позицию, оттеснив на задний план все остальные, навязчиво терзая меня множеством сопутствующих вопросов. Как я его встречу? Где? Главное — когда? Мне уже девятнадцать, а я до сих пор ни разу не была влюблена. Разве это не странно?

Словно услышав мои позывные, Вселенная дала мне то, чего мне, казалось бы, не хватало. Правда, в несколько необычном виде. И, к сожалению, это было не наяву.

Я опять стала часто видеть Сны. Но неожиданно это были уже совсем другие сны. Вместо привычных кошмаров мне чуть ли не каждую ночь снился мужчина. Всегда один и тот же. Он был очень красивым, но не только внешность привлекала меня в нём, а что-то ещё. Нечто большее. Я отчётливо видела его лицо крупным планом. Светлые волосы, глаза цвета аквамарина. При этом он не

произносил ни слова, а лишь протягивал ко мне руки, касался меня, и я понимала: вот он, тот, кто мне нужен. Но тут появлялся кто-то ещё — его лица я не видела, поскольку он находился ко мне спиной, — и он закрывал от меня того, другого, словно пытаясь встать между нами. Я просыпалась в негодовании оттого, что кто-то отнимал у меня мою мечту о счастье.

Я ходила по городу, маниакально выискивая в толпе это лицо. Но, сколько ни старалась, не могла найти прекрасного незнакомца из своего сна.

— Май, а почему ты ни с кем не встречаешься? — интересовались мои сокурсницы. — Ты что, бережёшь свою девственность для одного единственного?

— Пока не встретила, — сухо отшучивалась я. Я не любила подобных вопросов, чётко очертив границы личного для других и не пуская никого за эту черту.

Мужчины отнюдь не игнорировали меня. Поначалу студенты старших курсов пытались ухаживать со мной, но я находила их довольно поверхностными. Особенно нагло вёл себя один из них, симпатичный Андрей Певунов с третьего курса — отпетый прогульщик и бабник. Про него мне было известно, что ему 25 лет, и что он работает ночным медбратом в больнице, а также ходили слухи, будто он продаёт студентам запрещённые медицинские препараты, которые достаёт на чёрном рынке; я бы не удивилась, если бы узнала, что он торгует наркотиками, но это было не доказано. Основной его отличительной чертой являлось то, что он не пропускал ни одной юбки, и, естественно, не обошёл своим вниманием и меня.

Однажды я вышла из лаборатории одна, задержавшись после последней пары, поскольку была в тот день дежурной по уборке. Как назло, в этот момент в коридор зашёл Певунов с двумя своими одногруппниками. Чего и следовало ожидать, он не прошёл мимо молча. Загородив мне дорогу, улыбаясь широкой, красивой улыбкой, он нежно взял меня за руку. Его приятели отошли к окну и, бросив на подоконник свои рюкзаки, стали с нахальным любопытством ждать развязки.

— Привет, красота. Предлагаю руку и сердце, — сходу заявил мне Певунов.

— Что, прям так сразу? — усмехнулась я, выдёргивая свою ладонь из его руки.

— А что? Зайдём в кабинет Олежко. У него там руки-ноги в маринаде имеются, а также в холодильнике — печень новорожденных младенцев.

— Понятно. Чёрный юмор такой…

— Угу. Чувствую, нам будет хорошо вместе. Буйство

гормонов нельзя игнорировать, это чертовски вредно для женского организма. Знаешь ли ты об этом, Офелия?

— Нет, не знаю. Но я знаю, что гораздо вреднее пить и курить.

— Ах, где мои осемнадцать лет… — трагично воздел он очи к потолку и снова обратил на меня ласкающий взгляд своих глаз, похожих на блестящие тёмные вишни. — Ну, так как? Согласна ли принцесса провести незабываемую ночь с лучшим из лучших турецкоподданных?

— Не думаю… — нахмурилась я. Его шутовская манера клеиться меня раздражала.

— О! Какая строгость! Тебя, наверное, мама так воспитала — чтоб до свадьбы ни-ни, — но, знаешь, меня это только заводит.

— Возможно, тебе стоит поискать другую девушку для… ну, в общем, ты понял, — посоветовала я ему.

— А может, мне не нужна другая. Может, мне нужна такая, как ты, — настаивал он.

Ну всё. Хватит.

— А мне нужно на занятия.

Я надела тёмные очки, собираясь создать ему проблему с желудочно-кишечным трактом, которая уберёт его с моей дороги.

— Эй, Андрюха! — окликнули его друзья. — Очнись, тебя не хотят. Пошли, с тебя — пиво и пачка «Кента».

Так. Значит, гады поспорили на меня!

Певунов изобразил на прощание поцелуйчик.

— Я тебе ещё пригожусь, Аделина, помни об этом; ведь я не кто иной, как Золотой Рыб, и все это знают. А, ну теперь и ты это знаешь…

Впоследствии при встрече он не отказывал себе в удовольствии постебаться надо мной, но почему-то происходило это безобразие, как правило, в присутствии его товарищей, и только когда я была одна без подруг. Впрочем, Ольга, наиболее опытная из нас во всём, что касалось мужской психологии, объяснила мне, что это такая стандартная придурь у всех ловеласов-неудачников, на которую не стоит обращать особого внимания.

Правда, вскоре у меня появился настоящий и довольно настойчивый поклонник. Он был смешной, странный и вдобавок совершенно некрасивый. Рыжий, нос картошкой и очки — такой вот портрет. Учился он на моём факультете в параллельной группе. Мы познакомились в библиотеке, и с тех пор он стал подозрительно часто попадаться мне на глаза: в буфете занимал очередь на двоих, пропуская меня с подругами вперёд; в

аудитории — когда у нас совпадали лекции — я чувствовала, как он смотрит на меня, а, встретившись со мной взглядом, махал рукой в знак приветствия. Выходя после занятий, я неизменно натыкалась на его тщедушную фигуру с большой чёрной сумкой, висящей на ремне через плечо, делающей его ещё более чудаковатым. Звали его Павел Беляков.

Я упорно не замечала, или делала вид, что ничего не замечаю, пока подруги не попытались открыть мне глаза.

— Май, а твой-то чудик там тебя опять поджидает, — со смехом сообщила Оля в раздевалке после физкультуры, выглянув в окно.

— С чего ты взяла, что он мой? — разозлилась я.

— А то не видно, как он на тебя пялится и таскается повсюду, словно верный пёс.

— Да… — пробормотала я. — Это действительно проблема…

— Это не проблема. Проблема — это когда никто не пялится.

— Я не планирую никаких романов, мне сейчас не до них, да и вообще… — я с немой мольбой посмотрела на подругу, словно надеясь, что она избавит меня от навязчивого поклонника.

— Короче, признайся, что он не в твоём вкусе, — догадалась она. — Называй уж вещи своими именами.

Я сдержанно улыбнулась и не ответила, хотя, наверное, она была права. Ольге параллельно с врачебной специальностью стоило бы освоить профессию психолога.

— Так отшей его — что мальчишку томишь? Глянь, бедняга совсем с лица спал, — посоветовала она.

— Да, пожалуй, так и надо сделать, — согласилась я.

Выйдя после последней пары, я буквально наткнулась на него возле дверей.

— Привет, — поздоровался он, расплываясь в улыбке.

— Привет. Ты что, меня ждёшь? — несколько раздражённо спросила я.

— Ну… В общем, да… Можно проводить?

Я повернулась к нему, собираясь в резкой форме дать ему от ворот поворот.

— Слушай… Ты меня ставишь в довольно неловкое положение.

— Почему? Я не понимаю… — растерялся он.

— Даже не знаю, как тебе это объяснить… — вздохнула я.

— Ты стесняешься или я тебе не нравлюсь?

— Нет-нет… Не то…

— Просто я подумал, что я… что мы… А давай сумку донесу, — внезапно предложил он, ухватившись за лямку моего рюкзака.

Я посмотрела в его наивные близорукие глаза и не смогла сказать того, что собиралась.

— Да ничего. Она лёгкая. Вообще-то я в общежитии живу, тут два шага пройти, поэтому провожать меня не стоит.

— Понятно… А ещё я хотел пригласить тебя в кино на «Призрак оперы». Не хочешь сходить?

— Ммм… Когда?

— Сегодня вечером.

— Нет, извини. У меня на сегодня уже есть кое-какие дела, поэтому, увы, я не смогу составить тебе компанию.

— Ну ладно… Пока тогда. До завтра… — упавшим голосом пробормотал он.

— Угу, пока… — буркнула я, злясь уже на себя за свою нерешительность и слабохарактерность.

— Ну что, отбрила этого дурачка? — бесцеремонно спросила Ольга, поджидавшая меня за углом.

— Да нет… как-то жалко его стало, — объяснила ей я, досадуя на себя. — И потом, не умею я вот так: взять и отрезать. Был бы он нахальный и отвязный, как этот… Певунов хотя бы, тогда бы мне было на что опереться и хватило духу послать его куда подальше, а так… я просто теряюсь… Не могу делать людям больно.

— Детский сад какой-то, честное слово! Всё дело в том, что ты слишком деликатная. Даже не знаю — беда это твоя или счастье. Признайся же, что тебе не его жалко, а просто ты боишься показаться грубой, хочешь всем добренькой быть. Ну терпи тогда или решайся на радикальные меры. Тут надо резать по живому, без наркоза и быстро, пока болезнь не приняла запущенную форму. Вот тогда уже резать будет больнее. И как ты только жить собираешься в этом жестоком мире, а? Не выживешь ведь…

— Что же мне делать? — беспомощно посмотрела я на неё.

— Вот, что я придумала, — с коварной улыбкой сказала она. — У меня есть старший брат — тоже здесь в Москве учится в архитектурном; он, знаешь, такой весь из себя, типа мачо. Увидев тебя с ним, наш Павлик потеряет всякую надежду и сам отвалится. Если хочешь, я его попрошу, и он тебя встретит после занятий. Но только не клейся к нему, поскольку у него уже есть невеста, хорошо?

— Ты просто гений! — обняла её я.

— С тебя пол-литра, — предупредила она.

— Замётано!

На следующий день у подъезда меня ждали двое: на одном

конце лавочки — жгучий красавец с букетом алых роз, на другом — Павел. На выходе Оля незаметно подмигнула парню с цветами, потом мне. Оба «кавалера» встали одновременно, но Ольгин брат оказался быстрее и подбежал ко мне первым.

Он вручил мне цветы, обнял за плечи, и мы пошли вдвоём как настоящая влюблённая парочка. Павел так и остался стоять у скамейки. Я нечаянно взглянула на него, проходя мимо, а потом ещё долго перед моими глазами стояло его расстроенное лицо в очках; жалость кольнула моё сердце, но я ничем не могла ему помочь. Жалость — это ещё не любовь. Ольга оказалась права — трюк сработал. Парень перестал ходить за мной тенью и при случайной встрече даже не здоровался.

Глава седьмая ПОСВЯЩЕНИЕ

Прошло почти три месяца с тех пор, как мне был предоставлен выбор, чтобы определиться, к кому мне примкнуть. Ясно было одно: Лаура и её окружение вызывали у меня непреодолимое отвращение и ужас, но я почему-то рассматривала возможность отложить свой выбор на «неопределённый срок».

Я пыталась понять себя, прислушивалась к своим чувствам и ощущениям. И с горечью была вынуждена признать, что не чувствую себя частью мира Светлых с их высокопарными речами и приверженностью недоступным для меня абстрактным ценностям, но и мир Тёмных был для меня абсолютно чужд и отталкивал своей откровенной линией зла. Мне хотелось быть свободной ото всех, не принадлежать ни к каким «братствам» и «сообществам». Наверное, по-настоящему счастливой я чувствовала себя только тогда, когда в одиночестве бродила по лесу с Джеком. Но всё меняется, детство прошло, и я должна научиться жить в социуме, каким бы он ни был. Как показал мой предыдущий печальный опыт, все попытки быть самой собой, находясь только среди людей, потерпели полное фиаско, и, возможно, выбор в пользу Светлых — наилучший выход для меня, хотя бы потому, что их Орден скорее отвечал концепции добра, нежели наоборот. Только смутное ощущение неправильности постоянно преследовало меня, не давая моему решению окончательно созреть и утвердиться.

Накануне моего посвящения я случайно, или нет, столкнулась с Тёмными, которых не видела уже почти четыре месяца, и которые никак не напоминали мне о своём существовании всё это время.

После занятий я зашла в Книжный Дом. Мне нужно было купить книгу о памятниках Москвы восемнадцатого века для написания реферата по истории. Рассеянно бродя вдоль полок с книгами, я неожиданно почувствовала странное беспокойство, причин которого объяснить не смогла. Я несколько раз оглядывалась вокруг себя, пытаясь увидеть опасность, но никого не обнаруживала. Наконец найдя нужную книгу, я отправилась к кассе, но волнение всё равно не прошло, а, наоборот, только усилилось. Выйдя из магазина, я сразу увидела ИХ. Они расположились за столиком открытого кафе напротив — Кира, Лаура и незнакомая мне черноволосая девушка. Лаура, заметив мой взгляд, хищно улыбнулась своей волчьей улыбкой и что-то сказала подругам. Первым моим побуждением было броситься

обратно в магазин, но, удержавшись от этого, я спустилась по ступеням вниз и торопливо пошла по направлению к метро. Теперь я уже чувствовала сильный страх. Пройдя несколько шагов в толпе, я не выдержала и оглянулась. Они все втроём шли за мной на некотором расстоянии, и в их лицах, полускрытыми капюшонами курток, читалась какая-то злобная сосредоточенность. Я прибавила шагу, но и они тоже не отставали. Я попыталась скрыться и забежала в арку ближайшего дома, но слишком поздно поняла, что это тупик. Внутри находился старый полуразвалившийся дом, закрытый на ремонт и огороженный предупреждающей красно-белой лентой. Возле здания стояли деревянные леса и валялись горы строительного мусора вперемешку с битым стеклом. Единственным выходом из этой подворотни была арка, в которую я так неосторожно вошла.

Лаура, каким-то непонятным образом оказавшаяся впереди меня, спрыгнула из открытого окна первого этажа дома-развалюхи и, улыбаясь, пошла мне навстречу. Я обернулась: Кира с брюнеткой подошли сзади — и уже довольно близко.

— Что, испугалась? — злорадно поинтересовалась Лаура, откинув на спину капюшон. Её длинные синие волосы неестественно блестели на солнце, делая её похожей на куклу-гота.

— У меня есть причины для волнения? — как можно спокойнее спросила я, хотя спокойствие давалось мне с трудом.

— Это зависит от твоего поведения, — заявила она. В её голосе слышалась угроза.

— Что вам надо? — с вызовом бросила я.

Она обошла меня кругом, рассматривая со всех сторон, и вновь остановилась передо мной.

— Значит, ты собираешься принять посвящение от этих… — она не стала уточнять, лишь скорчив презрительную гримасу. — Но помни, что наш знак — уже на тебе, и ты никогда не сможешь избавиться от него, — говоря вполголоса с придыханием, она прикоснулась к моей груди.

— Не трогай меня! — крикнула я, с отвращением оттолкнув её руку. Усмехнувшись моей реакции, она подняла руки вверх и отступила на шаг.

— Мы не будем тебя ни в чём убеждать. Только дадим полезную информацию для размышления по поводу твоих новых «друзей»; и если ты не дура, то пораскинешь своими наивными мозгами и поймёшь, что к чему, и где твоя выгода.

Я молчала, обдумывая как от них отвязаться.

— Они тебя надули, дурочка, внушив, что представляют собой великий Орден Света, имеющий влияние на некие процессы

равновесия, которые мы якобы пытаемся разрушить. Но это же смешно. Они нам даже не соперники. На самом деле этот дом, в котором они устраивают свои пафосные сборища, — убежище для душевнобольных неудачников, созданный состоятельными лицемерами, бессовестно использующими несчастных идиотов в своих целях для личного обогащения и просто ради развлечения. Да это же видно из их Устава. Читала ведь небось — про учителей и прочих. Если ты трезвомыслящая, то неужели тебе ничего не показалось странным?

Меня кольнуло предательское сомнение.

— Почему я должна тебе верить? — спросила я.

Она неопределённо хмыкнула вместо ответа.

— Ты увидела голографическую картинку на окне и решила, что попала в мир добрых волшебников?

Девицы за моей спиной противно захихикали. Я оглянулась на них и опять посмотрела на Лауру. В её глазах горел торжествующий огонёк.

— Старая лиса заморочила тебе голову своими бреднями о добре и зле, а нас выставила какими-то полуживотными, живущими примитивными инстинктами?

Я поняла, что она говорит о Мисс Магде.

— Она такая же пройдоха, как и все, — продолжила Лаура. — Да-да. Только с той лишь разницей, что мы не врём, а открыто заявляем о своей принадлежности, а эти трусы действуют исподтишка, ходят вокруг да около, и всё только потому, что им нечего поставить нам в противовес.

Я усмехнулась и напомнила ей о её собственном вероломстве.

— Ты сама меня обманула, делая вид, что хочешь помочь.

Она пропустила мимо ушей мои слова, как ничего не значащие, и покачала головой.

— Ты ведь мечтаешь об истинной свободе, но там, куда ты собралась, ты её точно не найдёшь, — категоричным тоном заявила она и неожиданно спросила: — А хочешь узнать, почему у тебя не получается летать?

— Откуда ты знаешь? — удивилась я.

— Лорина, моя подруга… моя бывшая подруга… — поправилась она. — На общей вечеринке она проговорилась по поводу отсутствия у тебя левитальной способности, но я считаю, что дело здесь совсем в другом.

— И в чём же? — спросила я, постаравшись придать своему голосу как можно больше безразличия, хотя на самом деле данный вопрос меня очень интересовал.

— В том, что ты постоянно колеблешься. У тебя нет уверенности, и ты слишком много думаешь. Твои мысли

притягивают тебя к земле. Нужно уметь освобождаться. Я могу научить тебя этому и ещё многому другому, чему они не смогут.

Поджав одну ногу, Лаура легко поднялась в воздух и повисла в метре от земли. Сделав оборот вокруг своей оси, она, самодовольно улыбаясь, плавно опустилась на груду мусора.

— Мне это не нужно, — равнодушно сказала я.

— Не нужно? — удивлённо подняла она брови.

— Какой смысл учиться летать, если всё равно нельзя этим воспользоваться.

— Да… верно, — согласилась она. — Но сам факт осознания того, что ты круче других и можешь то, что недоступно простым смертным, ощущение себя сверхчеловеком… Разве это не стоит того? Я заметила, что ты честолюбива, причём гораздо в большей степени, чем сама считаешь. Но это отнюдь не плохое качество, совсем даже наоборот.

— Мне всё равно. И вообще, к чему весь этот бессмысленный разговор?

— Мы сильнее их, могущественней и гораздо многочисленнее, чем те, на кого ты хочешь нас променять. Посмотри на нас и на них. Что называется — почувствуй разницу. Ты не на тех сделала ставку.

— А что в вас такого привлекательного? В том, что вы — ходячие мертвецы? И потом, я не так уж много вас видела, — пожала я плечами. — Мне и сравнивать-то не с кем.

— Так ты же сама не захотела знакомиться с нами ближе, но я могу тебе устроить эту возможность, чтобы, как любит выражаться твоя любимая старая карга, был «честный поединок».

— Честно сказать, не горю таким желанием, — с презрением ответила я.

Её глаза превратились в узкие щели и в них мелькнула искра злобы.

Видя мою несгибаемость, она сделала попытку зайти с другой стороны.

— Ты видишь сны, но не понимаешь их, хочешь знать, кем на самом деле был твой отец и почему ты родилась не такой как все?

— Что ты можешь знать об этом? — напряглась я.

— Не так быстро, — обрадовалась она, увидев мою заинтересованность, которую в этот раз я уже не смогла скрыть.

— Итак, — продолжила Лаура, — ты собираешься принять посвящение Светлых, стать подданной элиты чуждого народа, сменить своё имя на идиотскую кличку, которую они тебе обязательно придумают, и забыть о своём истинном предназначении?

— А тебе-то что известно о моём предназначении?

— Этого я тебе сказать пока не могу, но у меня есть кое-какие планы в отношении тебя. И если бы ты не была столь глупой и упёртой, то уже сейчас владела бы такой потрясающей информацией, которая тебе и не снилась.

— Я не верю ни одному твоему слову. Зачем я вам нужна?

— Если ты думаешь, что нас интересует твой дурацкий дар просвечивать человеческие внутренности, то ты глубоко ошибаешься.

— А что же тогда ещё?

— Скажу, если откажешься от своего позорного намерения.

— Я ещё пока ничего не решила, хотя одно решение я уже приняла. Окончательно и бесповоротно.

— Правда? И какое же? — она быстро взглянула на своих подруг, улыбнувшись криво, по-волчьи.

Страх уже давно оставил меня, и я не чувствовала ничего, кроме раздражения и желания избавиться от этой неприятной компании.

— Не иметь с вами ничего общего, — твёрдо ответила я. — Никогда.

— Тихо! Лысые здесь, — вполголоса сказала Кира, и глаза её беспокойно забегали.

— Чёрт…

Шесть мотоциклов въехали в арку. Сидящие на них люди с головы до пят были облачены в чёрные кожаные одежды. Ехавший первым мотоциклист остановился метрах в двадцати от нас и снял шлем. Это была девушка с наголо обритой головой. Остальные последовали её примеру, также оказавшись существами женского пола — и все как одна бритоголовые. Они стояли полукругом и молча смотрели на нас, не предпринимая более ничего. Ведьмы засобирались.

— Ладно. Убираемся, — бросила Лаура своим спутницам. На лице у неё отображалась крайняя степень досады.

— Обещаю тебе, — зло прошипела она мне на ухо. — Твоя жизнь превратится в настоящий ад, как только ты согласишься стать одной из них. И не только твоя жизнь. Запомни ЭТО!

Они скрылись в тёмных проёмах окон дома. Я услышала за спиной рёв моторов и обернулась. Девушки быстро разворачивали своих «железных коней» и друг за другом выезжали со двора. Я так и не поняла, кто они были, и почему имели такое влияние на Лауру и её подруг.

Вечером того же дня в Центре Магии Мисс Магда, волнуясь, сообщила мне важную новость.

— Свершилось чудо! Источник готов принять тебя. Маги

собираются открыть нам таинства и дать тебе новое имя. Подготовься к посвящению, оно назначено на первое ноября. Постарайся привести в порядок все свои мысли и чувства к этому дню.

— А что будет, если я не приду? — спросила я.

— Что? — растерялась она, словно услышала какую-то глупость.

Я повторила свой вопрос.

— Это и будет твой выбор, — грустным голосом ответила Мисс Магда. — Но я почему-то думала, что ты обрадуешься…

— Хорошо. Но будет лучше, если я вам скажу, что я пока ещё ничего не решила. Извините…

Я молча повернулась и побрела по длинному коридору. Проходя мимо Малого Зала, я услышала звуки органной музыки и чьё-то пение. Заглянув в зал, я увидела небольшое столпотворение. На сцене стояла девушка в длинном холщовом платье с бубном в руке и пела очень красивую песню на незнакомом мне языке. Её обритую, как у монахини, голову украшал венок из зелёной листвы. С удивлением я узнала в ней незнакомку на мотоцикле, которую видела сегодня днём; позади неё подпевал хор из пяти остальных девушек.

Кто-то подошёл ко мне сзади и легонько тронул за локоть. Оглянувшись, я увидела Алхимика. Сейчас он был без парика, и его короткие седые волосы смешно торчали во все стороны.

— Репетиция, готовятся к завтрашнему дню, — пояснил он.

— А что будет завтра? — безучастно спросила я.

— Конкурс этнического хорового пения, а затем Празднование в честь четырёхсотлетия изгнания Чёрных Магов с нашей земли.

— Ясно… На каком языке они поют?

— На исландском. Это их родина. Вообще-то они специально приехали, чтобы участвовать в субботнем обряде посвящения и нанести визит вежливости Магам, которые почтут нас своим долгожданным присутствием в этот день.

— Эти девушки… Кто они?

— Сёстры Аллармос. Смотрящие. Они не Светлые и не Тёмные. Они просто следят за тем, чтобы соблюдался Закон и не нарушались права ни той, ни другой стороны. Что не мешает им свободное от исполнения своих обязанностей время отдавать магии музыки.

Грустная музыка неожиданно тронула меня и разбудила воспоминания детства, вызвав ностальгию по прошлому.

Перед глазами проплыли картины моего родного Велижа: лицо бабушки, сидящей за шитьём, — как всегда, она полна

забот; Джек, нетерпеливо виляя хвостом, лает возле крыльца, зовя меня на прогулку. Непрошенная слеза скатилась у меня по щеке. Я быстро смахнула её и пошла к выходу.

Итак, у меня есть ровно четыре дня для принятия окончательного решения.

Из-за возникшей чудовищной дилеммы я не могла сосредоточиться на учёбе и постоянно размышляла о том, как мне поступить. И не только потому, что я боялась угроз Лауры. Хуже было то, что я начала подозревать, что она сказала правду в отношении обитателей «Дубовой рощи». Но я также помнила слова Мисс Магды о коварстве Тёмных, и что, пока я отдаю предпочтение Светлым, Тёмные не осмелятся меня трогать. Мне не очень нравилась такая ультимативная ситуация. Неужели я и впрямь настолько наивная, что доверилась аферистам? А что, если мне просто взять и уехать? Бросить институт. Когда-то я боялась уезжать из Велижа. Самая мысль о том, что придётся снова всё разрушить до основания и принять столь радикальное решение, вызывала у меня страх и тоску. Наверное, это эгоистично и малодушно с моей стороны, но мне было жаль терять то, что я сейчас имела. Моя жизнь казалась налаженной, у меня появилась возможность прилично зарабатывать и была цель. А теперь что? Кому я должна верить? Мне безумно хотелось поговорить с Мисс Магдой, но осадок от разговора с Лаурой разъедал душу.

— Матвеева! — раздался над ухом резкий голос, и мне показалось, что я опять очутилась в школе.

— Ты что, спишь? — я медленно открыла глаза и увидела озабоченно-недовольное лицо Татьяны Сергеевны, преподавателя по английскому языку.

— Что? — до меня не сразу дошло, что обращаются ко мне.

— Ты слышала мой вопрос о неправильных глаголах?

— Я не выспалась сегодня, нечаянно задремала, наверное… — честно призналась я.

— По ночам спать надо, а не на занятиях, — строго заметила преподавательница. — Если такое повторится ещё раз, я буду вынуждена попросить тебя из аудитории, потому что это проявление неуважения как ко мне, так и ко всей группе.

— Извините… — промямлила я, тут же вновь возвращаясь к своим невесёлым мыслям.

Я поставила телефон в режим вибрации для входящих звонков и не подходила к нему два дня, положив под стопку одежды в шкаф, а когда решилась достать его, то увидела сорок семь непринятых вызовов от Мисс Магды и ещё двадцать девять с

неизвестных номеров.

Дошло до того, что я начала совершать какие-то абсурдные действия. Например, искала знаки в случайных людях и предметах, которые могли бы натолкнуть меня на правильную мысль и помочь с решением моей нелёгкой задачи. Я даже купила колоду игральных карт и гадала на них как умела, раскладывая пасьянсы на своей кровати. Но ничего определённого мне карты не сказали. Девочки, глядя на меня, вообразили, что я влюбилась и гадаю на суженого, но мне было не до объяснений и я не стала разубеждать их.

Вдобавок ко всему прочему, на третий день Валентин Петрович Олежко вздумал прийти в экстравагантном пиджаке с белыми и чёрными пуговицами, и я, увидев в этом некий «наводящий знак», сразу же принялась считать их снизу вверх: «да — нет»; но он, как нарочно, не желал стоять на одном месте, а постоянно ходил туда-сюда, будто маятник, мешая мне закончить. В какой-то момент я не выдержала и раздражённо воскликнула: «Да подождите, вы!» Он остановился, и я успела «догадать»: последний положительный ответ пришёлся на белую пуговицу.

— Что-то не так? — спросил «Кощей», прерывая лекцию и недовольно смотря на меня взглядом богомола.

— Да нет, всё так… — спохватилась я. — Просто я не успеваю за вами…

— Пишите с сокращениями, освойте стенографию, в конце концов. Всем, кстати, советую, — обратился он к остальным.

— Я могу продолжать? — язвительно спросил он у меня.

— Да, конечно… Извините…

В ночь на субботу мне приснился сон, окончательно разрушивший мои сомнения.

Я опять очутилась в пещере. Уже знакомое мне странное существо, обитающее в ней, держало что-то в своих лапках.

— Направо пойдёшь, — молвило оно, — коня потеряешь. Налево пойдёшь — голову потеряешь. Прямо пойдёшь — всё потеряешь. Из двух зол выбирают меньшее. Когда нет выбора, то нечего и выбирать. А когда он есть…

Существо протянуло мне обе лапки. В одной лежал маленький чёрный камешек, а в другой — точно такой же, но белый.

— Итак, чёрное или белое? — спросило оно.

Пока я решала, что выбрать, позади существа возник полупрозрачный фантом уродливого демона. Он злобно смотрел на меня, тяжело дыша и выпуская дым из ноздрей и ушей. Я

никогда ещё не видела столько ненависти во взгляде.

Я снова взглянула на существо, ища его поддержки. Но его глаза были наполнены ужасом. Мне показалось, что оно едва заметно покачало головой.

— Посмотри в красной одежде, — быстро сказало оно непонятную фразу и моментально исчезло.

Я проснулась, когда стал заниматься рассвет, и больше не смогла уснуть. Тогда я побрела в ванную, чтобы принять душ и смыть с себя остатки ночного наваждения. Открыв дверь, я сразу увидела валяющуюся на полу красную куртку Ольги. Видимо, она хотела её постирать, но, собираясь на выходные домой, впопыхах забыла. Я машинально нагнулась и подняла куртку, при этом что-то тяжёлое выпало из её кармана и закатилось под ванную. Я пошарила под ней рукой и вытащила что-то большое, округлое и гладкое.

Это был белый морской камень.

Зайдя в Центр Магии, я ошеломлённо остановилась, встреченная громкой музыкой Вивальди и гулом множества голосов. Вестибюль и коридор первого этажа почти целиком были заполнены людьми. Матерь Божья! Откуда здесь взялось столько народа и что они все здесь делают? Разговаривая друг с другом и смеясь, пришедшие прогуливались по зданию, очевидно пребывая в приподнятом настроении в ожидании чего-то грандиозного и важного. Среди них были специалисты Центра, преподаватели и их ученики, а также множество незнакомых мне лиц, одетых торжественно, как для бала. Когда я появилась в вестибюле, мне показалось, что все взгляды сразу же устремились в мою сторону. Пока я поднималась по лестнице, те, кто попадались мне навстречу, также поглядывали на меня с каким-то изумлённым непониманием, отчего я почувствовала скованность и неловкость, словно я была здесь чужой. Удивительно, но во дворе дома не было даже намёка на то, что в здание прибыло столько гостей. Может, две — три машины от силы. Лестница и коридор были украшены живыми цветами, и вся атмосфера внутри, казалось, дышала предвкушением праздника, но только не для меня…

Чем ближе я подходила к дверям Большого Зала, тем сильнее ощущала беспокойство и нежелание туда идти, и в какой-то момент у меня возникло непреодолимое побуждение покинуть здание; я даже развернулась и пошла обратно к лестнице, но тут меня заметила Мисс Магда, отдававшая неподалёку распоряжения служащим. Расплывшись в счастливой улыбке, она кинулась мне навстречу, смешно семеня по полу маленькими ножками. При виде её я испытала огромное облегчение.

— Дорогая, моя! — радостно запричитала она. — Как же я рада! Ты приняла правильное решение, о котором никогда не пожалеешь!

— Надеюсь, что так… — неуверенно произнесла я, чувствуя озноб от волнения.

— Пойдём скорее, тебе надо переодеться, — поторопила меня Мисс Магда, бросив скептический взгляд на мои потрёпанные джинсы и кроссовки.

Впервые я попала на пятый этаж, который до сегодняшнего дня был закрыт для меня. Сказать, что этот этаж оказался самым странным из всех остальных, — значит, ничего не сказать. Он был словно частью средневекового замка, аккуратно вырезанного и перенесённого сюда из какого-то другого места. Стены и пол его, вытесанные из серого камня, местами отсырели и поросли мхом, а над массивными дубовыми дверями, потемневшими от времени, были вырезаны рунические символы: над каждой дверью — свой. Что скрывалось за этими дверьми? Большая загадка. Одна лишь дверь была открыта, и оттуда в коридор падал яркий белый свет, а в лицо дул тёплый ветерок, будто бы там был выход на улицу. Процессия, в которой я шла, направилась именно туда. Переступив порог этой комнаты, я на всякий случай незаметно ущипнула себя за руку, чтобы убедиться в том, что я не сплю, ибо я очутилась в… огромном сказочном саду или парке, а может, даже в колдовском лесу. Определить границы его пространства не представлялось возможным. Над головой синело небо и светило солнце, а земля вся утопала в зелени, хотя на улице, снаружи здания, насколько я помнила, было первое ноября. Повсюду цвели цветы. Море настоящих живых цветов… Нежные трели птиц доносились из зарослей причудливых растений. Я увидела в отдалении пасущихся вместе зубров и антилоп, жующих траву, а чуть поодаль от них, на камнях возле пещеры с водопадом, томно лежали тигры, жмурясь, как ленивые, довольные кошки. Что же это за дивная природа, что за необычный ландшафт — с какого континента? Здесь также было достаточно много людей, которые со счастливыми выражениями лиц спокойно ходили по парку, совершенно не опасаясь близости хищных животных. Но я не могла улыбаться, не могла расслабиться и просто наслаждаться окружающей меня красотой, словно не верила в то, что она подлинная, даже несмотря на то, что ко всему этому великолепию легко можно было прикоснуться рукой и удостовериться в том, что оно реально. Впереди, куда двигалась наша группа, шелестели листвой могучие вековые дубы, росшие отдельным островком, и среди них находилось небольшое каменное здание,

похожее на древний храм. В двух больших чашах возле входа в него дымились курения с благовониями. Сёстры Аллармос тоже были здесь. Они тихо пели перед храмом новую песню на своём языке, им подыгрывала арфистка. Мне нравилась их музыка, и я почувствовала что-то похожее на умиротворение, но волнение всё равно не проходило и даже усилилось.

Внутри храма, в который мы вошли, оказался ещё один — поменьше.

Обряд был чем-то похож на обряд крещения. На меня надели длинное белое платье до пола, и я, с распущенными волосами, босиком стояла на прохладном каменном полу. Кроме меня в числе посвящаемых было ещё пять девушек и два паренька. Я посмотрела на них. На их одухотворённых лицах светилось одинаковое выражение благоговения, и только одна я не понимала, зачем мне всё это нужно. Словно меня выдавали замуж, а за кого — я не знала. Мы вступили в следующее помещение под полукруглым каменным сводом.

Помещение внутреннего храма напоминало широкий неглубокий колодец; увидев небо вместо крыши, я снова сильно удивилась, но, впрочем, пора уже переставать чему-либо удивляться…

Трое мужчин в белых одеждах сидели на возвышении, словно высеченные каменные изваяния. Я никогда их не видела раньше. Двое из них — с длинными седыми волосами и бородами, а один — совсем молодой и без бороды.

— Это наши Маги, младшего из них зовут Демти Тха. После совершения обряда посвящения они уйдут в Запредельное, откуда явились только на один день, — шёпотом пояснила мне Мисс Магда, сопровождающая меня по моей просьбе. Тем временем молодой маг поднялся со своего места и вышел на середину «колодца».

— Подойдите, посвящаемые, — пригласил он нас.

— Сегодня наши ряды вновь пополнятся новыми лицами, — продолжил он. — Что не может не радовать, поскольку Источник вновь явил нам свою бесконечную доброту; и чем нас будет становиться больше, тем больше будет расти и крепнуть сила Источника.

Я оказалась первой, кому предстояло пройти обряд.

Ко мне подошли двое мужчин, одетых в длинные ритуальные одежды и предложили проследовать в центр спирального круга, идеально выложенного из небольших камней. Внутри круга, имелось несколько круглых углублений, похожих на каменные сосуды или чаши: в двух из них что-то было. В одном — глянцевая тёмная жидкость, которая чуть колыхалась, словно

закипала, а в другом находилось нечто ещё более странное, что вряд ли можно было отнести к чему-то материальному, — скорее оно имело эфирную природу и являлось неизвестным видом энергии. С другой стороны круга, рядом с небольшим алтарём слабо тлели угли догорающего костра.

— Прикоснись к Источнику, — велел мне один из жрецов, показав на второй сосуд — с голубоватой эфирной субстанцией. Второй бросил в чашу с жидкостью какой-то порошок и стал всматриваться в чёрные разводы. Я поколебалась.

— Не бойся, он не горячий и не холодный, — улыбнулся Демти Тха, заметив мою нерешительность.

Я с некоторой опаской погрузила руку внутрь углубления, и неожиданно это оказалось очень приятно, даже немного щекотно. Я едва сдержалась, чтобы не засмеяться.

Лицо жреца, смотрящего в воду, приняло сначала удивлённое, а потом растерянное выражение. Демти Тха подошёл к нему и тоже озабоченно смотрел на нечто, что они увидели в жидкости. Жрец вполголоса что-то сказал ему.

Но мне послышалось, что я услышала слово «Другая».

Они стали шептаться о чём-то. Образовалась заминка. Я уже стала беспокоиться, но тут они, видимо, сообща приняли какое-то решение. Один из пожилых Магов поднялся с каменного кресла, выбрал венок с белыми лилиями из кучки венков, лежащих на столе, и подошёл ко мне.

— Наклони свою красивую головку, — попросил он.

— Мы нарекаем тебя… Сибиллой Вейн, — торжественно произнёс он, надевая на мою голову венок.

Странно, но ведь…

…Это же имя героини романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» — неожиданно всплыло у меня в памяти. Они решили дать мне имя самоубийцы?!

После небольшой паузы Маг продолжил:

— Ты должна поклясться, что никогда не расскажешь людям о том, что знаешь, и то, что тебе предстоит узнать. Подойди к алтарю и принеси жертву.

Я испугалась, что меня заставят убить какое-нибудь животное, и собиралась отказаться.

Но после того как я произнесла клятву на неизвестном языке, повторяя её за жрецом, мне всего лишь дали в руки пучок сухой травы и деревянный кубок с вином, которые я должна была бросить и вылить в костёр.

Тлеющие угли вспыхнули высоким столбом белого пламени.

— Источник принял твою жертву, — радостно объявил Маг. — Теперь ты одна из нас и будешь получать энергию

Иммаргель в соответствии со своими заслугами и способностями, выражаемыми в эйбах.

— Количество твоих эйбов будет зависеть только от тебя — от твоих мыслей и поступков, — пояснил мне Демти Тха. — У Магов — в идеале их около двенадцати, у ведьм гораздо меньше — обычно не более трёх-четырёх. Если ты совершаешь какие-то магические действия для себя, то тратишь эйбы; затем их количество восстанавливается, но не сразу. Чтобы восполнять недостающие эйбы, ты должна делать хорошие дела. И чем больше, тем лучше. Потому что это можно делать и про запас.

— А как я буду узнавать, сколько у меня этих… эйбов? — произнесла я непривычное слово.

— Теперь, когда ты стала одной из нас, тебе откроются новые двери нашего Центра. В одной из комнат пятого этажа есть магический кристалл, прикоснувшись к которому, ты в любое время сможешь увидеть число своих эйбов.

— Можно мне попробовать уже сегодня?

— Конечно, — улыбнулся он. — Когда захочешь.

Остальные ребята по очереди подходили для посвящения, и с ними никаких проблем не возникло, как со мной. Все «жертвы» были принесены, и приняты Источником. После песни сестёр Аллармос обряд был завершён.

Дети выпустили в небо восемь белоснежных голубей с именами вновь посвящённых. Снаружи заиграла весёлая музыка, и все, кто присутствовал на посвящении, стали выходить из храма. Желающим обновить «защиту» было предложено это сделать, пока Маги не ушли в Запредельное, но я не стала смотреть на это действо и отправилась к выходу вместе со всеми. Меня кто-то окликнул по моему новому имени. Это был Демти Тха.

Он подошёл ко мне и предложил проводить меня в комнату с кристаллом, на что я с радостью согласилась, заранее сгорая от любопытства.

Комната, в которой находился магический кристалл, имела зеркальные стены и чёрный гладкий пол. Когда мы в неё вошли, она наполнилась естественным светом, излучаемым из одного места по центру; подхваченный зеркалами, свет многократно усилился. Внутри комнаты ничего не было, кроме небольшой подставки, на которой, высотой почти вполовину человеческого роста, стоял очень красивый камень, похожий на огромный не огранённый алмаз. Я неуверенно приблизилась к нему, не зная, что делать дальше.

— Не бойся, прикоснись к нему, — предложил мне Демти Тха. — Ему нравятся прикосновения.

Изначально кристалл был светлым, но когда я дотронулась до него, он сразу изменил свой цвет с белого на чёрный. Я не на шутку испугалась и отдёрнула руку, но Демти Тха взял мою руку и вновь приложил к кристаллу.

— Всё правильно. Так и должно быть. Он считывает твою информацию.

Неожиданно кристалл снова посветлел, и в нём появилось девять синих светящихся огоньков ромбовидной формы. Они мигали и крутились в центре кристалла. Рука Демти Тха опустилась на моё плечо.

— Что это? — удивлённо спросила я.

— Это твои эйбы.

— У меня их что — девять?

— Удивительно… — задумчиво сказал он. — Количество твоих эйбов. Сейчас оно равно девяти. Это очень много для ведьмы твоего уровня.

— И что это значит?

— Пока не могу сказать точно, но посмотрим, что будет дальше.

— Можно вас спросить? — обратилась я к нему.

— Конечно. Что ты хочешь узнать?

— Что произошло тогда, при посвящении, когда вы смотрели в чёрную воду? Вы увидели там что-то странное? Мне показалось…

— Абсолютно ничего, — улыбнулся он. — Тебе не стоит ни о чём беспокоиться.

Но мне всё равно показалось, что он что-то не договаривает.

— Тогда… почему вы мне дали такое странное имя? Оно ведь принадлежит женщине, которая покончила с собой.

— Мы не принимаем решения на этот счёт. Так решила Верховная Жрица.

— Кто? Почему я её не видела? Где она была?

— Ты не можешь видеть то, что находится вне твоего уровня восприятия.

— Понятно… Но в таком случае, почему она так решила?

— Её решения обсуждению не подлежат.

— Вот как…

— Не переживай по поводу имени, — ободряюще сказал Демти Тха. — Часто имя может быть намёком, подсказкой, и даётся нам в помощь. Получив прямолинейный ответ, ты не произведёшь над собой никакой работы, а разгадывая загадку, приложишь усилия и обретёшь новые высоты. Подумай об этом.

— Да, наверное, вы правы, — согласилась я. — Вся моя жизнь — одна сплошная нелепая загадка…

Я снова потрогала кристалл руками, погладила его. Он был тёплый и менял цвет, переливаясь всеми цветами радуги. Он был прекрасен. Я не могла оторвать от него глаз. Он живой.

Усевшись на пол, я уставилась на завораживающе переливающееся чудо и не заметила, как маг вышел из комнаты.

— Вот ты где? — раздался у меня за спиной обрадованный голос Мисс Магды. — А у нас сейчас начинается торжество по случаю посвящения, поэтому никуда не уезжай, будем праздновать. В Большом Зале уже накрыты столы.

Я не ответила, погружённая в свои размышления.

— Ты можешь хоть на минутку оторваться от кристалла? — спросила Магда, пытаясь переключить моё внимание на себя.

— Нет… Я никогда ещё не видела ничего более прекрасного. Маг сказал, что у меня девять эйбов.

Она заглянула в кристалл и тоже удивилась:

— И правда — девять. Теперь понятно, почему Лаура так сильно хотела заполучить тебя.

— Я уже могу переодеться и снять со своей головы венок из мёртвых цветов? — спросила я, не отрывая взгляда от кристалла.

— У тебя есть полчаса, — напомнила Мисс Магда, собираясь выйти. — Зайди в мою комнату, там для тебя приготовлено платье. Те, что носит Велеста, не укладывается ни в какие рамки приличий.

— Мисс Магда, подождите… — остановила я её. Мне надо было с ней поговорить и высказать кое-что недосказанное.

— Что, детка? — обернулась она на пороге.

— Я хотела у вас спросить…

— Спрашивай, я вся — внимание.

— Вы ведь думали, что я не приду…

— Но ты же пришла.

— Да, но не потому, что я выбрала.

— Я не понимаю тебя… — она посмотрела на меня с тревогой.

— В тот день, когда вы сказали, что Источник принимает меня, я встретила Тёмных…

— И они тебя попытались отговорить.

— Конечно.

— Лаура наговорила тебе гадостей про нас, и ты поверила ей… — догадалась Магда.

— Она много чего наговорила, но я решила пока не делать никаких выводов. Я согласилась принять посвящение не потому, что сделала выбор, я сделала это… потому, что я слабая и трусливая.

— Ты считаешь слабостью выбор в пользу светлых сил?

— Нет, не совсем так… Может, отчасти я поступила так назло Лауре. Она обещала превратить мою жизнь в ад.

— Маги сделали тебе защиту. Теперь тебе ничто не угрожает.

— Да… Я немного запуталась в своих мыслях и чувствах, но пообщавшись с вашими Магами и увидев этот прекрасный кристалл… Знаете, ваш мир не до конца понятен мне и не так близок, как хотелось бы. Возможно даже, что мной движет некое любопытство…

Мисс Магда растерянно смотрела на меня.

— Но ведь не всё так плохо? — спросила она с надеждой в голосе.

Я отрицательно покачала головой и улыбнулась. На лице Мисс Магды появилось выражение облегчения.

— Ну тогда пойдём скорее в зал, — снова поторопила она меня. — Не знаю, как ты, но я ужасно проголодалась.

— Пять минут, — сказала я, посмотрев на своё белоснежное одеяние.

Для празднования все переместились на первый этаж в Большой Зал, где были накрыты столы и играл оркестр. Дразнящие запахи еды разносились по всему коридору. Переодевшись в красивое, но скромное голубое старомодное платье — видимо, ещё времён молодости Мисс Магды, — и собрав кое-как волосы в пучок, я зашла в Зал Приёмов. Мне совершенно не хотелось веселиться, но раз уж того требовали правила принятого этикета, то придётся соблюсти хотя бы видимость того, что я считаю себя частью общества Светлых. Хотя по-настоящему стать «своей» среди них у меня уже вряд ли получится. Я «другая» — ведь так они назвали меня…

Народу в зале было не счесть сколько много. Я поискала глазами знакомые лица. Раскрасневшийся Лесовичок деревянной пивной кружкой весело чокался с Алхимиком, в руке которого был хрустальный бокал с вином. Варвара, ни на кого не обращая внимания, сосредоточенно уплетала суп из большой миски, отбрасывая за спину косу, то и дело падавшую ей в тарелку.

Еда на любые вкусы. Кухни всех народов мира…

— Можем предложить вам итальянские блюда. Не желаете ли отведать нашего изысканного карпаччо или потрясающий салат из осьминогов? Минестроне или качукко?

Я с улыбкой отмахивалась от назойливых официантов, снующих по залу; только взяла с одного подноса бокал шампанского. После пережитых волнений у меня совершенно не было аппетита. Пригубив вина и съев какой-то фрукт, я решила, что в меня больше ничего не влезет, и продолжила бесцельно

бродить по залу, думая о своём.

Я не знала, с кем мне поговорить. И о чём. Обо мне снова все забыли. Наверное, если я сейчас исчезну, вряд ли это кто-то заметит.

— Дорогая, — услышала я голос Мисс Магды, она махнула мне рукой, подзывая к себе. — Иди сюда.

Она стояла рядом с красивой высокой девушкой, азиаткой, одетой в элегантный белый костюм. Длинные тёмные волосы каскадом падали ей на плечи и спину, в руках она по-деловому держала прозрачную папку с какими-то бумагами.

— Познакомься, это Омелла Чи. Омелла профессионально занимается астрологией и магией фэн-шуя, она постоянно в разъездах, живёт в основном в Лондоне и Риме, но и нас тоже не забывает.

— Конечно, милая Мисс Магда, как же я могу забыть о вас, — ответила та. — «Дубовая роща» — мой второй дом.

— Привет, Сибилла. Будем знакомы? — обратилась ко мне Омелла.

Она ослепительно улыбнулась и одновременно помахала кому-то рукой в зале. Голливудская звезда — ни больше ни меньше.

— Очень приятно, — сказала я, кивнув ей в ответ головой. А что я ещё могла сказать?

Мисс Магда что-то вдруг вспомнила и, всплеснув руками, куда-то побежала, покинув нас. А Омелла, легонько тронув меня за руку и извиняюще улыбнувшись, отправилась к своим знакомым, которым не терпелось пообщаться с ней.

Я снова осталась в одиночестве.

В этот момент в зал вошёл Ладдок Девятый и сразу же стал живо искать кого-то глазами. Я не смогла сдержать улыбки: белая рубашка с бабочкой смотрелись очень забавно в сочетании с расстёгнутой чёрной «косухой» в металлических заклёпках и мотоциклетными сапогами. Увидев меня, он расплылся в улыбке и направился в мою сторону.

— Я знаю, что ты не любишь сорванных цветов, — сказал он, подойдя. — Но девушкам нужно дарить цветы, поэтому — вот… Поздравляю! — Ладдок вынул из внутреннего кармана куртки тончайшую хрустальную розу, и, вздохнув, добавил: — Когда появляешься ты, рядом с тобой меркнут все бриллианты мира.

— Это ты сильно загнул, — улыбнулась я. — Но всё равно спасибо.

Интересно, откуда ему известно про моё отношение к цветам? Я взяла из его рук розу и понюхала её.

— Отлично пахнет, — пошутила я. Неожиданно он

наклонился и поцеловал меня в щёку.

Он смотрел на меня и два раза пытался что-то произнести, но у него ничего не получилось. Впрочем, я тоже растерялась, не зная, как реагировать на его выходку. Неловкую ситуацию разрулило вмешательство странного смешного существа.

— Я тебя потеряла! Где ты шляешься? — раздался недовольный женский голосок позади Ладдока. Он картинно сделал «ужасные» глаза. За его спиной стояла накрашенная сверх всякой меры, крошечная девушка с пирсингом в носу и ядовито-розовым «ирокезом» на голове.

— Ты красивая, — сказала она мне вполне дружелюбно, выглядывая из-за спины Ладдока. — Но этот мерзавец — мой! По крайней мере, на сегодня.

— Я вообще-то не претендую, — заверила я её, улыбнувшись.

— Это хорошо, это правильно, — одобрительно сказало «существо», оттаскивая от меня за руку вяло сопротивляющегося несчастного Ладдока.

Кто-то ущипнул меня легонько в бок. Я обернулась и увидела загадочно улыбающуюся Велесту, что-то держащую в руках за спиной. Она протянула мне плоскую красную коробку, перевязанную золотистой ленточкой.

— В такие дни, по традиции, посвящённым принято делать подарки. Сегодня, считай, день твоего второго рождения.

— Что это? Зеркало? — удивлённо спросила я, с любопытством приоткрывая коробочку.

— Непростое зеркало. В нём ты всегда будешь видеть своё молодое отражение, даже когда состаришься.

— Правда? Вот это здорово! То, что надо! — мы обнялись.

Мне подарили ещё много подарков, которые я вынуждена была оставить в приёмной Велесты, потому что не могла унести их все за раз.

Незаметно улизнув на пятый этаж в комнату с кристаллом, я включила своё «второе зрение» на полную катушку и попыталась проникнуть в недра магического камня. Неожиданно мне это легко удалось, но я чуть не ослепла от яркого света внутри него. Я увидела что-то безумно красивое, но очень странное, плохо поддающееся описанию. Увиденное мной скорее походило на бесконечную движущуюся спираль, от которой отрывались маленькие светящиеся сгустки и нежно таяли, словно растворяясь.

Когда уже вечер подходил к концу, Мисс Магда издала облегчённый возглас, снова увидев меня сидящей перед кристаллом.

— Вот ты где. А я тебя обыскалась. Спасибо барону

Беллингаузеру: он с математической точностью определил твоё местоположение. Ты, право, как ребёнок…

— Да уж… — согласилась я. — Не каждый день увидишь такое.

— У тебя будет ещё много времени, чтобы насмотреться на кристалл, но у меня к тебе есть более прозаическое предложение.

— Да? Я слушаю вас.

— Завтра из Лондона прилетает господин Тисс с дипломатической миссией.

— Кто это?

— Да так… один старый зануда, которому просто дома не сидится, и он выдумывает разные предлоги, лишь бы не заниматься своими обязанностями.

— Ясно. Как это меня касается? — осторожно спросила я.

— Если ты завтра будешь не очень занята, то я хотела бы попросить тебя встретить его вместе со мной в аэропорту.

— Завтра воскресенье… — сказала я с шутливо-страдальческой гримасой.

— Ну ладно, тогда я сама как-нибудь… — несколько обиженно пробормотала Магда, и я невольно улыбнулась.

— Так во сколько он прилетает?

Глава восьмая ПРЕКРАСЕН КАК БОГ

Сегодня мы с Мисс Магдой встречали важного гостя, прибывающего из Лондона во второй половине дня. С утра я приехала в «Дубовую рощу», а к двум часам дня мы уже должны были быть в аэропорту.

Мисс Магда отошла на «пятиминутку» в зал совещаний, а я, ожидая её, осталась болтать с Велестой. Внезапно в приёмную ворвались две девушки — Кася и Мирра, подняв страшный шум и гвалт.

— И мы поедем! И мы поедем! — завопили они в один голос, прыгая по комнате и размахивая руками; и в какой-то момент едва не скинули монитор компьютера с секретарской стойки.

— Ну-ка, тихо! — прикрикнула на них Велеста, хлопнув дыроколом по столу. Девицы немного угомонились, но, переместившись в соседний пустующий кабинет, сразу же принялись буйствовать там.

— Знаю-знаю, чего они так разорались, — вполголоса проворчала Велеста. — Каждая первая особь женского пола от десяти до восьмидесяти мечтает о Красавчике.

— О каком красавчике? — не поняла я.

— О том, который сегодня приезжает из Лондона.

— Хм… Странно… Мисс Магда вчера сказала мне, что мы встречаем какого-то скучного пожилого дипломата.

Она хмыкнула.

— Мистер Тисс… Да нет, не ради него весь этот цирк. Ведь вместе с ним одним рейсом прилетает Бальдерик Рэй. Кумир дамских сердец. О его приезде мало кто знает, но эти курицы, видать, подслушали приватный разговор.

— А это ещё кто? — спросила я.

— О! Это сын великого Неда Мак Рэя, представителя могущественного клана Дану[4]. Согласно летописи, они являются продолжателями чистой ветви рода Дагды[5] и владеют его магическими артефактами, много веков передающимися из поколения в поколение. Состояние их семьи ничуть не уступает состоянию королевской. Но предупреждаю сразу: не вздумай с ним флиртовать, потому как он на нас ведьм и смотреть не хочет. И потом, кажется, у него уже есть невеста, которая живёт в Париже, хотя, возможно, это всего лишь сплетни для отвода глаз.

— Знаешь, честно говоря, мне совсем нет дела до каких-то там продвинутых магов, — равнодушно сказала я. — Самоуверенные сынки богатеньких родителей не слишком прельщают меня.

Велеста только саркастически улыбнулась.

— Не будь сама такой самоуверенной, — посоветовала она мне.

— Значит, так! — объявила стремительно вошедшая Мисс Магда, прерывая наш разговор и окутывая нас облаком лавандовых духов. — Мы едем на лимузине. Ничего там не трогать, бар — только для мистера Тисса.

Кася и Мирра, стоящие возле двери, заверещали как оглашённые и стали обниматься от радости.

— Я разрешаю вам поехать, но при условии, что вы будете немы как рыбы! — строго предупредила их Магда. Девчонки зажали руками рты и смешно выпучили глаза, став похожими на удивлённых карасей.

Аврил отвёз нас в аэропорт, где мы прямиком отправились в терминал прилёта пассажиров. Мистер Тисс оказался маленьким, колченогим человечком в очках и с тростью. Мисс Магда, радостно улыбаясь, поспешила навстречу карлику.

— Ой! Опять этот противный старикашка обслюнявит нам все руки! — недовольно произнесла Кася. — А Бальдерика Рэя что-то не видно! Может, он передумал в самый последний момент — и не полетел?

— Ах, где же он? — заламывая руки, причитала Мирра, и на лице у неё отображалась крайняя степень страдания.

— Я чувствую — он где-то здесь, — Кася покрутила головой по сторонам, всматриваясь в огромный зал, кишевший людьми.

Едва ступени эскалатора превратились в плоскую поверхность, как две ведьмы рядом со мной издали что-то вроде протяжного стона.

— О май гад! Какой же он всё-таки классный. Просто не-ре-аль-ный! Но нам до него — как до другой галактики…

— Я не видела ещё никого красивее его. Он самый лучший в мире! Девочки, как я выгляжу?

Я уставилась туда, куда смотрели девушки, и остолбенела. Не может быть… Бальдерик Рэй. Его невозможно было не заметить, настолько сильно он выделялся среди толпы, и не только ростом, хотя он был достаточно высоким — гораздо выше среднего. Но это лицо… Оно было не просто красивым, а фантастически совершенным, без единого изъяна или хотя бы одной неправильной черты. Широко расставленные большие зелёные глаза смотрели гипнотически-пронизывающе, и в то же время было в них что-то по-мальчишески задорное. Глаза — это первое, что бросалось в нём: в них хотелось смотреть и утонуть. Он как магнитом притягивал к себе взгляды окружающих. У него была

гордая посадка головы, свойственная сильным и уверенным в себе личностям; коротко подстриженные каштановые волосы выгодно оттеняли изумрудный оттенок его глаз. Весь его облик, фигура и грациозные движения неожиданно вызвали у меня странные ассоциации с роскошными снежными барсами, в одиночку охотящимися в горах. Я видела, как женщины всех возрастов смотрят на него с открытыми ртами, спотыкаясь и едва не сворачивая себе шеи, словно увидали божество. Да и мужчины тоже. Возможно, от него исходила какая-то невидимая энергетика, к которой люди неосознанно хотели прикоснуться. Необъяснимое притяжение… Но только не для меня. Когда он приблизился к нам, я надела тёмные очки и попыталась «сканировать» его на предмет болезней, но, впрочем, зря я это сделала, поскольку не увидела абсолютно ничего, словно я рассматривала пустоту или пыталась ощупать руками стену в кромешной темноте. Наверное, он как-то почувствовал мою бесцеремонную попытку «вторжения» в его организм, потому что вдруг резко остановился и посмотрел мне прямо в лицо. В глазах у него вспыхнули дикие лукавые искорки. Я испуганно отвернулась, испытывая крайнюю степень неловкости, и неожиданно сильно покраснела, чего со мной ещё не случалось. Некоторым и одного взгляда бывает достаточно, чтобы размазать по стенке. И это я не о себе.

— Да ничего особенного, — пробормотала я, прикрывая волосами горящие уши. — Обычный метросексуал, или как их там ещё называют, этих красавчиков разодетых…

— Врри, да не завирайся! — подколола меня Мирра. — Видели мы, как ты пялилась на него. Ты уже точно на крючке. Очки вон даже надела, чтоб никто не видел твоих обалдевших глаз.

— Не выдумывай глупостей! — рассердилась я. — Я не люблю парней, которые похожи на девушек и от которых пахнет, как от девушек.

— Знаешь, ты, конечно, девушка редкой красоты, но для него ты просто пастушка. Так что остынь.

— А ну и пусть. Мне всё равно, кто и что обо мне подумает. Кроме того…

— Вот и хорошо, что ж ты так разволновалась? Смотри, какая ты стала красная. Температура твоей крови по Цельсию уже, наверное, градусов двести. Градусник лопнет.

Мирра нарочно злила меня. Ужасно противная — точная копия Катьки!

Молодой красавец, подмигнув нам, прошёл мимо; подойдя к Мисс Магде и мистеру Тиссу он радушно поприветствовал их обоих, поцеловав ей руку, а ему ответив на рукопожатие.

— Как жаль, что он не поедет с нами в машине, — продолжила ныть Кася.

— Он предпочитает самолично ездить на своём «кадиллаке» с турбодвигателем, который всегда ждёт его на стоянке аэропорта, — пояснила Мирра с благоговейным выражением лица.

«И слава Богу!» — с облегчением подумала я про себя. Восторженность девиц этим английским снобом стала меня порядком раздражать.

Неожиданно я почувствовала на себе чей-то взгляд и подняла голову.

Ладдок, стоящий на втором этаже с пластиковым стаканчиком в руках, криво скалился, глядя на нас сверху. Он приветливо помахал мне рукой, и я ему тоже в ответ. Интересно, а этот-то что здесь делает?

Безмолвный Аврил невозмутимо прошествовал к дверям, неся в обеих руках многочисленные саквояжи мистера Тисса.

— Девочки, а ну-ка, пошли-пошли, — закудахтала Магда, подталкивая нас к выходу. — Ах, простите, мистер Тисс, я вам не представила девочек. Это наши лучшие ученицы. Касю и Мирру вы уже знаете, а это новенькая, Сибилла.

Мистер Тисс сквозь огромные очки с толстыми линзами просверлил нас всех троих любопытными навыкате глазками, похожими на маслины.

— Здравствуйте, молодые леди, — проскрипел он с сильным английским акцентом, обнажив в улыбке жёлтые старческие зубы. — Так приятно, когда вас встречает столько очаровательных красавиц. — Он по очереди поцеловал нам руки, задержав мою в своих маленьких прохладных ручках чуть дольше и оставив на ней влажный след.

Я снова почувствовала взгляд, теперь уже на своей спине, и обернулась. Это было как ожог.

Бальдерик Рэй смотрел на меня как-то напряжённо, без улыбки. Но перед моими глазами тут же всплыло совсем другое лицо. Светлые волосы, голубые глаза… И снова этот зеленоглазый шатен. Словно одна картинка подменила другую. Какое-то странное затмение… Я зажмурилась, отгоняя наваждение. Бальдерик Рэй тем временем взял свою сумку, любезно принесённую ему служащим аэропорта; поблагодарив того, он снова бросил в нашу сторону короткий взгляд и отправился к выходу с другой стороны зала. Я услышала громкие возгласы и смех и увидела, что Ладдок уже спустился вниз и обнимается с каким-то жизнерадостным длинноволосым типом, одетым во всё чёрное, в окружении громоздких дорожных сумок и

больших коробок. Видимо, это был его друг, которого он встречал. Мы, более не задерживаясь, гуськом вышли из здания аэропорта и уселись в лимузин. Мистер Тисс сразу же полез в мини-бар и наполнил стаканчик бренди.

— За прекрасных дам! — объявил он и, почмокав мокрыми губами, залпом осушил сразу добрую половину бокала.

По дороге он произнёс ещё несколько тостов. Теперь я верю, что истории об иностранцах, приезжающих в Россию только для того, чтобы как следует «оттянуться на полную катушку», вовсе не высосаны из пальца. Мистер Тисс был подвержен пагубному пристрастию к алкоголю, которое сразу же дало о себе знать, едва он сменил часовой пояс.

В итоге к концу поездки он основательно наклюкался и уснул, а нам пришлось слушать его громкий храп, перекрывавший шум мотора. В гостиницу Аврил внёс его обмякшее тело на руках.

Вечером в «Дубовой роще» вновь был дан приём в честь приезда особо важных персон. Я хотела было «отмазаться», но Мисс Магда настояла на том, чтобы я осталась, мотивировав это тем, что моё присутствие обязательно. Будут важные гости, которым я должна быть представлена, сказала она. Скрепя сердце, я пошла переодеваться в комнату Велесты, любезно предоставившей свой «дежурный гардероб» в моё неограниченное распоряжение. Мы были с ней почти одного размера, но подобрать что-либо из её одежды являлось для меня довольно проблематичным, поскольку она не страдала излишней скромностью — и большинство её юбок и платьев заканчивалось где-то в области чуть ниже пятой точки. Я выбрала самую длинную юбку, которая всё равно была выше колен, и белую рубашку с широким чёрным поясом; чёрные туфли-лодочки на низком каблуке завершили мой «туалет». Критически осмотрев меня, щедрая Велеста добавила тоненькие бусы из речного жемчуга и такой же браслет.

Шведские столы, накрытые на сей раз в Малом Зале, как и вчера ломились от разных вкусностей, но мне хотелось поскорее уехать домой, поскольку я чувствовала себя уставшей, к тому же я не любила большого скопления народа. На сцене в конце зала оркестр играл весёлую музыку.

Мисс Магда оставила меня и хлопотала где-то по своим делам, забыв, что хотела меня с кем-то познакомить. Все присутствующие в зале были заняты общением друг с другом, и лишь я одиноко стояла, подпирая стену, чувствуя себя чужой и никому не интересной.

Мистера Тисса привели в чувство. С криво повязанным

галстуком и красным лицом он выглядел несколько помятым и нездоровым. Наверное, у него сильно раскалывалась голова. Мне стало его немного жаль. Надо будет как-нибудь предложить ему свои услуги по изгнанию «зелёного змия».

Магов в зале не было, они ещё вчера ушли в Запредельное. Зато прибывали всё новые и новые гости. Мне вдруг пришла в голову забавная мысль: неужели никто с улицы не замечает странного притока большого количества торжественно разодетых людей в маленький переулок к заброшенному дому? Внезапно толпа, стоящая неподалёку от входа, издала возглас восхищения и захлопала в ладоши. Прямо Каннский фестиваль какой-то…

Вытянув шею, я посмотрела в направлении дверей и увидела причину всеобщего ажиотажа, отчего мне снова стало нехорошо.

Бальдерик Рэй прибыл в сопровождении высокой красавицы китаянки Омеллы Чи, которую я уже видела вчера. Она как никакая другая подходила ему в качестве пары. Диадема с бриллиантами сверкала в её черных блестящих волосах, длинное платье с открытой спиной из белой атласной ткани струилось до пола, подчёркивая женственность её стройного тела.

Её спутник выглядел не менее впечатляюще. Чёрный дорогой костюм с бабочкой сидел на нём безупречно. Гордая осанка и идеально уложенные волосы. Любая мелочь, любая деталь в его внешнем облике — всё казалось совершенным. От него веяло богатством и благополучием. Он ходил среди гостей, его узнавали, и он им отвечал кивком и улыбкой, перекидываясь парой фраз.

Я в своей скромной юбке и блузке почувствовала себя замарашкой и, как только выдался удобный момент, улизнула на лестницу второго этажа, где было место для курения. Там толпилась молодёжь, наряженная эльфами и другими сказочными существами для театрализованного представления, которое должно было стать частью программы вечера. Я увидела несколько знакомых мне девушек и ребят ещё со времен нерегулярного посещения мной Учебного Центра и пристроилась возле них. Они восприняли моё появление с некоторой долей удивления.

— Что случилось? — спросила одна из взрослых девушек с красивым греческим именем Этна, костюм которой выдавал в ней Диану-охотницу.

— Да так… — уклончиво ответила я, посмотрев вдаль тоскливым взглядом.

— Может, дать сигарету? — предложила она.

— Нет, спасибо. Просто с вами тут немного потусуюсь. Душновато там что-то. Неважно себя чувствую, — пояснила я и

стала обмахиваться ладошкой.

— Да, это заметно. На тебе совсем лица нет. Может, ты заболела?

— О, посмотрите! Красавчик сюда идёт. Интересно, где это он свою дылду потерял? — воскликнула рядом стоящая маленькая девушка с распущенными волосами, в длиннющей, узкой юбке, расклешённой книзу, по всей вероятности изображающей русалочий хвост.

— Тише… — одёрнула её подруга.

— Знаешь, я передумала, — неожиданно сказала я Этне. — Дай-ка мне одну сигаретку.

Взяв из пачки сигарету, я неумело прикурила её и сразу закашлялась от едкого горького дыма, проникшего в моё горло. Бальдерик Рэй не спеша спускался по лестнице на первый этаж.

Проходя мимо нас, он скосил взгляд в мою сторону. В глазах — то ли насмешка, то ли презрение. Мне стало неприятно: всё сжалось внутри меня, словно там поселился маленький трусливый зверёк, и снова невыносимо сильно захотелось сбежать в общежитие. Но девушки всё-таки что-то заметили, чего не заметила я.

Они как по команде посмотрели друг на друга, но ничего не сказали. Из соседней компании к нам подошла ещё одна из девиц в громоздком платье английской принцессы 17 века, которую, кажется, звали Милана. Она понюхала воздух, словно сеттер, почуявший дичь на охоте.

— Девчонки, — взволнованно прошептала она, быстро тряся разноцветным веером перед лицом. — У меня чутьё. Я чувствую запах. Флюиды любви. Они повсюду. Безумная страсть. Одержимость. Точно вам говорю. Ой, чего-то будет! Правда, непонятно что…

— У вас, у куриц, только одно на уме, — презрительно вставил реплику длинный симпатичный парень по имени Данни Ли, затесавшийся в девичью компанию и облачённый в старинные доспехи воина. Сигарета в руке «средневекового рыцаря» смотрелась по меньшей мере странно и нелепо. Этна недовольно толкнула его локтем; он, опустив забрало шлема, взял лежащий на подоконнике меч и пошёл по коридору, дурачась, и упражняясь в фехтовании.

— Сибилла? — девицы внимательно посмотрели на меня.

— Никак не могу привыкнуть к этому имени, — сказала я, улыбаясь через силу. — А курить всё-таки вредно. Если бы вы только видели то, что вижу я, то не курили бы ни секунды.

— А что ты видишь? Ну-ка, расскажи! Интересно! — потребовали они.

Я хотела было ответить, но в этот момент услышала слабый свист сзади и, оглянувшись, увидела Велесту, которая отчаянно жестикулировала возле своей комнаты.

— Сибилка, поди скорее сюда, — взволнованным шёпотом подозвала она меня.

— Что такое? — так же шёпотом спросила я, подходя к ней. Проклятая сигарета обожгла мне пальцы, и я с отвращением швырнула её в ближайшую урну.

— Что всё это значит? — вопросительно уставилась на меня Велеста, втаскивая за руку в приёмную.

— Ты о чём? — не поняла я.

— Слушай, только не падай. Кажется, ты понравилась Бальдерику Рэю. Он несколько раз спросил о тебе, — сообщила она мне.

— Вот как? — рассеянно спросила я, хотя сердце моё неприятно трепыхнулось. — А какого чёрта? То есть… я хотела сказать… Что спрашивал-то?

— Ничего себе! — возмутилась Велеста, делая «большие глаза» и укоризненно качая головой. — Да как ты можешь! Это же Бальдерик Рэй, а не какой-нибудь бедный студент.

— Ну да, конечно… — смутилась я для виду. — Так всё-таки, что он там спросил?

— Он интересовался, откуда ты родом, что делаешь, но, самое главное, он спросил, почему ты несчастна.

— Хм… С чего он взял… А почему из всего этого ты сделала вывод, будто я ему понравилась?

— Ну, знаешь… Наверное, у меня опыта поболее твоего в таких делах. И потом, он так не спрашивает о тех, кто ему неинтересен. Главное — не что спросил, а как. Понимаешь? Заинтересованность, блеск в глазах и всё такое…

— Думаю, ты ошиблась на этот раз. Кроме того, разве не ты сама сказала, что такие, как мы, ему задаром не нужны?

— Да, говорила, но тут, видать, особый случай.

— Он приехал с Омеллой, мне показалось, что они…

— Они просто друзья, и вместе учатся в одном колледже. И вообще, она намного старше его.

Велеста посмотрела за мою спину в коридор, и в глазах у неё отразились ужас и восторг одновременно.

— Ой, мамочки! Он возвращается! Я исчезаю. Держись, подружка! Мысленно я с тобой.

— Что? Подожди! Куда?! Стой! — заметалась я в панике, но было поздно.

Она втолкнула меня в комнату, а сама, схватив со столика кружку с недопитым чаем, пошла её мыть, оставляя меня наедине

с этим странным красавцем. Нашла время мыть посуду! Предательница!

Зайдя в приёмную, Бальдерик Рэй огляделся, словно желая удостовериться, что в ней никого нет, кроме нас двоих, и даже на всякий случай заглянул за секретарскую стойку. Затем повернулся и улыбнулся как кот, который поймал мышь. Я угрюмо стояла возле шкафа, не шевелясь и слабо надеясь, что меня тоже примут за какую-нибудь мебель.

— Привет, — поздоровался он на абсолютно чистом русском языке без какого-либо акцента.

— Привет, — еле слышно прошептала я.

— Как дела? — спросил он, чуть склонив голову набок и разглядывая меня, отчего мне сразу стало не по себе.

— Нормально, — пробубнила я.

— Кажется, я тебя нечаянно напугал? — несколько виновато поинтересовался он.

— Нет, просто…

— У тебя такое потрясённое лицо, — заметил он.

Я смущённо кашлянула и не нашлась, что сказать.

— Сибилла, да? Красивое имя тебе дали, — почти как библейская пророчица.

«Боже! Пусть хоть какое-нибудь чудо вытащит меня отсюда!» — взмолилась я про себя и с тоской посмотрела на дверь, к которой не могла пройти, не коснувшись Бальдерика Рэя, поскольку тот стоял посередине узкого прохода. Кажется, он понял ход моих мучительных мыслей, но скосив глаза на дверь, даже и не подумал отойти, лишь сдержанно улыбнувшись.

— На самом деле я… — начала я.

— Послушай, — не дал мне он договорить. — А что ты делаешь сегодня вечером? — Глаза у него блестели странным блеском. Он подошёл ко мне ещё ближе, и я почувствовала запах его дорогой туалетной воды.

В горле образовался плотный комок, и что-то задёргалось внутри меня, словно я была зверьком, которого загнали в ловушку и собираются съесть смакуя и не спеша. Я вновь ощущала давно забытые признаки назревающей паники и боялась выкинуть какую-нибудь глупость.

— Так ведь… вроде как ночь уже, — неожиданно нашлась я.

— Ах, да, — улыбнулся он. — Какой же я идиот! Перепутались часовые пояса… Ну тогда… завтра вечером?

— Не знаю пока. Скорее всего, буду готовиться к коллоквиуму по химии.

— Студентка?

— Угу, — буркнула я.

— Ясно, — прищурившись, он снова стал разглядывать меня. Мне показалось, что глаза его откровенно смеялись надо мной, и только он собрался что-то сказать, как ему помешали.

«О, спасители мои!»

Ладдок, который отсутствовал на торжественной части и пришёл с опозданием сотоварищи в количестве пятерых, ввалился в приёмную с громкими возгласами приветствия моего «мучителя».

Они стали обниматься и хлопать друг друга по плечам, выражая бурную радость от встречи.

Воспользовавшись удобным моментом, я тихо, как мышь, за их спинами прокралась к двери, незаметно выскользнула из приёмной и во весь опор понеслась по коридору прочь, по дороге едва не сбив с ног выходящую из туалета Велесту и не разбив её любимую чашку с блюдцем, затормозив на ходу в самый последний момент.

— Ай! Всё нормально? — обеспокоенно воскликнула она.

— Да, а что? — спросила я, изо всех сил пытаясь справиться с неровным дыханием, выдающим моё волнение.

— Ты здорова? От тебя какой-то странный жар идёт. Ты случаем не горишь?

— Да… жарковато здесь, — согласилась я и стала обмахиваться рукой, тревожно поглядывая в сторону приёмной.

— Всё из-за него, — не поверила Велеста, догадавшись о причине моего смятения. — Я так и знала!

— Возможно, — призналась я. — Он вызывает у меня сильное беспокойство, но если ты полагаешь, что я могу в него втюриться, то ты глубоко заблуждаешься. Я хочу, чтобы этот человек оказался как можно дальше отсюда, а лучше всего — на другом конце земного шара.

— Смотри, будь осторожна! Если что, я тебя предупреждала.

— Мне всё равно кажется, что ты не так поняла…

— Запомни одно, — перебила она меня. — Он никогда не изменит своего намерения, и если что-то задумал, то как тигр, который почувствовал вкус крови жертвы, не даст ей уйти от себя.

От этих слов я похолодела, но постаралась сдержать эмоции.

— Спасибо за предупреждение. Но будет лучше, чтобы ты ошибалась…

В зале убрали столы — там начиналась дискотека для молодёжи, а гости более старшего возраста разошлись по разным этажам, продолжая общение между собой. Некоторые уже стали

разъезжаться. Спрятавшись за статуей Афины Паллады, держащей копьё в руке, я увидела, как Бальдерик Рэй с компанией и девушками зашёл в зал, при этом он всё время смотрел по сторонам, словно ища кого-то. Затем я вернулась на второй этаж. В приоткрытую дверь одного из кабинетов я увидела уставшую за день Мисс Магду, которая дремала, прикорнув в кресле. Неслышно пройдя мимо неё в гардеробную, я переоделась в свои вещи и, никем незамеченная, покинула «Дубовую рощу».

На самом деле мне не нужны никакие осложнения. Так я рассуждала.

Этот новоявленный красавец, откуда ни возьмись свалившийся как снег на голову, никак не вписывался в мою упорядоченную жизнь и был явно лишним элементом, серьёзно угрожающим обретённому мной с таким трудом покою. И на этот раз я не ошиблась.

Глава девятая НЕУДАЧНЫЕ УХАЖИВАНИЯ БАЛЬДЕРИКА РЭЯ

В понедельник после занятий я заехала в Центр Магии, чтобы попросить у Лесовичка его целебные капли: в последнее время мои нервы что-то уж совсем расшалились. К сожалению, на месте его не оказалось, а на деревянной двери его каморки висел огромный амбарный замок. Впрочем, и все остальные комнаты также были заперты, — видимо, после вчерашнего «сабантуя» обитатели «Дубовой рощи», негласно сговорившись, устроили себе внеочередной выходной. На стенах вестибюля и коридора до сих пор висели неубранные гирлянды живых цветов и разноцветные шарики. Мисс Магда также отсутствовала. Расстроенная, я пошла к выходу, но тут заметила, что дверь Эльвиры Млади приоткрыта, и решила поздороваться с ней. Она сидела перед зажжённой свечой и раскладывала карты. Увидев меня, Эльвира неожиданно обрадовалась и предложила спуститься в буфет, чтобы вместе выпить по чашке чая. Похоже, что больше никого, кроме нас, в здании не было. Консьержка также отошла по хозяйственным делам, оставив предупредительную записку о своём временном отсутствии.

Даже за чаем Эльвира не рассталась с сигаретой и со своей колодой карт, продолжая раскладывать их на столике, изучая получившиеся комбинации. Мы с ней быстро перешли на «ты», несмотря на приличную разницу в возрасте. Я взяла себе чёрный кофе из автомата и попросила её погадать мне. Она с радостью согласилась, и, сгребя карты в одну кучку, принялась их тасовать. Внезапно раздался звонок в дверь. Мы переглянулись.

— Кто бы это мог быть? — обеспокоенно спросила я Эльвиру.

— Понятия не имею, — пожала она плечами. — Пойди, да посмотри. Может быть, Шику забыла ключ?

Я послушно отправилась к двери. Осторожно заглянув в глазок, я увидела, что на улице стоит какой-то подросток лет шестнадцати с огромным букетом красных роз и растерянно озирает окрестности. Немного поколебавшись, я переставила нужные квадратики и открыла дверь. Парень облегчённо вздохнул.

— Еле вас нашёл, — недовольно пожаловался он, удивлённо заглядывая за мою спину. — Вы бы ещё на кладбище забрались.

— Это для Сибиллы Вейн, — протянул он мне букет.

— А кто дал тебе этот адрес? — встревоженно спросила его я, вспомнив про звонок с секретом.

— Контора дала, — я из службы доставки. Слушайте, я пойду, у меня ещё три выезда, — заторопился он, протягивая мне мятый бумажный листок. — Распишитесь тут.

— Вау! Вот это да! Неужто у тебя появился поклонник? — воскликнула Эльвира, когда я вошла с розами в буфет.

— Не знаю… Это вроде для меня цветы… Интересно только, от кого.

— Ну да, тут вот конверт запечатанный. Кто-то из наших, видать. Можно посмотреть? — она протянула руку, собираясь взять записку, прилагающуюся к букету.

Я опередила её и открыла конверт сама. В нём лежала маленькая открытка. Когда я прочла её, улыбка сошла с моего лица. Словно я получила сильный удар тупым предметом по голове.

«Дорогая Сибилла, я смертельно ранен вашей неповторимой красотой. Надеюсь, вы не откажете мне в любезности побеседовать с вами тет-а-тет. Для меня будет большой честью с вашей стороны, если вы согласитесь поужинать со мной. Я буду ждать вас в ресторане по адресу Большой Харитоньевский переулок, дом 21, сегодня в 20–00. Если вы не придёте, я застрелюсь. B.R.»

— Ты чего так побледнела? Там написано, от кого? — спросила Эльвира.

— Да это так… один. Чокнутый какой-то…

Я издала про себя тяжкий стон. Чёрт побери! И что мне с этим делать? Как избавиться от этого типа? Кажется, прогнозы Велесты начинают сбываться: он будет преследовать меня до тех пор, пока не загонит в угол, как хищник дичь на охоте.

— Этот твой поклонник…. - задумчиво произнесла Эльвира, прикуривая одну сигарету от другой. — Он что, предложил тебе свидание? Поэтому ты так разволновалась?

— Угу… — выдохнула я. — Ты очень догадлива. Он приглашает меня в ресторан, но мне совершенно не о чем с ним разговаривать. Да и ни к чему всё это…

— Я только что сделала на тебя расклад. Знаешь, выпала отличная комбинация, — сообщила Эльвира с довольным видом, обводя рукой разложенные на столе карты.

— Нет, это не он! Я не его видела во сне! — вырвался у меня неожиданный возглас протеста. Эльвира с удивлением уставилась на меня.

— Кого же ты видела, дурочка? Сны! Ха-ха! Сны часто бывают обманчивы. Возможно, ты не до конца поняла его смысл. Это я тебе как специалист в данной области говорю. Ты ничего не

потеряешь. Сходи, развейся. Ведь тебя это абсолютно ни к чему не обязывает.

— Это женщины так считают, а мужчины иного мнения.

— Так ты не пойдёшь?

— Разумеется нет! Ни к чему начинать, если не планируешь продолжения.

— Если ты не пойдёшь, то будешь чувствовать себя глупой, и, возможно, ты упускаешь замечательный шанс, который даётся только раз в жизни. Как бы потом тебе не пришлось пожалеть об этом.

— Я что, не имею права отказаться?

— Конечно имеешь, но всё равно это будет глупостью с твоей стороны.

— А что это ты так настаиваешь? — с подозрением спросила я. Неожиданная догадка осенила меня: Она с ним заодно! И курьер этот — тоже подставной!

— Да так, ничего… — пожала Эльвира плечами. — Просто хочу помочь правильным советом одной неразумной девчонке. Когда я была в твоём возрасте, то таких проблем у меня не возникало: идти или не идти. По крайней мере, хоть побываешь в ресторане и поешь на халяву.

— Видимо, мы с тобой устроены по-разному. Мне это не нужно.

— Зачем всё так усложнять? Просто пойди и скажи ему, что так мол и так, но я уже встречаюсь с другим, поэтому не трать на меня времени понапрасну. И всё. Неужели это так трудно?

— Трудно… — уныло сказала я, вспомнив недавний нелепый казус с Павлом Беляковым, но всё-таки согласилась с тем, что, может, и правда будет лучше, если я сразу оборву все поползновения нового воздыхателя, — вот только бы ещё хватило духу сделать это и нашлись нужные слова… Тогда мне здорово помогла Оля, но, возможно, теперь я сама стала умнее — и справлюсь без посторонней помощи.

— Хорошо, я пойду, но при одном условии.

— Да? Какое условие?

— Ты пойдёшь со мной, — заявила я Эльвире, внимательно наблюдая за её реакцией. На несколько секунд её лицо застыло, затем она удивлённо подняла брови и усмехнулась.

— Прошли уже те времена, когда барышни ходили на свидания с компаньонками.

— Это не свидание. Просто мне забили стрелку, и я иду на разборку.

— Что?! — расхохоталась Эльвира. Её бледные щеки порозовели. — Это ты в своём институте такой ерунды

набралась?

Она всё же уговорила меня. Нужно расставить все точки над «i» и жить дальше спокойно. Раз уж он так опасен, со слов Велесты, то будет лучше, если я приду не одна. По крайней мере, в присутствии Эльвиры он не посмеет ко мне приставать или делать какие-либо грязные намёки.

— Ты поедешь со мной, — повторила я тоном, не терпящим возражений.

— Ладно, трусишка, так уж и быть, — согласилась она со вздохом. — Во сколько тебе назначена «стрелка»?

— На восемь вечера.

Она посмотрела на свои изящные часики.

— Ого! Так сейчас уже — семь двадцать пять. Поехали тогда. Марафет навести не желаешь? Нет? А вот нам, девушкам, увядшим раньше времени, необходимо подправить кое-какие несправедливости природы, — достав зеркальце, она скорчила шутливо-зловещую рожицу своему отражению.

Я лишь махнула рукой, сдержанно улыбнувшись, и подождала, пока она произведёт «небольшой косметический ремонт» своего лица.

«Индейцы выходят на тропу войны», — промелькнула в моей голове дурацкая фраза, которая преследовала меня весь оставшийся вечер.

Тем временем вернулась Шику и начали подтягиваться немногочисленные сотрудники Центра, у которых, как выяснилось, оказались какие-то незавершённые дела на сегодняшний день, но Лесовичок так и не появился. Почти на выходе мы встретили Мисс Магду. Она быстро прошла мимо с озабоченным лицом, будто и не заметив нас.

Мы не поехали на метро и взяли такси.

Всю дорогу Эльвира ворчала, поскольку забыла свои сигареты. Я ей ещё раньше предлагала удалить её огромную летучую мышь, но она отказалась, заявив, что ей с ней очень даже комфортно, и свою «летучую мышь» оставит пока при себе, а там дальше видно будет. Больше я не настаивала.

Я ещё ни разу не бывала в ресторанах, тем более в дорогих. Поэтому нервничала и чувствовала себя не в своей тарелке, не зная никаких правил этикета и норм, принятых для подобных мест. Да и одежда моя подходила разве что для посещения заведений типа «Макдональдса». Эльвира же, напротив, была спокойна как удав. Ну она-то гораздо больше походила на светскую даму, чем я. Может, мне повезёт — и я сойду за её служанку?

Когда мы уже стояли на автомобильной стоянке перед рестораном, у моей «компаньонки» в кармане зазвонил телефон. Из эмоционального разговора Эльвиры я поняла, что звонил её старший сын. Она долго и громко объясняла ему, как варить пельмени, потом нажала «отбой» и повернулась ко мне с виноватым выражением лица.

— Извини, но мне придётся тебя покинуть. Ребёнок… — оправдываясь, пробормотала она и, попятилась обратно к нашему такси, которое ещё не успело уехать.

— Как? — запаниковала я, бросившись за ней вдогонку. — Нет, ты останешься! Ты не можешь меня бросить… — я попыталась ухватить её за рукав пальто, но она вырвалась, и, усевшись в машину, послала мне воздушный поцелуй через окно.

Я собиралась было тоже уйти, но, повернувшись, испуганно ахнула и едва не получила инфаркт, потому что лицом к лицу столкнулась с Бальдериком Рэем, наступив ему на ногу и вдобавок сильно ударив сумочкой «под дых». Без каблуков я ему едва доставала до подбородка. Оказывается, он вышел на улицу в ожидании меня.

— Привет, я уже думал, ты не придёшь… — немного поморщившись, сказал он.

— Извините… Здравствуйте, — пробормотала я. — Я нечаянно это… Я вас что, ударила? Вам больно? О, господи! Вот чёрт…

— И бога и чёрта поминаешь одновременно? — улыбнулся он. — Да всё нормально. Расслабься и не переживай.

Голос у него был приятный, не очень низкий и не высокий. Подкупающий, особенно в сочетании с тем, что, разговаривая, он имел привычку безотрывно смотреть в глаза. Взяв мою руку, он поднес её к губам, при этом не сводя с меня немигающих глаз. Я не знала, куда деть свои. Он открыл передо мной дверь ресторана, и я, словно безвольная кукла, зашла внутрь. На смену очередному полученному стрессу пришло какое-то дурацкое отупение.

Я, кажется, начала понимать, в чём главная проблема. И откуда у меня этот дискомфорт, возникающий в присутствии Бальдерика Рэя. Его было слишком много. Даже в этом красивом зале. Все люди и предметы тускнели рядом с ним. Позже кое-кто из обитателей «Дубовой рощи» обмолвился, что Б.Р. иногда приглашают на закрытые дипломатические встречи известных политиков. Наверное, не зря его призывали для решения спорных ситуаций и улаживания конфликтов, — должна признать, что с таким голосом и внешностью трудно поспорить.

— Прошу… — обаятельно улыбаясь, отодвинул он стул за одним из столиков. Надо же, какие манеры. Меня они немного смутили. Я молча села.

— Ты даже не представляешь, насколько я рад, что ты пришла. Ведь я уже почти потерял всякую надежду увидеть тебя.

— Вообще-то я была с подругой, но она неожиданно… сбежала. Взяла и смылась. Обманщица… — с досадой пожаловалась я.

Мне показалось, едва заметная коварная улыбка скользнула по его губам.

— Бывает… Посидим?

— Эта обстановка… — обвела я глазами помещение дорогого ресторана. — Так о чём вы хотели побеседовать со мной?

Он усмехнулся.

— Знаешь… Мне всегда было легко общаться с женщинами, но только не с тобой… Хоть убей, я чувствую какую-то стену. Словно я школьник, который не выучил урок. Честно говоря, у меня впервые такое.

— А я не впервые это слышу. И, как я понимаю, это вряд ли комплимент.

Он лишь снова усмехнулся вместо ответа. Какой-то он жеманный, что ли… всё время смеётся.

— Я закажу для нас ужин.

— Я не ем мяса убиенных животных, — предупредила его я.

— Вот как? — улыбнулся он. — Безусловно, подобная позиция достойна уважения.

— Принесите нам вина, — обратился он к подошедшему официанту.

— Нет, мне, пожалуйста, сока. Гранатового, — попросила я.

— Гранатовый сок — отличный выбор. Так на чём мы остановились?

— Вы сказали, что вам сложно со мной общаться.

— Не так. Нет… Это что-то другое.

Я пожала плечами и стала изучать столовые приборы на скатерти.

— Тебе понравились мои розы? — спросил он после некоторого молчания. Что за странная тактика быстро менять одну тему на другую?

Моё внимание привлёк массивный браслет на его запястье. Он был сделан то ли из дерева, то ли из кости, и на нём была вырезана надпись на неизвестном языке. Какое-то время Бальдерик Рэй не мешал мне разглядывать его вещицу, потом смущённо кашлянул, напоминая о своём присутствии.

— Это амулет Нуаду[6], - пояснил он, — Он даёт

дополнительную силу. Так тебе понравились цветы? Ты не ответила.

— Они красивые. Хотя я не люблю цветов в букетах. Мне гораздо приятнее смотреть, как они растут в саду или на лесной поляне.

— Тебе довольно трудно угодить.

— А надо ли? — неожиданно вырвалось у меня, и я прикусила язык.

— Возможно, ты из другой породы, — невозмутимо сказал он.

— Какой?

— Пока ещё не понял.

Он долго разглядывал моё лицо, пока я не вспыхнула и не опустила глаза.

— У тебя удивительное лицо. Я ещё никогда не видел таких черт. Ты похожа на прекрасного сфинкса. Вероятно, девушки с такой внешностью, как у тебя, жили в очень древние времена в Греции.

— Насколько я помню, — усмехнулась я, — сфинкс — довольно ужасное и отталкивающее существо.

— Действительно. Извини… Сравнение получилось несколько неудачным, — смущённо засмеялся он.

Я извиняюще пожала плечами.

— Значит, ты родилась в Велиже. Ты ведь не замужем? Или остался там парень?

Интересно, отличаются чем-нибудь маги от простых мужчин? Тот же стандартный набор вопросов. Мне захотелось, чтобы вечер побыстрее закончился и Бальдерик Рэй наконец разочаровался во мне, поняв, что я «кадр» недостойный его во всех отношениях.

— Вам, наверное, скучно со мной, — предположила я, надеясь, что смогу убедить его в этом. — Я, знаете ли… приняла ваше приглашение, возможно, из вежливости или потому, что… Даже и сама не знаю, почему…

— Нет, мне с тобой вовсе не скучно, скорее… необычно, — возразил он, подпирая рукой щёку и обольстительно улыбаясь. — В тебе есть что-то, что непреодолимо притягивает меня с тех пор, как я увидел тебя в аэропорту. И мне необходимо понять, что это… — от его пристального взгляда мне казалось, что меня изучают как препарированное насекомое под микроскопом.

Всё это время я чувствовала на себе его влияние, словно он пытался внедриться в мой мозг, но, возможно, его магические флюиды не действовали на меня так, как ему хотелось бы. Когда подошёл официант с напитками, ненадолго прервав нашу беседу, я набралась храбрости и украдкой взглянула на своего спутника.

Велеста оказалась права. Охотник… Самый настоящий. Вот только за кем? За женскими сердцами или их хрупкими душами? Вряд ли такому, как он, не хватает внимания со стороны слабого пола, чтобы ему ещё приходилось совершать какие-то сверхусилия для обретения взаимности приглянувшейся дамы. Он был красивым. Слишком красивым для того, чтобы заинтересоваться такой закомплексованной и неуверенной в себе особой, как я. Благородство было в каждой его отточенной черте. Длинные густые ресницы придавали ему немного мечтательный вид. Изгиб широких тёмных бровей сообщал о целеустремлённой натуре. Прямой открытый лоб заявлял о великодушии и высоком интеллекте. Чётко очерченный красивый рот и чуть полная верхняя губа свидетельствовали о сильной чувственности и влюбчивости. Большие выразительные глаза контрастировали с массивным мужественным подбородком, создавая потрясающее сочетание нежной утончённости и силы, а несколько трагический взгляд — передавал собеседнику сочувствие и понимание. В его внешности не было абсолютно ничего гламурного или вызывающе-нахального. В общем, он и весь его облик представляли собой идеальный вариант сердцееда из женских романов. Но моё сердце молчало. Я ничего не могла с собой поделать. Я желала лишь одного: как можно скорее оказаться в своей постели, чтобы обрести возможность увидеть во сне прекрасного светловолосого незнакомца, которого уже любила всем своим существом. Мало того, я вообразила, что почти «изменяю» моему «возлюбленному», сидя сейчас в ресторане с этим обаятельным ловеласом, да ещё в придачу богатым как папа Рокфеллер. Даже в самом кошмарном сне мне не могло такое присниться.

— Ты не здесь, а где-то далеко… — донёсся до меня насмешливый голос.

— Ах, простите, задумалась нечаянно…

— Что-то мешает мне, — улыбнулся он. — Не пойму пока, что. Ты, случаем, не влюблена в кого-то? — Бальдерик Рэй внимательно разглядывал моё лицо. Мне снова стало не по себе. Удивительно. Странная проницательность…

— Что? — спросила я, стараясь выглядеть ещё более придурковатой. Улыбка его казалась мне в высшей степени коварной.

Внезапно мне в голову пришла безумная мысль о том, что он может каким-то образом причинить вред моему будущему любимому, которого я должна вот-вот встретить, и постаралась отвлечь его, переведя разговор в другое русло.

— Нет. Это не то… Просто я немного устаю в последнее

время. Днём — занятия, вечером я помогаю Мисс Магде лечить больных бродяг и бездомных животных. Так что, времени на что-либо другое почти не остаётся…

Он не сводил с меня пристального взгляда.

— Понятно… Благое дело. Но ты всегда такая серьёзная? Ты кажешься взрослой, словно в теле юной девушки живёт женщина, которая уже успела пережить личную драму — и не одну. Неужели тебе совсем никогда не хочется отвлечься? Позволь же узнать, сколько тебе лет?

— Мне девятнадцать, а… тебе? То есть вам…

— Пожалуйста, не называй меня на «вы», а то я начинаю чувствовать себя глубоким стариком, — усмехнулся он. — А вообще, если интересно, двенадцатого февраля мне исполнится двадцать три года. По григорианскому календарю, — зачем-то добавил он.

Значит, он ненамного старше меня, хотя и выглядит несколько взрослее.

Я не знала, куда нас может завести этот разговор, и не знала также, как его достойно закончить. К счастью, меня спас звонок Мисс Магды.

— Дорогая, ты сейчас очень занята? — затараторила она в трубку, едва я приняла вызов. — Извини, что беспокою тебя так поздно, но если у тебя есть возможность, то срочно приезжай в Центр, случай очень серьёзный. У мальчика угроза асфиксии и удушья. Приезжай как можно быстрее.

— Хорошо, сейчас приеду, — пообещала я, нажимая отбой.

Ох, спасибо тебе, моя спасительница! Я мысленно поцеловала её в увядшую щёчку, кусая губы и стараясь не улыбнуться.

— Милая старушка… К сожалению, я должна ехать. Прямо сейчас, — сообщила я, делая вид, что несколько расстроена. Хотя на самом деле была бесконечно рада, что появился повод улизнуть из ресторана и прекратить беседу, продолжение которой грозило превратиться для меня в изощрённую пытку.

— Что-то случилось? — обеспокоенно спросил Бальдерик Рэй, смотря мне прямо в глаза. Я невольно отвела взгляд.

— У ребёнка сильный аллергический приступ, и так получается, что я его последняя надежда. Мне надо вернуться обратно в Центр, меня там уже ждут.

Я посмотрела на него и тут же снова перевела взгляд на стену.

— Понимаю… Твой долг — прежде всего, — промолвил он.

— Это, в общем, не долг… а сострадание.

Он понимающе кивнул.

— Ну, тогда тебе обязательно надо идти.

— Ещё раз спасибо за приглашение и прошу меня извинить за испорченный вечер… — расплылась я в фальшивых извинениях.

— Всё нормально. Не извиняйся.

Я встала, собираясь покинуть его, но и он тоже. Поднялся и взял своё пальто со спинки стула. Господи, только не это!

— А ты… — растерянно пролепетала я.

— Пожалуй, я отвезу тебя. Так ты быстрее доберёшься, чем на метро; и потом, мне всё равно нужно заехать в «рощу», навестить кое-кого.

— Но ужин… официант сейчас принесёт. Кто будет его есть?

— Ерунда. Это всего лишь еда, — сказал он безразличным тоном, бросая несколько купюр в книгу меню.

— Да я могу и на такси… — всё ещё пыталась упираться я, но он лишь глазами показал мне на выход.

Я чертыхнулась про себя. Этого мне ещё не хватало! Я не могла от него отделаться в грубой форме, как от того приставучего типа в институте. Теперь придётся терпеть и выдавливать из себя хорошие манеры!

Он помог мне надеть куртку и поправить волосы, вдобавок распахнул передо мной дверь, — от этого я почувствовала себя ещё более глупой гусыней, которая не привыкла принимать элементарные ухаживания от мужчин.

— Ну что ты так волнуешься? — спросил он, улыбаясь. Наверное, его сильно забавляла моя скованность перед ним.

— Я? Да нет, вроде… — вяло возразила я.

Когда мы подошли к его огромному чёрному автомобилю, отполированному до глянцевого блеска, я опять сильно закомплексовала. Бальдерик Рэй щёлкнул ключом, отпирая автоматический замок. Я хотела было сесть на заднее сиденье, но он оказался быстрее и, обогнав меня, открыл переднюю дверь со стороны пассажира, приглашая садиться. В машине было настолько чисто и в ней царил такой идеальный порядок, что я с ужасом посмотрела на свои ботинки, которые показались мне чудовищно грязными. Я робко села и прижала к животу сумку, словно пытаясь защититься ей от непонятной опасности. Бальдерик Рэй бросил на меня косой взгляд, и, я и ахнуть не успела, как он быстро наклонился и застегнул мой ремень безопасности, оказавшись настолько близко ко мне, что я каждой клеточкой тела ощутила недопустимое и грубое вторжение чужого в своё личное пространство. Возможно, это всё мои домыслы, но мне показалось, что он сделал это нарочно, чтобы лишний раз позабавиться моим смущённым состоянием. Он ловко вырулил со стоянки, одной рукой крутя руль, второй — включая магнитолу, из которой совершенно некстати Энрике Иглесиас

затянул романтичную песню о любви.

Минут десять мы ехали молча, но, когда на Садовом «кадиллак» встал в небольшую пробку, Бальдерик Рэй убавил звук в магнитоле и принялся расспрашивать меня о моей прошлой и нынешней жизни, об учёбе институте, о том, нравится ли мне в «Дубовой роще», не беспокоят ли меня Тёмные и прочее. На все вопросы я давала односложные ответы типа: «да», «нет», «не знаю», — досадуя одновременно и на него, и на себя.

Слава Богу, ехать было сравнительно недалеко, и вскоре мы свернули в один из переулков Сретенки, ведущий в тупик дому Центра Магии.

— Спасибо, — быстро поблагодарила я и, едва он успел притормозить, пулей выскочила из машины чуть ли не на ходу, чтобы опередить его и не позволить ему открывать мне дверь. Возле дома, в ожидании появления звонка, я оглянулась. Бальдерик Рэй стоял, облокотившись о дверь своего автомобиля, и озадаченно смотрел мне вслед. Я забежала в подъезд, споткнувшись об ведро таджички Шику, стоящее посреди вестибюля, и, едва не перевернув его, помчалась по центральной лестнице наверх.

— Что такое? Что такое? — недовольно закричала Шику мне вдогонку. — За тобой гонятся злые джинны? — Далее посыпались ругательства на таджикском, которые, впрочем, очень скоро прервались и сменились сладкоголосыми приветствиями.

— О! Мистер Рэй! — донеслось до меня снизу. — Какая радость! Вы снова озаряете нас своим присутствием!

Я не стала слушать дифирамбы, распеваемые консьержкой «красавчику», и отправилась на второй этаж, в комнату Мисс Магды.

Больше всего мне хотелось, чтобы он уехал к чёртовой матери! Прямо сейчас! Ещё, чего доброго, он вздумает дожидаться, когда я освобожусь, чтобы отвезти меня обратно в ресторан и продолжить мучить там своими дурацкими вопросами, а мне опять придётся так сильно напрягаться!

Мальчик лет пяти уже ждал, сидя на стуле. Его красное лицо, искажённое мукой, свидетельствовало о том, что он задыхался и у него уже началось кислородное голодание. Рядом с ним стояла заплаканная мать. Она без конца утирала слёзы и нервно трепала волосы сына, не в силах ему помочь.

— Дорогая, ты так быстро доехала. Не знаю, как тебя благодарить, — обрадованно воскликнула Мисс Магда, бросаясь мне навстречу.

— Мы что, теперь принимаем посетителей здесь? — тихо

спросила я. — А как же моё инкогнито?

— Всё в порядке. Она знакомая одной из посвящённых. Но всемогущие эскулапы официальной медицины оказались бессильны, поскольку усмотрели в болезни ребёнка природу чисто физическую, не поддающуюся исцелению и нуждающуюся в поддерживающей терапии, которая практически перестала действовать.

— Ясно… — я вернулась к малышу.

— Мамочка, давайте ненадолго выйдем, чтобы не мешать, — попросила Мисс Магда мать мальчика. Та неохотно последовала за ней к выходу, всхлипывая и оглядываясь на сына. Они вместе вышли из кабинета, осторожно прикрыв за собой дверь.

— Плохо себя чувствуешь, маленький? — ласково спросила я мальчика, стараясь подбодрить его.

Дыхание со свистом вырывалось из лёгких ребёнка, он беспомощно смотрел на меня, и в глазах его читалась невыносимая боль.

— Ну ничего, через несколько секунд мы избавим тебя от этой жабы-бяки — и всё будет хорошо. Закрой глазки и ни о чём не думай. Сейчас ты немного погуляешь по райскому саду…

Я сразу увидела то, что терзало несчастного ребёнка. Моему зрению предстало огромное тёмно-синее энергетическое кольцо, сдавившее сосуды обоих лёгких, сердца и гортани.

Поднеся правую руку к солнечному сплетению мальчика, я испытала странное чувство — будто меня ощутимо тряхануло током. Но это было лишь мгновение, — мои энергетические потоки быстро подхватили вихри кольца, и оно моментально рассыпалось, точно хрустальный шар, осколки которого вытянуло наружу из тела и они растаяли или сгорели, оставив слабый дым, быстро рассеявшийся в пространстве.

Мальчик расслабился и задышал свободнее. Он открыл глаза — они светились радостью облегчения, зато я неожиданно ощутила признаки серьёзной отдачи раньше времени. Меня немного знобило, и почему-то сильно дрожала и немела правая рука. Такого ещё со мной не случалось. Я отвернулась, незаметно вытащила из кармана маленький полотняный мешочек, и, достав готовый глиняный катушек, быстро проглотила его. Через пару минут меня отпустило и дрожь в руке унялась.

— Ну пойдём, зайка, обрадуем твою маму… — предложила я ребёнку.

Я взяла его за ручку, и мы вместе вышли в коридор.

— Уже всё? — удивлённо спросила Магда, глядя на мальчика, который вприпрыжку помчался к матери.

— Ага…

— Так быстро?

Мать кинулась навстречу улыбающемуся сынишке, громко рыдая от радости.

— Вам лучше сейчас поехать домой, напоить его горячим сладким чаем и как можно скорее уложить в постель. Он потерял много сил, — посоветовала я ей.

Мисс Магда обняла меня, погладив по спине.

— Спасибо, дорогая! Если бы не ты, то бедняжка… Боюсь даже произнести это вслух…

— Ерунда, обращайтесь… — небрежно сказала я. — Ну всё? Я пошла?

— Конечно иди, ты ведь наверняка была занята учёбой, когда я тебя сорвала. Извини ещё раз…

— Ничего страшного…

Я сглотнула ком стыда в горле, вспомнив о Бальдерике Рэе, который, вероятно, всё ещё находился где-то в здании, и у меня сразу же испортилось настроение. Надо выйти на улицу так, чтобы избежать встречи с ним. На втором этаже никого не было, но, от греха подальше, я решила спуститься через боковую лестницу. Только бы его не оказалось на первом этаже. Только бы его там не было… Но едва я потихоньку выглянула из-за стены, как мои худшие предположения оправдались.

Проклятье! Он ТАМ БЫЛ! Сидел в кресле на первом этаже неподалёку от входа, за небольшим столиком, положив нога на ногу, и разговаривал с двумя малознакомыми мне молодыми мужчинами. Кажется, это были преподаватели из Учебного корпуса. Пройти мимо них, оставшись незамеченной, было просто невозможно.

Я отшатнулась, снова спрятавшись за стену, но в этот момент сзади, как назло, подошла мать спасённого ребёнка и обняла меня, собираясь разразиться громкими рыданиями благодарности.

— Тсс… Всё хорошо, хорошо… — испуганно пробормотала я, мягко освобождаясь от её объятий. — Мне надо идти, извините…

Краем глаза я увидела, что компания за журнальным столиком продолжает беседу. Они смеялись и явно не торопились расходиться. Вот ещё Велеста принесла им кофе на подносе. Расставляя чашки, она нагибалась так, что была видна ажурная резинка её чулок. Бесстыдница какая-то… Я стиснула зубы. Всё-таки он меня поджидает! Как от него отделаться? Уйти огородами? Я вспомнила об открытых окнах Малого Зала и со всех ног рванула туда. Для этого, я вынуждена была снова подняться на второй этаж и, пройдя через весь длиннющий коридор, спуститься с другой стороны. Достигнув дверей зала, я

поняла, что моя затея пошла прахом, поскольку там орудовала целая команда уборщиков. Полотёры скользили по залу, словно фигуристы, натирая и без того блестящий пол, а мойщики мыли ЗАКРЫТЫЕ окна и вешали новые гардины. Я почувствовала себя в ловушке и стала психовать. Вновь, подкравшись к стене, я с ужасом увидела, что мать со своим ребёнком спустилась по центральной лестнице, но возле журнального столика задержалась и о чём-то недолго разговаривала с сидящей компанией. Она показала им рукой на противоположную сторону коридора, где я с ней недавно распрощалась. Бальдерик Рэй торопливо встал, пожал руки своим собеседникам и чуть ли не бегом направился к лестнице. Мои ноги тут же стали ватными, и в голове что-то сильно зашумело. В какой-то момент я включила свою гордость и уже готова была выйти из укрытия, словно и не думала прятаться, как вдруг вспомнила кое-что… Трусливо озираясь по сторонам, я скользнула в тёмный конец коридора к двери, ведущей в цокольный этаж, сообразив, что оттуда должен быть дополнительный выход на улицу. Дверь оказалась не заперта, и я быстро скрылась за ней, уже слыша приближающиеся шаги по коридору.

Подвал был завален разным хламом, книгами и старой мебелью, и вскоре я начала беспрестанно чихать от пыли. Я бродила в темноте, сослепу натыкаясь на какие-то предметы; пару раз что-то упало сверху, едва ли мне не на голову. Увы, но тот, кто дал мне мои феноменальные зрительные способности, явно забыл включить в их комплекс способность видеть в темноте как кошка. Это была явная недоработка: я видела в темноте очень плохо, возможно, даже гораздо хуже обычного человека. Точнее — не видела ничего. Двери я не нашла, зато обнаружила в одном месте слабый свет, пробивавшийся сквозь щели. Наверное, это заколоченное фанерой окно, подумала я, и не ошиблась. Пошарив в темноте рукой, я нащупала какой-то тяжёлый предмет и, как следует размахнувшись, зашвырнула его в предполагаемое окно. С первого раза не получилось, и мне пришлось добавить немного усилий, совершив ещё несколько бросков. Наконец фанера поддалась, треснула пополам, и я не без труда выбила её наружу, получив отверстие, через которое должна была пролезть. Свет от фонарей с улицы упал вниз, осветив рухлядь передо мной. Я с торжествующей улыбкой залезла на стол, ухватилась за подоконник, подтянулась на руках, и вот моя голова уже показалась на поверхности. Так… интересно, куда это я попала? Вроде похоже на Трубную улицу… А вот ещё чьи-то ботинки…

— Эээ… Тебе помочь? — раздался надо мной знакомый озабоченный голос, и я чуть не рухнула обратно в подвал.

Я медленно подняла голову. Бальдерик Рэй сидел на корточках и с изумлённым выражением лица наблюдал за моими действиями. Поскольку я молчала и лишь дико пялилась на него, он протянул мне руку.

— Давай руку, — сказал он.

Я, совершенно убитая, протянула ему руку, и он быстро вытащил меня на улицу.

— Интересно, а чем тебя нормальный-то вход не устроил? — спросил он, задумчиво разглядывая проложенный мной «новый маршрут»; уголки его губ чуть подрагивали, сдерживая улыбку.

— Да это… Просто я решила… сократить себе путь. Вот… — невнятно произнесла я какую-то чушь и тут же густо залилась краской. Хорошо ещё, что на улице было темновато, и, возможно, в свете тусклых фонарей он не смог разглядеть моего неестественного стыдливого «румянца».

— Понятно… Путь, безусловно, неблизкий, и особенно учитывая все те трудности, через которые тебе пришлось пройти… — он усмехнулся: — Знаешь… Я услышал грохот и подумал, что началось землетрясение.

Я нервно закашлялась.

— Правда? Так слышно было… — промямлила я, готовая от стыда сквозь землю провалиться.

— Глазам своим не верю! — неожиданно воскликнул он и расхохотался. — Ты что, разбила бюст Карла Маркса? Ай-яй-яй! Хулиганка!

Я посмотрела на гипсовый бюст, валяющийся на земле, и снова покраснела. У него отсутствовал нос и была снесена почти половина черепа. Наступило неловкое молчание. Внезапно Бальдерик Рэй спохватился.

— Ммм… Ну ладно, — едва сдерживая смех, сказал он. — Я бы тебя с удовольствием подвёз, но, к сожалению, меня срочно пригласили на важную встречу. Так что — пока-пока? Ещё увидимся.

— Ну да… наверное, как-нибудь… — чуть слышно пробормотала я себе под нос, не смея поднять на него глаза.

Он отступил на шаг назад, внимательно осмотрел меня с ног до головы и осторожно снял какую-то соринку с моих волос, затем весело подмигнул мне и, повернувшись, быстрым шагом ушёл прочь. А я осталась стоять одна посреди безлюдной улицы, проклиная себя за свою неловкость и полную непроходимую тупость.

Плохо было то, что он стал частым гостем в Центре Магии. Вот уж принесла нелёгкая! Сидел бы в своём Лондоне. Так нет же!

Надо всё испортить! Мой покой был нарушен самым грубым образом.

Я была в полной уверенности, что сумела акклиматизироваться в этом городе, слилась с ним, усвоила все необходимые правила поведения и стала его полноценным обитателем, но на деле я осталась всё той же дикаркой из маленького провинциального городка. Встреча с Бальдериком Рэем подняла во мне целую кучу комплексов и открыла глаза на те проблемы, которые я упорно считала несуществующими. Я совершенно не умела флиртовать и остроумно шутить. Что за этим скрывалось, я поняла: попытка защититься. Мне не хотелось стать очередной игрушкой этого красавца. Я чувствовала свою сильную незащищённость и уязвимость перед ним, чего объяснить себе не могла.

Я старательно стала избегать его. Завидев его машину в тупике Центра Магии, я начинала трястись как в лихорадке. Сказать, что меня сильно напрягала его близость — значит ничего не сказать. В его присутствии я испытывала чувство сильнейшего стресса и дискомфорта. Он не подходил ко мне, иногда делал вид, что не замечает меня вовсе; возможно, я произвела на него дурное впечатление, или он вообще решил, что я чокнутая. Ну и хорошо! Этого-то мне и надо…

Но я рано успокоилась. Он отнюдь не игнорировал меня, просто давил морально. Через некоторое время он каким-то образом узнал номер моей комнаты в общежитии (определённо ему это не составило труда), и, спустя неделю после нашего странного «знакомства», мне каждый день стали приносить на проходную разные съедобные презенты: то дорогие шоколадные конфеты, то какие-то нереально воздушные вкусные тортики и пирожные, к которым прилагалась неизменная записка с обозначением имени дарителя — «B.R.». И это я тоже расценила как элемент психологического давления. Но при встрече со мной Бальдерик Рэй невозмутимо продолжал делать вид, что не замечает меня.

— Слушай, а кто это тебя так балует? — допытывались девчонки, набивая конфетами рты и закатывая глаза от удовольствия.

— Бабушка из деревни присылает! — злилась я.

— Да ладно, не гони… Это же всё стоит больше, чем наши стипендии. Давай, колись, кто ОН? Этот прекрасный принц с инициалами «Б.Р.»

— Принц? — усмехнулась я ехидно. — Да это всего лишь… один старый осёл, которому делать нечего! Вот это кто! Принца

тоже мне нашли!

— Ну, ты даёшь! А конфетки-то — супер, вкусненькие. Ты это… не посылай его так сразу, ладно? Будь, в конце концов, человеком, и дай нам хоть немного насладиться этими божественными яствами.

Возмущению моему не было предела…

В Центре тоже поползли какие-то нелепые сплетни. Ведьмочки глупо хихикали, завидев меня. Остальные многозначительно перемигивались между собой или загадочно улыбались. Странная атмосфера накалялась.

Если в разговоре упоминали его имя, то частенько поглядывали в мою сторону с какими-то, как мне казалось, недвусмысленными улыбочками. Возникло неприятное ощущение, что все только и делают, что шепчутся об одном и том же, найдя в этом предмет для всеобщего развлечения. Я изо всех сил притворялась, что ничего такого не замечаю и всё это «броуновское движение» относится не ко мне, но это было очень нелегко. Мне хотелось, чтобы всё стало по-прежнему и повышенное нездоровое внимание к моей персоне сменилось на что-либо другое. В какой-то момент мне и вовсе стало мерещиться, что против меня затеян самый настоящий заговор. Нервы мои не выдерживали. Надо было это как-то прекращать. Либо у меня началась паранойя, либо надо мной и вправду все издеваются, специально создавая напряженную психологическую атмосферу, — словно Бальдерик Рэй негласно задал им подобный тон в отношении меня, и они следуют ему. Но я не была полностью уверена в том, что это не мои фантазии, и доказать ничего не могла. Единственный выход — поговорить с ним и тем самым попробовать хоть как-то снизить градус возникшего напряжения. Я долго оттягивала этот момент, откладывая до следующего удобного случая, который почему-то всё никак не наступал. Промучившись ещё неделю, я поняла, что так дальше продолжаться не может: или я решаюсь на разговор с ним, или я окончательно сойду с ума. Другого не дано.

У меня всё никак не получалось поймать его одного, поскольку вокруг него постоянно толпилась куча народа. Все хотели с ним поговорить, что меня почему-то бесило ещё больше.

Поэтому однажды, увидев, как он в одиночестве идёт по коридору, я подошла к нему, точнее бросилась навстречу, едва не сбив с ног.

— Можно тебя на минутку? — позвала я его предательски дрогнувшим от волнения голосом, оглядываясь по сторонам: не видит ли нас кто. Но, слава богу, в коридоре мы были одни.

— Всего лишь на минуту? — обольстительно улыбаясь,

спросил Бальдерик Рэй. Я молча кивнула.

— Тогда прошу, — пригласил он, открывая передо мной двери конференц-зала, напротив которого мы стояли.

Мы зашли внутрь тёмного пустого зала.

— Здесь так темно… — робко сказала я.

— Темнота — лучший друг молодёжи, — пошутил он, но всё же нащупал на стене выключатель и зажёг лампочки.

— Разве ты не можешь видеть в темноте как кошка? — удивлённо спросил он, намекая на мои сверхвозможности.

— Нет.

— Итак… — он выжидательно посмотрел на меня.

— Я хочу тебя попросить кое о чём…

— Всё, что угодно. Точнее, почти всё, — сказал он с улыбкой, смотря на меня игривыми светло-зелёными глазами. Из-за этого мне сразу стало трудно говорить и формулировать свои мысли.

— В общем, я хотела тебе сказать, точнее попросить… Я догадалась, что это ты присылаешь мне подарки в общежитие. Спасибо тебе, конечно, но я бы предпочла, чтобы ты больше ничего не присылал и не тратился.

— Ты не любишь шоколад? — удивлённо поднял он брови. — Фигуру бережёшь?

— Ну, видишь ли, я не ем сладкого, поскольку у меня диабет в сильной форме, так что всё равно всё достается моим соседкам по комнате, — неожиданно удачно, как мне показалось, соврала я.

— Диабет? — изумился он, и в его чудесных глазах появилось обеспокоенное выражение. — Не может быть… Ты выглядишь вполне здоровой…

— Ну… это пока что, — уже более уверенно продолжила врать я. — У меня очень плохая наследственность. Моя мама болела диабетом и бабушка тоже. Так что, если я не буду соблюдать диету, то через пару лет стану как слониха на откорме.

— Понятно… — то ли сочувственно, то ли разочарованно произнёс он и тут же добавил широко улыбнувшись: — Но я тебе не верю. — Его изумрудные глаза вновь засверкали искорками, а моё сердце упало.

— Твоё дело. Думай, что хочешь, — с досадой сказала я. — Но просьбу мою выполни. О, кей?

— Хорошо… Как тебе будет угодно, — холодно ответил он, и взгляд его снова стал потухшим.

— Спасибо за понимание.

Я кивнула и, почти довольная собой, пошла к двери.

— Майя! — внезапно окликнул он меня по моему настоящему имени. Я вздрогнула, остановившись, и так резко повернулась,

что чуть не упала, запутавшись в своих ногах.

— Что? — испуганно спросила я.

— Да нет… ничего… — улыбаясь, сказал он. — Иди-иди, — и громко расхохотался.

Вот гад!

Я его не видела несколько дней. Наверное, он нашёл себе другую игрушку и был ею увлечён, на время оставив меня в покое. Но слово своё сдержал — и сладости присылать перестал. Девчонки дулись на меня. Правда, на следующий день после нашего разговора комендант общежития передал мне неподписанное письмо в конверте, оставленное на проходной неизвестным лицом.

Это был текст, напечатанный на принтере. Какие-то нелепые строчки, местами вырванные из стихотворения.

«Старый осёл ушами тихо шевели́т,
Скоро день настанет — что он нам сулит?
Что он нам сулит…»

Это что ещё за бред?!

Однажды я зашла в «Фамилию» — есть такой магазин эконом класса; стало холодать, и я решила прикупить себе утеплённую куртку. Выбрав на втором этаже недорогое чёрное стёганое пальто до колен с искусственным мехом, я примерила его и покрутилась перед зеркалом. Критически осматривая себя со всех сторон, я с ужасом увидела в зеркале знакомое отражение. Какого чёрта! Что он здесь делает? Неужели и такому, как он, не чужды походы в супермаркеты? Бальдерик Рэй стоял у меня за спиной, опираясь на пустую тележку. Я медленно повернулась к нему с напряжённым лицом.

— У тебя отличный вкус и стиль, — сказал он, подходя ко мне и с интересом рассматривая мои приобретения. Он взял в руки чёрную вязаную шапочку и такой же шарфик; улыбаясь, повертел их в руках и небрежно бросил в тележку. Я молча следила за его действиями тревожным взглядом. Глаза его смеялись. Я поняла, что он снова издевается.

— Для меня вещи не имеют такого важного значения, — несколько обиженно пробормотала я, за что себя сразу отругала. Надо бы держаться получше. Не говоря больше ни слова, я положила куртку в тележку и отправилась пробивать покупки. Он, естественно, увязался вслед со мной.

— Удивительно, — продолжил он разглагольствовать по дороге к кассе. — Все дети, женщины и ведьмы — в особенности ведьмы — чрезвычайно падки на материальные блага мира сего. А у тебя словно отсутствует интерес ко всему, что может приносить удовольствие, радость жизни.

— Это не совсем так, — ответила я, выслушав его не очень лестное мнение обо мне. — Но, видимо, я неправильная женщина или ведьма. И вообще я неправильный человек. Но уж какая есть… Ничего с этим не поделаешь, и я уже вряд ли изменюсь.

— Извини… — мягко поправил он меня. — Но женщина — это не человек. Это нечто иное.

Я почувствовала, что не выдерживаю и вот-вот взорвусь.

— А вот и касса, — улыбаясь, сообщил он, гася мою вспышку гнева.

— Но ты же ничего не взял…

— Ах, да… Мне ведь нужна была щётка для одежды. Экий я склеротик. Погоди, секунд момент… Держи очередь!

Он действительно вернулся буквально через секунду. Я скептически посмотрела в его тележку, в которой лежала только маленькая щёточка в упаковке.

В этот момент в соседней кассе высокая красивая блондинка стала капризно отчитывать своего спутника.

— Ну и зачем мы пришли в этот магазин для быдлоты? — недовольным тоном спросила она, брезгливо морща носик. — Здесь же одна китайская дешёвка!

Бальдерик Рэй посмотрел на неё, как мне показалось, с откровенным восхищением, что меня несколько задело, но, к моему удивлению, он внезапно громко сказал, так что услышала добрая половина очереди:

— М-да… Не приведи господь жениться на такой!

На выходе из магазина он предложил меня подвезти, но я наотрез отказалась, и тогда, хоть я его и не просила, он забрал у меня сумки и помог мне нести их до маршрутной остановки. Меня сильно напрягала его компания. В его присутствии я не могла расслабиться и даже дышать нормально не могла. Лишь когда он удалился, я вздохнула с облегчением.

Вечером того же дня в общежитие опять пришел курьер. Я спустилась в тапочках на проходную. Мне была вручена большая пластиковая сумка, застёгнутая на молнию.

Девочек не было, и я, вернувшись в комнату, закрыла дверь на замок. Осторожно развернув свёрток, я ахнула. Господи! Шуба до пола из белого горностая. Она же, наверное, стоит миллион! Сколько же их убили, бедняжек, ради этой красивой одежды…

«Королева должна одеваться подобающим образом», — гласила записка, заканчивающаяся инициалами «B.R.».

Чёрт бы всё побрал! Моему терпению пришёл конец! Пора поставить его на место! Это я-то? — нерешительное, трусливое создание, которое всегда прячет голову в песок, едва почуяв опасность. Но теперь-то я точно сделаю это! А если не сделаю, то окончательно потеряю уважение к себе. Я со злостью стала запихивать шубу как попало обратно в пакет, но в этот момент из её кармана выпало ожерелье. Я замерла, выронив шубу на пол, и подобрала украшение. От этого ожерелья исходило странное завораживающее свечение. У меня захватило дух от такой красоты.

Я отправилась в ванную, где было зеркало, и, поддавшись внезапному порыву, надела ожерелье. Камни причудливо переливались на свету, и мне показалось, что когда они соприкоснулись с моей кожей, то немного поменяли свой цвет. Загипнотизированная, я смотрела на это совершенное, неземное великолепие. Наверное, это настоящие брильянты, решила я. Ну уж нет! Не дождёшься! Я снова почувствовала злость и сдёрнула с шеи ожерелье.

Одевшись за пять минут, я задержалась в прихожей у зеркала, взяла Ольгину красную помаду и накрасила губы. Боже, что я делаю… Я быстро стёрла помаду и, схватив свёрток с шубой, выбежала за дверь. Я не рискнула ехать общественным транспортом с такими дорогими вещами и вызвала такси.

Когда я влетела в приёмную с огромным пакетом в руках, Велеста отгадывала кроссворд. Она подняла голову и застыла с карандашом в руке.

— За тобой гналась тысяча чертей из преисподней? — сделала предположение она. Я издала нервный смешок.

— Где живёт наш этот… красавец-сердцеед, чистокровный потомок великих магов из рода кого-то там… забыла кого. Знаешь его адрес?

— Ага! — торжествующе воскликнула Велеста. — Так ты всё-таки на него запала, крошка? Как ты безумствуешь! Смотри, он очень опасный, и глазом моргнуть не успеешь, как потеряешь себя.

— Да что ты говоришь! — съязвила я. — Вовсе нет. Просто сегодня днём он одолжил мне в супермаркете некоторую сумму денег, — вот, хочу вернуть ему должок. Не люблю оставаться в долгу, видишь ли…

— Бальдерик Рэй? — удивилась она. — В супермаркете? Ты в своём уме? Что ему там делать, спрашивается? С каких это пор он

шляется по таким отстойным местам?

— Тоже мне, голубая кровь… — хмыкнула я. — Ему срочно понадобилось средство от тараканов, а в элитных магазинах Парижа и Лондона такового не оказалось. Его магические ритуалы и заклинания также не возымели должного результата. Поэтому пришлось прибегнуть к проверенным отечественным средствам и по старинке травить их дустом.

— А это очень прикольно! — захихикала Велеста, близоруко щуря глаза. — Гляди-ка, как ты осмелела в последнее время, даже острить начала. А ведь была такая тихоня. Ладно, так уж и быть, помогу тебе. Записывай государственную тайну: Садовая-Каретная, дом четыре дробь четырнадцать, строение пять, квартира двадцать девять. Отсюда, в общем, недалеко…

— Мерси. Только, я тебя умоляю: если тебе не трудно, не болтай лишнего, — попросила я её, записав адрес и наткнувшись на любопытствующий взгляд.

— За кого ты меня принимаешь? — обиделась та.

— Когда-нибудь я расскажу тебе, но пока, будь другом, не спрашивай меня ни о чём и постарайся держать язык за зубами. Пожалуйста. В любом случае это совершенно не то, что ты думаешь.

— Поняла, не буду, — просто ответила она. — А твою тайну я унесу с собой в могилу и не выдам даже под самыми страшными пытками Инквизиции. Клянусь ведьминой честью.

— Спасибо, ты просто ангел, — поблагодарила я её.

— Но-но-но… — протестующее протянула Велеста.

— Ангелочек… — поддразнила я.

— Пока-пока, — чмокнула она воздух и вновь углубилась в свой кроссворд.

Таксист, подвозивший меня до Центра, по моей просьбе остался ждать в соседнем дворе. Я назвала ему новый адрес, усаживаясь на заднее сидение.

— Двести, — озвучил он свой гонорар, после недолгого подсчёта в уме.

— Хорошо, пусть будет двести, — согласилась я.

Такси подъехало к обычному восьмиэтажному зданию сталинской постройки. Не знаю, чего я ожидала, но у меня было стойкое убеждение, что Бальдерик Рэй по меньшей мере должен жить если не в собственном дворце на Рублёвке, то хотя бы владеть каким-нибудь небольшим старинным особняком в «золотой миле» Москвы.

У подъезда его дома я моментально оробела, и весь мой пыл куда-то испарился. Но отступать было уже поздно. Если я сейчас

убегу, не осуществив задуманное, то никогда уже не смогу простить себе, что хотя бы не попыталась преодолеть свою трусость. Посмотрев по сторонам и убедившись, что никто меня не видит, я больно укусила себя за руку, чтобы как следует разозлиться, после чего быстро, словно боясь передумать, нажала кнопку домофона.

Консьержка попросила меня представиться и поинтересовалась, в какую квартиру я направляюсь. Позвонив по внутреннему телефону хозяину, она назвала ему моё имя. Через минуту дверь открылась, и я, умирая от страха, поднялась на пятый этаж.

Дверь его квартиры была уже предусмотрительно открыта, — видимо, для меня. Я осторожно толкнула её рукой. В прихожей царил полумрак, коридор освещался приглушённым светом светильников. Откуда-то из глубины жилища слышались голоса — мужские и женские, — значит он был не один. Я продолжала стоять перед дверью, не осмеливаясь войти без приглашения, до тех пор пока в коридоре не показалась фигура Бальдерика Рэя. Он посмотрел на меня с уже привычным насмешливым недоумением. Без костюма, в обычной футболке и джинсах он выглядел гораздо более простым, доступным и даже каким-то домашним.

— А я-то думаю, куда ты запропастилась? А ты, оказывается, стоишь тут на пороге как бедная родственница, — пошутил он, обаятельно улыбаясь. — Ну давай, заходи скорей. Неприлично такой красивой девушке стоять за дверью.

Многозначительно посмотрев на объёмную сумку в моей руке, он посторонился, пропуская меня.

— Я, наверное, не вовремя… — растерянно пробормотала я.

— Да нет… Почему же… Как раз вовремя, — неожиданно усталым голосом возразил он, сделав движение, чтобы помочь мне снять куртку.

— Я ненадолго, я просто хотела сказать… — начала я, увернувшись от его рук и отступая к двери.

— Не здесь, — оборвал он мою плохо заготовленную речь, недовольно сверкнув на меня глазами, отчего мне стало не по себе.

— Прошу меня извинить, — сообщил он своим гостям, заглядывая к ним. — Я вас ненадолго покину. У меня важный разговор с дамой.

Он жестом пригласил меня в свободную комнату и, когда мы в неё вошли, тщательно прикрыл за собой дверь. Видимо, он не хотел, чтобы его приятели слышали наш разговор.

Надо заметить, обстановка его квартиры оказалась гораздо скромнее и консервативнее, чем я себе представляла. В ней

присутствовало всё только самое необходимое и ничего лишнего. Мебель и другие предметы интерьера были современными, но служили скорее для удобства, а не роскоши, как, например, кричащая вычурность с дорогими картинами и антиквариатом в квартире Лауры. Из мебели в комнате — только диван, небольшой письменный стол, простой раздвижной шкаф и стеллаж. В углу я заметила свёрнутый коврик для йоги, а на полу — штангу и пару гантелей, — значит ему не чужды занятия спортом. Круглый аквариум на подоконнике с одной единственной золотой рыбкой наталкивал на мысль, что Бальдерик Рэй не лишён сентиментальности и любви к природе и животным. На полках: книги, компьютерные диски, несколько безделушек. Телевизора нет. Зато на диване тихо шумел включённый ноутбук. Ничего в этой комнате не напоминало о том, что её владелец является магом высшей категории; никаких хрустальных шаров и прочих атрибутов магии я также не увидела. Хотя, если учесть, что большую часть времени он здесь не живёт, то, возможно, ему много и не нужно. Правда, я не имела возможности оценить вторую комнату, в которой находились его друзья, а также кухню и ванную. В одном нужно отдать ему должное — все вещи в комнате были расставлены в идеальном порядке. Свежесть и отсутствие хоть каких-нибудь признаков пыли говорили о том, что он был помешан на чистоте. В остальном его внутренний мир по-прежнему оставался для меня недосягаем.

— Я так понял, тебе не очень понравился мой подарок, — мрачно догадался он, одновременно принимая огорчённый вид.

— Ты правильно понял.

Я положила пакет на диван.

Он молча ждал продолжения моего «выступления».

— Я не понимаю, зачем тебе это нужно? Ты что, смеёшься надо мной или пытаешься купить? Скажи, ну неужели я действительно похожа на женщину, которую можно соблазнить таким примитивным способом?

На лице у него отобразилась интересная гамма эмоций, сменяющих друг друга. Недоумение, досада, насмешка, цинизм, сочувствие… мне трудно было понять, какая из них превалирует над остальными. Наконец лицо его приняло обычное непроницаемое и невозмутимое выражение.

— Лично я так не считаю, — спокойно ответил он. — А вот у тебя, похоже, разыгралось воображение, причём явно преувеличенное, на мой взгляд. Ко всему прочему — ещё и расшатанные нервы. Если хочешь, могу порекомендовать отличного психоаналитика из наших.

Я моментально включила свою «адскую машинку» и стала буравить его взглядом. На сей раз я почему-то не наткнулась на невидимое препятствие, как тогда, в аэропорту. Он позволил мне исследовать его организм вдоль и поперёк. Я прошлась по всем органам, но не найдя никаких изъянов, за которые можно было бы зацепиться, разочарованно посмотрела на него. Он с интересом наблюдал, как тускнеет радужка вокруг моих зрачков.

— Теперь твоё любопытство удовлетворено? — насмешливо спросил он.

Я медленно помотала головой, потрясённая до глубины души.

— Я не ношу шкур убитых животных, я не ем мяса и ненавижу мёртвые цветы в букетах. А ещё я ненавижу, когда со мной играют в дурацкие игры!

— Какие игры? — нахмурился он. — Да это были всего лишь простые знаки внимания… Ну хорошо. Если они тебе действительно так неприятны, то я не буду более тебе докучать… — последние слова он произнёс таким грустным голосом, что я почувствовала себя чудовищем, которое обидело божество.

— Вообще-то я сказала тебе неправду при нашей первой встрече. Не знаю, зачем я это сделала. Когда ты спросил, не влюблена ли я, — я ответила, что нет. На самом деле, у меня есть парень. Мы встречаемся уже… уже полгода, — неожиданно солгала я, вспомнив легенду, придуманную Эльвирой. — И мы без ума друг от друга. Поэтому, прости, но, наверное, мне стоило с самого начала расставить все точки над «i», чтобы ты не тратил на меня времени зря.

Он помолчал, словно обдумывая смысл моих слов, видимо, не сразу дошедших до его понимания, потом кивнул.

— Лучше поздно, чем никогда. Верно? Но ты уверена в том, что это действительно любовь?

— Я… я не знаю точно, но мне кажется, что да… — неуверенно ответила я, растерявшись от его неожиданного вопроса и не желая развития этой темы, чтобы не утонуть в своём вранье — чем дальше, тем глубже.

— Только кажется? — спросил он, испытующе глядя на меня. — Звучит не слишком убедительно.

— Я могу видеть болезни, некоторые душевные пороки людей, но, к сожалению, я не в состоянии понять чувства другого человека по отношению ко мне. Я знаю только то…

— «…что ничего не знаю…», — закончил он за меня словами Сократа.

Я чувствовала, что он не верит ни одному моему слову.

Любой его новый вопрос мог запросто поставить меня в тупик.

— Ты не понять не можешь. Ты не можешь поверить… — продолжил он, начиная медленно ходить вокруг меня, что сразу подействовало на мои нервы не самым лучшим образом. — Я заметил, что у тебя очень низкая самооценка. Ладно, проехали… Ты недавно обмолвилась, что тебе трудно измениться, но, видишь ли, и я тоже устроен таким дурацким образом, что не привык отказываться от задуманного. Вот парадокс, да? Можешь считать меня эгоистом. Хорошо, допустим, у тебя кто-то есть… Я сказал «допустим», хотя я мог бы легко это узнать…

Бальдерик Рэй остановился передо мной и посмотрел на меня так, словно хотел заглянуть в самую глубь моей души. Не знаю, в чём тут дело, и откуда взялся этот страх, но мне моментально захотелось очутиться от него за тысячу километров. Я ощутила себя самонадеянной овцой, которая — то ли из любопытства, то ли по дурости — забралась в логово кровожадного волка.

— …Но именно по этой причине мне придётся продолжать доставать тебя своим назойливым вниманием. Чтобы добиться твоего расположения… Нет-нет, — усмехнулся он, увидев испуг на моём лице, — не волнуйся, я давал кое-какие обеты и не стану пользоваться запрещёнными приёмами. В общем, так. Ладно. Мы наконец-то всё прояснили и, надеюсь, поняли друг друга. Ты ведь именно этого и хотела, не так ли? Если тебе вдруг что-то понадобится — обращайся. В любом случае двери моего дома всегда открыты для тебя. Я скажу консьержке, чтобы она внесла твоё имя в список моих близких друзей…

Мне показалось, что он сильно расстроен, и снова почувствовала что-то наподобие вины.

— Я думаю, ты просто не привык проигрывать… — решила я сгладить неприятную ситуацию. — Но знаешь… я ведь не такая большая потеря. Ты найдёшь гораздо лучше и красивее меня. Мне очень жаль, что…

Тут я услышала его смех, и это убило меня окончательно. Он вдруг сказал довольно цинично, не дав мне договорить:

— Милая, я в жалости твоей не нуждаюсь, и в утешениях тоже. Поверь мне, ты нуждаешься в них гораздо больше, чем кто-либо другой. И потом, кто в итоге проиграл — ты ведь толком не знаешь?

— Извини, если я… — мне стало плохо, и я уже готова была разреветься, что со мной случалось довольно редко.

— Не стоит извиняться, — сказал он ледяным тоном. — Ты ведь ни в чём не виновата? Правда? Или виновата? Только не надо плакать, — предупредил он, заметив мои намерения.

— Я не знаю… Нет, наверное… Или… — я изо всех сил

сдерживала слёзы, моргая влажными глазами.

Он покачал головой.

— Или? Нет, это не то…

— Если это всё… — выдавила я из себя. Мне всё же удалось не заплакать, но вместо этого у меня в груди поселилась какая-то тупая ноющая боль, которая мешала мне дышать.

— Да. Пока всё, — бесстрастным голосом ответил он.

— Тогда… я могу идти?

Он как-то совсем недобро усмехнулся.

— Вообще-то ты сама пришла сюда, разве запамятовала? Дверь открыта. Хочешь идти? Иди. Или ты приклеилась к полу? Я не держу тебя… — пожав плечами, он повернулся и отправился к своим друзьям, словно потеряв ко мне всякий интерес.

Я ушла в совершенно подавленном состоянии. Хотела быть гордой и сильной, как королева амазонок, а сдулась так быстро, в очередной раз выставив себя конченной идиоткой и последним ничтожеством. Да уж, поистине некоторые имеют какой-то дьявольский дар опускать других ниже плинтуса без единого грубого слова. Я не помню, как я добралась общежития. Таксист уже давно уехал, и мне пришлось ехать на метро; возможно, ещё часа два я бесцельно бродила по улицам в полном отрешении от всего, пытаясь прийти в себя и осмыслить происшедшее. Некоторое время в моей голове вообще не было абсолютно никаких мыслей. Только необъяснимое чувство потерянности сопровождало меня.

Без сомнения, он играл на моих чувствах; несомненно, он обнаружил мои слабые места — если не все, то многие. Для него моя ранимая душа была как на ладони, а его для меня — как тёмная ночь. Я не знала, начнёт ли он мне мстить или задумал что-то ещё похуже. Насколько в нём больше тёмного, чем светлого. Мне показалось, что ему важен сам факт победы; и то, что он получил от меня отворот-поворот, довольно сильно задело его, хоть он и постарался скрыть, что это так.

— Ты ужасно бледная, с тобой всё нормально? — обеспокоенно спросила Ольга, когда я молча вошла и без сил села на кровать.

— Нет… — честно призналась я, едва шевеля губами и смотря в одну точку на стене.

— Так! Давай рассказывай по порядку: что ещё с тобой стряслось? — уперев руки в бока, потребовала она.

— Меня переехал товарный поезд… — ответила я безжизненным голосом.

— Вот дурочка… — засмеялась Оля, садясь рядом со мной и обнимая за плечи.

— Если бы я была алкоголиком, то непременно напилась бы…

— Ну это не проблема. Сообразить?

— Да нет, не надо… Это я так… — улыбнулась я и почувствовала, что мне стало гораздо легче. Словно какая-то злая сила ушла из меня, перестав терзать мою душу. Кажется, я действительно излишне нервничаю по пустякам, воображая себе чёрт знает что. Может, у меня и вправду чересчур богатая фантазия?

Как бы то ни было, я немного успокоилась. Я твёрдо решила оставаться самой собой и не позволять никому манипулировать моим настроением в своих целях. Даже такому изощрённому мастеру в психологических играх, как мой недавний оппонент. Мы ещё посмотрим, кто кого… Я научусь быть такой, как он. Вовремя отключать свои эмоции… Просто надо выработать привычку не волноваться и держать себя в руках, остальное — дело техники…

Я думала, что последним инцидентом всё и закончится, но, увы, как выяснилось, это был далеко ещё не конец.

Верхом его наглости стал визит в мой институт. Через пару дней после нашего разговора он приехал на своём блестящем чёрном «кадиллаке» с тонированными стеклами и на глазах у всех стал направо и налево «кадрить» студенток.

Вот шут гороховый! Он нарочно выбрал обеденный перерыв, когда большинство студентов выходило погулять на улицу перед следующей парой. Этот спектакль явно специально был разыгран, чтобы меня позлить. За кого он вообще меня принимает? За примитивную дуру, возбудить интерес которой можно только играя на низменных инстинктах? Типа ревности, например.

После занятий я снова увидела перед подъездом его машину — полную девиц, не обременённых тяжёлыми моральными установками. Очередная демонстрация тупости и отсутствия воображения…

Вечером того же дня я столкнулась с ним в Центре Магии. С рассеянным видом он бродил по второму этажу с горящим взглядом. Когда я выходила из приёмной, он остановился прямо передо мной, загораживая мне проход. У него было такое странное выражение лица, словно он находился в прострации или был под действием каких-то наркотиков.

— Надо же… — сказала я, и сделала движение, чтобы пройти мимо, но он остановил меня, положив мне руки на плечи.

— Ну вот… Теперь, когда все средства испробованы, осталось

только тебя убить… — произнёс он замогильным голосом, смотря куда-то назад, поверх моей головы.

— Что ты сказал? — растерялась я.

— Так… ничего. Не обращай внимания… — пробормотал он и неожиданно улыбнулся.

— Ты что, разговариваешь сам с собой? Может, тебе стоит это… нервишки подлечить? — не без колкости спросила я. — К психоаналитику обратись — ну, тому самому, которого мне советовал.

Бальдерик Рэй усмехнулся.

— Ехидничаешь? — спросил он, улыбаясь и прищуривая глаза, в которых снова засверкали живые игривые искорки.

— Нет, просто скажи, что ты хотел, или дай мне пройти. Пожалуйста… — добавила я, подчёркнуто вежливо и одновременно цинично, словно решила перенять его манеру и тон, в котором он разговаривал со мной всего два дня назад.

Он убрал руки с моих плеч и смущённо произнёс:

— Извини… просто извини. Это всё, что я хотел тебе сказать.

Затем, вытащив из вазы Велесты засохшую розу, он осторожно вложил её в мою руку.

— Этот цветок для тебя… — быстро заглянув мне в глаза, он повернулся и ушёл.

Я молча осталась обдумывать его странное поведение. Похоже, он слегка спятил. Не может быть, чтобы он так сильно расстроился из-за того, что я отвергла его ухаживания.

Уколов палец шипом розы, я тихо ахнула и выронила её на пол, уставившись на выступившую каплю крови.

— Ты играешь с ним в Мисс Недоступность или действительно равнодушна? — раздался над ухом вкрадчивый и насмешливый голос Ладдока Девятого, несколько напугавший меня.

Я обернулась и вопросительно посмотрела на него.

— Ещё ни одной женщине, даже самой холодной, не удалось устоять перед ним, — продолжил Ладдок. — А всё, что он делал в отношении тебя, — всего лишь небольшая проверка. Грубо, примитивно, на мой взгляд, но он всегда играет с женщинами в одну и ту же игру. И никто её не проходит. Оттого он так и одинок.

— Не понимаю, зачем вам все эти игры? Не проще ли сказать всё как есть…

— Ты ещё слишком многого не понимаешь, потому что ты ребёнок. Подрастёшь — поймёшь.

Я часто видела, как Бальдерик Рэй и Ладдок дружески пожимают друг другу руки при встрече и с удовольствием

общаются. Уж и не знаю, какие у них были взаимоотношения и что между ними могло быть общего. У Б.Р. было много друзей, или, скорее, это была его свита — как презрительно про себя я их называла. Но Ладдок выделялся своей независимостью и всегда держался с ним на равных.

— Они похожи в одном, — поделилась со мной позже Велеста. — Оба имеют успех у женщин. Они коллекционируют их. Разница только в том, что Бальдерик Рэй старается не оставлять душевных ран у женщин. Если ему надоедает очередная пассия, он делает так, что она просто забывает о нём, словно его никогда не было в её жизни. Ладдок же, напротив, разбил не один десяток сердец, получая от этого странное удовольствие.

— Вполне гуманно… — пробормотала я.

Мне бы не хотелось угодить в «коллекцию» ни того, ни другого. На всякий случай буду держаться от них обоих подальше.

Глава десятая ЛЮБОВЬ, ПОХОЖАЯ НА СОН

Начало второго семестра ознаменовалось одним очень важным событием. Я наконец-то встретила свою Мечту наяву.

— Привет, как праздники прошли? — поинтересовалась Наташа Бельская, моя одногруппница, когда мы обе, румяные с мороза, встретились в раздевалке института в первый день занятий после новогодних каникул.

— Нормально, наконец-то смогла съездить домой, навестить бабушку.

— Ясно, а наши тут квасили почти две недели, — отмечали завершение сессии и… поминали тех, кто безвременно вылетел. Но ты-то автоматом прошла со своим высоким рейтингом, а у меня ещё два хвоста осталось, и у многих так же. В основном анатомия, будь она неладна… Олежко — зверь, а не человек. Второкурсники рассказывали, как они ему по восемь раз пересдавали. Из наших — десять человек уже тю-тю… отчисляют. Прикинь? Говорят, первая сессия всегда самая сложная. А ещё этот рейтинг проклятый…

— Серьёзно? Жаль их… — печально вздохнула я, выслушав новости, что называется «с пылу с жару». Бельская слыла главной сплетницей в группе и всегда всё про всех знала лучше остальных.

Я действительно сдала сессию досрочно ещё до Нового года, и по моему заявлению меня отпустили на неделю раньше. Я тут же уехала к бабушке в Велиж, поэтому была не в курсе последних событий.

— Да и ещё… У нас пополнение группе, — с загадочным видом сообщила мне Наталья, смотрясь в зеркальце пудреницы и подкрашивая ресницы, на которых уже было несколько слоёв туши.

— Правда? — равнодушно спросила я. — Интересно, кто — он, она?

— Он, — она посмотрела на меня с многозначительной улыбкой и принялась пудрить носик. — Кажется, его зовут Вадим Погодин. Я, правда, сама его ещё не видела, но наши ребята были на днях в деканате и встретили там этого типчика. Методистка объясняла ему, как писать заявление, чтобы его зачислили в нашу группу после академического отпуска. В нашу — потому что у нас больше всего народу отсеялось. Девчонки утверждают — симпатяга, но, как говорится: «на вкус и цвет…»

— Понятно… — сдержанно улыбнулась я. — Пожалуй, я

пойду наверх.

— Угу, давай. Увидимся на занятиях.

Наташа пошла в туалет, а я, мельком взглянув на себя в зеркало, направилась к лестнице. До начала первой пары оставалось ещё полчаса; аудитории были пусты и студенты только-только начинали подтягиваться. В коридоре на втором этаже в одиночестве, лицом к окну стоял высокий, худощавый парень со смешным ёжиком светлых волос на голове, в красной куртке и с рюкзаком на плече. Я прошла мимо него, собираясь посидеть с книгой на подоконнике, напротив своей аудитории.

— Девушка, — неожиданно окликнул он меня. — Я дико извиняюсь… Вы мне не подскажете, где здесь аудитория двести одиннадцать? Что-то я не нашёл…

Я обернулась. Меня словно током ударило. Этот голос… Как часто я слышала его во сне, что узнаю из тысяч голосов!

Господи! Этого не может быть!

Я почувствовала, как земля уходит у меня из-под ног. Да что там! У меня чуть не случился сердечный приступ. Я смотрела на него и не верила в чудо. Это же был тот самый парень из моего сна. В точности такой же — высокий, светловолосый с голубыми глазами. Наверное, он был чуть постарше меня.

— Я туда… иду как раз… — заикаясь, пробормотала я, точно пьяная, уронив книгу на пол. — Там одна единичка отвалилась… двадцать первый кабинет…

Вероятно, я пялилась на него как дура, мне даже показалось, что он немного смутился от моей неадекватной реакции.

— А ты, случайно, не из двенадцатой группы? — осторожно спросил он, поднимая упавшую книгу и возвращая её мне.

— Спасибо. Да, я из двенадцатой… — глупо улыбнулась я. Мне всё никак не удавалось взять себя в руки: сердце так и норовило выскочить из моей груди, словно я пробежала несколько километров без остановки.

— Наверное, я буду заканчивать вместе с вами. Из-за болезни мне пришлось пропустить два года. Теперь придётся навёрстывать упущенное. Видимо, я буду самым старым в вашей группе, потому что мне уже двадцать три года.

Двадцать три!

— Да нет… Ну какая же это старость? У нас, например, в группе есть мужчина, ему уже тридцать пять. Так он вообще задачки по химии не садится решать без бутылки портвейна.

Я поздно поняла, что сморозила какую-то чушь, но парень рассмеялся, словно это действительно было очень смешно и остроумно.

— Забавно. Вадим, — представился он, заглядывая мне в

глаза. А в его голубых глазах — плескалось бездонное море моего долгожданного счастья!

Вадим… Какое замечательное имя, обрадовалась я. И оно ему очень идёт.

— Майя, — сказала я, едва не тая, как шоколад на солнце.

— Очень красивое имя. Главное — редкое.

— У тебя тоже хорошее, — не осталась я в долгу по части комплиментов.

— Ну вот и познакомились. Так… куда идти-то? Проводишь или как?

— Ах, ну да… — спохватилась я. — Пойдём…

— У нас вообще-то хорошая группа, — стала просвещать его я, пока мы шли к аудитории. — Правда, после первого семестра уже отсеялась почти половина. Надеюсь, к пятому курсу останется хотя бы человека три с половиной…

— Очень оптимистичный прогноз, — усмехнулся он.

— Ну это я так… — я прикусила язык, боясь, что напугала его.

Хоть никто меня об этом не просил, но я взяла на себя обязанность познакомить его с ребятами в группе, и вообще стала опекать по всем вопросам, чему, как мне показалось, он был несказанно рад.

— Могу я сесть с тобой рядом, или… — спросил Вадим, отодвигая стул за моим столом.

— Конечно, садись, — разрешила я, обрадовавшись и, естественно, благополучно забыв поинтересоваться на этот счёт мнением девушки, которая обычно сидела со мной на лекциях.

— Ты на него запала, что ли? — набросилась на меня после занятий всевидящая Ольга.

— С чего ты взяла?

— Ха! На твоём лице всё написано. Ты на него пялишься так, словно парней в жизни никогда не видала.

— Что, правда? — испугалась я.

— Нет, кривда!

— Ну спасибо тебе… — обиделась я.

— Да не за что. Слушай, я тебя вовсе не хотела оскорбить, — смягчилась она. — Просто если хочешь закадрить этого субчика, то будь хотя бы немного… постервознее, что ли. Мужики любят стерв. Ты вспомни своего Павлика, — тебе ведь не по нраву была его собачья преданность? Вот. И парни тоже не любят, когда за ними бегают и в рот заглядывают. Поэтому мотай на ус женской премудрости науку, пока я жива. А то смотри, Бельская его первая окучит, — оказывается, она на него вперёд тебя глаз положила и

теперь всем жалуется, что ты, такая сякая, перебежала ей дорожку.

«Ни за что!» — в ту же секунду взорвался в моём мозгу крик протеста. Я его никому не отдам! Я так долго ждала этой встречи, и он только мне являлся во сне! А Бельская пусть катится ко всем чертям!

— Спасибо за совет, но в данном случае мне он не требуется, — сказала я подруге как можно более ровным и спокойным голосом; и это было чистой воды блефом, потому что внутри у меня всё кипело и бушевало, как в проснувшемся вулкане. До сегодняшнего дня я даже не подозревала о наличии у себя таких сильных страстей и эмоций.

Я всё же решила прислушаться к словам Ольги: быть осторожнее и не проявлять так откровенно свою заинтересованность. Но мне это давалось с огромным трудом, точнее сказать — вообще не удавалось. Я впервые испытывала такие яркие, неподконтрольные мне чувства, словно села на необъезженную норовистую лошадь, совершенно не умея ей управлять.

— Ты какая-то странная сегодня, — заметила Мисс Магда, когда я приехала в «Дубовую рощу». — Рассеянная, словно всё время думаешь о чём то или о ком-то. Не поделишься? Или это тайна?

— Да нет… Или да… Точнее, не знаю… Скажите, вы верите в то, что… Я даже не могу сформулировать это, что-то все мысли путаются… — я с досадой поднесла руку ко лбу.

— А ты попробуй ещё раз, — предложила она.

— Хорошо… Жизнь может быть продолжением сна или наоборот?

— Конечно же нет. Сон — это отражение действительности в астральном мире. А что? С тобой случилось нечто похожее? — с тревогой спросила она.

— Нет. Это я так… фантазирую. Просто интересно — может быть такое или нет.

— Пожалуйста, если с тобой происходят какие-то странные вещи, которых ты не понимаешь, — не умалчивай; потому что есть те, кто сможет это объяснить.

— Ладно… — вяло пообещала я.

Я не могла сосредоточиться на занятиях и, забросив конспекты, стала мечтать о Вадиме.

Закрыв глаза, я видела только его, и меня тянуло к нему как магнитом. У меня пропал аппетит, и я забыла поужинать. Я

думала о том, что скажу ему завтра: тысячи фраз крутились в моей голове, но все они казались одна глупей другой. Мне хотелось ему понравиться, показаться умной и интересной. Вдобавок меня снова стала терзать сильная ревность. Мысль о том, что Бельская претендует на «моего» Вадима, была для меня невыносимой. Её вряд ли можно было назвать красавицей, но она была яркой, модной блондинкой, острой на язык, к тому же москвичкой, а что могла предложить ему я? Провинциалка без своего жилья, да ещё с кучей комплексов… Мне захотелось, чтобы её не было в нашей группе: может быть, она заболеет или её отчислят, ведь у неё ещё два «хвоста» висят, причём один из них по анатомии… Поймав себя на злых мыслях, я вспомнила, что по Уставу Светлых мне это запрещено, и снова переключилась на сладкие мечты, представляя как мы с Вадимом вместе проводим время; нам хорошо вдвоём, и никто нам больше не нужен… Вот мы выходим из ЗАГСа, я в белом платье и фате кидаю назад венок, а девчонки с визгами ловят его; венок достаётся Ольге, нет, лучше Бельской, чтобы она побыстрее выскочила замуж и думать забыла о моём любимом. А потом у нас появляются дети… Я уже вижу их — троих светловолосых, голубоглазых мальчишек, как две капли воды похожих на Вадима… нет, пусть их будет пятеро или шестеро, я хочу, чтобы его было много… очень много! Чтобы он полностью заполнил всю мою жизнь без остатка…

Недовольный голос Ольги вывел меня из состояния счастливого забытья.

— Погаси свет!

— Что? — встрепенулась я.

— Время, — показала она на будильник. — Ты уже три часа лежишь на кровати с блаженной улыбкой.

Ночью девочки разбудили меня.

— Ты чего так кричишь во сне? Что тебе опять приснилось? Мы еле разбудили тебя.

— Не знаю. Кажется, что-то душило меня и давило сверху…

— Надо проветрить комнату, батареи жарят как сумасшедшие…

Кошмарные сны снова вернулись ко мне, и я вынуждена была попросить у Лесовичка его целебные капли.

— Странно, Маги тебе сделали защиту, а беспокойные сны продолжают посещать тебя? — удивился он.

— Может быть, это мои собственные сны? — предположила я. — Я с детства подвержена действию кошмаров.

— Нет, что-то здесь не так… Точно тебе говорю. Поговори с Мэги Ра, — возможно, он сумеет выяснить причину и узнать,

откуда ноги растут у тех кошмаров.

— Мэги Ра? Он что, специалист по снам?

— Он много по чему специалист. Обратись к нему — не пожалеешь.

Я догадывалась, что не так… Моя, как я полагала, давно зажившая татуировка на груди, — она периодически начинала гореть, и тогда я знала, что сегодня ночью мне точно не уснуть.

На следующее утро моё сердце вновь ёкнуло и подпрыгнуло, когда Вадим сел рядом со мной.

— Привет, — услышала я его завораживающий голос.

— Привет… — как-то уж слишком нежно поздоровалась я, смутившись от непривычки.

— Хорошо выглядишь, — сделал он мне комплимент.

— Спасибо… — улыбнулась я, отчаянно пытаясь не казаться идиоткой.

— Ты мне снилась сегодня, — загадочно признался он, и я окончательно растаяла.

— Интересно… Жаль, что ты мне — нет, а то бы встретились во сне и поболтали… — попробовала пошутить я.

— Слушай… — он замолчал, задумчиво глядя на меня.

— А? — я в ожидании смотрела на него, испытывая крайне волнующие ощущения.

— А ты сделала химию? Стыдно признаться, но у меня с ней большие проблемы.

— Что? Да… — я усмехнулась про себя: «Вот дура-то!» — Да, сделала…

— Мне очень неудобно тебя просить, но ты бы не могла дать мне посмотреть свою работу?

— Конечно, бери, — обрадовалась я, что могу быть полезной ему.

Впоследствии выяснилось, что у него были проблемы не только с химией, но и по большинству остальных предметов.

Очень скоро у него вошло в привычку списывать у меня подряд все домашние и контрольные. Если на лабораторных у нас были разные варианты, то я делала оба — за двоих. Он даже не пытался вникнуть во что-то, но я оправдывала это тем, что он многое пропустил из-за болезни и, возможно, что-то подзабыл. Хотя на мои предложения подтянуть его по некоторым предметам он всё время отнекивался: то у него были какие-то важные дела, то он неважно себя чувствовал или просто был не в настроении.

— Хочешь, помогу тебе? — видя его неудачи и искренне желая помочь, в который раз предлагала я.

— Спасибо, милая. Но только не сейчас, а, может, чуть

немного позже…

Он называл меня уменьшительно-ласкательно — «Маечка» или «Лапочка». Впрочем, и ко всем другим девушкам он обращался в той же манере: «Ирочка, Светочка, Леночка…», — что меня несколько задевало, но я была твёрдо уверена, что мой сон не мог врать и что я и Вадим теперь будем вместе и навсегда, а все остальные станут для него не важны.

Глава одиннадцатая МЭГИ РА

После длительной череды непрерывных кошмаров и безуспешных попыток справиться с ними самостоятельно я всё же решилась последовать совету Лесовичка и проконсультироваться у таинственного, похожего на йога, Мэги Ра, с которым мне общаться до сих пор ещё не доводилось, хотя я видела его на нескольких приёмах, устраиваемых в «Дубовой роще». Он всегда общался только с Учителями и другими специалистами Центра. Это был молодой человек лет 25–26. Мне показалось, что он избегает женского общества. По крайней мере я ни разу не замечала его в обществе какой-нибудь девушки. Он всегда был подчёркнуто строг и подтянут. Самодисциплина налицо.

Я долго стояла возле его двери, не решаясь войти. А вдруг он сейчас сидит в позе «лотоса» или вообще прогонит меня? Пока я придумывала тысячи поводов, чтобы не входить в эту дверь, он открыл её сам. На лице у него не отображалось никаких эмоций. У меня закрались сомнения: а человек ли он?

— Проходи, я знал, что ты придёшь, — сказал он. Голос его — ровный и монотонный — вполне соответствовал его внешнему облику.

— Вы знали, что я приду? — удивилась я.

— Да. Я увидел твой приход в своём ближайшем будущем, теперь уже настоящем, — какое-то подобие улыбки мелькнуло на его бесстрастном лице и тут же скрылось.

— Удивительно…

— Чем я могу тебе помочь? — поинтересовался он причиной моего прихода.

— Меня преследуют ночные кошмары, точнее они всегда были частью моей жизни, но сейчас они стали что-то уж слишком жуткими и агрессивными, даже специальное снадобье перестало помогать. Мне сказали, что вы сможете проконсультировать меня по этому поводу.

— Ты правильно сделала, что пришла ко мне. Садись. Я задам тебе несколько вопросов и постарайся на них ответить предельно откровенно, — сразу же перешёл он к делу.

— Я постараюсь, — пообещала я.

— Есть ли что-нибудь такое, что волнует тебя, но не связано с твоей нынешней жизнью?

— Да. Когда я была в Белиже на Новый год…

— Продолжай…

— Сначала всё вроде было нормально, но потом я опять почувствовала себя там чужой. Точнее, всё дело в бабушке. Она

очень обрадовалась мне, но позже стала сильно нервничать, мне это передалось, и в результате почти всё время мы провели у её троюродной сестры в Ярцево. Только там она немного успокоилась. Здесь, в этом городе, почему-то всё совсем по-другому… Мне вообще кажется, что в Москве, то есть Вавилоне, каждый существует как бы сам по себе и никому нет дела до остальных.

— Так было всегда?

— Что именно?

— Ты всегда была чужой в своём городке?

— Боюсь, что да… — призналась я. — Хотя…

— Это вполне объяснимо, — сказал он. — Скорее всего, там действует коллективный эгрегор противодействия, в данном случае — направленный на тебя.

— То, что вы говорите, мне не очень понятно…

— Эгрегор — это источник эмоциональной силы, побуждающей группу людей испытывать те или иные схожие чувства, рождая общность идей и подталкивая их к коллективным действиям. Он может развиться естественным образом — путём временного накопления и постоянной подпитки, — а также может быть вызван искусственно с помощью магии. Сила эгрегора подчас достигает такой мощности, что он засасывает в себя десятки, а то и сотни миллионов человек. Только маги способны игнорировать притяжение эгрегоров и не попадать под их влияние, а также некоторые люди, получившие защиту от магов.

— Вы считаете, что кто-то специально настроил против меня жителей моего города?

— Это мне пока неизвестно, но если это так, то ситуация довольно плачевная.

— Что же мне делать?

— Есть только один выход.

— Какой?

Он ненадолго задумался, потом задал вопрос:

— У тебя там ещё остались друзья или родственники, кроме бабушки?

— Да нет… у меня там никогда их и не было. Родители умерли, когда я была совсем маленькой. Может, есть пара-тройка хороших людей, которые ко мне неплохо относились.

— Ты хотела моего совета? Так вот, я думаю, тебе не стоит ездить туда без нужды. Возможно, даже следует предложить твоей бабушке переехать сюда в целях безопасности, хотя я и не знаю до конца всей ситуации.

— К ней отношение совсем другое. Всё дело во мне. Но у меня ещё есть Джек, — улыбнулась я.

— Джек? Это твоя собака?

— Да. На самом деле он намного больше, чем собака.

— Его тоже можно забрать.

— К сожалению, ничего не получится, — печально вздохнув, покачала я головой. — Я предлагала бабушке переехать поближе ко мне, но она отказалась, потому что привыкла жить на своей земле, да и Джеку здесь будет плохо. Там для него — полное раздолье, он даже не знает, что такое поводок; а в городе он просто погибнет…

— Хорошо, не будем отвлекаться от главного и продолжим. Переходим к следующему этапу. Ты согласна пройти процедуру вскрытия ментальных энграмм?

— Смотря что под этим подразумевается, — несколько насторожилась я. Мне не очень понравилась его последняя фраза.

— Если бы ты посещала мои занятия, то знала бы, что энграмма является кодированной программой происходящих событий, записанных в виде ментальных мыслеформ и образов в специальную память, не имеющую ничего общего с деятельностью мозга, но обращение к ним делает возможным изучение и прогнозирование будущих событий. Энграммы могут нести в себе не только люди и животные, но также и неодушевлённые предметы, принадлежавшие разным людям, что значительно упрощает задачу поиска причинно-следственной связи и источника, воздействующего на объект. Также можно узнать, кто что-то делает и даже о чём думает вдали от тебя. Я предлагаю тебе немного расширить границы своего сознания и заглянуть за горизонт того, что ты считаешь пределом реальности.

— Даже и не знаю… — всё ещё колебалась я.

— Не бойся, это не страшно. Я просто прочитаю твою информацию — только самое необходимое. Личное трогать не буду, обещаю. Впрочем, уговаривать не буду. Решайся.

— Ну хорошо… Раз никакого другого способа нет, то давайте попробуем это… — неуверенно согласилась я.

— Тогда сиди спокойно и не двигайся.

Он взял мою руку и закрыл глаза. Какое-то время он сидел молча, потом заговорил:

— У тебя очень сильная энергетика. Нарушения защиты нет, влияние эгрегора отсутствует… Нет следов психического нападения. В общем, на первый взгляд, вроде бы у тебя всё в порядке. Минутку… подожди-ка, а это ещё что такое?

— Вы что-то увидели? — почему-то испугалась я.

— Мне показалось, что я увидел петлю приворота, но, наверное, я ошибся. Слишком размытое… Сейчас ещё разок проверю.

Я ждала с замиранием сердца.

— Нет, всё нормально, ничего такого нет.

— Слава Богу… — с облегчением вздохнула я, не до конца понимая: поверила я ему или нет.

— А сейчас я скажу, что происходит в настоящий момент вдали от тебя. Ты это хочешь знать?

Он вопросительно посмотрел на меня, я молча кивнула.

— Я вижу твою бабушку, — начал он, держа мою руку. — Сейчас она вяжет голубую кофту, сидя в деревянном кресле-качалке, с ней всё хорошо; а вот и собака — она чёрная с белой головой и разными глазами; я вижу твой дом. Старый покосившийся домик…

— Похоже… — невольно улыбнулась я. — А ещё что-нибудь?

— Заглянем в твоё прошлое?

— Давайте.

«Читая» моё прошлое, в какой-то момент он нахмурился с закрытыми глазами и стал рассказывать, что видит:

— Женщина с белым платком на шее, — она сидит за роялем; крест, кладбище, эта женщина мертва; осень, лес, мёртвый кабан…. так…. ещё немного назад… Поезд… ещё одна женщина с ребёнком на руках, какие-то люди… они никто — просто пассажиры; мужчина в военной форме, это твой отец, он жив. Нет, он не жив… его убили?

— Да… — подалась я к нему. — Вы можете сказать, кто это сделал?

— Подожди… Я вижу их. Их двое…

— Я тоже их видела. У меня было видение. Почему его убили?

— Помолчи, ты мне мешаешь! — неожиданно рассердился он, сжав мою руку.

Мне показалось, что он молчит слишком долго.

— Женщина, ребёнок… люди — кто это? — нетерпеливо спросила я.

Он вновь ничего не сказал, напряжённо всматриваясь куда-то с закрытыми глазами, на лице у него отображалось сильное напряжение.

— Вы можете сказать, где они находятся? Где убийцы моего отца? — почти выкрикнула я.

— Да, сейчас… — подал он наконец голос. — Один из них находится в Каире, точнее он умер от наркотиков, его зовут Александр Белов… Так, неинтересен… Второй… Сергей Пронин, он здесь, в Вавилоне. К сожалению, он тоже умирает, у него последняя стадия рака лёгких. Ему осталось жить всего… М-да… Он умрёт уже сегодня, а ещё точнее — меньше чем через три

часа…

— А как узнать в какой он больнице?

— Хоспис номер девять, улица Мытная, дом двадцать два, десятая палата… — неожиданно быстро выдал он.

— Боже! А моя мать? Скажите ещё что-нибудь про неё.

Он снова закрыл глаза и долго держал меня за руку.

— Я ничего не вижу, — сказал он, отпуская мою руку и открывая глаза.

— Почему не видите? — удивилась я.

— Есть одно проблемное место в тебе, но я не могу его объяснить.

— Какое?

— Я бы не хотел тебе этого говорить. Тебе это может не понравиться.

— Нет! Скажите, пожалуйста!

— Хорошо. Успокойся. На мой запрос касательно твоей матери… Вместо твоей матери я увидел… лабораторию и пробирку с надписью «DBM 1206».

Я отшатнулась от него.

— Что всё это значит? — воскликнула я, разозлившись. — Вы видели женщину, которая играет на рояле, — это моя мать! И вы про неё больше ничего не скажете? При чём тут какая-то дурацкая пробирка?

Он посмотрел на меня как-то растерянно. Мне показалось, что он что-то не договаривает или скрывает от меня, непонятно с какой целью.

— Я сам точно не знаю… К сожалению, я не могу тебе больше ничего сказать, потому что я вижу только образы, связанные с твоей жизнью, но их значение не всегда могу трактовать с достоверной точностью, поэтому боюсь ошибиться.

— Ну есть же какие-то предположения?

— Пока нет. Извини.

— А женщина с ребёнком в электричке — кто они?

— Тоже не могу сказать, потому что это просто было в кадре… Возможно, зацепился посторонний образ.

— Жаль… Хотелось бы поточнее… — разочарованно сказала я.

— Увы, с отдалённым прошлым иметь дело значительно сложнее, чем с настоящим и недавним прошлым, — оно находится на другой спирали времени и имеет иную, более слабую энергетику, за исключением случаев, когда оно тесно не связано с настоящим. Но я могу ответить на твой первый вопрос. Кажется, я понял причину.

— Почему я чужая в своём городе?

— Да. Ты веришь в переселение душ?

— Не знаю… Возможно.

— Что-то странное происходит с жителями твоего города. Они почему-то видят в тебе грозу и считают, что твоё присутствие рядом с ними угрожает их жизням.

— В каком смысле, грозу? Это что — тоже образно?

— Нет. Они видят её не глазами, и это пугает их на уровне бессознательного.

— Странно… На самом деле это я ужасно боюсь грозы, и мне часто снится один и тот же сон: будто молния ударяет в меня. И потом, ведь не все ко мне плохо относятся, есть ещё люди, с которыми у меня вполне нормальные отношения. Но их мало…

— Объяснить это я смогу, только лично пообщавшись с теми людьми. Возможно, этот бессознательный страх как-то связан с генетической памятью, доставшейся им от их древних предков, когда люди пережили какой-то страшный природный катаклизм. А те, кто этого не чувствуют, видимо, не имеют такой памяти, потому что сами являются пришлыми.

— Не понимаю… Какое это может иметь ко мне отношение?

Он не ответил, о чём-то раздумывая, потом спросил:

— Скажи, а нет ли чего-то такого, что сильно волнует тебя из прошлого, из детства?

— Да, есть кое-что. Это то, чего я не помню, но я его боюсь.

— К сожалению, я не всё могу растолковать. В тебе слишком много зашифрованной информации, которая мне недоступна, но есть более простой способ узнать больше от тебя самой.

— Каким образом?

— Можно попробовать гипнозом вытащить застрявшее воспоминание.

— А вдруг это что-то очень страшное, раз я его не хочу вспоминать? Нет уж, лучше не надо, или попозже когда-нибудь… — наотрез отказалась я.

— Не волнуйся, я не настаиваю, это было всего лишь предложение. Но если ты вспомнишь, что это такое, то, возможно, оно перестанет тянуть из твоего подсознания всякие кошмары.

— Да, наверное, вы правы, но я пока ещё не готова. В любом случае спасибо вам за консультацию, и пожалуйста…

— Не беспокойся, я не разглашаю ничьих данных, — опередив мою просьбу, заверил он.

Мне было интересно, «прочёл» ли он ещё что-нибудь во мне, и почему ничего не сказал о Вадиме и о том, что я к нему испытываю. А если он даже это и узнал, то, скорее всего, сделал вид, что даже не «читал моего личного».

Выйдя из комнаты Мэги Ра, я увидела в коридоре Бальдерика Р. и Эльвиру. Они о чём-то оживлённо болтали, стоя возле её двери. Всегда бледная, сейчас она расцвела здоровым румянцем и глаза её светились счастьем. «Ну конечно… всё как обычно…», — с презрением подумала я. Первым моим побуждением было пойти в противоположную сторону через длинный коридор — ко второму выходу, но, передумав, я быстро прошла мимо них с каменным лицом.

— Остановись, пожалуйста, на минутку, — догнал меня Бальдерик Рэй уже возле лифта. Я обернулась.

Странно, но сейчас я не почувствовала сильного волнения, как раньше, когда видела его. Кажется, только безразличие.

— У тебя всё в порядке? — спросил он, внимательно рассматривая моё лицо.

— Да, — вяло пожала я плечами. — А что у меня может быть не в порядке?

— Мне показалось, что я увидел на твоём лице обеспокоенное выражение.

— Вполне возможно. Наверное, я и вправду немного не в себе. Только что этот йог… то есть Мэги Ра сообщил мне, кто убил моего отца и где находится один из убийц.

Он бросил взгляд в сторону его двери.

— Действительно, ужасно узнать такое. Мэги Ра редко ошибается. Что ты будешь делать?

— Не знаю пока. Тот человек… убийца, — он очень болен и скоро умрёт. Точнее, через несколько часов.

— Собираешься поехать к нему?

— Видимо, да…

— Если хочешь, я тебя отвезу.

Я посмотрела на него, пытаясь уловить хоть какой-нибудь подвох в его предложении.

— А ты разве не считаешь меня… своим врагом?

— Глупая, — усмехнулся он. — У меня действительно есть враги, даже очень много врагов, но ты с ними и близко не стояла.

— Но мне показалось, что наш последний разговор…

— Забудь об этом, хорошо? Это недоразумение. Возможно, я был груб с тобой и поэтому хочу загладить свою вину. Ну так что? Поедешь?

— Ну… если тебе нетрудно…

— Конечно нет. Можем поехать прямо сейчас.

— Тогда ладно, поехали…

Наверное, я бы предпочла такси, но внезапный искренний порыв Бальдерика Рэя в стремлении помочь мне подействовал на меня обезоруживающе, и я побоялась оскорбить его отказом.

Кроме того, жизнь умирающего уже пошла на часы и минуты, и промедление было неуместно.

По дороге он не спрашивал ни о чём и вёл машину молча. Я забылась и вновь стала думать о Вадиме. Удивительно, но, несмотря на полученную только что удивительную информацию и предстоящую неприятную встречу с убийцей моего отца, все мои мысли продолжали крутиться вокруг Вадима; мне хотелось, чтобы побыстрее настал завтрашний день, и я смогла увидеть его.

Я не заметила, как оказалась перед дверью хосписа?9. Бальдерик Рэй вышел из машины и стоял рядом со мной напротив подъезда больницы.

— Может, тебе не стоит ходить? — спросил он.

— Зачем же тогда мы сюда приехали? — я беспомощно посмотрела на него.

— Мне кажется, ты не хочешь туда идти, — заметил он, как всегда со свойственной ему проницательностью.

— Да, не хочу, но пойду. Я должна это сделать, — произнесла я, с трудом подавляя волнение.

— Мне пойти с тобой?

Я отрицательно покачала головой и взялась за ручку двери.

— Хорошо. Если что, я буду поблизости, — предупредил он.

— Вы родственница? — сухо спросила женщина в регистратуре, у которой я справилась о пациенте по имени Сергей Пронин, выразив желание навестить больного.

— Нет…

— А кто же тогда вы ему?

— Никто, просто мне нужно с ним поговорить, пока он…

— Тогда сожалею, но вам к нему нельзя. Посещение положено только для близких родственников.

— Добрый день! — раздался за спиной знакомый голос.

— Могу я с вами поговорить? — Бальдерик Рэй, обаятельно улыбаясь, решительно прошёл прямо за стойку и, наклонившись к уху растерянной регистраторши, что-то тихо сказал ей; та встала, и они вдвоём отошли за угол коридора. Я не слышала, о чём они разговаривали. Минуты две спустя они вернулись.

— Всё в порядке. Проходите, десятая палата. Правда, больной, должно быть, сейчас спит. Вот наденьте это, — доброжелательно сказала мне регистраторша, любезно протягивая белый халат.

Господи! Неужели он ей взятку дал, что она так ко мне переменилась?

Бальдерик Рэй остался ждать в коридоре, а я с опаской заглянула в палату. Там было всего три кровати, но только одна

из них была занята.

На кровати лежало маленькое худое тельце, которое могло бы принадлежать ребёнку. Но, подойдя ближе, я увидела, что это довольно пожилой человек, только весь иссушенный болезнью и совершенно не похожий на кровожадного убийцу, способного хладнокровно расправиться с человеком.

Я заглянула в его органы. Они полностью были поражены злой опухолью. Подержав над ним руку, я убедилась, что мои вихри не цепляются. Внезапно больной открыл бледно-серые выцветшие глаза и испуганно уставился на меня.

— Кто вы? — спросил он. — Я вас не знаю?

— Я… — растерянно начала я и запнулась.

Он вопросительно смотрел на меня измученными глазами.

— Мне надо у вас кое-что узнать… то есть…

— Что… Что узнать?

— Скажите… Вы помните, как девятнадцать лет назад вы с Александром Беловым ехали в электричке из Москвы в Смоленск и по дороге вдвоём убили мужчину, а потом выбросили его в реку? Зачем вы это сделали?

Я пожалела о том, что так «в лоб» спросила его, но времени оставалось мало.

— Сестра… — слабым голосом позвал Пронин и захныкал.

— Пожалуйста, скажите! Зачем вы убили его? Клянусь, я не буду никуда сообщать, что это вы. Просто скажите причину — и я уйду.

— Откуда… ты… это знаешь? — сдавленно произнёс он, силясь приподняться на локтях.

— Это был мой отец.

Его глаза расширились от ужаса.

— Эль! — прохрипел он, цепляясь руками за кровать, и стал задыхаться.

— Подождите! Скажите сначала! Не умирайте! Пожалуйста…

Я протянула руку над его телом. От него исходило синее свечение, которое было то ли очень горячим, то ли, наоборот, обжигающе холодным, и разгоралось всё больше и больше, местами отделяясь неровными сгустками от тела и витая над ним. Попытавшись зацепить рукой эти синие, хаотично пляшущие огни, я неожиданно почувствовала сильное сопротивление, и в какой-то момент что-то резко ударило в меня и отбросило от тела. Я не удержалась и отлетела назад, упав на соседнюю кровать. Подняв голову, я посмотрела на Пронина.

Синий огонь исчез, но тело продолжало судорожно хвататься за кровать скрюченными пальцами, глаза вылезли из орбит, а фиолетовые губы едва шевелились.

— Эль… — снова сорвалось с них непонятное слово вместе с последним вздохом.

Бальдерик Рэй и медсестра вбежали в палату одновременно. Она бросилась к умирающему, а он, схватив меня за руку, вытащил в коридор.

— Что случилось? — обеспокоенно спросил он, держа мои запястья и тряся меня, как куклу, пытаясь привести в чувство.

— Я только что увидела какого цвета… смерть, — потрясённо пробормотала я, прижимаясь к стене, чтобы не упасть. — Представляешь, он умер, а его сознание на какое-то время осталось в мёртвом теле. Это… это так ужасно…

— Он что-нибудь успел тебе сказать?

— Нет. Он сказал слово «эль» — только одно это слово. И что оно означает, я понятия не имею…

— Давай-ка подумаем… Есть такой журнал, напиток, но, вероятнее всего, он пытался назвать чьё-то имя.

— Интересно, кто такой Эль?

— Или — кто такая… Хотя…

— Ты выглядишь уставшей. Тебе надо отдохнуть… — посоветовал мне Бальдерик Рэй уже в машине, заводя двигатель.

Ночью мне опять приснилась торжествующе хохочущая Лаура с огромными обнажёнными клыками, с которых стекала вязкая тёмная кровь, и сама она походила на отвратительного демона из преисподней, смердящего запахом разложения плоти.

Проклятье… Я проснулась среди ночи, тяжело дыша, и выпила все капли, рассчитанные на неделю, но толку от них всё равно нет…

Глава двенадцатая ТАИНСТВЕННЫЙ «МОБИЛЬНЫЙ» ПОКЛОННИК

Сегодня ходили на лыжах в лес с половиной группы. Вадим тоже был. Мы заблудились, и Вадим меня поцеловал. Это было неожиданно и так странно… Ведь я впервые в жизни целовалась с парнем.

Мы отдыхали, сняв лыжи, сидя вдвоём на широком пне и любуясь заснеженными соснами.

— Извини… я нечаянно, — растерянно произнёс Вадим.

— Да нет… всё нормально, — улыбнулась я. Почему-то эта ситуация показалась мне одновременно забавной и трогательной.

— Тогда… — и он снова поцеловал меня.

В этот момент у меня в кармане зажужжал мобильник, возвещая о пришедшем СМС. Я достала телефон, но не успела посмотреть.

Неожиданно Вадим выхватил его у меня из рук и прочёл вслух:

— «Чёрный шёлк волос струится волной, глаз синева манит глубиной. Стань же моей, королева, молю тебя! Мне не жить без тебя, о моя валькирия!»

— Что это? — удивлённо спросил он. — Да и, кстати, пришло с подавленного номера.

— Ерунда какая-то… Там действительно такое написано? — удивилась я.

— На, смотри сама, — он отдал мне телефон, и я перечитала строки. Номер, с которого было отправлено СМС, и правда отсутствовал.

— Даже и не знаю… — заинтригованная, я прикусила губу. — Может, кто-то ошибся?

— «Чёрный шёлк волос, синева глаз…» — это вряд ли не про тебя.

— Ну, знаешь… Это может быть простым совпадением.

— Слишком уж сильное совпадение. Но не могу не согласиться: ты действительно очень красивая. Просто фантастически.

Подобные сообщения стали приходить мне каждый день — иной раз по нескольку сразу. Чаще всего это были стихи, как, например, вот эти:

«Кто эта чудная девушка?

Может быть, она грустный эльф?
Или отважная амазонка?
Скорее всего, она добрая фея;
Нет, всё-таки она коварная колдунья, у которой есть хитрый план;
Что-то она задумала…»

Или эти:

«Русалка унылая, в воду глядясь,
Горько плакала о своей русалочьей судьбе,
Сожалея о том, что не в силах она утонуть,
Ибо тихая заводь вод — дом её,
То — проклятье бессмертных, как и положено;
И тогда вдруг подумала она:
«Вот идёт сюда человек,
Утащу-ка я на дно озера этого беспечного горе-рыбака,
Пусть утонет глупый бродяга,
Осмелившийся потревожить мой покой,
Загляну только в его глаза — и он весь мой,
Сам виноват…
Зачем он посмел помешать мне —
Предаваться моей сладостной грусти…»

На лекции по истории «эсэмэски» стали приходить так часто, что я едва успевала читать их, уткнувшись носом в телефон. Пришлось даже чистить его память, удаляя старые, ненужные сообщения. Некоторые были довольно смешные, а когда я прочла одно из них, то не удержалась и издала тихий смешок.

«Почему она такая?
«Какая?» — спрашиваю у себя в который раз,
И не нахожу ответа…
Вот, пожалуй, твоё определенье
(так бы мне, по крайней мере, сказал
мой друг индеец, если бы он у меня был):
Ты — Робкая Рысь, Крадущаяся в Серебряном лесу!
Чтобы украсть мои несметные сокровища, которые я хотел утаить от всех…
Теперь я знаю, кто ты!
Коварная прекрасная, хищница…»

— Матвеева? — раздался недовольный голос преподавателя.

Я встала.

— Ты пришла сюда для того, чтобы получать знания, или развлекаться с телефоном?

— Извините… — я выключила звук, но тут же пришло новое сообщение, которое я прочитала уже под столом.

«Стройный стан хочу обнять
Код души твоей мне не отгадать,
Это стало навязчивой мыслью…
О, как это мучительно!
Кто ты? Ангел или демон?
Ответь, если не хочешь, чтобы я сошёл с ума…»

Я не могла ни о чём думать, кроме как о Вадиме.

С тех пор, как он поцеловал меня на той лыжной прогулке, прошла уже почти неделя, но он больше не делал никаких попыток к сближению, общаясь со мной чисто по-дружески, словно ничего между нами не произошло, хотя я молча страдала, не зная, как себя вести, и мечтала о продолжении.

Но, когда я уже почти совсем потеряла надежду, он неожиданно подождал меня у выхода после занятий, предложив проводить до общежития, но вместо этого мы прогуляли остаток дня по городу допоздна. Я ему рассказывала о своей жизни в Велиже, о бабушке, Джеке, о том, как я работала в ветклинике, а он слушал меня с таким вниманием и живым интересом, что во мне снова зародилось радостное предчувствие: я ему небезразлична.

Мы обменялись телефонами и договорились на ближайшие выходные о походе в клуб, где выступала какая-то американская рок-группа, — чего я обычно никогда не делала и не любила, но ради него была готова пойти хоть на Голгофу. Он купил для меня в первом попавшемся ларьке красивые, правда, несколько вялые розы; я их взяла — и слова ему не сказала, боясь оскорбить.

— Тебе не надоело обслуживать этого проходимца? — как бы «между прочим» поинтересовалась Оля вечером.

— О чём это ты?

— О Погодине, конечно. У тебя с ним что-то есть?

— В каком смысле?

— В прямом. Он спит с тобой? — бесцеремонно спросила она.

— Нет! С чего ты взяла? — возмутилась я.

— Хм… — разочарованно хмыкнула Ольга. — Тогда я тебя вообще не понимаю…

На следующий день, едва закончилась последняя пара — и мы стали собираться, он снова неожиданно поцеловал меня, но теперь уже на глазах у всей изумлённой группы. У меня захватило дух, и мои сомнения окончательно рассыпались в прах. Он любит меня так же, как и я его; может, он тоже всё это время не решался признаться в своих чувствах и ждал удобного момента. Я ощущала себя кем-то другим, будто я — это не я; и всё, что со мной происходит, — не мои чувства и будоражащие воображение мысли. Но, возможно, так ведут себя все влюбленные женщины? Я этого не знала. Я видела многие недостатки Вадима, но прощала их, выискивая только достоинства. Единственное, что меня смущало: я никак не могла найти ответа на один вопрос. Я не могла понять, что может связывать такую, как я, с таким, как он. Девяносто девять процентов моих мыслей были заняты им. И я была готова накинуться с кулаками на любого, кто посмеет сказать про него хоть одно плохое слово.

* * *

Прошло чуть больше трёх недель, которых я не заметила. Я привязалась к Вадиму ещё больше. В Центре Магии без крайней необходимости я предпочитала лишний раз не появляться, хотя там уже давно сошла на нет некогда напряжённая, нервирующая обстановка, и любители посплетничать также перестали обращать на меня внимание. Бальдерика Рэя я видела редко. Он больше не преследовал меня, не дарил подарков, но я знала, что он всё ещё в городе. Несколько раз он проходил мимо, сухо здороваясь, а иногда и вовсе не замечал меня, как всегда окружённый многочисленной компанией своих друзей и поклонниц. Думаю, что я была для него лишь мимолётным увлечением, и он, найдя себе более интересную девушку для общения, больше не стремился добиться моего расположения, сочтя это занятием недостойным своего высокого статуса. Но странно… Несмотря на то, что моё сердце целиком и полностью принадлежало Вадиму, где-то в глубине души от откровенного безразличия Б.Р. я чувствовала уколы, похожие на ревность, хотя сама пыталась убедить себя в том, что это не так и ничего подобного нет, да и быть не может.

Как-то совершенно случайно я попала в обсуждение темы неизменно курящей троицы: Этны, её маленькой длинноволосой подруги и их верного оруженосца Данни Ли. Речь, естественно,

шла о Красавчике, потому что, как выяснилось, других тем для сплетен у них не было.

— Странно, он ведь никогда не задерживался так надолго, — медленно выпуская дым, недоумевала Этна. — Обычно — дня на три, не больше, а тут что-то совсем запропал… Наверное, увлёкся какой-нибудь дамой полусвета. А ты, что скажешь, Сибилла? — ни с того ни с сего решила подключить она меня к беседе, когда я проходила мимо.

— Что я скажу? Ну если вам интересно моё мнение, то… «повезло» бедняжке, и, возможно, кому-то в этом городе скоро сотрут память.

— Надо же! Ты, оказывается, в теме, а мы-то всё прикалываемся…

— Эта тема для меня давно исчерпана и закрыта, поскольку не интересна. А вот у вас есть другие темы для разговоров?

— Есть! Давайте поговорим о боксе, — с готовностью подхватил Данни и, приняв боевую стойку, стал изображать разные хуки вправо-влево.

— Всё с вами ясно, — усмехнулась я.

23 февраля выдалась на редкость тёплая и солнечная погода. Мы с Вадимом целый день гуляли по Москве. Потом немного посидели в кафе, а к вечеру, когда начало темнеть, поехали на Воробьёвы горы — полюбоваться красивой панорамой города. На смотровой площадке Вадим меня обнял и очень нежно поцеловал, ничуть не стесняясь присутствия многочисленных людей. В этот момент раздался оглушительный грохот, и я вся сжалась, закрыв голову руками. Небо осветилось сотнями сверкающих огней, встреченных радостными криками толпы.

— Ты чего так испугалась? — удивился Вадим. — Это всего лишь салют.

Я лишь глупо улыбнулась и пожала плечами, чувствуя неловкость.

Держась за руки, мы шли вдоль набережной, и тут я снова испуганно ахнула, потому что неожиданно прямо перед нами словно из-под земли вырос Ладдок Девятый.

На лице его играла, как мне показалось, зловещая улыбка.

— Привет, прогуливаетесь? — поинтересовался он.

— Прогуливаемся… — настороженно подтвердила я.

— Тебе чего, друг? — угрожающе начал Вадим.

— Хорошая погодка, не правда ли? — спросил Ладдок вместо ответа, переводя взгляд с меня на моего спутника.

— Неплохая, — согласилась я, не зная, чего от него ожидать.

— Ну гуляйте, детки, гуляйте. С Днём защитника

Отечества! — поздравил он нас и, подмигнув мне, исчез.

— Кто это был? — спросил меня Вадим, когда Ладдок удалился.

— Не знаю… — солгала я. — Просто какой-то подвыпивший парень.

— Весьма подозрительный тип, — сказал он. — Глаза у него такие… — он подобрал слово: — бесовские, на мой взгляд.

Оказавшись на безлюдной улочке, мы снова стали целоваться, стоя на узком тротуаре, примыкающем прямо к одному из домов. Внезапно я почувствовала странное беспокойство, тут же отозвавшееся учащённым сердцебиением. Вслед за этим я услышала шум в ушах, похожий на морской прибой, а затем, словно издалека, в мою голову прорвалась уже знакомая злополучная нота «си», моментально вызвав у меня предчувствие близкой опасности. Я оглянулась по сторонам, но ничего не увидела.

— Что с тобой? — спросил Вадим, заметив изменившееся выражение моего лица.

— Ничего. Всё… нормально, — еле выдавила я из себя, прикрыв глаза и сжав виски; в этот момент перед глазами всё окрасилось в красный цвет, и я увидела что-то большое, прямоугольное, летящее сверху прямо на нас.

— Берегись! — крикнула я, и схватив Вадима за рукав куртки, потащила его на другую сторону дороги.

— Да ты чего? — засмеялся он, думая, что я дурачусь.

Раздался какой-то странный звук, будто лопнула струна; он повторился ещё дважды, после чего сразу же последовал глухой стук и звон разбитых стекол, острыми осколками посыпавшимися вниз. Две большие банки с жёлтой краской упали на мокрый асфальт, расплескавшись и забрызгав стену дома… С самого верхнего этажа, оторвавшись от канатов, падала тяжёлая строительная люлька.

Люлька упала, развалившись на части, в то самое место, где несколько секунд назад стояли мы с Вадимом. Хорошо, что кроме нас никого во дворе не было; только в отдалении, прихрамывая, медленно брёл старичок с палочкой.

— Ничего себе… — потрясённо произнёс Вадим. — Как ты узнала?

— Не знаю, просто почувствовала опасность… Интуиция, наверное… — уклончиво ответила я, хотя и сама не понимала, как это у меня получилось.

Он ничего мне больше не сказал, только крепко прижал к себе и обнял, слушая моё бешено колотящееся сердце.

Утром меня разбудило сообщение, пришедшее на мобильный телефон:

«Зачем ты думаешь о нём?
Скажи, зачем?!
Чем он прельстил тебя,
О, гордое созданье!
Не он, тебе судьбою предназначен, нет, не он,
А тот, кого в упор не замечаешь ты…»

Боже! А вдруг это Ладдок присылает мне такие дурацкие «эсэмэски»? Он что, совсем сошёл с ума? Может быть, это он из ревности попытался устранить Вадима — и что-то сделал с люлькой? Хотя вряд ли: тогда бы ведь я тоже могла погибнуть… Но всё-таки он наполовину Тёмный; возможно, в какой-то момент «тёмное» возобладало в нём над «светлым»… Чёрт знает что происходит. В последнее время меня постоянно преследуют какие-то «тайны Мадридского двора»…

Мои встречи с Вадимом всегда происходили втайне от группы; он по-прежнему редко уделял мне знаки внимания на людях, но после занятий мы с ним словно превращались в беспечных, глупых детей, проводя много времени вместе, и, казалось, никак не могли насладиться обществом друг друга.

Несколько смущало поведение Ладдока. Увидев меня, он начинал многозначительно насвистывать, поглядывая вверх, что неприятно действовало мне на нервы. Не хватало мне, чтобы ещё и этот решил «положить на меня глаз». Однажды, когда я шла по улице одна, он догнал меня на мотоцикле, остановил и задал вопрос, что называется, в лоб:

— Ты встречаешься с тем парнем, с которым я тебя видел?

— Допустим, а что?

— Да так, ничего… Он из твоего института?

— Угу. Ещё вопросы есть?

— Вообще-то это весьма странно, поскольку между вами нет ничего общего.

Я взвилась и хотела было высказать ему всё, что я о нём думаю, но тут он удивлённо присвистнул и посмотрел за мою спину.

— Смотри-ка, а вон и твоя подруга. Никак снова замуж выходит.

Я повернулась и увидела на другой стороне улицы Лауру, — она выходила из свадебного лимузина в роскошном белом платье,

придерживая длинную фату; сопровождал её какой-то лысоватый немолодой толстяк в дорогом костюме и с розой в петлице.

— Помнишь её? — спросил Ладдок. — Этот лысый дурачок — завидный женишок, кстати, известный телевизионный продюсер. Держу пари, бедняга и трёх месяцев не протянет после свадьбы с этой чёрной вдовой.

Кира несла шлейф платья подруги, но неожиданно она заметила меня и помахала мне рукой, что-то сказав Лауре. Та обернулась и улыбнулась своей отвратительной волчьей улыбкой.

— Ты не могла бы отпустить мою руку и не впиваться в неё так сильно ногтями? Я хоть и сверхъестественное существо, но всё же из плоти и крови! — взмолился Ладдок.

Опустив глаза, я увидела, что вцепилась ему в руку и сжимаю её изо всех сил.

— О, прости, я нечаянно… — упавшим голосом произнесла я, гладя его ладонь.

Он посмотрел на меня как-то странно и, легонько поддев меня за нос пальцем, стал заводить свой мотоцикл, насвистывая.

Два месяца пролетели, как две недели. И вот на носу уже были новые экзамены. Вадим пребывал в депрессии и сидел на занятиях, уткнувшись лицом в скрещённые руки, не слушая преподавателей. Я как могла пыталась помочь ему, но он, похоже, вообще не стремился сдать сессию. Больше всего на свете я боялась, что его отчислят, и тогда мы не сможем быть вместе постоянно.

— Я не могу больше, — однажды заявил он. — Мне всё осточертело…

На всех последующих консультациях я сидела одна.

Глава тринадцатая «БОЖЕСТВЕННЫЙ» НАПИТОК

Ладдок пригласил меня на тусовку своих друзей. Я попробовала напиток Сов и нечаянно напилась «в стельку». Ладдок смеялся, как последний демон. Бальдерик Рэй вытащил меня из ночного клуба. Наутро голова раскалывалась…

Вадим уехал на майские праздники за город, чтобы помочь родителям с открытием дачного сезона.

— Я думаю, тебе там будет неинтересно, — сказал он мне извиняющимся голосом перед отъездом.

— Да ничего, всё в порядке. Скоро увидимся, — улыбнулась я в ответ, хотя в душе у меня всё переворачивалось от мысли, что я не увижу его почти целую неделю.

Надо бы и мне тоже, как закончится сессия, хотя бы на пару дней съездить домой, навестить бабушку. Последний раз я видела её только на Новый год…

Я сидела в буфете Центра Магии и рассеянно помешивала ложечкой чёрный кофе. Ко мне за столик, как всегда неожиданно, подсел Ладдок, материализовавшийся словно из воздуха.

— Скучаете, милая барышня?

— Ну так… есть немного, — нехотя призналась я.

— А где же твой милый доктор-недоучка?

— Пожалуйста, выбирай выражения! — рассердилась я.

— Пардон… — с досадой стукнул он себя кулаком в грудь. — Я реально осёл и грубиян. Беру свои слова обратно.

Я промолчала, сдержанно улыбнувшись.

— Так я о чём… — посмотрел он на меня чистыми, невинными глазами. — Не хочешь ли проветриться, сходить куда-нибудь?

— С тобой? Интересно, куда? — усмехнулась я.

— Ну… потусоваться, выпить, поплясать, потрясти кое-чем: вижу, у тебя есть чем, — заявил он, довольно нескромно разглядывая мою фигуру.

— Ты это… ко мне часом не подкатываешь? — с подозрением спросила я.

— Что вы, мадемуазель! Как вы могли такое подумать? Я совращаю только исключительно замужних дам. Поскольку я крайне испорченный тип.

— Понятно…

— Да ладно… я шутю так. Плоские шутки у меня, согласен… Ну, так как? Приглашение принимаешь?

На него просто невозможно было злиться.

— Ну… хорошо, — неожиданно согласилась я. — А куда хоть идти-то?

— Приходи сегодня вечером в клуб «Zero». Он типа закрытый, но тебя пропустят. Держи вип-карту. Фейсконтроль для девушек — одежды минимум.

— Перебьёшься, — осадила его я.

— Хо-хо! — передразнил он меня.

Я раздумывала, в чём пойти в клуб, и остановилась на чёрном топике и чёрных узких брюках с заниженной талией, добавив украшения в виде больших серёг-полуколец и кулона из «кошачьего глаза». Волосы, поднятые наверх, внешне придавали мне больше взрослости и опытности, и я недолго думая затянула их в высокий «конский» хвост. Ногти я также накрасила чёрным лаком, а глаза обвела тёмным карандашом, почти как это делала Лаура. Усмехнувшись неожиданно возникшему сравнению, я достала из шкафа коробку с туфлями на высоком каблуке, которые купила два месяца назад и ещё ни разу не надевала. Эти туфли несколько пугали меня своей неустойчивостью, но, надев их, я решила, что пора бы привыкать и к такой обуви — и начать следует прямо с сегодняшнего дня.

В этот момент вернулись мои соседки по комнате и, увидев меня, застыли с отвисшими челюстями.

— Что скажете? — покрутилась я перед ними.

— Просто атас… — пробормотала потрясённая Оля.

— Женщина-вамп, — констатировала Александра.

— И куда это ты в таком прикиде собралась, если не секрет?

— На бал вампиров, — пошутила я зловещим голосом.

— А нас, как всегда, не приглашаешь?

— Извините, девочки, но, к сожалению, у меня пропуск только на одно лицо…

Охранник клуба, даже не взглянув на мою карту, беспрепятственно пропустил меня в заведение. Чувствуя себя неуютно в одиночестве, я поискала глазами Ладдока: где же он? Моё внимание привлёк взрыв смеха в центре зала, сразу обозначивший присутствие моего друга. Ладдок Девятый мог быть только там. И правда: он сидел почти напротив того места, где я стояла; смеясь и жестикулируя, он что-то рассказывал большой шумной компании. Обернувшись, Ладдок увидел меня, обрадовано вскочил и подбежал ко мне, а затем под ручку

препроводил к своим друзьям, кривляясь как придворный шут.

Компания подобралась ещё та. Большинство я не знала, но Тёмные и колеблющиеся, то есть Серые — как их ещё называли, — представляли основной состав сборища. Старые приятели Ладдока, с которыми он так и не оборвал связей… «Так вот, значит, с кем ты проводишь время», — подумала я. «Как волка не корми…»

Они сидели в центре, сдвинув несколько столов вместе. Незаметной эту компанию вряд ли можно было назвать.

Моё появление было встречено бурными овациями. Друзья Ладдока радостно поприветствовали меня и дружно раздвинулись, освобождая мне место за столиком. Парень, сидевший рядом с Ладдоком, восхищённо присвистнул, но тот предупреждающе стукнул его по руке, скорчив свирепую гримасу.

Я не знаю, чего я ждала от этого вечера, — наверное, хотелось встряски, каких-то ярких эмоций, которых в последние дни был явный дефицит. И я их получила. Даже больше, чем мне было нужно.

— Попробуй этот божественный напиток, пожертвованный нам самими Совами из Греции, — с ним ты навсегда забудешь все свои печали и погрузишься в мир чувственных наслаждений, — улыбаясь порочной улыбкой, Ладдок протянул мне бокал с тёмным багровым вином.

Немного поколебавшись, я пригубила напиток. Он оказался невероятно вкусным, и я неожиданно для себя выпила его весь сразу. Ладдок с удивлением посмотрел на меня, но ничего не сказал и снова налил мне вина. Дальше я уже не помню, сколько ещё раз наполнялся мой бокал, но точно не два и даже не три. Я заметила за столиком возле стены двух девиц из свиты Лауры: они что-то обсуждали с тремя мужчинами мрачного вида, и, похоже, что окружающие их мало интересовали.

Ушло дурное настроение, развеялась тревога и по венам разлилась приятная раскрепощающая теплота, но тут случилось нечто непредвиденное, чего я никак ожидать не могла.

Двери заведения распахнулись, и в них, гордо неся голову, ни на кого не глядя, вошёл Бальдерик Рэй в сопровождении двух высоких девиц модельной внешности: блондинки и брюнетки. Пройдя мимо нас, они удалились на вторую половину зала для некурящих, где было несколько темнее из-за приглушённого света ламп. Там мне их не очень хорошо было видно. Они сидели, смеялись, пили вино и не обращали на нас никакого внимания.

Бокалы продолжали наполняться. Полудемон, похожий на цыгана, стал рассказывать мне дурацкий пошлый анекдот, от

которого через слово смеялся, и я, заразившись от него, тоже захохотала. Наша компания была самой шумной из всех, что здесь находились. Помимо колдунов и ведьм самого разного пошиба, в клубе было довольно много простых людей, которых я даже иногда видела по телевизору, но я мало кого знала. Светлых, за исключением Б.Р., меня и условного Ладдока, здесь больше не наблюдалось.

Изредка я бросала взгляды в сторону троицы в зале для некурящих. Напиток Сов очень быстро сделал своё дело, и мои моральные барьеры дали серьёзную трещину.

Бальдерик Рэй сидел за столиком, иногда поглядывая на нас, делая впрочем вид, что слушает блондинку.

— Эй, диджей! Ты что, спишь? — развязно поинтересовался Ладдок у скучающего увальня с трёхдневной щетиной на лице, от нечего делать прикорнувшего на стуле возле музыкальной аппаратуры. — Включи, наконец, свою шарманку. Кто-нибудь! Налейте ему! Что-то он совсем скис.

— «Шантель» «Диско бой» — подойдёт? — почесав в затылке, лениво спросил парень, выбирая диск.

— Давай. Врубай на полную! Танцуют все! Сибилла начинай! Иии… Поехали!

Меня, слабо сопротивляющуюся, несколько рук подняли и поставили на стол. Голова кружилась, но музыка захватила меня в плен, и моё тело стало выделывать какие-то странные движения, которые мне были несвойственны.

Я успела с высоты стола посмотреть на столик в зале для некурящих. Бальдерик Рэй развернулся в пол-оборота и, положив нога на ногу, с интересом смотрел на моё «выступление». Его подружки не спеша потягивали коктейль. Ну и пусть смотрит. Мне-то что? Может, глаза себе сломает. В конце концов, я пришла сюда развлечься и отдохнуть, и я больше не стану комплексовать из-за того, что он опять может про меня «что-то не то» подумать.

Я лихо отплясывала на столе, сшибая тарелки и бокалы, хмельная публика ловила их, восхищённо орала, и — чёрт побери! — мне ещё никогда в жизни не было так хорошо. Это были странные, неизвестные прежде мне, ощущения. Я чувствовала себя непонятно кем: хотелось хулиганить и сделать что-то безумное. Эх, жаль, Вадим меня сейчас не видит! Вот бы он удивился. Один из парней залез ко мне на стол и стал изображать что-то неприличное в моём направлении, но меня это почему-то не возмутило, даже наоборот. Я смеялась как никогда. Напиток Сов был просто божественным. Хотя скорее — дьявольским. Не такие уж они и плохие ребята, эти Тёмные, подумала я. А главное

— с ними чертовски весело!

— Давай, детка, давай! — истошно кричал Ладдок, подбадривая меня. — Молодец!

Я несколько раз теряла равновесие и уже давно свалилась бы со стола, если бы не многочисленные руки, подхватывавшие меня и возвращавшие в вертикальное положение.

Наша компания привлекла внимание всего зала, и многие посетители, покинув свои столики, стали танцевать вокруг нас, хлопать в ладоши и свистеть.

— Рота! Слушай мою команду! Всем отрываться! Ограничений нет! Я сказал! — заорал Ладдок на всё заведение и расхохотался как обкуренный.

Бальдерик Рэй оставил своих спутниц и шёл к нам через весь зал грациозной походкой тигра, готового к прыжку; на его лице отображалась какая-то сосредоточенная решительность. Подойдя к нашей компании, он стащил меня со стола и поставил на пол рядом с собой, но я оттолкнула его.

Мне показалось, Ладдок как-то напрягся, хотя сделал вид, что даже не смотрит.

— Ба! Кажется, у меня появился соперник? — осклабился он белоснежной улыбкой, откидываясь на спинку стула. Чуть смуглый, в белой рубашке, расстёгнутой на груди, он был похож на Синдбада — пирата.

— Ты так думаешь? — улыбнулся Бальдерик в ответ, незаметно подмигивая кому-то в зале.

— Не особо напрягайся. По всем признакам нам обоим уже перешли дорожку. И кто бы вы думали?! — негодующе воскликнул Ладдок. — Обычный, немощный человечишка! Представь себе, эта крошка выбрала такую серую посредственность, как будущий докторишка-терапевт. И где, спрашивается, справедливость?

— Ч-что ты сказал? — возмутилась я; хоть я и плохо соображала, но поняла, что он оскорбляет Вадима. — Сейчас как дам тебе в… глаз… — я и вправду замахнулась на него ладошкой, но тут идиотский смех снова разобрал меня.

— Спокойно милая, я уже понял: тебе больше не наливаем… — разочарованно сказал Ладдок.

Бальдерик Рэй не слушал его. Он пристально глядел на меня.

Даже пьяная, я почувствовала его намерения и нетвёрдой походкой попыталась ускользнуть от него, но он отреагировал быстрее, поймав мою руку в запястье.

— Куда собралась? — весело спросил он, возвращая меня на прежнее место.

— Мне надо позвонить Мисс Магде, сказать ей кое-что… — пробормотала я, вяло пытаясь отбиться от него.

— Ты ведёшь себя как совсем плохая девочка, — мягко сказал он мне на ухо. Я взглянула на него: он продолжал улыбаться, но в глазах его появилось что-то, что заставило меня вздрогнуть.

— А мне нравится, — промямлила я заплетающимся языком. Меня шатало из стороны в сторону. — А ну-ка, руки убери, иначе я…

— Что — ты? Ну что ты мне сделаешь, малыш?

Я напрягла свои глаза, но, как и следовало ожидать, у меня ничего не вышло. Б.Р. с усмешкой наблюдал за моими жалкими потугами.

— Сломалась машинка… жаль… — с досадой сказала я сама себе.

— Пожалуй, я провожу тебя домой.

— Ты что, мой папочка? Вздумал читать мне нравоучения? — захихикала я и качнулась назад. Бальдерик Рэй ухватил меня за локоть, не дав мне упасть.

— Так, ладно… — сказал он, глядя куда-то в сторону, отвлекая моё внимание, и вдруг резко — я и пикнуть не успела! — схватил меня поперёк талии, вскинул на плечо, словно котёнка, и быстрым шагом направился к выходу под одобрительное улюлюканье и гиканье. Толпа буквально визжала от восторга над этим представлением. Ладдок вскочил на стул и оглушительно засвистел, засунув два пальца в рот. Дурдом какой-то!

— Эй! — заорала я хмельным охрипшим, голосом. — Да что же это такое творится-то, а?! Спасите меня кто-нибудь, что вы смотрите?! Караул! Ааа! Пожар!

Идиотский смех сотрясал моё тело, словно судорогой, и я ничего не могла с этим поделать.

Я пыталась вырваться, но не тут-то было.

Бальдерик Рэй, словно не слыша моих воплей, продолжал уносить меня прочь от развесёлой компании друзей. В зале заиграла новая музыка, и они, уже позабыв обо мне, продолжили развлекаться. Подлые предатели! А чего ещё, спрашивается, ожидать от Тёмных?

— Нееет! Танцевать хочу! Хочу танцевать! — завопила я.

Я попыталась зацепиться руками за двери и чуть не оторвала притолоку; Б.Р. выволок меня на улицу под дождь и быстро затолкал на заднее сидение своей машины, уже стоявшей перед входом с открытой дверью. Курящие возле дверей, наблюдавшие эту сцену, противно захихикали. Я была без куртки — она осталась в клубе.

— Зонтик! — крикнула я.

— Что ещё?!

— Зонтик и моя куртка — мне нужно сходить за ними, — я сделала движение, чтобы выпрыгнуть из машины, но Бальдерик Рэй мне этого не позволил.

— Сиди тихо и не дёргайся! — нахмурившись, сказал он строгим голосом и пригрозил: — Иначе поедешь в багажнике — я не шучу! Поверь, моё терпение не безгранично.

Я замолкла. Мне стало дурно. Наверное, я отключилась. Не помню, как я выходила из машины; правда, смутно припоминаю в общих чертах, как Б.Р. нёс меня до общежития, а затем на проходной передал с рук на руки сонным девочкам из моей комнаты, которые вдвоём волокли моё безвольное, обмякшее тело по коридору до кровати. Я не могла пошевелить ни рукой ни ногой, словно беспомощный младенец, который не умеет держать голову.

Наутро голова дико раскалывалась, алкогольные пары витали по всей в комнате. Это ж надо было так наклюкаться! Какая всё-таки дрянь — этот совиный напиток! По мере того как я трезвела, ко мне возвращалось чувство стыда и непонятной вины.

— Кто ОН? — первое, что я услышала, едва у меня получилось чуть приоткрыть опухшие глаза.

— Кто? — шёпотом спросила я, всё ещё вяло соображая. Увидев над собой два расплывчатых белых пятна, я не сразу догадалась, что это человеческие лица, склонившиеся надо мной. Девчонки продолжали допытываться:

— Ты же напилась вчера вдубаря, но твой парень, который привёз тебя ночью, он такой… ТАКОЙ! Господи! Таких просто не бывает!

— Мой парень… нет-нет… — события вчерашнего вечера стали всплывать в моей памяти, и я, садясь на кровати, почувствовала, как кровь прилила к щекам.

— Так он не твой парень? Правда? Ух ты! Так это здорово! К тому же, ты вроде с Вадимом. А у него есть девушка? Нет? Познакомь нас! — они нетерпеливо хватали меня за руки и волосы, пытаясь привести в чувство, отчего моя голова тряслась, как у тряпичной куклы.

— Да отстаньте же, вы! — отбивалась я от них. — И вообще, он женат и у него трое детей! Ясно? — зачем-то вырвалось у меня. — Ой, как мне мерзко! Боже, меня сейчас вывернет!

Я едва успела добежать до ванны… Недолгим было веселье, да похмелье оказалось жестоким.

Я поздно заявилась в «Дубовую рощу», куда всегда приходила по воскресеньям с утра. Вдобавок Мисс Магда вздумала отчитывать меня. Я была злой — давало о себе знать вчерашнее — и вспыхнула, как сухая трава от искры.

— Кажется, ты нашла вполне подходящую компанию для себя? — набросилась она на меня.

— Не знаю, о чём вы… — нехотя попыталась соврать я.

— Ты совершенно отвратительно вела себя прошлой ночью. Разве ты ничего не помнишь? А ведь я предупреждала тебя насчёт Ладдока и остальных.

— Угу, — хмыкнула я. — Так он, помимо того, что зануда и сноб, вдобавок ещё и ябеда?

— О ком ты говоришь? — с подозрением спросила она.

— Ах, не прикидывайтесь святой наивностью! — понесло вдруг меня. — А то откуда бы вы узнали о моём, как вы считаете, падении?

— Я? — удивилась она. — Так от кого же я, по твоему мнению, узнала?

— Ну это же ясно как божий день, от кого, — от этого напыщенного индюка, сынка, как его бишь… Бартоломео Рамиреса…

— Ты так непочтительно говоришь о Бальдерике Рэе? — догадалась Мисс Магда. — Ты ничего не путаешь? Он что, тоже там был? О, не ожидала от него такого! Значит, придётся и с ним поговорить. Дети, да вы точно с ума сошли! Где же ваши честь и достоинство?

Внезапно я поняла свою ошибку. Бальдерик Рэй тут действительно не при чём.

— Ой, нет! Не надо! — замахала я на неё руками. — Тогда получается, что я его выдала. Забудьте…

— Нет-нет! Как ты можешь… После всего, что ты сделала… Ты ужасно безрассудна… — она выглядела очень расстроенной.

— Мисс Магда, я не виновата, — попробовала оправдаться я. — Мне стало немного скучно, да ещё в последнее время вы не даёте мне никаких заданий…

— Так, значит, это я виновата? Не доглядела?

— Да нет же… — с досадой пробормотала я.

— Ты только посмотри на себя! Ты теряешь свои чудесные ресурсы на недостойных и на бесцельное времяпровождение!

— Да, вы правы! Но и меня поймите тоже!

— Просто постарайся, чтобы такого больше не повторялось.

— Я влюбилась… — неожиданно призналась я. — Точнее, влюблена уже давно…

— В Ладдока? — испуганно спросила Мисс Магда.

— Нет, конечно… Господь с вами! — улыбнулась я. — Это парень из моего института.

— Ах вот оно что! — на её лице отобразилось облегчение. — Хороший человек?

— Наверное, хороший. Правда… А может быть…

— Что-то не так?

— Да нет. Всё в порядке… — я вздохнула: — Извините меня. Клянусь, что больше никогда не буду ходить в этот дурацкий клуб, тем более с Ладдоком… Даже и не знаю, что это на меня нашло…

На выходе я услышала тихий свист, и, обернувшись, увидела Велесту, жестом подзывающую меня к себе. Я подошла к её стойке.

— Это, кажется, твоё? — язвительно спросила она, в одной руке держа конверт, а другой вытаскивая из-под стола мой плащ с сумочкой, которые бросила мне; я машинально поймала их.

— Бальдерик Рэй покидает нас сегодня вечером, — объявила она. — Он уезжает. Три года он будет жить в Париже. Только что он был здесь и просил меня передать тебе это письмо. Вы разминулись с ним всего на две минуты.

На улице я вскрыла конверт и вытащила небольшую записку.

«Дорогая Сибилла! Извини, что уезжаю так внезапно, не попрощавшись с тобой. Жаль, что всё так получилось, и я действительно теперь понимаю, что всё напрасно. То есть — все свои предыдущие поползновения признаю глупыми и нелепыми, достойными насмешки. Ты меня не совсем правильно поняла, и всё, что я хотел, — это познакомиться с тобой поближе, узнать тебя, но, видимо, я выбрал не самый лучший способ для достижения этого. Когда я вернусь, возможно многое изменится. Я не стану больше мешать тебе. Искренне надеюсь на то, что ты сама сделаешь правильный выбор, когда придёт время. Береги себя и будь осторожна! Balderic Ray»

Глава четырнадцатая ПОД ВЛАСТЬЮ НАВАЖДЕНИЯ

Экзамены закончились. Я сдала сессию досрочно ещё в мае, а у Вадима оставалась куча «хвостов», которые он и не думал пересдавать. Впереди были студенческие каникулы, и я планировала поездку в Велиж, но из-за встреч с Вадимом она постоянно откладывалась; в итоге за всё лето я так ни разу и не навестила бабушку.

Мы часто гуляли долгими летними вечерами. В основном посещали клубы, в том числе такие, в которые при других обстоятельствах моя мораль никогда бы не позволила мне зайти, но вместе с Вадимом я была готова пойти даже в ад. У него почти никогда не бывало денег, и я оплачивала все наши похождения, не задаваясь лишними вопросами.

В одну из подобных ночей я отдалась ему. Всё произошло само собой. И как-то совсем не так красиво, как я читала в любовных романах и представляла себе в своих девичьих мечтах. Я никогда не слышала, чтобы он сказал мне «люблю». В ту ночь мы стали близки. Он пригласил меня в квартиру своего друга, где между нами всё и случилось — быстро и далеко не на трезвую голову. Что касается моей «змеиной» татуировки на груди, то Вадиму она неожиданно понравилась. Когда он её впервые увидел, то сначала сильно удивился, а потом сказал, что она очень красивая и даже «прикольная» — как он выразился. Пришлось выдумать банальную историю, что я сделала её по глупости, следуя примеру подружек, когда ещё жила в Велиже.

Может, мне показалось, но после нашей первой близости его отношение ко мне несколько изменилось. Он стал менее внимательным и иногда даже резким, мог нагрубить мне и обозвать каким-нибудь пренебрежительным словом.

Он, конечно, спрашивал меня, чем я занимаюсь, откуда у меня средства на жизнь, где бываю вечерами и почему могу так внезапно исчезнуть после загадочного звонка на мобильный, но я врала, что работаю в социальной службе, а часть денег мне в наследство оставила богатая родственница. Не знаю, верил ли он мне…

На те деньги, которые я зарабатывала в «Дубовой роще», я уже могла позволить себе снять приличную двухкомнатную квартиру, что я сразу и сделала, закончив первый курс. Вадим жил с родителями. Квартиру я сняла в основном из-за него, так как рассчитывала, что он переедет ко мне, чтобы мы больше

времени были вдвоём, но он всё время отнекивался, говорил, что не сейчас — может быть, чуть позже. Наверное, любая другая задумалась бы на моём месте об искренности его чувств, но мне приходилось мириться с тем, что он приезжал когда захочет. Время от времени он оставался у меня. Мы проводили ночь вместе, а потом он уезжал. Я готовила для него много разных вкусных блюд, включая мясо, которое ненавидела.

С тех пор как уехал Бальдерик Рэй, я снова почувствовала перемену в отношении ко мне со стороны обитателей «Дубовой рощи». Я не хотела, чтобы они были в курсе моей личной жизни, и скрывала от них связь с Вадимом, за исключением Мисс Магды, которой доверяла как матери. Какая-то установка внутри меня не позволяла мне до конца быть откровенной с ними, но в последнее время я стала замечать, что они смотрят на меня как-то странно: то ли с недоумением, то ли с осуждением. Неужели мне и здесь собрались объявить бойкот, как в моём родном Белиже?

Как-то я зашла к Велесте, но она сделала каменное лицо и даже не посмотрела на меня, хотя раньше никогда не упускала возможности поболтать со мной.

— Привет, — поздоровалась я с ней.

— Хай! — не отрывая глаз от монитора, бросила она мне.

— Ты предпочитаешь делать вид, что в упор меня не видишь? — не выдержав, разозлилась я.

— С чего ты взяла? — она с удивлением взглянула на меня из-под очков. — Просто я сейчас очень занята. Извини, потом поболтаем.

В этот момент Мисс Магда, проходя мимо, увидела меня и сказала голосом, не сулящим ничего хорошего:

— Загляни-ка ко мне на минутку.

— Где ты была вчера вечером и почему я опять не могла до тебя дозвониться? — напустилась она на меня, едва я вошла в её кабинет.

— Я обязана давать вам отчёт всех своих действий? — спросила я, но получилось как-то грубо. Вчера вечером мы с Вадимом, как всегда, отрывались на сомнительной вечеринке. — Извините… — спохватилась я.

— У нас же был уговор, что в случае, если ты не можешь принять вызов, то говоришь об этом прямо — и даже не обязательно при этом что-то объяснять; но исчезать и отключать телефон — это по меньшей мере непорядочно. Честность — одна из важных составляющих наших взаимоотношений.

— Хорошо, я учту это. Но знаете, что… Мисс Магда, если

честно, то иногда у меня не хватает времени на личную жизнь, — пожаловалась я. Честно — так честно…

— У тебя действительно всё так серьёзно с этим твоим… молодым человеком?

— Да, серьёзно. Серьёзнее не бывает.

— Ты как-то сильно изменилась, повзрослела… — заметила она с грустью.

— Конечно же, я взрослею. Вы прямо как моя бабушка, — улыбнулась я, вспомнив, как та тоже долгое время продолжала считать меня ребёнком.

— Я просто желаю тебе добра, милая. Поэтому будь осторожна.

И что это все твердят мне об осторожности, будто меня подстерегает какая-то опасность?

Мой банковский счёт продолжал пополняться. Я выбросила старые джинсы и футболки и полностью обновила свой гардероб. Я стала выбирать себе более дорогую одежду, тщательнее следить за своей внешностью, пользоваться косметикой и посещать салоны красоты. Вадиму нравились ухоженные женщины. Я даже окончила курсы вождения и сдала на права экстерном, собираясь в ближайшем будущем приобрести подержанный автомобиль. Всё, что я делала, я делала исключительно ради Вадима. И я сама чувствовала, как меняюсь. Я никогда не забывала о бабушке, исправно посылая ей денег, на которые она могла безбедно жить. Она скучала и просила меня приехать, но из-за того, что я боялась расстаться с Вадимом даже на день, постоянно откладывала поездку и говорила, что не могу отпроситься с работы. Я была привязана к нему невидимой нитью и не замечала этого. Правда, иногда у меня возникало необъяснимое ощущение, будто что-то тяготит меня, но я не сразу придала этому значение.

Странно, что больше чем за полгода отношений со мной он так ни разу и не пригласил меня к себе домой. Видимо, другую девушку это насторожило бы, но я закрыла глаза на всё, что могло хоть как-то поколебать мою уверенность в его любви ко мне.

Это было совершенно безумное лето. Я не заметила, как пристрастилась к алкоголю, рискуя стать прибежищем «сухого червя». Меня даже не заботило, что такой образ жизни мог пагубно сказываться на моих способностях, и это не замедлило проявить себя — сбои стали случаться гораздо чаще, чем раньше. Бывало, что я пропускала звонки из «Дубовой рощи» или намеренно отключала телефон, а потом врала, будто не заметила, как он разрядился.

— Что с тобой происходит? — часто с тревогой спрашивала меня Мисс Магда, на что я лишь неопределённо качала головой и упрямо отвечала, что всё в порядке.

Прошло некоторое время, и мне стало казаться, что моя любовь к Вадиму убивает меня. Словно я была безвольной марионеткой в руках непонятных сил, играющих со мной. Но я в ужасе отгоняла эти мысли, списывая их на разыгравшееся воображение. «Это всё из-за нервов», — твердила я себе.

* * *

Сентябрь пришёл быстрее обычного.

Начались занятия в институте. На второй день, после третьей пары, ко мне подошла сильно надушенная и накрашенная блондинка средних лет и оценивающе посмотрела на меня.

— Если не ошибаюсь, вы Майя, — высокомерно сказала она, разглядывая свой маникюр.

— Не ошибаетесь… — несколько удивилась я и неожиданно почувствовала к этой женщине сильную неприязнь.

Она посмотрела по сторонам и взяла меня за локоть.

— Давайте-ка отойдём в сторонку, — деловито предложила она. — Мне надо с вами поговорить наедине.

— Тебя ждать? — окликнула меня Ольга: мы собирались вместе пойти на обед.

— Нет. Идите, я догоню…

— Сколько вы хотите? — резким тоном спросила женщина, когда мы остались одни.

— В каком смысле? — не поняла я.

— Ах да, я не представилась. Я мама Вадима Погодина. Дело в том, что я в курсе, что вы встречаетесь с моим сыном, и считаю своим долгом вмешаться в ваши отношения, пока всё это не зашло слишком далеко.

— Что случилось? Я вас не понимаю! — растерялась я.

— Я повторяю свой вопрос, — ещё более жёстким тоном сказала она. — Сколько вы хотите денег за то, чтобы вы оставили в покое моего сына и перестали его преследовать?

Меня словно облили ледяной водой.

— Да нисколько! Вы с ума сошли? Я… я не преследую его, у нас вполне нормальные отношения…

— Вы можете считать всё что угодно, но я-то вижу, что ваши отношения ненормальны! — мать Вадима смотрела на меня с откровенной неприязнью, почти ненавистью.

Я почувствовала внутреннюю дрожь, но постаралась не

показать, как сильно я расстроена.

— Если вы позволите, мы с ним сами разберёмся в наших отношениях, ладно? — предложила я ей после минутной паузы.

— Так, значит? Да? — угрожающе произнесла она. — В общем, я тебя предупредила, а там уж смотри сама. Иначе… Всё может случиться!

Возмущённо закинув шарфик на плечо, она ушла прочь, громко стуча каблуками.

Это неприятное происшествие надолго выбило меня из колеи, заставив до конца дня мучиться безрадостными вопросами без ответов, и, собравшись с духом, я решилась на откровенный разговор с Вадимом. Вечером он пришёл как ни в чём не бывало, и не похоже было на то, чтобы он знал о визите своей матери в институт, поскольку на занятиях он сегодня отсутствовал.

— Ты рассказывал своим родителям обо мне и наших с тобой отношениях? — осторожно спросила я его после ужина.

— Ну, так… — туманно ответил он, замявшись. — А что?

— Твоя мама подошла ко мне сегодня между парами и заявила, будто я тебя преследую. Ты тоже так считаешь?

— Ах, мама… Да она всегда всё преувеличивает… Не обращай внимания, у неё периодами крыша протекает, — довольно пренебрежительно отозвался он о своей матери, что меня несколько покоробило.

Я не стала дальше развивать эту тему, но с тех пор его словно подменили. Он всё чаще позволял себе грубости и раздражался по пустякам. Он мог толкнуть или даже ударить меня. Настал момент, когда я подумала, что, возможно, нашим отношениям приходит конец, но почему-то всякий раз при мысли о расставании с ним у меня возникало болезненное ощущение сильной непреодолимой тоски вперемешку с жутким страхом, и я опять не понимала, что со мной происходит. Что-то не так было с моими чувствами к Вадиму. Возможно, его мать в чём-то права…

Я в одиночестве возвращалась днём из института, погружённая в свои мрачные мысли.

Внезапно сзади раздался громкий рёв мотора; пронёсшись мимо на мотоцикле, кто-то сорвал у меня с плеча сумку, но тут же со смехом вернулся обратно. Ладдок…

— Ну и шуточки у тебя, — улыбнулась я, с облегчением переводя дух. Даже не смотря на все его экстремальные выходки, он всегда умудрялся поднимать мне настроение.

— Да вот… Шатаюсь тут без дела, — признался он, посмотрев со скучающим видом на крыши домов, и пошутил: — Думаю,

ограбить, что ль, кого… Ты-то как? Давно тебя не видел…

— Так… ничего… Всё в порядке… — неопределённо ответила я.

— Как-то неуверенно звучит, — заметил он, снимая шлем и поправляя в нём что-то.

Неожиданно мне пришла в голову мысль, которая заставила меня улыбнуться.

— Слушай, а ты сейчас очень занят? — спросила я Ладдока.

— Вроде нет… А что? — его глаза уже загорелись лукавым любопытством.

— Хочу купить себе машину.

— Прекрасная идея.

— А ты не мог бы… помочь мне в этом? Просто я ничего не понимаю в автомобилях.

— Да без проблем, — улыбнулся он. — Тебе как — подогнать или побыть в качестве сопровождающего эксперта?

— Ну, допустим, второе.

— О, кей. А твой господин и повелитель не будет возражать?

— Ты о ком?

— Ну о твоём возлюбленном — светловолосом и голубоглазом докторе-Айболите.

— Вряд ли…

— Тогда садись.

— Куда?

Он глазами показал мне за свою спину.

Немного поколебавшись, я уселась позади него, крепко обхватив его руками.

— Ну ты и вцепилась, — усмехнулся он. — Любишь скорость?

— Не знаю… Но лучше не гони очень сильно, вдруг я не удержусь и упаду.

— Первый раз мне попадается такая трусиха, — проворчал он. — Ладно, тогда будем ехать со скоростью катка, раз уж мы такие нежные.

Мы довольно долго гуляли по автосалону вдоль рядов, уставленных красивыми блестящими машинами, отказавшись от услуг навязчивого менеджера; у меня глаза разбегались, и я всё никак не могла сделать выбор. Ладдок вернулся к неприятному для меня разговору.

— Слушай, бросила бы ты его к чёрту! — неожиданно сказал он.

— Что? — я поняла, что он опять завёл речь о Вадиме.

— Чую, гнилой он человек, зря ты с ним время теряешь. С тобой что-то произошло за очень короткое время. Ты совсем не

та, что раньше. Словно себе не принадлежишь. Почему ты так сильно злишься, когда речь заходит о нём? Здесь что-то не так, однозначно.

— Послушай, я ценю твоё хорошее отношение, но, пожалуйста, не лезь не в своё дело, — попросила я, изо всех сил стараясь сдержаться и не наговорить ему грубостей.

— О, кей, — поднял он руки, изображая капитуляцию. — Как скажешь, только потом не жалуйся, что тебя не предупреждали.

— Я не понимаю… а тебе-то что за забота? — цинично поинтересовалась я.

— Извини, но ты выглядишь нездоровой, твой взгляд напоминает о зомби… И если бы я не знал, что у тебя есть защита, то поклялся бы, что тебя приворожили, и причём сделали это намеренно.

— Чушь какая-то!

— Клёвая тачка, бери — не пожалеешь, — сменил он тему, потрогав небольшую серебристую «тойоту».

— И мне тоже нравится! — я почти перестала злиться, переключив своё внимание на машину.

— Как насчёт тест-драйва?

— Знаешь, мне кажется это слишком дорого. Пойдём, лучше посмотрим подержанные, — я трусливо сделала движение, чтобы пройти в соседний зал.

Он схватил меня за руку и вернул обратно.

— Это, — показал он на серебристую машину, — недорого.

— У меня уйдёт половина всех моих денег…

— Деньги — ничто. Сегодня уйдут, завтра придут.

— Мы берём эту машину, — сообщил он подошедшему менеджеру.

Договор оформили быстро, и через полчаса моё приобретение уже стояло перед входом в автосалон с ключами и заведённым двигателем, ожидая меня. Я с некоторой опаской приблизилась к отполированной до блеска машине.

— Как ты её назовешь? — спросил Ладдок.

— Кого?

— Свою новую подружку, — ласково погладил он «тойоту».

— Хм… А что, твой мотоцикл тоже как-то зовут?

— Конечно. Его зовут Бенедикт Шестнадцатый.

— Как римского папу? Почему? — невольно улыбнулась я.

— Не знаю… — пожал он плечами, задумчиво смотря вдаль. — Просто так. А это, держи, тебе в подарок, — он протянул мне небольшую коробку. — Я купил в салоне.

— Что это?

— Навигатор на первое время, чтобы ты не заблудилась. Ну

что? Садись за руль — и погнали?

Мы покатались немного наперегонки, выехав на загородное шоссе. Купленная машина оказалась высший класс. Без единого изъяна.

— Пожалуй, я назову её «Молния», — решила я. — Как ты считаешь? Такая же быстрая и яркая.

— Супер, — сказал Ладдок. — Оказывается, твоя машина — «девочка», как и ты.

— Спасибо за помощь, — поблагодарила я его. — Если бы не ты, то я бы так сама никогда и не решилась. Даже и не знаю, чем я могу тебя отблагодарить.

— Да ладно… — произнёс он, довольный своим великодушием и моими словами. — Обращайся в любое время. И ещё… Если этот хмырь… Короче, если вдруг кто-то тебя посмеет обидеть или хотя бы тронуть пальцем, ты только свистни — и я уже тут.

— Хорошо… — улыбнувшись, пообещала я.

Мы попрощались, оба оставшись в отличном расположении духа.

— У тебя что, завёлся богатый покровитель? — мрачно спросил Вадим вечером, разглядывая «Молнию», сверкающую во дворе дома новеньким блеском. Моё прекрасное настроение вмиг улетучилось, уступив место тихой тоске и тревоге.

— Нет, я купила её в кредит…

— Ясно. Как говорится: вопросов больше не имею!

— Тебе не нравится?

— Да ничо так… — безразличным тоном ответил он.

— Послушай… Скажи, я сделала что-то неправильно?

Он не ответил, молча пожав плечами, но лицо его выражало крайнюю степень неодобрения.

— Ты можешь пользоваться ей в любое время, когда захочешь, — предложила я.

— Нет, спасибо, мне не нужна благотворительность. Ты, кстати, ужин приготовила? А то я ужасно проголодался. Да, и вот ещё что… Сегодня я, скорее всего, не буду ночевать. Мать просила собрать стеллажи: отцу, как всегда, недосуг…

Мне показалось, он завидует мне, но пытается скрыть это за циничным безразличием. Наверное, мне стоит быть в чём-то скромнее, чтобы не задевать его самолюбия. Ну почему я всегда думаю о том, чтобы не сделать чего-нибудь, что ему не понравится, — и всё равно делаю всё не так? Что бы я ни сделала, всё подвергается критике. Как же я устала от этого…

Этой ночью, под субботу, мне приснился необычный сон. Будто я иду одна по джунглям, а вокруг растут какие-то тропические растения. Тепло, даже жарко. Замечательная погода. И у меня отличное настроение. Я вижу Вадима: вот он выглядывает из-за дерева и улыбается мне. Обрадовавшись, я пошла к нему, но в этот момент из зарослей стали выпрыгивать какие-то дикие животные, вроде ягуаров, пантер или небольших тигров, — и все они были ужасно голодные и злые. Они прыгали мне на спину и кусали сзади, раздирая по кусочку, буквально сдирая с меня кожу! Моя кровь заливала траву; корчась и крича от страшной боли, я стала звать на помощь Вадима. Он какое-то время молча смотрел — я увидела страх у него в глазах, — а потом повернулся и убежал. Убежал! Он скрылся в кустах! Неожиданно из-за деревьев вышел Бальдерик Рэй. «Достаточно!» — гневно сказал он, поднимая руку с кнутом, — и звери разбежались…

Я подъехала к Центру Магии на своей «Молнии» и, игнорируя всякую осторожность, поставила её прямо во дворе перед входом.

— Здесь есть библиотека? — спросила я Шику, ни на что не надеясь.

— Пятьсот двадцать девятая комната в левом крыле пятого этажа, — ответила она, не отрываясь от вышивки. Скажите-ка лучше: чего здесь нет в этом волшебном здании!

В библиотеке сидела библиотекарь — приятная худощавая женщина лет 40–45 с огромной копной кудрявых рыжих волос, перехваченных обручем. Странно, что я раньше её никогда не видела, а может быть, просто не замечала.

— Ух ты! Сколько же здесь книг! — поразилась я, не в силах охватить взглядом пространство, которое занимали бесчисленные книжные шкафы, уходящие ввысь и теряющиеся где-то там… (и где всё только это помещается!), пытаясь прикинуть его границы, сопоставив с размерами здания, — что оказалось занятием безнадёжным, и, как всегда, вызвавшим в мозгу ощущение полного абсурда.

— Этой библиотеке более трёхсот лет, — сдержанно объяснила библиотекарша.

— Мне надо всё о приворотах, — сразу перешла я к делу.

— Вам, девчонкам, только бы поворожить, — сказала она, посмотрев на меня с некоторым осуждением. — Но учти: всё, что написано в подобных книгах, представлено исключительно для познавательного ознакомления — и полученные знания ни в коем случае нельзя использовать на практике.

— Я не собираюсь никого привораживать, — заверила её я. —

Просто мне надо кое-что выяснить.

Она принесла большую книгу в прошнурованном переплёте: старинную, пожелтевшую от времени, написанную вручную пером, но тем не менее удивительным образом сохранившуюся в очень хорошем состоянии.

— В соседней комнате есть столы и стулья — можешь посидеть там, — предложила мне библиотекарша.

Весь вечер я провела за чтением книги. И вот, что я узнала:

> «Приворот, совершённый на женщину. Чаще всего для успешного совершения оного может служить самое простое навязывание образа во сне; данное возможно также выполнить через гипнотическое внушение, — таким образом имеет место подселение инкубуса, осуществляющего возбуждение любовной страсти и эмоциональной зависимости, поддерживающего постоянное возникновение и укоренение ассоциаций чувства радости и счастья с объектом, к которому производится привязка. Наиболее распространённые признаки и предвестники: частое появление одного и того же образа во сне, приятные ощущения эйфории, связанные с возможностью видеть объект; при попытке разлучить приворожённую с объектом — возникновение у последней сильного страха, а также неконтролируемая злость, вплоть до приступов истерии, сменяющихся полной апатией, нередко появление физических болей и прочих необъяснимых недомоганий. Исход приворота: избавление от безвременного приворота самостоятельно или при помощи магического вмешательства возможно только при очень сильной воле жертвы, или, если в силу её большого эгоизма и эгоцентризма чрезмерно ощутимо нарушаются комфортные для неё условия; в крайнем случае это всегда происходит естественным образом через смерть навязанного объекта. Временный приворот, как правило, теряет свою силу через двенадцать или девять месяцев, но иногда бывает более длительным — до семи — девяти лет, но не более…»

Подмена образов, параллельная реальность…

Если это действительно так, то очень жаль, что нет во мне такой силы, чтобы разрушить злые чары, а в магию я не верю… На мгновение я попыталась усилием воли избавиться от образа Вадима, но тут же снова увидела его глаза — такие добрые и манящие, как тогда, когда мы только познакомились — и сразу всплыли приятные воспоминания-ощущения: мы резвимся как

дети, бегая друг за другом по парку и играя в снежки. Нам так было хорошо… Нет, я не могу, не могу… Слеза скатилась и упала на страницы, потом ещё одна.

Прерывисто вздохнув, я захлопнула книгу и сидела над ней, прикрыв уставшие глаза.

— Закрывать дверь? — спросила женщина-библиотекарь, одетая в плащ, собираясь уходить.

— Нет. Я уже всё…

На следующий день, гуляя по городу, я увидела, кого совсем не ожидала. Аньку Даниленко… Мою подругу из Велижа. Всегда весёлая и живая, сейчас она выглядела как потухшая свеча.

— Аня? — не поверила я своим глазам.

— Майя, ты? — меня она тоже узнала не сразу.

— Какими судьбами?

— А я вот… — я сначала не заметила, что она стоит с большой сумкой на колёсиках, а в руке — всякая ерунда, которую обычно продают в электричках.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я.

— Работаю…

— Ты…

— Жить негде…

— Можешь пожить пока у меня… — неожиданно предложила я.

— Я не одна, у меня ребёнок… Ванька, — ему уже год и восемь месяцев.

— То есть… Как ребёнок? Ванька? Ха-ха-ха! Когда ж ты успела?

— Вот как ты уехала, так и успела. Помнишь ту дискотеку, на которой морды двоим парням набили? Я тогда уже была на четвёртом месяце, потом мы с тобой долго не виделись и я скрывала своё положение. А когда живот уже стало видно, мать погнала меня из дома… На жизнь как-то надо зарабатывать, и вот — я здесь… Кручусь, как могу. Но просвета что-то не видать…

— А где сейчас находится твой ребёнок?

— У девушки одной, молдаванки, — она на рынке солёными огурцами торгует ну и квашеным, соленьем всяким… Мы вместе угол снимаем. У неё тоже своих двое, так мы по очереди — то я за её, то она за моим — присматриваем.

— Дай-ка подумать… — соображала я. — Значит так. Сейчас же едем за твоими пожитками, забираем ребёнка, и ты перебираешься ко мне.

— Куда это — к тебе? — изумилась она.

— Я здесь недалеко, на Обручева, снимаю «двушку» со всеми

удобствами; думаю, вам там с малышом гораздо больше понравится, чем в общаге. Пойдём? Вон моя машина.

— Твоя машина? Слушай, я чего-то не понимаю… Как тебе так быстро удалось встать на ноги? — она разглядывала мою «Молнию», будто это был «феррари».

— Сама не знаю. В этом мире так много непонятного…

В тот же день она переехала ко мне вместе со своим сыном. Я отдала им одну из комнат.

Если можешь сделать доброе дело, сделай его, а нет — пройди мимо, будто ничего не заметил. Но пройти мимо Аниной нужды я не смогла…

* * *

Сегодня я с частью группы была на вскрытии в морге, и по неосторожности едва не выдала себя с потрохами. Вадим, как всегда, прогуливал: я его не видела уже почти неделю, а на звонки он не отвечал.

Пришёл Валентин Петрович Олежко. Сейчас он чем-то походил на мясника — наверное, клеёнчатым оранжевым фартуком, надетым поверх халата. Он запустил нас в прозекторскую, где на столе, накрытое простынёй, уже лежало тело умершего, которое нам предстояло изучать. В этот момент произошёл небольшой инцидент. Одному из студентов внезапно стало плохо.

— Я не могу. Можно я… — смертельно бледнея, пробормотал он, отступая к двери.

— Так, Антонов, стоять! — крикнул «Кощей».

Но было поздно. Раздался глухой стук. Виталий Антонов упал в глубокий обморок. Валентин Петрович что-то раздражённо буркнул себе под нос: мне показалось, он грязно выругался.

— Отнесите это тело в коридор на диван, и продолжим, — равнодушно сказал он ребятам. Те, подхватили за руки и за ноги своего впечатлительного товарища и вынесли его вон.

— Итак, сейчас мы должны выяснить причину безвременной кончины этого замечательного человека, — радостно объявил Олежко, подходя к столу и довольно потирая руки.

— Гипертермия… — вырвалось у меня, и я тут же прикусила язык. «Кощей» посмотрел на меня как на государственного преступника.

— Что ты сказала?

Одним рывком он сорвал с покойника простыню.

Ребята, стоящие вокруг стола, отпрянули назад с возгласами

ужаса, увидев сильно обезображенное тело, почти целиком покрытое багровыми ожогами.

— Это же совсем не тот труп! — гневно закричал Валентин Петрович. — Зачем вы подсунули нам этого варёного?

— Извините, ошибочка вышла. Сейчас заменим, — виновато сказал появившийся в дверях санитар.

Когда я вышла из больницы и направлялась к автобусной остановке, меня окликнула Настя Лапина, девочка из моей группы — малообщительная тихоня и отличница.

— Слушай, — сказала она, поравнявшись со мной. — Как ты догадалась, что труп, то есть… умерший был обожжён?

— Просто интуиция… Хотя, скорее, совпадение, — ответила я, но Настю такое объяснение не удовлетворило.

— Ну да, конечно, — произнесла она, недоверчиво сузив глаза. — Так же, как и банка с соляной кислотой, которая сама летала по воздуху.

— Ты фантазёрка. Выдумаешь тоже… — усмехнулась я и, желая избавиться от её компании, ускорила шаг.

Ещё на первом курсе я стала свидетельницей, как худенькая девушка-лаборантка, спускаясь по лестнице и держа в руках тяжёлый ящик с химическими реактивами, неожиданно покачнулась и потеряла равновесие: одна из банок с концентрированной соляной кислотой сорвалась с подноса и, перелетев через перила, стала падать вниз. Я успела «подхватить» её взглядом и вернула на место, к удивлению и огромному облегчению бедной лаборантки. Если бы я этого не сделала, то она упала бы прямо на головы стоящих внизу студентов. Тогда я решила, что никто не заметил этого странного эпизода, но, как теперь выяснилось: скрытная, похожая на лисичку Настя оказалась гораздо наблюдательнее остальных.

За шумом пылесоса я не услышала, как Вадим открыл дверь своим ключом и вошёл в квартиру. И первое, что он увидел: куча игрушек, разбросанная на паласе по всему коридору, и ребёнок, ползающий среди них, а также полная маленькая фигура Анны в тренировочном костюме, стоящая на табурете в ванной и развешивающая детские вещички.

— Кто эта женщина и чей это ребёнок? — громко поинтересовался Вадим, совершенно не заботясь о том, что Аня может его услышать.

— Я сейчас тебе всё объясню… пойдём в комнату, — взяла я его за рукав.

— Что ты мне объяснишь? — зло спросил он, не двигаясь с

места и выдёргивая руку.

— Это моя подруга из Велижа…

— Ах, из Велижа! Слушай, ты что сюда всех бродяг будешь собирать, а? Почему ты не посоветовалась со мной?

Наверное, мне следовало напомнить ему, что он всё-таки на моей территории, и я сама могу решать, кому на ней находиться, но вместо этого я повела себя в точности так же, как Анька тогда в Велиже, когда мы были на дискотеке в ДК. Я стала извиняться, что-то объяснять… Как будто я — это не я.

— Мы, наверное, вам мешаем, Май… — услышала я голос Ани. Она растерянно стояла на пороге моей комнаты; её сын, держа в руках плюшевого мишутку, робко жался позади матери.

— Нет… нет… — нахмурилась я.

Мы всё равно поругались.

Я услышала, как жалобно запищала игрушка, на которую Вадим наступил в коридоре.

— Чёрт побери!!! — выругался он на весь дом и ушёл, изо всех сил хлопнув входной дверью.

Расстроенная Аня пыталась утешить меня; не сдержавшись, я сказала ей грубость. Поведение Вадима сильно выбило меня из колеи, но я всё ещё надеялась, что он вернётся и всё наладится само собой. Я и предположить не могла, что может возникнуть подобная нелепая и сложная ситуация.

Между нами окончательно пробежала чёрная кошка. Я звонила ему, но он не отвечал и не перезванивал.

Проснувшись следующим утром, я обнаружила, что все вещи Анны и её сына исчезли, постель и полотенца постираны, выглажены и сложены на кровати в аккуратную стопку. Она оставила записку, в которой благодарила меня за помощь и извинялась из-за того, что стала причиной моего разлада с любимым человеком.

Я схватила было мобильный, но, сжав его в руке, со злостью швырнула об стену. Я долго плакала, но потом слёзы кончились. Всё! Меня это достало! Хватит без конца наступать на горло собственной гордости и терпеть его эгоистичные выходки! Я посмотрела на себя в зеркало и, увидев свой затравленный взгляд, чёрные синяки под глазами, запустила пальцы в давно немытые волосы. Я снова почувствовала обессиливающий страх и боль в груди, словно я была полной развалиной или больной старухой. Внезапно мои глаза «включились», и в одно мгновение я разрушила зеркало.

Он явился через два дня поздно вечером. Был навеселе. Рубашка навыпуск и куртка в грязи: наверное, упал по дороге и

валялся в луже.

— Тсс… Не стоит, — сказал Вадим, поднеся палец к губам, хотя я молчала. — Бухло есть?

Я отрицательно покачала головой.

Он прошёл на кухню и открыл холодильник. Достав оттуда валокордин, вылил в кружку всё его содержимое и, не разбавляя водой, выпил.

— Я уже давно хотел тебе сказать, но почему-то всё не решался… — начал он.

— А сейчас, стало быть, решился?

— Не передёргивай! Я начну снова… Меня не покидает мысль, что ты ведьма, что ли, какая-то или… В общем, не знаю, кто ты, но ты точно не человек, — он с сожалением посмотрел в пустой стакан.

— Ты пьян…

— Знаешь, что! Да я выпил. Но я хотел тебе сказать… Короче… Кажется, я тебя боюсь, — произнёс он шёпотом и захохотал, как ненормальный.

— Почему? — горько спросила я. — Зачем?

— Мне слишком трудно всё это объяснить, но вот просто есть такое чувство… Понимаешь, ты мне кажешься не совсем нормальной, даже какой-то опасной.

— Что? Я ещё никого не убила, к твоему сведению…

— Да я не об этом…

— А о чём?

— Мне кажется, что ты постоянно контролируешь меня, вмешиваешься в моё личное пространство и даже пытаешься управлять моим мозгом, а я этого не люблю, ясно тебе?

— Разве это может быть правдой? — воскликнула я, с ужасом подумав: а вдруг это действительно правда?

— Конечно, правда. Иначе, откуда у меня это странное ощущение… В общем… Однажды я проследил за тобой, хоть ты и говорила, что ходишь на какую-то работу, но тогда я увидел…

— И что же ты увидел? — напряглась я.

— Как ты вошла в тот дом.

— А дальше?

— Я тоже вошёл в него. Но никого не увидел. И тебя там не было. Только одни развалины.

Я потрясённо помотала головой.

— Этого не может быть…

— Вот и я тоже говорю. Если так пойдёт дальше, то даже боюсь представить, что ты ещё начнешь вытворять.

— Ты слишком много выпил. Может быть, поговорим, когда ты протрезвеешь? Я не гоню тебя, можешь переночевать здесь:

теперь свободных комнат две, Анюта ушла, благодаря твоим стараниям.

— Тю-тю-тю! Чего захотела. Нет уж, лучше я пойду под крылышко к моей маменьке. Она меня согреет и спасёт от всех бед, — цинично заявил он.

— Как хочешь… — устало ответила я.

— Вот. И я тоже считаю, что нам будет лучше побыть пока отдельно друг от друга, — заплетающимся языком сказал он. — На время расстанемся, чтобы разобраться в своих отношениях. Ну вот. Я долго думал, как тебе всё это преподнести, — и вроде что-то получилось. Ну всё, я пошёл. Гуд бай!

Господи! Неужели он так сильно напился только для того, чтобы мне это сказать!

Хлопнула входная дверь. Я ничего не чувствовала, словно у меня выбили землю из-под ног.

Какие безжалостные и злые силы так жестоко играют нашими душами?

Ничего не осталось от того Вадима, с которым я познакомилась девять месяцев назад и который являлся мне ранее во снах. И куда подевалось всё то волшебство, которым были пронизаны наши отношения в самом начале? Словно злой дух завладел его телом, перед этим сожрав прежнюю прекрасную сущность, оставив только пустую оболочку, лишённую всех добрых человеческих чувств.

Подкрался октябрь, как и сентябрь пролетел незамеченным. Листья осыпались, и деревья стояли совсем голые.

Я забросила институт. Впереди была защита курсовой по внутренним болезням. У меня не было написано ни строчки.

Может быть, мне стоит обратиться со своей проблемой за помощью к Магам? Или рассказать Мэги Ра о том, что тяготит меня. Возможно, он там что-то увидит на своём «астральном экране» и подскажет мне пути выхода из замкнутого круга? Я чувствовала сильную безысходность и полное бессилие. Депрессия поглотила меня целиком; с каждым днём я ощущала, как невидимая петля всё больше и больше сжимается на моём горле. Я почти этому не сопротивлялась…

Глава пятнадцатая ТАНЕЦ СМЕРТИ

— Завтра приезжает Бальдерик Рэй, — сообщила Велеста, выглядывая из-под кипы бумаг.

Я не поняла, тронуло меня это сообщение или нет. Неужели все всегда должны прыгать от радости из-за того, что приезжает Бальдерик Рэй?

— И что из этого следует? — безучастно спросила я.

— Вижу, тебя это не слишком радует.

— Хм… Я-то думала, он года на три года уехал. А ещё даже и полгода не прошло.

— Обстоятельства поменялись.

— Даже не буду спрашивать — какие, — потому что меня это вряд ли интересует.

— Он всё ещё не женат, — многозначительно заметила она.

— Это его право.

— Так, значит, не поедешь встречать?

— Конечно нет, — презрительно хмыкнула я. — Думаю, и без меня желающих будет предостаточно. Ладно, пока. Мне ещё нужно писать курсовик…

— Слушай, — остановила она меня. — Ты всё время какая-то дёрганная, измученная, и лица на тебе нет. Не хочешь рассказать, что случилось? — в её чёрных бездонных глазах отражалось участие.

— Ничего, — грубо ответила я. — Просто осенний авитаминоз.

На следующий день я увидела Б.Р. издалека. Я как раз собиралась выезжать с соседней улицы, где всегда оставляла свою «Молнию», когда он заехал в тот же переулок. Проехав мимо и не заметив меня, он припарковал «кадиллак» на свободное место — метрах в двадцати впереди — и вышел из машины.

Он выглядел чуть взрослее, чем раньше, и, как всегда, был внешне безупречен, но что-то в нём изменилось. В «Дубовой роще» снова состоялся вечер встреч, но я не пошла на него, сославшись на усталость и неважное самочувствие.

Я всё-таки собралась с силами и приехала на занятия в институт ко второй паре.

— Привет, ты чего это загуляла? Две недели тебя не было. Или болела? — обрушила на меня град вопросов Наташка Бельская, догнав меня в коридоре.

— Дела были, проблемы… — нехотя объяснила я ей.

— Угу… Написала курсовик?

— Да, написала.

— Не покажешь? У меня вроде похожая тема.

— Ладно, только не списывай всё «под копирку», о, кей? — попросила её я и полезла в сумку, чтобы достать папку со своей работой.

— Да уж… Дрянь эта Лариска. Бывают же такие штучки… — неожиданно произнесла Бельская.

— Какая ещё Лариска? — не поняла я, перестав рыться в сумке.

— Ну Метелева, с третьего курса. Та ещё шлюха. Да все с ней уже переспали, включая преподов.

Я смутно припомнила эту девушку. Лариса Метелева — дочь богатенького папочки, владельца частной клиники пластической хирургии.

— Ну и что?

— Кажется, тебя это совсем не волнует? — удивилась Бельская.

— А почему меня должно это волновать? И вообще, какое мне до неё дело? Она уже взрослая девочка.

— Ну как же… Она ведь залетела. Все знают.

— Залетела и залетела. Что в этом такого. Обычная ситуация для половозрелых девушек, которые спят с мужчинами, пренебрегая средствами контрацепции. В конце концов, это её проблема.

— Ну как… Говорят же, что ребёнок у неё будет от Погодина. И они вроде как поженятся. Правда, она уже на восьмом месяце, — значит с пузом под венец пойдёт.

— Что?!

У меня подкосились ноги, и я услышала шум в голове. Вадим и та девушка… Они действительно иногда разговаривали, но я не придавала этому серьёзного значения. А потом она куда-то пропала. С начала учебного года я её не видела.

— Господи, ты так побледнела… Ой, ну извини… Я думала, ты знаешь… Блин, какая же я дура! Но ведь все же знают! Эй! А курсовик-то дашь мне свой? — вдогонку крикнула мне Наташка, когда я уже неслась по коридору.

Я забежала в туалет. Меня чуть не вырвало. Холодная струя воды ударила мне в лицо.

Трясущимися мокрыми руками я набрала его телефон. Он ответил после третьего гудка. Ни здрасьте, ни привет…

— Что хотела? — грубо спросил Вадим сонным голосом.

— Нам нужно поговорить… Срочно.

— О чём? Разве мы с тобой ещё не все обсудили?

— Нет, не всё.

Неожиданно он быстро согласился.

— Хорошо. Называй время и место, — сухо сказал он.

— Значит, ты и Лариса? — спросила я, едва он вошёл в кафе и раздражённо уселся напротив меня. Вид у него был ничуть не лучше, чем у меня: неряшливо растрёпанные волосы и какой-то блуждающий болезненный взгляд.

— Должна же ты была когда-нибудь узнать… — не стал отпираться он.

— Верно. Но почему бы тебе не сказать мне об этом с самого начала, вместо того чтобы выдумывать нелепые поводы для расставания.

— Ну вот теперь ты всё знаешь. И слава богу, — сказал он, зевая, словно ему было невыносимо скучно.

— И как давно?

— Давно — что?

— Не прикидывайся идиотом! Как давно у тебя с ней? Я слышала, она ждёт от тебя ребёнка.

— Ну, допустим, восемь месяцев.

— Восемь месяцев! — в ужасе воскликнула я. — Значит, получается, что в то время, как ты был со мной, ты встречался ещё и с ней? А я пребывала в счастливом неведении? Замечательно! А она знала обо мне?

— Какая тебе разница? Ну, допустим, знала. И что с того? По-твоему, я подонок? Ну-ну… Можешь так считать, если тебе от этого будет легче. В данной ситуации это уже ровным счётом ничего не изменит.

— Боже… Мне трудно поверить в то, что это происходит со мной. Это просто какой-то дурной сон… — я сжала пальцами виски.

— Трудно поверить во что?

— В то, что ты мог так быстро измениться.

— Послушай, — презрительно хмыкнул он. — К чему весь этот нудный разговор?

— Я хотела прояснить наши отношения…

— Какие ещё отношения? Очнись, дорогая! Наши с тобой отношения давно закончились. Мы с тобой расстались уже почти месяц назад, и я думал, что ты всё сама поняла, но, похоже, переоценил твои умственные способности.

— Так это было расставание? Ты же сказал, что на время…

— Ушам своим не могу поверить! Неужели ты всерьёз ожидала, что я вернусь? Да я специально так сказал. Ты что, совсем наивная или тупая?

Я не могла произнести ни слова, лишь молча смотрела на него, пытаясь понять, что происходит. Если раньше я чувствовала, что мой замок из песка дал серьёзную трещину, то теперь он неумолимо рушился и рассыпался в песок — и вместе с его падающими стенами рушилась вся моя жизнь.

— Ну что ты так смотришь, словно сейчас кровь прольётся? Пойми же, наконец: ты мне не нужна! Ты что, совсем не въезжаешь? Я НЕ ЛЮБЛЮ ТЕБЯ и НИКОГДА не любил! Между нами всё давно кончено.

— Не любил меня? А её?

— Какая к чёрту разница! Может, я вообще не способен никого любить. У парней устроено всё иначе, чем у девчонок. И не моя вина в том, что ты что-то там себе нафантазировала в своей головке. Если мы с тобой и спали, то это ещё ничего не значит. Ты красивая, привлекательная — не спорю. Мне с тобой было хорошо, но не более… Всё проходит, и это тоже прошло. Я прекрасно понимаю, что тебе нужен муж, чтобы зацепиться в столице, но если тебя это утешит, то моя мать всё равно никогда не прописала бы тебя и…

Я почувствовала, как в сердце вонзилось ледяное остриё. Мои пальцы сжали стакан с водой. Мне захотелось ударить его. Разбить ему лицо до крови. «Главное, без глупостей», — твердила я себе и, зажмурившись, чтобы не позволить своим глазам совершить непоправимое, выплеснула воду из стакана ему в лицо.

— Я никогда… никогда не смогу это простить, — тихо произнесла я, не открывая глаз. — То, что ты сейчас сказал… Зря ты это сказал…

Я вскочила и выбежала из кафе, едва не сбив двух входящих в него девушек, одна из которых была Омелла Чи.

— Эй! — крикнула она мне вслед, но я уже неслась к своей машине; по моему лицу градом катились слёзы.

Я уехала за город в какой-то лес и, зайдя поглубже, принялась орать во весь голос, пытаясь выгнать из себя демонов мести. Потом в полном изнеможении опустилась на землю и просидела так, сжавшись в комок, пока не начало темнеть.

Ещё стоя за дверью, доставая ключи, я услышала, как в квартире разрывается телефон. Длинные гудки — междугородка… Влетев в тёмную квартиру, я на ощупь нашла телефон и сняла трубку.

— Майя, ты меня не узнаёшь? Я Людмила, медсестра. Я ухаживала за твоей бабушкой последние два месяца.

— Бабушка заболела?

— Слушай… Я не знаю, как и сказать… Ты присядь, если

стоишь…

— Зачем? Что случилось?! — разволновалась я.

— Анна Михайловна сильно болела последние полгода, ты не приезжала, хотя она очень ждала тебя.

— Болела? Бабушка болела? Она ничего мне не говорила про болезнь… А почему вы говорите в прошедшем времени? — спохватилась я. — Что с бабушкой? Неужели… Ну, говорите же!

— Да… Это случилось сегодня рано утром, я всё никак не решалась тебе позвонить, но больше некому.

Я снова почувствовала, как в сердце повернулся острый осколок.

— Я же только три дня назад с ней разговаривала… Этого не может быть… — я затряслась от беззвучных рыданий.

— Последние два месяца она была на обезболивающих.

— Не может быть… — как заведённая, бормотала я, отказываясь верить в случившееся. — Я сейчас соберусь, приеду с первой же электричкой… — мои ноги ослабли, язык заплетался.

— Послушай… Лучше не стоит, — сказала Людмила. — Я сама организую похороны. Единственное — если можешь, вышли денег.

— Нет, я приеду! — с отчаянием повторила я.

Я попыталась заплакать, но у меня не получилось. Боль душила меня, но слёзы не шли.

Беда никогда не приходит одна… Пришло две, жди третьей — это аксиома.

Я, как робот, собирала вещи. Чёрная блузка, чёрная юбка, платок… В полной прострации я села в кресло прямо на телевизионный пульт, и телевизор, словно специально, включился на мрачном эпизоде какого-то музыкального видеоклипа. «Ты никому не нужна. Тебя никто не любит. Твой любимый умер…» — ответил жестокий голос девушке из телефонной трубки. Я выключила телевизор и ещё долго сидела в темноте с закрытыми глазами.

Из-за Вадима и своей безумной любви к нему, я совсем потеряла счёт времени. Я ни разу за всё лето не навестила бабушку. Узнай я раньше о её плохом состоянии, сейчас она, возможно, была бы жива.

Мой взгляд нечаянно упал на зеркало трюмо, и я содрогнулась: мне показалось, что вместо моего отражения в нём появилось лицо Лауры, — она по-волчьи улыбнулась, обнажив длинные острые клыки.

С трудом добредя до кровати, я упала на неё без сил и тут же провалилась в тяжёлый сон, оказавшийся очередным воспоминанием.

Это случилось, когда мне было четыре года. Чёрные тучи, собравшись воедино и погрузив небо во мглу, кружили над городом. В тот день, словно небесная кара, на головы людей обрушился настоящий электрический дождь. Тогда молниями были убиты 99 человек; многие из тех, кто находился на полях под открытым небом, погибли мгновенной смертью. И я тоже была среди них. На моих глазах многовольтный разряд настиг бегущего старика, убив его на месте. Но кому-то повезло остаться в живых. Молнии словно выбирали себе жертв.

Огромный розовый шар появился из-за леса и стремительно стал снижаться, двигаясь по направлению ко мне, но неожиданно замедлил своё движение и остановился в нескольких метрах от меня.

Я стояла посреди поля и в ужасе глядела на огненный шар, который то приближался, то удалялся от меня, а потом застыл на одном месте.

— Стой! Не шевелись! — кричали мне прячущиеся в лесу люди. — Не беги!

От их криков мне стало ещё страшнее. Я заплакала и побежала вниз к реке. Я видела свои босые белые ноги, бегущие по траве, и чувствовала неумолимо надвигающийся жар за спиной. А потом ЭТО обрушилось на меня…

Я проснулась посреди ночи, тяжело дыша; волосы были мокрыми, пот градом катился по моему лицу.

Вот оно — то самое воспоминание, которое выпало из моей памяти на целых шестнадцать лет. Оно всё-таки сумело прорваться ко мне сквозь сон…

Почему же бабушка не рассказала мне об этом, хотя и упоминала однажды о необычном трагическом катаклизме, произошедшем в нашем городке? Или она что-то ещё от меня скрывала? Что-то неудобное, страшное, чего она стеснялась сказать, или боялась…

Выбежав на улицу, я села в машину и гнала по пустынным ночным улицам со скоростью 170 километров в час, заклиная: только бы сегодня было его дежурство… По дороге со всех рекламных растяжек и щитов мне без конца бросались в глаза странные депрессивные надписи, усиливающие чувство моей безысходности: «НА ГРАНИ», «СПАСЕНИЯ НЕТ», «НЕКУДА БЕЖАТЬ», «ТЫ ДОЛЖНА УМЕРЕТЬ…»

— Доброе утро. Два часа ночи, — хмуро заметил Певунов, с любопытством разглядывая мою пижаму под расстёгнутым плащом и шлёпанцы на босу ногу.

— Бессонница замучила. Есть что-нибудь… понадёжнее?

— А говорила, что не понадоблюсь… — самодовольно усмехнулся он.

— Ближе к делу, — оборвала его я.

— Сколько? — улыбка сошла с его губ.

— Три.

— Заходи. Есть у меня одно проверенное средство. Улетишь ровно через минуту.

Он куда-то ушёл и вернулся, держа на ладони три капсулы.

— Ты не понял.

— В смысле?

— Три. Три упаковки.

— Зачем тебе столько? — изумился он.

— Про запас, — я протянула ему убедительную пачку денег — и больше лишних вопросов у него не возникло.

— О, кей…

Внутри что-то оборвалось, — какая-то ниточка, связывавшая с жизнью. Смысл жизни был безвозвратно утерян. Ангел покинул несчастное дрожащее тело, бывшее когда-то человеком, и холодно взирал на него, стоя в стороне и ожидая печальной развязки.

Человек бежал к краю пропасти, моля, чтобы небо спасло его, но небо оставалось безмолвным…

Иногда любовь бывает такой подлой, предательской, что хочется разорвать её, растерзать в клочья, сжечь в адском огне, освободиться, словно от пут, мешающих жить и дышать. А если не получится, то…

Я отключила все телефоны.

Господи, я тебя ненавижу! За то, что ты предлагаешь мне подслащённую воду вместо терпкого вина; за то, что не даёшь мне того, что я у тебя прошу; за то, что сделал меня такой… Почему я должна довольствоваться этой нелепой, навязанной мне ролью, — быть несвободной, жалкой марионеткой в руках своей жестокой судьбы? Пришла пора положить этому конец…

«Кто я? КТО? — кричала я молча в пустоту. — ДЛЯ ЧЕГО ВСЁ ЭТО?»

Я сидела за столом, сжав руками голову. В голове была одна вата. Во мне нет больше ничего. Даже слёз нет. Все выплаканы.

Зачем мне ехать на похороны? Что это изменит? Я уже ничем не смогу помочь бабушке. Всё пропало…

Таблетки уже лежали на столе.

Господи! Какая же я дура! Как это получилось? И теперь всё так глупо закончится? Такой позорный и бесславный конец. Но выхода нет…

Сибилла Вейн — девушка из романа Оскара Уайльда, покончившая жизнь самоубийством из-за несчастной любви… Это просто какая-то насмешка. Зачем они мне дали её имя? Может быть, Маги уже тогда знали, что я закончу свою жизнь именно таким образом?

Я приняла ванну и надела шёлковую белую сорочку. Я хочу умереть красиво. Надо было ещё купить лилий и сделать из них венок на голову, чтобы тем, кто будет меня хоронить, не пришлось тратиться на цветы.

Трясущейся рукой я взяла горсть таблеток, едва не рассыпав их. Руки тряслись так, что я с трудом смогла положить в рот несколько капсул… Одна, две, три, четыре, пять…

Ещё чуть-чуть — и я сольюсь с вечностью, уйдёт из сердца всепоглощающая тоска, исчезнет изнуряющая боль, растворится, перемелется в жерновах Вселенной вместе со мной… Я больше не могу существовать в этом мире. Мне нет места в нём. Я слишком устала, чтобы продолжать бороться… Звезда горела адским огнём в моей груди.

Я снова глотнула таблеток и запила их водой из бутылки. Надеюсь, будет не очень больно…

Я села в кресло и включила телевизор — там показывали фигурное катание. Неожиданно, слёзы прорвались и потекли по щекам нескончаемыми солёными потоками.

Вначале ничего не происходило. Потом что-то сдвинулось и поплыло, комнату заволокло туманом, предметы двоились и троились в глазах, язык распух и стал тяжёлым, а в голову словно насыпали камней. Я попыталась встать, но мои ноги, став ужасно слабыми, едва слушались меня. Мне стало плохо, сработал инстинкт самосохранения, и, дойдя до ванной на подкашивающихся ногах, я рухнула на пол, чувствуя жгучую боль в руке и как по моему лбу потекло что-то горячее. В дверь кто-то настойчиво звонил, но я уже не могла доползти до неё.

Всё закружилось в быстром темпе. Всё быстрее и быстрее. Меня выбросило за какие-то пределы, ограничивающие моё сознание. Кувыркаясь, я полетела в глубокий чёрный колодец. Потом всё вдруг замедлилось, я обрела невесомость и, кажется, я наконец научилась летать. Стало почти легко. Я парила в кромешной темноте, ощущая непривычную лёгкость и свободу. Здесь так тихо и спокойно, но как-то слишком одиноко… Страшно… Неужели теперь так будет всегда? Вот эта вот пустота — и всё. Но ведь я же не этого хотела! Я рванулась обратно,

наверх, но у меня ничего не вышло. С ужасом я поняла, что возврата отсюда НЕТ. И вдруг я услышала голос, зовущий меня откуда-то издалека. Мне показалось, что это был голос Бальдерика Рэя. Он кричал: «Вернись!» Что-то сдавило моё лицо, ледяная жидкость полилась мне в рот и заполнила мои лёгкие. Боже мой, я же сейчас захлебнусь! Я попыталась вырваться, но не смогла. Скорее бы всё кончилось! Боже, как это мучительно! Я увидела молнию, несущуюся прямо на меня, — она превратилась в огненный шар, который, приблизившись ко мне… вошёл внутрь меня.

Часть третья КАЧЕЛИ ДЛЯ ДВОИХ

Глава первая БЕЗ НАЗВАНИЯ

Когда я очнулась, то узнала о том, что произошло. Бальдерик Рэй искал меня, но не найдя, страшно разволновался, и, как мне рассказала Велеста, он вёл себя словно сумасшедший: ворвался в приёмную, поднял всех на уши, потом кинулся ко мне домой… Только чудо могло спасти меня. Он звонил и стучал в мою дверь, но я уже не слышала его; тогда он, до смерти напугав жильцов дома, по балконам вскарабкался на третий этаж и разбил окно…

Он нашёл меня лежащей на холодном кафельном полу в ванной: мне оставалось жить, быть может, ещё минут пять…

Говорят, я долго не могла проснуться, хотя мне сделали промывание желудка по всем правилам официальной медицины и поставили очищающую капельницу.

У меня была сломана кисть руки и разбита голова. Когда я падала, то ударилась лбом о край шкафа.

Меня лечили все, кому не лень. Таджичка Шику пела гортанным голосом песни на своём языке и каждое утро выгоняла через форточку «злых духов уныния», чтобы они не терзали моё израненное сердце.

Лесовичок делал горькие отвары и поил меня из деревянной пиалы, нашёптывая какие-то заговоры. Я молча пила и глотала всё, что мне предлагалось. У меня не было сил, чтобы спорить и сопротивляться.

— Болезни тела вылечить куда проще. А вот болезни духа — это вещь посерьёзнее… Ну ничего… и это тоже пройдёт. И не таких ещё на ноги поднимали, — с видом знатока заявлял Лесовичок.

Мисс Магда заходила, садилась у изголовья моей кровати и гладила меня по голове, как ребёнка, тихонько вздыхая.

Мне было стыдно, и я не желала ни с кем разговаривать. Никто меня не доставал разговорами о том, что я сделала.

Я всё равно не хотела жить. Мне хотелось уйти. Подальше от этого жестокого мира — туда, где я наконец-то обрету долгожданный покой. Словно что-то высосало из меня всю жизненную энергию. Я чувствовала, что впереди у меня будет ещё очень много страданий, к которым я была не готова. Но и сил на борьбу у меня тоже не было.

Бальдерика Рэя я не видела. Он ни разу не зашёл ко мне, хотя я знала, что он в городе. Однажды мне показалось, что его фигура промелькнула в коридоре из-за неприкрытой двери. Не знаю, испытывала ли я к нему чувство благодарности за то, что он вырвал меня из почти сомкнувшихся объятий смерти. Наверное,

нет. Скорее, раздражение оттого, что он вмешался в мою судьбу и решил за меня — жить мне или умереть. Хотя я выбрала второе. Если бы не он, то сейчас бы мне уже было так легко…

— Ты станешь ещё сильнее, чем была, — грустно сказал мне барон Беллингаузер. — Но теперь, что бы ни случилось, ты уже никогда не сможешь стать прежней…

Через неделю я решилась уйти домой.

Я долго смотрела на разбитое балконное окно и засохшее кровавое пятно на кафеле в ванной, разбросанные в беспорядке вещи. Я не могла понять, как всё это могло произойти со мной…

Вымыв пол одной рукой, я набрала номер диспетчерской.

— Алло, не могли бы вы попросить зайти ко мне кого-нибудь, вставить стёкла? Хулиганы разбили окно…

Кладя трубку, я увидела на журнальном столике фотографию, на которой я была вместе с Вадимом, когда мы летом катались на теплоходе по Москве-реке. Вытащив фото из рамки, я отправилась с ним на кухню и сожгла его на газовой плите.

— Всё, — сказала я, и болезненная тоска накатила на меня с новой силой. Нет… Ещё не всё… Не всё так просто…

* * *

«Кощей» взял мою здоровую руку и, растерянно заглядывая мне в глаза, участливо сказал:

— Ты так похудела, бедняжка, ну проходи, садись… Если захочешь поговорить, то, пожалуйста… после лекции в моём кабинете.

Я благодарно улыбнулась ему и кивнула, естественно не собираясь с ним ни о чём беседовать, тем более о своих личных проблемах. Но меня удивило и тронуло его участие. Я даже и не подозревала, что он способен проявлять к кому бы то ни было сострадание.

Хоть обитатели «Дубовой рощи» и постарались скрыть попытку моего суицида от людей, возможно они догадались обо всём сами. Мой жалкий, убитый вид говорил сам за себя. Я пропустила почти три недели занятий.

Я сидела одна в стороне от всех. Никто из ребят не подошёл ко мне и не спросил, как я; девчонки, хихикая, перешёптывались, поглядывая в мою сторону. Мне было больно, но я привыкла. Я слышала, как они громко обсуждали предстоящую свадьбу Вадима и Ларисы, ничуть не стесняясь меня. Моя мрачная фигура и мои проблемы абсолютно никого не интересовали, потому что я

не вписывалась в их радужные планы. Мне очень хотелось сделать что-нибудь нехорошее, расстроить их свадьбу. Им было хорошо, а мне плохо. От острого ощущения несправедливости и жалости к себе слёзы стали щипать мне глаза; я украдкой смахнула слезу и уколола ручкой палец, чтобы переключиться с душевной боли на физическую.

Профессор начал занятие.

Минут через десять я услышала, как скрипнула дверь аудитории.

«Кощей» с кем-то недолго спорил, затем пропустил его в кабинет. Я бросила взгляд на вошедшего и тут же негодующе отвернулась. Бальдерик Рэй с невозмутимым видом поднялся по ступеням наверх, гордо неся свою красивую голову, и сел рядом со мной. Я сделала вид, что не заметила его и с демонстративно повышенным интересом стала изучать исписанный каракулями стол. Надо думать, все взгляды устремились в нашу сторону, а особенно девушек — на моего соседа по парте.

— Привет, — произнёс он вполголоса, ласково.

Я молча кивнула, не глядя на него.

— Знаешь, мне пришлось солгать, что я твой брат. Ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть, сестрёнка! А ты? Рада мне? Или я должен заплакать от обиды? — попробовал он развеселить меня.

— Разве ты не должен сейчас быть в Париже? — как можно более безразличным тоном осведомилась я и всё же соблаговолила посмотреть на него, но тут же отвела взгляд, чтобы не попадать под гипнотизирующее воздействие его глаз.

— Некоторые обстоятельства вынудили меня вернуться досрочно… — ответил он, нахмурившись. — Но я подумал, может тебе поддержка нужна, потому и пришёл…

— Зря… — буркнула я, отворачиваясь и не смотря на него. — Мне ничего не нужно.

— Может быть, — он вздохнул и посмотрел в сторону моей группы. — Но я вижу очевидное: где они, и где ты.

— Чего ты добиваешься? — взвилась я. — Хочешь увидеть моё одиночество среди людей? Теперь, когда ты, наконец, увидел это собственными глазами… надеюсь, теперь ты доволен?

— Вообще-то я хотел взглянуть на него, — Бальдерик Рэй кивнул на Вадима. — Когда всё это закончится, у меня к нему будет небольшой разговор тет-а-тет. Это даже любопытно…

— Ты и про это тоже знаешь? — разозлившись, спросила я.

— Я знал об этом ещё год назад. Что всё будет примерно так. Хотя я и предположить не мог, что ты решишься на нечто подобное…

— Хм… Наверное, тебе должно быть приятно, — ядовито заметила я.

— Не смей так говорить! Думаешь, что это я… Нет. Я бы никогда не опустился до такой низости. Никогда! Слышишь?

— Ну что же ты знал — и ничего не сказал…

— Навряд ли ты бы стала слушать меня или кого-то другого. Кроме того, существовала очень высокая вероятность навредить тебе ещё больше. Но ты не думай, — ему это так просто с рук не сойдёт. Есть силы, от которых не отвертеться…

— Собираешься ему морду набить? — мрачно поинтересовалась я.

Его почему-то развеселил мой вопрос. Он поднял брови и усмехнулся.

— Правда? И как это мне сразу в голову не пришло? Хотя, может, именно так и стоит сделать? Ты бы этого хотела? Только скажи честно — хочешь этого?

— Нет, не хочу! — оборвала его я, со злостью посмотрев ему в глаза. — И пожалуйста, не вмешивайся! Зачем тебе вообще сюда лезть? Это абсолютно не твоё дело — и оно никоим образом тебя не касается!

Он пристально разглядывал моё лицо до тех пор, пока у меня не загорелись щёки и я снова не отвернулась.

— Чтобы ты ни говорила, но я сам решу, что моё дело, а что нет. Понятно тебе?

— Молодые люди, мы вам не мешаем? — спросил «Кощей», прокашлявшись, обращаясь непосредственно к нам.

— Ах! Простите, профессор, — обаятельно улыбаясь, извинился Бальдерик Рэй. — Я так давно не видел сестрёнку и страшно по ней соскучился… Мы больше не будем, обещаем.

— Будьте так добры.

Я промолчала, уставившись в парту. Не устраивать же сцену на глазах у всей группы.

Нет. Драки не было. Не было никакого скандала. После окончания лекции Бальдерик Рэй попросил меня подождать возле раздевалки, а сам уверенной походкой направился к Вадиму. Во мне всё кипело от бессильного гнева. Я не могла его остановить, и это бесило меня. А ещё больше меня возмущало то, что он влез без спроса в мои личные дела, и, в общем… мне стало нехорошо. Я видела, как Вадим обернулся на его оклик, и они отошли в сторону. Я осталась угрюмо наблюдать за ними, спрятавшись за стендами.

Кто-то неуверенно тронул меня за руку. Оглянувшись, я увидела Андрея Певунова. Он выглядел несколько

обеспокоенным.

— У тебя всё нормально? — спросил он, рассматривая бегающими глазками моё лицо.

— Относительно… — пространно ответила я.

— Если бы я знал, что ты… то не… — неловко начал он.

— У меня к тебе абсолютно нет никаких претензий, — сказала я, желая как можно быстрее оборвать ненужный и неприятный разговор.

— А этот… — он кивнул в сторону Бальдерика Рэя. — Он не из милиции?

— Почему ты так решил? — удивлённо посмотрела я на него.

— Да так… Просто…

— Нет, это мой двоюродный брат.

— Ясно. Ну и зачем ты ему разболтала, что это я продал тебе «дурь»?

— Я ничего никому не рассказывала! — возмутилась я.

— Значит, у нас завёлся стукач.

— А ты что, с ним разговаривал? Интересно о чём?

— Да, — со злой улыбкой сказал Певунов. — Поговорили немного. И выяснилось кое-что, что ставит под сомнение моё доверие к тебе.

— Если кто-то тебя и подставил, то это кто угодно, но только не я.

— Ладно. Будем считать, что верю, — кивнул он, заминая разговор. — Но на будущее, чтоб ты знала… Теперь ты у меня в чёрном списке. Потому что мне больше не нужны проблемы.

— О, кей. — согласилась я.

Я посмотрела на Вадима и Б.Р.

Они говорили, мне даже показалось, смеялись. Напоследок Бальдерик Рэй, весело улыбаясь, по-дружески хлопнул моего бывшего бойфренда по плечу. Он вообще всё время улыбался. И Вадим тоже. Со стороны всё выглядело довольно безобидно. Ничего особенного: обычная мирная беседа двух человек. Правда, в конце я увидела, что улыбка Вадима сползла с его лица и он стал бледным как смерть.

Глава вторая ГРУБАЯ СУБЛИМАЦИЯ

Наконец-то мне сняли этот дурацкий гипс — как он мне надоел! Я позвонила Ане, чтобы узнать, как у неё дела. Она устроилась работать секретарём в фирму, занимающуюся продажей каких-то БАДов, и предложила мне встретиться, поболтать, попросив меня зайти за ней в семь часов вечера, когда у неё заканчивался рабочий день.

Едва подойдя к Аниному офису, первое, что я услышала из открытой двери — отвратительный мужской голос, срывающийся на крик, выговаривающий кому-то свои претензии и недовольства его работой. Я остановилась за дверью и стала прислушиваться.

— Ты будешь лишена части зарплаты! — заявил визгливый голос.

— Опять? Но это же не я, а… — раздался дрожащий от обиды голосок Ани.

— Поговори мне ещё тут, идиотка!

Минуты через две я осторожно заглянула в офис. Обладатель противного голоса уже удалился.

Аня, вся красная, сидела за столом возле двери, украдкой утирая слёзы и шмыгая носом.

— В чём дело? — спросила я её.

— Да вот… Семейка тут у нас — собственников… Творят, что хотят… — всхлипнула Аня. — Жена хозяина снова накосячила, а я почему-то виновата… Она всегда всё сваливает на меня, и попробуй докажи, что это её ошибки. Никаких нервов уже не хватает, честное слово! Хоть на рынок возвращайся…

— М-да… Неприятная контора. И как только тебя сюда занесло…

— Ох, чёрт! — встрепенулась Аня, посмотрев за мою спину. — Сюда идёт эта стерва, его жена, сейчас она сожрёт меня окончательно…

— Держись! — я быстро пожала её холодную руку и снова спряталась за дверь.

— Значит, так! — услышала я надменный женский голос. — Ещё раз пропустишь сюда посторонних — вылетишь в два счёта! Поняла? У нас полно желающих работать, причём москвичек, и если тебя что-то не устраивает, ты всегда можешь отправиться обратно в свой Урюпинск — доить коров!

Мои руки сжались в кулаки. Не в силах больше слушать оскорбления моей подруги, я вышла из укрытия. Передо мной стояла высокая холёная женщина средних лет с причудливо уложенным шиньоном на голове, дорогим маникюром и

неестественно пухлыми губами. Она изучающе смерила меня высокомерным взглядом.

— Слушайте, мадам, — обратилась я к ней. — Что вы тут из себя строите, а? Хозяева жизни, тоже мне! Она что, ваша рабыня, чтобы так с ней обращаться?

— Вы это мне? — удивилась женщина, смотря на меня как на насекомое.

— Нет, сама с собой разговариваю! — усмехнулась я.

— Что вы себе позволяете?!

— То же, что и вы. Или вы думаете, только вам позволено хамить?

— Кто вы такая?

— Отпугнутый вами клиент! Хотела воспользоваться вашими услугами, но услышав, как вы разговариваете с персоналом, сразу же передумала. Мало того, что народ дурите своими псевдолекарствами, так ещё и над людьми издеваетесь!

Офисные работники, сидящие за столами, оторвались от своих телефонов и компьютеров, с интересом прислушиваясь к нашей перепалке.

— Что такое? Кто эта наглая девица? — недовольно спросил вновь подошедший директор.

— Я её подруга, — ответила я. — А вы сейчас оба извинитесь перед этой девушкой за своё омерзительное поведение и за все оскорбления, что вы ей наговорили, или на собственной шкуре узнаете, что такое настоящее унижение!

— Что? Я должна извиняться перед этой одноклеточной? — презрительно усмехнулась хозяйка. — Ты в своём уме?

— Я сейчас позову охрану! — пригрозил её супруг.

— Ладно, как хотите. Я дала вам шанс, но, похоже, вы решили им не воспользоваться…

Я опустила на глаза очки и в одно мгновение увидела все внутренние проблемы в их организмах. Придётся-таки сделать гадость… поморщилась я про себя.

Первой не выдержала жена директора, и её вывернуло прямо на глазах у сотрудников. Тут же сработал кишечник у её мужа: содержимое его желудка изверглось на пол. В офисе запахло рвотой, раздались возмущённые возгласы, задвигались стулья: работники зажимали носы и спешно покидали помещение.

— Фи… Ну разве можно столько есть? — брезгливо заметила я. — Вам нужно как следует прочистить кишки.

Они не могли ответить: их безудержно тошнило.

— Ну что? Не передумали? — спросила я. Директор согласно закивал головой, держась за живот.

— Пожалуйста… прости… — с трудом выдавил он из себя,

посмотрев на Аню: непрекращающиеся спазмы желудка мешали ему говорить.

— Извини… — прошептала вслед за ним, бледная как смерть, его супруга; от сильной боли в животе и неудержимой рвоты у неё на глазах выступили слёзы, косметика размазалась по лицу, несколько локонов выбились из растрёпанного шиньона и повисли, как пакля.

— С тебя этого хватит? — повернулась я к Анне, но та застыла в ужасе, глядя на это отвратительное представление.

— Господи! Пойдём скорей отсюда! — словно очнувшись, она торопливо схватила свою сумку и пальто и потянула меня за руку прочь.

— Боже! Что это было? — ошарашено спросила она, когда мы шли к выходу по коридору.

— Обычное несварение желудка. Ерунда… Меньше надо кушать в ресторанах сомнительные экзотические блюда, проедая зарплату своих подчинённых.

— Теперь я могу забыть о том, что у меня была работа… Чёрт! Я с таким трудом на неё устроилась…. - едва не плача, пробормотала Аня. Я почувствовала себя виноватой, запоздало подумав, что, очевидно, оказала ей медвежью услугу.

— Знаешь, Ань. Ты, главное, не расстраивайся, — попробовала утешить её я. — Ведь ты и сама понимаешь, что тебе здесь совсем не место. Давай вместе попробуем поискать для тебя что-то другое. Более подходящее. А пока поживёшь у меня. Мы с Вадимом… в общем, мы расстались. Он оказался совсем не тем человеком, которым казался вначале. Надо забрать твоего малыша.

— Ну что мне ещё остаётся… — сквозь слёзы улыбнулась она. — Ты ведь уже всё решила за меня.

Слава Богу, что она не такая гордая, как я…

Мы сидели с Анютой на кухне, пили кофе по-турецки и трепались о том о сём. Ванька уплетал кашу, болтая босыми ногами под столом. Щёчки у него порозовели, и в глазах исчезло затравленное выражение.

— Классный у тебя пацан получился, — похвалила я Аньку.

— Да… Жаль, что у папаши его только это классно и получается — типа, пацанов делать. Ещё где-то двое таких гуляют, и есть две такие же дуры, как я. А может, и больше, не знаю…

Я рассказала ей про Вадима, его предательство, трусость и подлость, и даже про мою неудачную попытку самоубийства, — естественно опустив некоторые невероятные детали моего

спасения.

— Значит, всё правда, что про тебя в Велиже говорили… — сказала Аня, выслушав мой рассказ.

— Они сами не знают, что говорили… — произнесла я, разглядывая в чашке разводы кофейной гущи.

— Знаешь, а я вот думаю, они ошибались на твой счёт. На самом деле ты совсем не такая, и сердце у тебя доброе. Просто ты другая. Не для этого мира. А у людей — злые языки. Один дурак ляпнул, другие подхватили — и понеслось.

— Я не могу судить об этом. Иногда я сама себе кажусь злой, иногда мне хочется осчастливить весь мир… Раздвоение личности, наверное…

— Да ладно… А из-за мужиков травиться — последнее дело. Сегодня — один, завтра — другой. Не расстраивайся. Твоё тебя дождётся.

— Ну… — усмехнулась я. — Возможно, не у всех такой подход к… мужикам, но где-то ты права. Не все мужики заслуживают того, чтобы из-за них травились. Да и не из-за него это вовсе, а так… всё как-то навалилось сразу. Я вот лично больше никогда не буду влюбляться. От мужчин одно зло. Любовь зла…

— Это да… но, согласись, они нам жизненно необходимы. Хотя бы ради этого… — она погладила по белокурой головке своего сына.

— Угу… — криво усмехнулась я.

— Значит, Анна Михайловна умерла. Жаль. Бедняжка… Хорошая была женщина.

— Да… А вышло так, что вместо того, чтобы поехать на её похороны, я решила устроить заодно ещё одни — свои…

— Вот такая она жизнь… Слушай, что мы всё о грустном? Может, сейчас своего троглодита спать уложу, а мы с тобой… того… по маленькой? У меня припрятано.

Я скептически улыбнулась, но кивнула:

— А давай. За новую жизнь…

* * *

Зачем он ходит за мной словно тень? Неужели он думает, что я не замечаю его преследований? Как он скользит, смешиваясь с толпой; его машину — припаркованную то здесь, то там за углом. Бальдерик Рэй неотступно следовал за мной, куда бы я ни направлялась, но… на расстоянии. Не приближаясь ко мне.

Всё бесполезно… Моё настроение портилось день ото дня всё

больше. Попытки хоть как-то отвлечься ни к чему не приводили.

Я попросила Мисс Магду предоставить мне тайм-аут на неделю-две для решения своих психологических проблем.

— Я тебя понимаю, — сказала она. — Без вопросов. Отдохни как следует. Ты должна переболеть. Со временем всё встанет на свои места, и тогда возвращайся, двери нашего дома всегда открыты для тебя.

Как оказалось, я ещё не до конца исследовала все свои возможности. Но вот сегодня, например, узнала о себе кое-что ещё. Точнее, во мне, как всегда спонтанно, проснулась новая аномалия: я увидела и услышала через стену то, что люди предпочли бы скрыть от посторонних глаз и ушей, а это значит, что я могла не только видеть на расстоянии и сквозь преграды, но и, при желании, СЛЫШАТЬ.

Вечером я зашла в банк, чтобы оплатить счёт за коммунальные услуги, и, ожидая своей очереди к оператору, неожиданно испытала странное чувство: будто что-то или кто-то настойчиво пыталось привлечь моё внимание. Прислушавшись к своим ощущениям, я поняла, что меня влечёт к одному месту в здании банка, а именно к левому углу, где стояли кресла для посетителей. Это нечто исходило от стены напротив. Оно было желтовато-серого оттенка и проникало из какого-то другого помещения, находящегося за этой стеной. Когда-то давно, ещё живя в Велиже, я узнала, что человеческий страх имеет жёлтый цвет. Но оттенок, который я видела сейчас, принадлежал смеси страха с ненавистью. Я села в кресло и сделала вид, что поглощена игрой на мобильном телефоне, а сама, включив своё «второе зрение», мысленным усилием велела себе проникнуть взглядом сквозь бетонную преграду, что у меня неожиданно легко получилось. Я увидела то, что происходит в этом помещении за стеной, как если бы сама находилась в нём. В кабинете было трое человек. На стуле по центру комнаты сидела бедно одетая женщина болезненного вида с растерянным выражением лица; за столом возле окна — усталый мужчина лет 30, видимо сотрудник банка; на краю второго стола расположился какой-то неприятный тип, отталкивающая внешность которого выдавала в нём профессионального «выбивателя долгов», не имеющего ни совести, ни сострадания. Угрожающим тоном он внушал даме, чтобы та отдала взятый ею кредит с процентами. Она переводила затравленный взгляд с одного мужчины на другого. Но для них её беда абсолютно ничего не значила.

— Итак, или вы отдаёте долг в течение недели, или можете попрощаться со своей квартирой, — заявил тип с мерзкой

физиономией.

— Где я возьму столько денег? — заплакала женщина. Сотрудник банка нервно кашлянул в кулак, но промолчал.

— Это никого не касается, — холодно заметил коллектор.

— Я брала только двадцать тысяч, почему же теперь я должна отдать девяносто? Я уже и так заплатила вдвое больше…

— Думать надо было раньше, дамочка, — злорадно ответил хмырь, утирая платком пот со своей бычьей шеи. — И погашать задолженности вовремя.

— Ну что же мне делать, если у меня нет этих денег? У меня очень трудное положение. Я одна воспитываю двоих детей…

— Это ваши проблемы. Продайте свою почку, в конце концов. Чёрт, да что у вас творится с отоплением? Кровь уже закипает! — недовольно обратился он к мужчине у окна.

— Сами мучаемся, завтра обещали исправить, — пожал плечами тот, избегая смотреть на женщину.

— Кстати, о детях… — продолжил коллектор запугивать должницу. — А вы не боитесь, что с ними может что-нибудь случиться: например, их собьёт машина, или другой несчастный случай — мало ли их бывает? Неужели вам на них совсем наплевать?

— Ну хотя бы ещё месяц вы можете подождать?! — в ужасе прорыдала женщина.

— Неделя — и ни днём больше, — категорично отрезал мерзавец.

Этот человек вызвал у меня сильное отвращение и нестерпимое желание его как следует проучить.

Я посмотрела на часы: было без четверти семь. Терпеливо просидев в кресле сорок минут, я дождалась, когда коллектор выйдет из кабинета, и проследовала за ним к выходу. На улице «пикнула», отключаясь, сигнализация его «BMW», стоящего на парковке банка. В моей голове тут же созрел коварный план.

Я медленно прошла около его машины, и когда коллектор уже садился в неё, ненадолго остановилась перед ней, будто бы для того, чтобы посмотреть что-то в телефоне. Этого времени мне хватило, чтобы осуществить задуманное. Мне не составило труда проникнуть взглядом под капот во «внутренности» автомобиля, и вывести там из строя кое-что, как мне показалось, связанное с системой зажигания.

Коллектор попытался завести машину. Щёлкнул стартер. Двигатель закряхтел, но не запустился. Так повторилось ещё много раз, а затем, похоже, у автомобиля сел генератор, и кроме «щёлканья» у него больше ничего не получалось. Негодяй, должно быть, был вне себя от бешенства.

Я ликовала про себя и дала волю своему злорадству. Теперь-то я знаю, что мне нужно. Я возьмусь за старое. Буду щедро мстить подонкам направо и налево. И они никогда не узнают, что это сделала я. Как тогда, в Велиже. Это то, что наконец заполнит мою невыносимую пустоту.

— Ты омерзительная крыса — и гореть тебе в аду! — сквозь зубы процедила я.

Я захохотала. И вдруг смех мой оборвался.

Внезапно я почувствовала на себе взгляд и обернулась. Высокая фигура в чёрном пальто отделилась от дерева: Бальдерик Рэй вышел из-за тополя, за которым прятался, и подошёл ко мне. Выражение лица у него было строгое и озабоченное.

Я презрительно усмехнулась и отвернулась.

— Ну и что ты по кустам прячешься, как мальчишка. Тебе это не к лицу… — сказала я насмешливым тоном, не смотря на него.

— Ты… в порядке? — спросил он, не обращая внимания на мою колкость.

— В полном… А ты?

— И я… А он? — он кивнул на красного, как рак, коллектора, который копался под капотом своей машины.

— Хм… — хмыкнула я. — Ну это, скажем так, его проблемы. В конце концов, он моральный урод, ничтожная личность! Пусть помучается так же, как мучает других!

— Тебе не кажется, что ты переходишь всякие границы? Ты расстроила его машину, выкрутила разные штучки, и ты даже не подумала о том, что, не разбираясь в механике, могла повредить что-то важное. Короткое замыкание, пожар, взрыв — пострадают ни в чём не повинные люди, которые просто мимо проходили!

Я промолчала.

— Смотри на меня, пожалуйста! Я, кажется, с тобой разговариваю, а не с деревом!

Он взял меня за плечи и, как следует встряхнув, заставил смотреть на него.

— Да что тебе от меня надо? — раздражённо оттолкнула его я.

— Не заводись…

Я поняла, что он прав, но постаралась не показывать вида.

— Ну хорошо… Ладно… В следующий раз я буду более осмотрительна. Надо было сделать его импотентом — вот это было бы здорово!

— Что ты вытворяешь? Ты только посмотри на себя, — строгим голосом продолжал он отчитывать меня словно девчонку. — Ненависть разъедает тебя изнутри. Так нельзя…

— А как можно? У меня что, есть другой выбор?

— Как ни странно, но есть.

— Если бы он был, то я была бы другой.

— Послушай. Ты уже сделала свой выбор, когда согласилась играть на стороне Светлых. А сейчас ты не по той дорожке пытаешься идти. Боюсь, что ты наделаешь много глупостей, поэтому…

— Не смей мне указывать, не смей меня учить, и вообще, если даже ты и спас мою поганую жизнь — это ещё не даёт тебе никакого права на что-либо подобное! Единственное, чего я хочу, это чтобы все оставили меня в покое! Ясно тебе? И прекрати за мной шпионить, иначе… иначе я за себя не ручаюсь!

Я заметила, что на мои истерические выкрики оборачиваются прохожие.

Бальдерик Рэй обжёг меня нечеловеческим взглядом и, резко повернувшись, пошёл прочь.

«Так-то лучше», — сказала я про себя. Но в душе появился осадок, словно изжога в желудке от тяжёлой пищи.

Я купила бутылку коньяка в ближайшем магазине, отъехала подальше и, спустившись под мост, выпила почти половину её без закуски. О боже… Надо было хоть шоколадку купить… Неожиданно я вспомнила, как в прошлом году ночевала под мостом, и усмехнулась. Небо закачалось над головой, и звёзды закружились. На время чувство тяжести ушло. Отпустило…

— Сестра, всего один глоток, один только маленький глоточек… — я увидела рядом с собой сморщенное лицо старика и его протянутую трясущуюся руку.

В другое время я бы прониклась к нему жалостью и попыталась изгнать из него «сухого червя», но сейчас, утратив эту возможность, я просто молча отдала ему остатки коньяка и с отвращением наблюдала, как старик, жадно припав к бутылке губами, утоляет «сухой огонь», снедавший его.

Я вернулась в машину, повернула ключ, но, посидев так немного с заведённым мотором, включила остатки разума. Выключив зажигание, я пересела на заднее сидение, не в силах бороться с накатывавшей дремотой. В голове взорвался сноп искр — и я провалилась в темноту.

Проснулась я только через несколько часов от того, что мои зубы стучали от холода. Я с удивлением потрогала окна, покрытые инеем, и увидела гаснущие на небе звёзды.

Утренний рассвет осветил местность передо мной: красно-жёлтые наряды деревьев и золотые купола церкви… «Господи! Вот, что мне нужно! Здесь моё спасение», — подумала я, включая зажигание и сразу печку. Брр… Как же холодно! Доехав до дома, я обнаружила, что лифт не работает, и с трудом поплелась

пешком на третий этаж, спотыкаясь о ступени. Мне стало плохо. Едва войдя в квартиру, я тут же побежала в туалет. Меня вывернуло наизнанку. Потом я упала на кровать прямо в одежде и забылась сном без сновидений.

* * *

— Покрой голову, девочка, — сказала мне немолодая женщина, когда я перешагнула порог церкви — той самой, которую случайно увидела с холма на рассвете.

Я накинула на голову шарфик и прошла внутрь. Вечерняя служба закончилась, и в это время в храме уже почти никого не было, кроме священника, произносившего последние слова молитвы возле алтаря, а также одной служительницы, протиравшей иконы и подливавшей масло в лампадки.

— Ты что-то хотела, дочь моя? — обратил на меня внимание священник, закончив свою молитву. Он был достаточно молод — не более 35 лет на вид, и я не нашла в выражении его лица ничего отталкивающего: никакого осуждения, скуки или усталости от необходимости вновь выслушивать чужие проблемы. Подобный взгляд бывает у людей добросердечных и адекватных, не склонных к мракобесию. Я решила, что не ошиблась, зайдя именно в эту церковь.

— Нет… То есть… да. Не знаю, правильно ли я поступаю, но мне нужно поговорить с вами, — я волновалась, пытаясь подобрать нужные слова.

— Я внимательно слушаю тебя, — в глазах священника было только участие и искреннее желание узнать о том, что меня волнует.

— Только пообещайте сохранить в тайне то, что я вам расскажу.

— Тайна исповеди. Ты ведь хочешь исповедоваться?

— Даже не знаю, так ли это называется, но, возможно, я, скорее, хочу что-то понять для себя или же получить оценку со стороны кого-то вроде вас. В любом случае этот разговор не предназначен для посторонних ушей, — я покосилась на женщину.

— Валентина, пожалуйста, — попросил он уборщицу. Та, молча взяв тазик с водой, перешла в соседнее помещение.

— Ну вот, теперь мы одни. Можешь рассказать, что у тебя на душе.

— Понимаете, мне кажется… Точнее, я уверена, что во мне есть что-то нехорошее…

— Все люди грешны, — заметил он.

— Да, конечно… но я не совсем об этом… Дело в том, что внутри меня живёт что-то потустороннее, сверхъестественное, — некоторые называют это даром, но мне оно кажется настоящим проклятьем. Словно я не принадлежу себе полностью…

— Почему ты так решила? — скептически, как мне показалось, спросил он.

— У меня есть основания так думать; и после того, что я вам расскажу, мне хотелось бы знать: существует ли возможность сделать что-нибудь, что освободит меня от моего аномального состояния.

— Пока ещё не знаю, о чём идёт речь, и поэтому не могу что-то обещать. Для начала я должен узнать, что именно тяготит тебя.

Я собралась с мыслями и рассказала ему всю свою историю, начиная с детства и кончая недавними неприятными происшествиями. Правда, я ничего не сказала ни о Центре Магии, ни о существовании в городе кланов Тёмных и Светлых и об их тайной жизни среди людей.

Священник молча слушал меня, не перебивая, и, когда я закончила, осторожно спросил:

— Скажи, дочь моя, а ты точно уверена, что не сама напридумывала себе всё это?

— Вы считаете меня сумасшедшей?

— Нет-нет! Ни в коем случае! Просто некоторые молодые люди, а особенно девушки, иногда фантазируют: тому могут быть разные причины, например — несчастная любовь.

— Если бы это было так… Но всё, что я говорю, — действительно чистая правда. Я даже могу вам представить доказательства, если хотите. И чтобы вы поняли, что я более чем адекватна…

Я поискала глазами вокруг себя — и мой взгляд остановился на Валентине, приводившей в порядок церковный инвентарь в соседнем зале.

— Вот смотрите. Сейчас эта женщина по моему желанию разольёт воду.

Она не успела пройти и трёх шагов, как наткнулась на таз с водой, стоявший на табурете, выронив на пол свечи, которые держала в руках.

Священник, нахмурившись, молча смотрел, как та собирает рассыпанные свечи, а я тем временем «сканировала» его организм. Как ни странно, стены церкви не являлись препятствием к совершению данных моих действий.

— А ещё у вас сейчас начнёт чесаться левая ладонь.

Он схватился за руку и, с удивлением глядя на меня, почесал её.

— Это к деньгам, — улыбнулась я. Меня всё ещё забавляла эта невинная шалость. — Мне нужен какой-нибудь больной человек или животное, — сказала я священнику.

— Что? — испугавшись, спросил он.

— Ладно, не надо. Скажу про то, что есть. Вот у вас, например, есть недуг, который является следствием давней травмы. Скорее всего, он мучает вас с детства. В крестце и поясничном отделе вашего позвоночника сидит опухоль, — без операции она растёт и постепенно захватывает костную ткань; не хочу пугать, но есть серьёзная опасность перерождения её в саркому.

— Как…

— Я вижу её и могу убрать. Всего лишь за одну минуту. Верите? Для меня это так же просто, как для вас прочитать молитву.

— Ты рассказала, что умеешь исцелять…

— Так вы согласны? — нетерпеливо спросила я.

— Согласен, — неожиданно быстро согласился он.

— Вот и всё. Больше она вас беспокоить не будет, — пообещала я священнику, избавив его от долго мучающей многолетней проблемы. У меня на это ушло не более тридцати секунд.

Он недоверчиво посмотрел на меня, сел на стул, потом встал и снова сел, прислушиваясь к своим ощущениям.

— Неужели, правда не болит? — потрясённо спросил он.

— А вы что чувствуете? — улыбнулась я.

— Абсолютно ничего, — сказал он. — И именно это-то и удивляет…

— Ну вот, собственно, о чём я вам… Можете обратиться к врачу и убедиться в том, что опухоли больше нет.

— Я никогда ещё не сталкивался с людьми, подобными тебе. Церковь не признаёт экстрасенсов, причисляя их к противникам Божьей Веры, хотя до сегодняшнего дня лично я всегда придерживался убеждения, что по большей части вся современная плеяда магов и целителей представлена обычными шарлатанами, ну и, за малым исключением, не совсем психически здоровыми людьми.

— А что вы думаете по поводу меня?

— После того, что я услышал и увидел, и даже испытал… Я пока затрудняюсь дать точное определение этому явлению.

— Я не думаю, что я экстрасенс, — сказала я. — Но я

вынуждена напомнить вам о том, что вы обещали сохранить в тайне моё обращение к вам.

— Конечно, я ведь дал тебе слово… Но если ты можешь делать добро и исцелять болезни, то почему ты считаешь, что твой дар происходит именно от дьявола?

— А разве каждый человек не должен сам нести свой крест? Ведь так учит церковь? То, что я делаю, не является вмешательством в чужую судьбу?

— И это тоже верно говоришь… Но всё равно… Это так удивительно… Как я понял из твоего рассказа, точно так же как исцелять, ты можешь и разрушать?

— Да… Именно так. В этом и заключается основная тяжесть моего бытия. Это какое-то проклятье… Никогда не позволять себе расслабиться, распуститься, дать волю своим чувствам, чтобы не причинить вред окружающим. В самом начале, когда всё это только проявилось во мне, я так радовалась, считала себя исключительной, особенной, что ли… Но сейчас я чувствую, что слишком устала от каждодневной борьбы с собой. Мой дар несёт в себе очень много сложностей, о которых я не задумывалась раньше. Это становится непосильной ношей для меня…

— Что-то мне подсказывает… Точнее, я даже почти уверен, что на самом деле ты хорошая. Если в тебе и есть бесы, то… это, должно быть, какие-то странные бесы… Я действительно чувствую, что ты очень добрый, чуткий и светлый человек. Ты родилась для того, чтобы сделать что-то важное. Такое ощущение, что твои демоны — это орудие Бога, но это я так… говорю то, что думаю… просто мысли вслух…

Не скрою, мне было приятно услышать такие слова.

— Возможно, вы так говорите только потому, что я избавила вас от болезни, — улыбнулась я. — Знаете… мне довелось общаться только с одним священником в своём родном городе Велиже. Но вы совсем другой. Вы мыслите по-другому… А меня изгнали из моего города. Они считали, что я ведьма и приношу одни несчастья…

— Я пока стараюсь только слушать и не делать никаких скоротечных выводов, — заметил он.

— Так вы согласны помочь мне? Избавить меня от моих способностей, чтобы я стала обычным человеком.

На его лице отразилось некоторое замешательство.

— Скажи, а почему ты решила обратиться именно ко мне?

— Даже и не знаю. Просто зашла в первую попавшуюся церковь, и вы оказались здесь. Я почувствовала к вам расположение и доверие — только и всего.

— Ты ждёшь от меня какого-то совета, или что?

— Нет. Если это в ваших силах, то сделайте что-нибудь, чтобы освободить меня от сверхъестественного во мне; может, существуют какие-то специальные ритуалы по изгнанию бесов или что-то в этом роде…

— Дело в том, что православная церковь не практикует обрядов экзорцизма. Вполне возможно, что у католиков и староверов ещё сохранились какие-то методики, но я ими не располагаю.

— Что же мне делать? Ну хорошо, если вы сами не хотите браться за это, то, может, вы мне посоветуете, к кому обратиться?

— Не отчаивайся. Мне нужно некоторое время, чтобы подумать над твоим случаем, — возможно, придётся посоветоваться кое с кем. Ты можешь оставить мне свой номер телефона, чтобы, если вдруг что-то прояснится, я мог связаться с тобой? Скорее всего, это произойдёт в ближайшее время.

Я считала, что он взял мой телефон только для того, чтобы отделаться от меня, но вечером следующего дня на мобильном раздался звонок.

— Майя, это отец Валерий. Скажите, вы всё ещё хотите избавиться от того, что вас угнетает? От вашего дара. Не передумали?

— Да. Я хочу.

— Тогда приезжайте в церковь завтра, после утренней службы, — надо кое-что обсудить, обговорить все детали. Мне по своим каналам удалось выйти на одного человека, который владеет кое-какой засекреченной информацией в данной области, и, хотя это и противоречит регламенту, он согласился проинструктировать меня. Правда, неизвестно, насколько это подействует на вас. Обряд несёт в себе некоторые осложнения и небезопасен.

Глава третья ПРОДЕЛКИ ТЁМНЫХ. СПАСЕНИЕ СВЯЩЕННИКА ВАЛЕРИЯ

Я вышла из церкви, выпал мягкий ноябрьский снег. Я подумала, что это должен быть хороший знак. Мы договорились с отцом Валерием, что во вторник он проведёт обряд моего крещения, а в субботу ночью он вместе со своим помощником попробует избавить меня от моего аномального состояния.

Бальдерик Рэй стоял на ступенях, прислонившись спиной к колонне, снег блестел в его волосах.

— Ну и как тебе запах ладана? Не мутит? — улыбаясь, с какой-то издевкой в голосе спросил он.

Проходя мимо него, я попыталась улыбнуться, но, видимо, вместо улыбки получилась вымученная гримаса.

— Представь себе, нет…

Он кивнул.

— Если тебе от этого будет легче, то можно и в церковь, — сказал он, спускаясь вслед за мной по лестнице. — По крайней мере, это всё-таки лучше, чем играть с чужими жизнями.

— Точно. Я уже договорилась со священником, скоро он проведёт обряд моего развоплощения от магических образов, — зачем-то сообщила я ему цели и подробности моего посещения храма. — И тогда я наконец-то смогу зажить спокойно. Да и, кстати, по поводу разоблачения и каких-то там законов, по которым я не должна разглашать секретов… Можешь не волноваться, я ничего такого не сказала — ни про «Дубовую рощу», ни про вас. Кроме того, священники не нарушают тайну исповеди…

Он внимательно рассматривал моё лицо, потом усмехнулся.

— Ты глубоко заблуждаешься по поводу бесов и прочей чертовщины в тебе, но, кажется, я догадываюсь о причине твоих страданий, и она более чем материальна. И потом, ты разве не думаешь, что забрать что-то — может только тот, кто это дал? Я имею в виду твои способности.

— Я уже всё для себя решила, — твёрдо сказала я, стараясь не смотреть в его глаза. — Я хочу избавиться от своего проклятого дара. Он приносит мне только одни несчастья, и другим тоже, как выяснилось. Я просто хочу жить нормальной жизнью, как все обычные люди, и больше ничего.

— Пытаться переубедить тебя бесполезно?

— Абсолютно.

— Посмотрим, что у тебя из этого получится.

* * *

Я ничего не ела с утра, как и положено готовящимся принять крещение, и пришла в церковь к назначенному времени. Я не заметила за собой никакой слежки. Бальдерика Рэя нигде поблизости видно не было. Может, ему надоело таскаться за мной по всему городу и он, наконец, отцепился от меня?

— Ох, горе-то какое! — запричитали с порога помощницы священника. — Отец Валерий… Он исчез. Уже второй день не могут найти его.

Неприятный холодок пробежал по моему позвоночнику.

— Как исчез… Может, он куда-то уехал? — предположила я.

— Нет, он постоянно живёт при храме, и предупредил бы нас; да и все его вещи на месте. Телефон сотовый лежит в комнате…

— А в милицию заявляли?

— Нет ещё… Думали, может, само всё образуется, решили подождать немного…

— Ясно. А когда вы в последний раз видели его?

— Вчера утром, а потом он больше не появлялся…

— А перед тем, как он пропал, ничего необычного не происходило?

— Да вроде нет. Хотя…

— Приходили тут две позавчера после вечерней молитвы, — вмешалась в разговор вторая женщина. — Мы уже закрываться хотели, а они — настырные такие — зашли с непокрытыми головами, ну и с батюшкой им, мол, надо поговорить. Мы-то ни в какую, и даже прогнать хотели, но отец Валерий вмешался и принял их.

— Погодите-ка… Здесь были какие-то женщины? Как они выглядели?

— Блондинка и черноволосая. А какие же у чёрненькой глазищи-то — просто ужас! Такие наглые, зелёные — прям ведьма ведьмой!

— И чего они хотели? — упавшим голосом спросила я.

— А кто ж их знает. Вели себя очень развязно. Платки не надели. Были в брюках. Тьфу, стыдобища! Он пошёл с ними в своей комнате разговаривать; долго они беседовали, а когда вышел, лица на нём не было. Пробовали его расспросить, да он замкнулся, сославшись на то, что неважно себя чувствует.

— Ясно…

«Ну, погодите же у меня!» — не на шутку разозлилась я.

Выходя за церковные ворота, я заметила на земле между кустами что-то поблёскивающее, а именно — большой нательный крест на цепочке. Я сразу вспомнила, что видела его на груди

отца Валерия. Не знаю зачем, я подняла крест и положила его в карман.

Оставив машину возле церкви, я поехала к Тёмным на метро: в это время на Садовом всегда были жуткие пробки. Через сорок минут я уже подходила к подъезду дома на улице Фадеева, но неожиданно встретила препятствие, от которого, как я полагала, уже избавилась.

— Куда собралась? — раздался позади резкий оклик, заставивший меня вздрогнуть. Я закрыла глаза. Чёрт! Откуда он здесь взялся?

— Опять ты… — раздражённо произнесла я. — Да что же это такое! Я-то думала, ты отстал от меня. Сколько ещё это будет продолжаться?

— Даже не надейся, — отрезал Бальдерик Рэй, подходя ко мне. — Итак, какова цель твоего приезда сюда?

Я промолчала, думая, как от него отвязаться.

— Отвечай, — потребовал он.

— Я здесь для того, чтобы выяснить кое-что. Тебя это совершенно не касается.

— Что именно выяснить? Ты ещё недостаточно получила проблем на свою голову?

Неожиданно я почувствовала слабость и сникла. Что у меня есть, кроме моих голых эмоций? Я одна, и никто мне не помогает. Справлюсь ли я с этой проблемой в одиночку? Я действительно смогу это сделать?

— Отца Валерия украли… — ответила я.

Его брови удивлённо взметнулись вверх.

— Что значит — украли?

— Кира и Лаура… Позавчера они заходили в церковь, а вчера отец Валерий исчез, и никто не знает, где он. Думаю, это они. Не знаю, для чего он им понадобился, но я уверена, что эти мерзавки нарочно оставили следы, чтобы я поняла, откуда ветер дует…

— Скажи, и о чём ты только думаешь? — с тяжёлым вздохом спросил Бальдерик Рэй. — Ты совершенно не представляешь, с кем собираешься связаться. Они ведь размажут тебя по стенке.

— Это мы ещё посмотрим, кто там кого размажет! — с вызовом сказала я, хоть и понимала, что с моей стороны это чистой воды бравада.

— Не будь такой самонадеянной, — нахмурился он. — Я-то знаю, о чём говорю, а ты просто глупая девчонка.

— Ладно. Кажется, ты уже всё сказал, что хотел, а теперь дай пройти. Мне совершенно некогда тут с тобой препираться! — рассердилась я, сделав движение, чтобы обойти его, но он загородил мне дорогу.

— Мы поднимемся к ним вместе. О, кей? — тоном, не терпящим возражений, заявил Бальдерик Рэй. Я лишь нехотя пожала плечами.

Дверь нам открыла Кира. Посмотрев по очереди на Б.Р. и на меня, изобразила кривую улыбку.

— Привет, — сказала она, с громким хрустом откусив от яблока, которое держала в руке, выражая нам этим своё презрение. И уже менее дружелюбно поинтересовалась: — Что вам угодно?

Бальдерик Рэй сбросил её руку с притолоки двери и вошёл в квартиру. Она пошла за ним по пятам, не спуская с него глаз, похожая на подозрительную лисицу.

— Нам нужна Лаура, но чувствую — её здесь нет. Где она? — спросил он у Киры, резко повернувшись к ней лицом, — та отшатнулась назад от неожиданности.

— Вы её не найдёте так скоро, — насмешливо сказала Кира. — Она бегает по лесам и полям — вольная волчица, сама себе хозяйка, — и никто не обязан отчитываться перед такими ничтожествами, как вы.

— Похищение батюшки — ваших рук дело? — продолжал наступать на неё Б.Р. — Я знаю, что это так. Отвечай, где он, и в каком состоянии?

Она фыркнула.

— А что мне за это будет, зая?

— Нуу… скажем, я могу превратить тебя в курицу, которая будет беспрерывно нести золотые яйца. Или, может, лучше сразу отнять твой разум?

— Нет, не сможешь, — усмехнулась она. — Ты ведь Светлый, тебе нельзя, а вот детка… — она кивнула в мою сторону, — наш человек. Махнёмся, не глядя? — она подмигнула мне. — Её на священника? Идёт?

— Сделки не будет…

— Я подумаю… — услышала я свой замогильный голос будто бы со стороны.

— Замолчи! Тебя никто не спрашивал! — грубо оборвал меня Бальдерик Рэй, наградив убийственным взглядом. — Итак… — снова повернулся он к ней. Я молча психовала.

— Лаура никогда ничего не делает своими руками, — сказала Кира, меняя ехидную улыбку на злобную. — Всё больше — чужими. Но поскольку я с вами тут излишне разболталась, и за что всенепременно получу по шее… Знайте… Священник — это так… разминка. Всё самое интересное — ещё впереди.

— Я понял тебя. Пошли!

Б.Р. подтолкнул меня к выходу. Кира противно захихикала.

— С тобой и Лаурой я ещё разберусь, но чуть позже, — пообещал он ей.

— Ах! Кто бы говорил! — презрительно захохотала она. — Если бы вы ещё исполняли свои угрозы, а то только так… пустословие одно. Ля-ля тополя…

— Как? Мы уходим? Но мы же ничего не узнали, — заупрямилась я.

— Делай, что я говорю. Прошу тебя… — тихо сказал мне на ухо Бальдерик Рэй и, тут же схватив меня под руку, довольно бесцеремонно потащил к двери.

— Запомни одну восточную мудрость, — начал снова поучать он меня, когда мы спускались на лифте. — Заставь противника поверить в то, что ты побеждён и, когда он меньше всего этого ожидает, нанеси последний решающий удар.

Я вырвала у него свою руку, раздражённая безуспешностью нашего визита к врагам.

— Но как мы найдём его, если не знаем, где он? — едва не плача, спросила я.

— Предоставь это профессионалам, — важно заявил он, улыбаясь.

— Я вообще ничего не понимаю! — с досадой произнесла я.

— Знаешь что, — он на секунду задумался. — Вернись-ка ты лучше сейчас в церковь и попроси у служек какие-нибудь его вещи. Например, шапку или пальто. У меня есть кое-какое срочное дело. Надо съездить, поговорить с одним человеком. А ты, как добудешь вещь, приезжай в «рощу».

— Ты что, собираешься использовать собаку-ищейку? — с сарказмом поинтересовалась я.

— Увидишь, — усмехнулся он.

— С этим можно что-то сделать? — я вытащила из кармана и протянула ему крест на цепочке.

— Это принадлежало священнику? — спросил он.

Я кивнула.

— Ничего себе! Вот так удача. Тогда не будем терять времени. Давай, садись в мою машину! — велел он мне.

— Но…

— Пожалуйста, сейчас нет времени на разногласия, ты не находишь?

— Ну… хорошо… — скрепя сердце, я подчинилась. Меня сильно напрягало то, что он так легко отодвинул меня на пассивную позицию, заняв главенствующую роль в моём, но теперь уже, получается, нашем общем деле.

— И ещё. Пообещай, что забудешь сюда дорогу, — строго сказал он, пока прогревался двигатель. — Даже близко не смей

подходить к этому дому.

— Разве, что мне сотрут память… — недовольно огрызнулась я, уставляясь в окно.

— Это тоже можно устроить, — многозначительно заметил он.

Когда мы приехали в Центр Магии, Б.Р. почти бегом отправился по лестнице на четвёртый этаж; я последовала за ним, едва поспевая. Он привёл меня в одно из помещений, где я ещё ни разу не была. Особенность его состояла в том, что оно было разделено стеклянной перегородкой на две комнаты. Дальняя имела зеркальные стены и какую-то странную форму — то ли полукруга, то ли сферического многоугольника; внутри неё не было ничего, кроме чугунной треноги, стоявшей на небольшом возвышении по центру.

— Это мой личный кабинет, — обернулся ко мне Бальдерик Рэй, загадочно улыбаясь. — Не знала? Теперь знаешь.

— Посиди там, вон на том стульчике, и приготовь ручку с бумагой, — он указал мне на единственный стул в первой комнате. — Когда понадобишься, я тебя позову.

— А туда мне нельзя войти? — кивнула я на круглую комнату.

— Пока нет, — сказал он, с интересом разглядывая меня. — А вот это, — он вынул из внутреннего кармана куртки чёрный газовый шарфик Лауры, — я взял в квартире Тёмных, когда эта дура Кира из кожи вон вылезала, пытаясь унизить нас.

— Даже и не знаю, чем это может нам помочь… — пробормотала я, усаживаясь на стул и не очень-то веря в успех задуманного им сомнительного предприятия.

Тем временем он позвал Мэги Ра. Они что-то недолго обсуждали за стеклом второй комнаты, после чего Б.Р. достал откуда-то (вероятно, из какой-то потайной секции в стене) непонятные принадлежности в виде нескольких чёрных непрозрачных баночек и большой круглой емкости, которую они тут же водрузили на подставку посреди помещения.

Он добавил в чашу жидкости из разных сосудов и чиркнул зажигалкой. Высоко, чуть ли не до потолка, вспыхнуло огненное пламя, но тут же снизилось больше чем наполовину. Я никогда в жизни не видела такого удивительного огня. Он был разноцветным и, разгораясь — то ярче, то тише, — напоминал северное сияние, но в какой-то момент пламя начало сильно искрить, а потом словно успокоилось и приобрело ровный тёмно-красный цвет. Бальдерик Рэй стал что-то произносить с серьёзным выражением лица, держа перед собой в одной руке крест отца Валерия, а в другой — вещь Лауры. Мэги Ра, закрыв

глаза и поднеся руки к пламени, едва не касаясь его, «считывал» некую нужную информацию, явившуюся ему в результате всех этих манипуляций. Когда они закончили, Бальдерик Рэй вернулся ко мне.

— Запиши. Сто семидесятый километр Волоколамского шоссе, правый поворот, через пятнадцать километров — недостроенное здание слева.

— Это точно? — одарила я его сомневающимся взглядом.

— Точнее не бывает, — с абсолютной уверенностью ответил он.

— А он… жив?

— Да. Но он довольно слаб. Возможно, у него есть какие-то травмы. Нужно поторопиться.

Я встала со стула. Меня слегка качнуло в сторону.

— Ты в порядке? — озабоченно спросил он.

— Вроде, да… Наверное, просто забыла поесть.

— Хорошо, тогда быстро дуй в буфет внизу, перекуси, потом поезжай домой, оденься потеплее, возьми самое необходимое, но долго не копайся. Через два часа я заеду за тобой, мне ещё надо успеть кое-что сделать. Встречаемся ровно в три.

Я усмехнулась про себя, но кивнула в знак согласия. Не знаю, что им двигало в его желании найти священника, но, наверное, в моём случае глупо было бы отказываться от помощи. И раз уж он решил взять на себя руководство этим процессом, то мне лишь остаётся довольствоваться ролью статиста. Впрочем, почему бы и нет? Возможно, это даже к лучшему.

— Запомни, — повторил он. — У тебя есть только два часа. Ты всё ещё здесь? Бегом!

Я пулей вылетела из комнаты и понеслась по коридору к лифту. Меня несколько покоробил его тон. Какого ещё чёрта он тут раскомандовался!

Без двадцати три он мне позвонил на мобильный.

— Ну ты как? Собралась? Я сейчас приеду за тобой.

Я надела тёплый свитер, обулась в зимние унты и с чашкой горячего кофе подошла к окну. Снег валил беспрерывно. Я увидела, как подъехала машина Б. Р. Возле дома свободных мест не было, и он аккуратно припарковался на другой стороне улицы. Подняв воротник куртки, он направился к светофору; поскользнувшись на льду, едва не упал, но удержался на ногах. Когда зажёгся зелёный, он бережно перевёл через дорогу рядом стоящую старушку с палочкой, любезно предоставив ей свой локоть. Я невольно улыбнулась. Несмотря на все его чудачества и властный характер, он кажется добрым и отзывчивым по

сравнению со многими людьми, которых мне, к несчастью, довелось узнать.

— Хочешь кофе? — предложила я ему, открыв дверь.

— Уже некогда, ты готова?

— Да, только куртку надеть, и можно выдвигаться.

Критически оглядев меня с ног до головы, словно проверяя: на месте ли все части моего туловища, а особенно голова, — и удовлетворившись увиденным, он поправил на моей шее шарфик и скомандовал:

— Вперёд! Пора спасать батюшку!

Мы спустились вниз и молча пошли к его машине. Он шёл так быстро, шагая своими длинными ногами, что я едва успевала бежать за ним. Всю дорогу он непонятно чему улыбался. Наверное, ему нравилось, что я бегу за ним как собачка.

Избегая пробок по малоизвестным объездным улочкам, Бальдерик Рэй довольно быстро вывез нас на Северо-Запад Москвы, но, проезжая мимо одного из подземных переходов, неожиданно остановил машину у обочины и попросил меня пересесть назад.

— Мы кого-то ждём? — осведомилась я, когда уже прошло минут десять.

— Увидишь, — загадочно ответил он.

Ладдок плюхнулся на переднее сидение и, обернувшись, быстро сунул мне в руки ледяную банку с коктейлем, которую я чисто машинально поймала.

— Зима наступила! — громогласно возвестил он.

— Тебе что ещё надо? — зашипела я, как кошка.

— Я с вами, — просто ответил он, потирая замёрзшие руки.

— Он с нами, — подтвердил Бальдерик Рэй.

— Зачем он нам? — недовольно спросила я.

— Сейчас не время пререкаться. Это будет, так сказать, жест доброй воли.

— Я горю желанием совершить светлый поступок! — картинно воздев очи вверх, произнёс Ладдок.

— Хм… Но ведь ты же понимаешь, что это священник. Зачем тебе спасать служителя церкви, своего злейшего врага?

— Дело в том, дорогая, что мне катастрофически не хватает эйбов. Считай, что я делаю это из своекорыстия. Да и вам помощь не помешает. И потом, с чего ты взяла, что священник — мой злейший враг?

— Тогда всё понятно… — разочарованно протянула я.

— Что тебя понятно? Ничего тебе непонятно! Короче, молчи женщина!

— Что? Сам заткнись! — я стукнула его по голове своей шапкой.

— Ай, спасите! Помогите! — тоненьким голоском завопил Ладдок, шут такой!

— Эй, эй, ребята! Не ругайтесь, — весело сказал Бальдерик Рэй. — И не смейте пить до завершения операции. После — все вместе оторвёмся по высшему разряду!

— Я и не собиралась, — с отвращением посмотрев на коктейль у меня в руке, я отбросила его на другой конец сиденья.

— Ну, ты крутой босс! — засмеялся Ладдок.

— Надеюсь, мы сработаемся, — выразил уверенность Б.Р., запуская двигатель.

Ладдок включил магнитолу. Из динамиков полились нежные релаксирующие звуки.

— Как такое можно слушать за рулём! — возмутился он. — Я под эту релаксацию просто засну. У тебя случайно нет чего-нибудь вроде «Рамштайна»?

— Увы, нет. Если бы ты заранее сказал о своих предпочтениях, то я бы озаботился.

Ладдок поискал волну радио. Нашёл ритмичную поп-музыку и пренебрежительно скривился.

— Уж лучше это… Так и сколько же нам ехать, позвольте узнать, господа любезные? — поинтересовался он.

— Всего-то? Часа три. В одну сторону. Не так уж и долго, — усмехнулся Бальдерик Рэй.

— Ммм… Может, это… — Ладдок многозначительно посмотрел на Б.Р., но тот, сдержанно улыбнувшись, медленно покачал головой, ответив ему не менее многозначительным взглядом. Уж и не знаю, о чём они пытались договориться.

— О-фи-геть! Ладно, разбудите, — буркнул Ладдок, откидываясь на спинку сидения и закрывая глаза.

Когда мы выехали за город, Бальдерик Рэй прибавил скорость, и, поискав новую радиоволну, остановил свой выбор на композиции моей любимой старенькой группы «The Cranberries».

— Как дела? — спросил он, глядя на меня в зеркало.

— Нормально. А у тебя? — улыбнулась я. Почему-то мне стало весело и как-то очень спокойно.

Усмехнувшись, он ничего не ответил и стал смотреть на дорогу. Он действительно странный. Слишком много загадок…

Мне вдруг пришла в голову мысль, что я еду с двумя самыми симпатичными парнями на свете, и они помогают мне спасать священника, хотя могли бы послать куда подальше. Чего мне, спрашивается, не хватает? Другие бы на моём месте на седьмом

небе были. Поймав мой взгляд в зеркале, Б.Р. улыбнулся и подмигнул мне. Я смутилась и уставилась в окно на заснеженный лес, сдерживая улыбку. Трасса была свободной, и мы ехали так быстро, насколько это было возможным. Вскоре я тоже задремала.

Я проснулась от того, что машина стала ощутимо подпрыгивать на неровной дороге. Открыв глаза, я увидела, что уже совсем стемнело. Мы съехали с Волоколамки и следовали по какой-то другой, более узкой и неосвещаемой дороге с колдобинами на каждом шагу. Ладдок продолжал сладко посапывать.

— Это должно быть где-то здесь, — предположил Бальдерик Рэй. Снизив скорость, он выбрал более-менее ровное место и остановил автомобиль.

— Просыпайся! — толкнул он в плечо Ладдока. Тот недовольно застонал и проснулся.

— Чёрт! Мне такой сон снился… — лениво потягиваясь, проворчал он.

— Не время спать. Пошли.

Б.Р. погасил фары. Открыл багажник, достал сумку и фонарь.

— Постарайтесь не шуметь, — предупредил он нас. — Двигаемся тихо, как мышки.

Ни дорог, ни тропинок… Пришлось пробиваться через поросль молодых деревьев, почти вплотную подступивших к дороге.

В темноте я не заметила и наподдала ногой какую-то жестяную банку, валявшуюся на земле, — она с грохотом покатилась; вдобавок тут же наступила на ветку — раздался громкий треск; я испуганно замерла и перестала дышать, боясь совершить ещё какие-либо движения.

— Тихо! Тебе же сказали не шуметь! Что ты гремишь как слон? Смотри, куда наступаешь! — накинулся на меня Ладдок, но Бальдерик Рэй одёрнул его.

— Замолчите! Смотрите!

Он раздвинул ветки кустов, и мы увидели пустырь, а посреди него огромное одиноко стоящее здание со зловеще зияющими окнами без стекол.

— Я пойду на разведку, а вы глядите в оба, чтобы враг не подкрался сзади.

— Пожалуйста, будь осторожен… — неожиданно вырвалось у меня.

Б.Р. остановился и повернулся ко мне. Его глаза в темноте блеснули лукавым огоньком.

— Что-то новенькое. Ты волнуешься за меня? — насмешливо

спросил он, посветив в моё лицо фонарём.

— Кто? Я? Да нет… Ну ладно… Может, и волнуюсь совсем чуть-чуть. Просто я не хочу, чтобы из-за меня кто-нибудь ещё пострадал.

— Так, ладно. Я вернусь ровно через десять минут. А если не вернусь… то можете считать меня коммунистом, — со вздохом сказал он, сделав героическое лицо.

Ладдок издал сдавленный смешок.

— Может, лучше православным христианином?

— Вы оба… паяцы какие-то! — рассердилась я. — Даже в минуту опасности не можете удержаться от своих дурацких шуточек.

— Жизнь — игра, а мы в ней все — актёры. Не стоит относиться к ней слишком серьёзно, — печально произнёс Бальдерик Рэй и, уходя, напоследок улыбнулся.

Ладдок высмотрел невдалеке от нас старое кострище с лежащими вокруг него брёвнами. Мы уселись на них, и какое-то время молчали, прислушиваясь к тишине и отдалённому шуму машин со стороны шоссе.

— Знаешь… Он всё ещё неровно дышит к тебе, — выдал вдруг Ладдок неожиданное признание.

— Интересно… И зачем ты мне это говоришь? — недоумевающе посмотрела на него я.

— Год назад его друзья заключали пари, что ты падёшь в объятья прекрасного принца с первой же попытки. Когда все поняли, что орешек мальчику оказался не по зубам, предложили ему сделать на тебя приворот. Но он отказался.

— Ты уверен? Ты врёшь! — не поверила я, ужаснувшись.

Он пожал плечами.

— Хочешь верь, хочешь нет. Когда он притащил тебя почти бездыханную, всю в крови, то плакал как ребёнок и просил спасти тебя. А потом несколько дней и ночей провёл у двери твоей комнаты, бормоча свои варварские заклинания и молясь идолу у себя на цепочке. Да… я действительно не знаю, зачем я тебе всё это говорю… Но, пожалуй, ты должна знать. Так будет справедливей.

— Ты считаешь… — я не успела договорить.

Луч фонаря упал на землю впереди нас.

— Чем вы тут занимаетесь? Шалите тайком без меня? — раздался насмешливый голос позади.

— Ты как подкрался сзади… Ах ты! — шутливо возмутился Ладдок.

— Да уж… С вами только в разведку ходить — запалите всё дело!

— А мы тут беседуем на философские темы… — соврала я.

— Например, о трудах Ницше, — предположил Бальдерик Рэй.

— Скорее уж о Фрейде, — усмехнулся Ладдок, недвусмысленно посмотрев на меня.

— Всё с вами ясно, — вздохнул Б.Р., принимая серьёзный вид. — Значит, так. Докладываю обстановку. Двое в здании на первом этаже в северном крыле. Чёрная «Волга» припаркована со стороны запасного входа: там есть проезд от дороги. Больше я никого не увидел, но, возможно, есть кто-то ещё. Думаю, это будет несложно. Здание достаточно большое, мы можем блуждать в нём бесконечно долго. Поэтому придётся брать «языка». Ну и… короче, пойдём, что ли, поиграем в «Чипа и Дейла», — позвал он Ладдока.

Мы поднялись с брёвен, собираясь последовать за ним.

— А ты, — остановил он меня, — останешься здесь, и только когда я позвоню тебе на мобильный, сможешь подойти; но если вдруг почувствуешь опасность, беги со всех ног к машине, — ключ держи, смотри — не потеряй, — он протянул мне ключи от машины.

— Поняла? — спросил он, улыбаясь, словно я была полной идиоткой.

Я лишь вяло кивнула, крайне недовольная своей жалкой ролью, которая мне была отведена. Зачем тогда, спрашивается, нужно было тащить меня с собой, если я им не нужна?

— Не слышу ответа, — наклонился Б.Р. ко мне ближе.

— Да поняла я, поняла! — раздражённо бросила я.

— О, кей. Надеюсь, благоразумие входит в число твоих добродетелей.

— У меня это… — я сжала окоченевшие пальцы.

— Что ещё случилось? — нахмурился он.

— Руки мёрзнут, я забыла варежки в машине.

Он достал из кармана куртки свои перчатки и отдал их мне с ворчанием:

— Ну почему все девушки такие несобранные…

Я хотела ему ответить, но, не найдя нужных слов, лишь возмущённо хмыкнула и повернулась к нему спиной.

Когда они скрылись, мне стало страшновато сидеть в темноте одной. Я несколько раз подавалась из кустов вперёд и снова пряталась обратно, но, в конце концов, терпение моё лопнуло и я осторожно вышла. До дома было метров сто, не больше.

Я неслышно подобралась к трём освещённым окнам на первом этаже и потихоньку заглянула вовнутрь здания. Там, за исключением несущих перекрытий, отсутствовали стены комнат и

прямо на полу был разложен костёр. Двое типов сидели возле него на кирпичах и что-то ели пластиковыми вилками из консервных банок. Вокруг них валялось много пустых бутылок. И тут я увидела Ладдока: он прятался за большими ящиками с какими-то стройматериалами. Я перевела взгляд правее — там за полуразрушенной перегородкой притаился Бальдерик Рэй. Он что-то показал рукой Ладдоку, и они с двух сторон стали подкрадываться к тем двоим, сидящим около костра. Б.Р. бросил кусок железной арматуры в сторону. Мужчины вскочили на ноги, но один из них, едва успев обернуться, тут же наткнулся на кулак Ладдока и рухнул как подкошенный, а второй вступил в борьбу с Бальдериком Рэем. На секунду я похолодела от ужаса: бандит успел выхватить нож. Но Б. Р. не растерялся и, обхватив двумя руками запястье противника, вынудил его бросить нож и упасть на пол, после чего уселся на него верхом и врезал ему по челюсти, — тот перестал сопротивляться и вообще шевелиться. В общем, схватка была недолгой, эффективной и закончилась полной победой моих друзей. Раскрыв рот, я наблюдала за исходом драки, забыв о всякой осторожности.

Внезапно я почувствовала, как земля уходит у меня из-под ног и я лечу вниз. Что-то тяжёлое навалилось на меня сверху. Это был человек. Третий. Я не умела драться и изо всех сил принялась дубасить его кулаками куда попало. Мы отчаянно барахтались на земле, пока я, изловчившись, не оттолкнула его и на четвереньках не отползла в сторону; он поднялся на ноги и вновь направлялся ко мне с явно недружелюбными намерениями.

Свет от костра из окна осветил его лицо. Это был совсем молодой парень, почти подросток. Лет 15–16 от силы.

Я впилась глазами в его солнечное сплетение и воткнула туда невидимую иглу. Парень остановился, вскрикнул от боли, согнулся, схватившись за грудь, но одновременно в руке у него блеснул предмет (я не сразу поняла, что это пистолет), который он тут же направил мне в лицо. В этот момент Бальдерик Рэй, неслышной рысью появившийся из-за угла, перехватил его руку и заломил назад — тот заорал и упал на колени; грохнул выстрел, пистолет полетел в сторону. Он бы точно меня убил… Б.Р. отшвырнул его к стене, как щенка.

— Испугалась? — участливо спросил он, подавая мне руку. Поставив меня на ноги, он стал отряхивать на мне одежду, словно я была клушей какой-то.

— Нет… не успела, вот сейчас уже испугалась… — задыхаясь от волнения, с трудом произнесла я.

— Помощь нужна? — высунувшись в окно, поинтересовался Ладдок.

— Нет.

— Всего лишь «травматика»… — разочарованно произнёс, Бальдерик Рэй, рассматривая подобранный им пистолет.

— Ну-ка, вставай, ковбой, пошли разбираться, — подняв за шиворот мальчишку, он подтолкнул его вперёд; парень захныкал и, поддерживая неестественно свисающую как плеть руку, поплёлся в дом.

— Ты что, замёрзла так сильно? Трясёшься вся, — спросил Б.Р., идя рядом со мной.

Я только сейчас заметила, что у меня зуб на зуб не попадает. Мы зашли в здание. Ладдок подтащил поверженных противников к батарее и, обыскав их карманы, привязал к ней обоих их же брючными ремнями. Отойдя на два шага назад, удовлетворённо оглядел творение рук своих.

— Когда оклемаются, решат, что попали в ад, — сделал предположение он.

— Здорово вы дерётесь, — восхитилась я, грея руки у костра. — Прямо как в голливудских боевиках.

— Спасибо, милая, мы польщены безмерно. Неподдельное восхищение прекрасных дам вдохновляет рыцарей на подвиги — опять же… во имя прекрасных дам. — Ладдок сел на корточки рядом и приобнял меня за плечи, хитрая улыбка заиграла на его губах.

Я легонько толкнула его в живот.

— А как же ваши магические приёмы? Зачем нужно было так выделываться?

— Разминка никогда не помешает, — заметил Бальдерик Рэй, подходя к нам. — Но разве я не сказал тебе, чтобы ты не приближалась к зданию?

— Мне было ужасно любопытно, — с виноватой улыбкой ответила я. — И потом, я подумала, вдруг вам помощь понадобится. Я хоть и не «спец» по восточным единоборствам, но тоже кое-что могу.

— Тебе повезло, что у него оказалась почти игрушка, но всё могло закончиться гораздо плачевнее.

Единственный бандит, находящийся в сознании, — тот самый пацан, который напал на меня, — глухо стонал в углу и затравленно смотрел на нас.

— Так. Пора заняться выбиванием показаний, — Ладдок, решительно встал и направился к нему.

— Осторожнее, — предупредил его Б.Р. — Он может отключиться. Я, наверное, ему руку сломал.

— Не дёргайся, — сказал Бальдерик Рэй парню, осторожно

ощупывая его плечо.

— Кажется, вывих. Справишься? — оглянулся он на меня. Я молча кивнула.

— Ни в коем случае, — возмутился Ладдок. — Зачем ей тратить драгоценные эйбы на этого ушлёпка, который к тому же хотел её убить? Сделаем операцию по старинке — без наркоза, — добавил он, и глаза его садистки заблестели.

— А в принципе… — улыбнулся Б.Р. — Думаю, он это заслужил. Пусть это будет его расплатой за покушение на священнослужителя, попытку убийства и пособничество Тёмным.

— Подержи-ка его, — кровожадно попросил Ладдок, засучивая рукава. Бедный парень сразу стал одного цвета со стеной и умоляюще смотрел на моих друзей.

— Давай лучше я, ты его убьёшь, маркиз де Сад, — едва сдерживая смех, произнёс Б.Р.

— Как скажешь… босс, — пожал плечами Ладдок, нехотя уступая ему место.

Парень затрясся как в лихорадке. Я почувствовала в желудке болезненные спазмы.

— Ну, ну… ладно тебе… расслабься, — успокаивающе произнёс Бальдерик Рэй. — Ты мужчина, в конце концов, или нет? Это быстро. Раз и всё. Даже пикнуть не успеешь.

Ладдок держал беднягу, а Б.Р., ухватив его руку двумя руками, повернул её и дёрнул на себя. Послышался хруст вправляемого сустава и дикий душераздирающий вопль.

Я зажала руками уши и в ужасе выбежала в другое помещение, перепрыгивая в темноте через какие-то трубы, валявшиеся на полу. Меня сильно мутило.

— С тобой всё нормально? — раздался рядом встревоженный голос Бальдерика Рэя: он появился почти сразу вслед за мной.

— Не знаю… — я сглотнула комок в горле.

— Что случилось? — спросил он, убирая мне за ухо падавшую на лицо прядь волос. От его нежного прикосновения и ласкового взгляда я почувствовала некоторое смятение.

— Я… я просто не выношу чужой боли. Я… вижу её — она ослепляет меня…

— Бедняжка… Ты, оказывается, такая чувствительная… Ай-яй-яй!

Как-то он странно разговаривал. Может, ему всё-таки стукнули в драке по голове?

Когда мы вернулись к костру, парень стал уже почти нормального цвета.

— Пошли! — сказал ему Б.Р. — И не вздумай выкинуть ещё какую-нибудь глупость.

— Здесь… — показывая на пол, хрипло произнёс он, приведя нас в какое-то техническое помещение в другом крыле здания.

Бальдерик Рэй вдвоём с Ладдоком отодвинули лежащий на полу ржавый металлический лист, под которым оказалось что-то вроде шахты. Я с волнением подошла к её краю и заглянула вниз: там было темно и оттуда тянуло подвальным холодом. Луч мощного фонаря осветил стены и дно «колодца». Глубина — метра четыре, не больше. На дне, скорчившись, неподвижно лежал человек — отец Валерий… Я дважды окликнула его, но он даже не пошевелился… Парень обеспокоенно переминался с ноги на ногу.

— Сколько он здесь пробыл? — спросил у него Бальдерик Рэй.

— Двое суток… Но ему давали еду и воду… — стал оправдываться тот, и вдруг прошептал с ужасом: — Он что… разве умер?

— Так… Надо где-то взять верёвку… — не слушая его, сказал Б.Р. самому себе.

— Там, у стены есть лестница, — подсказал парень.

— Где? — Бальдерик Рэй посветил фонарём по стенам и увидел её. — Это хорошо.

Он принёс наспех сколоченную узкую деревянную лестницу, очень непрочную на вид, и, попросив меня подержать фонарь, опустил её вниз ямы, затем забрал фонарь. Я подошла к лестнице, собираясь спуститься первой.

— Нет, — остановил меня Б.Р., рукой отодвигая от лестницы. — Ты останешься здесь.

— Но мне надо посмотреть в каком он состоянии, — возразила я, едва сдерживая слёзы.

— Попробуем поднять его. Если всё окажется совсем плохо, тогда я позову тебя.

Он осторожно спустился по шатким ступеням, повесив фонарь себе на шею. Прошла минута-две-три… Снизу не доносилось ни звука.

— Что там? — не выдержала я, сильно нервничая. — Он живой? Да ответь же ты, чёрт возьми!

— Водка есть? — спросил Б.Р. вместо ответа, обращаясь к молодому бандиту. — Я видел, вы там неплохо затарились на шальные деньги ведьм.

— Есть! — с готовностью откликнулся парень. — Даже коньяк есть, хороший… «Хеннесси». Принести?

— Хорошо. Объясни девушке, где найти ваш «стратегический запас», — она принесёт. И тащите уже чего-нибудь, да побыстрее!

Здесь нужны радикальные меры, — поторопил он.

Через тёмный коридор, почти на ощупь, я добралась до левого крыла здания. Оба бандита по-прежнему пребывали без сознания. Тихо потрескивал догорающий костёр. В указанном мальчишкой месте я обнаружила большую дорожную сумку и достала из неё бутылку коньяка, а также подобрала валявшийся на полу фонарь, который оказался очень кстати. Я посмотрела на костёр и внезапно почувствовала сильную слабость и головокружение; пламя раздвоилось и расстроилось у меня в глазах, но усилием воли я не позволила себе отключиться и вернулась к своим друзьям.

Ладдок присматривал за мальчишкой, а Б.Р. в ожидании меня сидел на краю шахты. Взяв у меня из рук бутылку, он посмотрел мне в лицо и сказал:

— А теперь ступай обратно.

Я застыла, не двигаясь с места. Мне не понравился его излишне спокойный тон, будто он хотел скрыть от меня что-то страшное. Бальдерик Рэй повторил терпеливо, но уже более настойчиво:

— Я тебя очень прошу, возвращайся, пожалуйста, к костру и жди нас там.

Я была не в состоянии возражать и, повернувшись, молча побрела обратно, ощущая себя чудовищно больной и разбитой.

Подбросив в раскалённые угли несколько сломанных досок, я в изнеможении села рядом на кирпичи и сжала руками пульсирующие виски. Неизвестность была мучительна для меня; казалось, этот кошмар наяву тянется уже слишком долго и теперь вообще никогда не закончится. Я чувствовала себя виноватой в произошедшем с отцом Валерием. Если с ним действительно случилось что-то нехорошее, то я никогда не смогу себе этого простить. Озноб усилился, и я всё никак не могла согреться у костра. Голова раскалывалась от боли. Зловещие тени плясали в отблесках пламени на стене. Я замерла в покорном ожидании, уставив невидящий взор в тёмный проём коридора…

Я не знаю, сколько я просидела в полузабытьи, потеряв счёт времени. Но вот в коридоре послышались чьи-то шаги и негромкие приближающиеся голоса. Ну наконец-то! Я испытала огромное облегчение, увидев, как входят четверо: Ладдок, мальчишка и Бальдерик Рэй, поддерживающий под руку слабого отца Валерия.

— Святой отец! — подбежала я к нему и, уже не сдерживаясь, заплакала от радости. — Слава Богу, вы живы! А я уже думала…

— Майя, ты? — удивился он. — Как ты здесь оказалась?

Б.Р. осторожно усадил его на один из ящиков.

— Боже мой! Они вас били? — в негодовании воскликнула я, заметив на его лице и руках кровоподтёки. — Вот подонки!

— Ничего, ничего… — пролепетал он. — Христос пострадал за всех нас, отдав свою жизнь. А это пустяки. Заживёт…

— Это всё из-за меня… — продолжала я грызть себя. — И зачем я только втянула вас во всё это?

— Не вини себя. Почему ты решила, что это из-за тебя? Ты как-то замешана в этом?

— А как вы думаете, мы вас нашли? — вырвалось у меня.

Я собиралась было сказать про Лауру и её козни, но в этот момент рука Бальдерика Рэя предупреждающе сжала мой локоть.

— Что ты хочешь этим сказать, дочь моя? Я не понимаю тебя…

— Да… Не знаю… Наверное, какие-то злые силы пытались нам помешать. Я должна была подумать об этом, прежде чем просить вас помогать мне.

— Нет-нет! Ни в коем случае! — возразил отец Валерий. — Это вовсе не твоя вина. То, что со мной случилось, — лишь испытание для меня.

Я посмотрела на Б.Р. и, наткнувшись на его запрещающий взгляд, промолчала.

— Сломано два ребра, сотрясение мозга, гематома голени, воспаление верхних дыхательных путей… — зачитывала я диагноз, одновременно пытаясь устранить негативные последствия пребывания священника в руках подельников Лауры. Горячий туман застилал мне глаза, а голова кружилась так, что я делала огромные усилия, чтобы не упасть в обморок.

— Тебе нехорошо? — озабоченно спросил Бальдерик Рэй, на его лице отразилось волнение. — Выглядишь ты неважно.

— Да… Что-то я не в форме сегодня… — с трудом выдавила я из себя.

Как я ни боролась с накатывающей слабостью, мои глаза сами закрывались, а горящие веки словно налились свинцом. Руки ни на что не реагировали. Я почти утратила свои способности.

— Я не могу закончить. У меня не хватает силы… — пожаловалась я с досадой, опуская руки.

— Хорошо. Пожалуй, хватит с тебя, — сказал Б.Р., бережно обнимая меня за плечи и отводя в сторону. — Остальное доделают доктора традиционной медицины.

— Простите, батюшка. Кажется, я труп… — пробормотала я.

— Ничего, ничего… — отозвался отец Валерий. — Я уже больше чем наполовину чувствую себя гораздо лучше.

— Как я понимаю, вы не совсем обычные люди… — обратился он к моим друзьям.

— Смотря что вы подразумеваете под словом «обычные», святой отец, — невозмутимо ответил Бальдерик Рэй после небольшой паузы. — Вот вы ведь тоже не совсем обычный человек, поскольку выбрали для себя главным делом служение Богу, а кто-то — совершенно противоположное, весьма далёкое от пути духовного совершенствования, как, например, они, — он кивнул на привязанных к батарее бандитов, которые уже начали вяло шевелиться. — В любом случае — мы не те, кем вам кажемся.

Он протянул ему крест на цепочке.

— Это вроде ваше.

Отец Валерий молча взял крест из его рук.

Двое типов у батареи уже очнулись и тихо матерились, пытаясь освободиться от пут. Бальдерик Рэй подошёл к ним и отвязал ремни.

— Вы можете уйти, — сказал он им. — Забрать свою машину и убраться отсюда подобру-поздорову, но с одним условием. Вы ничего и никому не расскажете. Поняли?

Те закивали в знак согласия.

Поднявшись, они пошли к выходу. Тот, которому в драке досталось меньше, помогал идти второму. Ладдок свистнул мальчишке и бросил ему ключи от «Волги», изъятые им у одного из бандитов, — тот поймал их и пулей выскочил на улицу за своими товарищами.

— Через десять минут они забудут нас, забудут Лауру, — тихо сказал Бальдерик Рэй, глядя вслед их удаляющейся машине, — и то, что они похитили святого отца; но ещё через час они придут прямиком в руки милиции. За ограбление кассы в придорожном магазине.

— Теперь, что касается вас, — повернулся он к отцу Валерию. — Вы ни в чём не виноваты, поскольку лишь стали орудием мести в руках недостойных. Считайте, что Господь ценою ваших молитв отвёл от вас беду, пусть даже и с помощью таких «бесноватых» существ, как мы. Откажитесь от мысли проводить ритуал экзорцизма в отношении Майи, ибо она не нуждается в нём. Постарайтесь забыть этот неприятный эпизод, и живите дальше, как жили до этого. Продолжайте просвещать вашу паству и нести в этот мир свет божественного откровения. Завтра никто и не вспомнит об этом происшествии. Для людей, обеспокоенных вашим отсутствием, — ваша версия: вы ездили за

город навещать другой приход, по дороге на вас напали хулиганы, ограбили и избили, приметы их вы не запомнили.

Отец Валерий вопросительно посмотрел на меня.

— Что ты на это скажешь, дочь моя? Тебя не принуждают отказаться от твоего намерения, или это твоё добровольное решение?

— Думаю, это была моя ошибка, святой отец, — ответила я. — Видите, чем это всё едва не обернулось? Я не хочу, чтобы пострадали вы или кто-то ещё. Наверное, вам лучше поступить именно так…

— Если дело только во мне…

— Нет. Просто я поняла, что у каждого своя судьба, и не всегда стоит пытаться изменить её. Скажите, что вас ограбили, хорошо? Я буду иногда посещать вашу церковь, если вы не против.

— Ну конечно же! Как я могу быть против? Наоборот, я буду очень рад видеть тебя. И если ты действительно этого хочешь… То ладно. Так всё и скажу. Но как мне отблагодарить вас всех за своё чудесное спасение? Я обязательно должен вас поблагодарить… Скажите мне ваши имена, чтобы я упомянул их в молитве и ваши заблудшие души смогли обрести покой.

— Благодарите Бога и не волнуйтесь о наших душах, святой отец, — ответил ему Бальдерик Рэй. — Когда придёт время расплаты, мы все непременно ответим за содеянные нами злодеяния, если таковые будут иметь место.

— Он не вспомнит тебя, — сказал мне Б.Р., глядя, как Ладдок усаживает отца Валерия в машину. — Скоро все лишние события выпадут из его памяти.

— Что?! — возмутилась я. — Какие ещё лишние события? Да как ты посмел! Я не хотела, чтобы он забывал меня, понял? Он хороший человек и священник! Он один из немногих поверил мне и…

— Так будет лучше, — перебил он меня. — И для него, и для тебя.

— Почему это? Кто тебе дал такое право? Какого чёрта ты опять решаешь за меня?! — крикнула я ему в гневе и внезапно потеряла голос; голова сильно закружилась и, покачнувшись, я ухватилась за него, чтобы не упасть.

Нахмурившись, Б.Р. приложил руку к моему лбу и отдёрнул её, словно моя голова была раскалённой головнёй.

— Ты вся горишь! — воскликнул он.

— Быстрее! Садись за руль! — велел он Ладдоку, выбегая на улицу. — Отвези святого отца в больницу, но сначала подбрось

нас в одно место, тут недалеко.

Шатаясь как пьяная, я пошла к машине, но, не дойдя до неё двух шагов, оступилась и упала в снег. У меня не было сил идти и вообще шевелиться.

— Я просто посплю немного и всё… Совсем чуть-чуть… — пробормотала я заплетающимся языком, кладя голову на руки и сворачиваясь калачиком.

— Только не здесь… — сказал Бальдерик Рэй, но я его почти не слышала.

Глава четвертая ЗАТЕРЯННЫЙ УГОЛОК

Я ненадолго очнулась оттого, что меня куда-то несли.

— Я затопила печь, — произнёс женский голос. — Через десять минут здесь будет совсем тепло.

Некто отнёс меня на единственную кровать в комнате. Постель показалась мне ледяной, я запротестовала и стала требовать, чтобы меня откопали из сугроба.

Едва я положила тяжёлую голову на подушку, как меня начало раскачивать. Я пыталась приоткрыть глаза, но тут же закрывала их: предметы множились и кружились по комнате, отчего начиналась сильная тошнота. Я ворочалась и металась на кровати, но не могла избавиться от мерзких ощущений. Ужасные видения заполнили моё воспалённое воображение. Картинки одна ужаснее другой сменяли друг друга. Какая-то тонкая ниточка связывала меня с реальностью, и я понимала, что всё это не наяву, но давление на моё сознание было слишком сильным, чтобы я могла ему сопротивляться.

Кладбище с покосившимися древними крестами, покрытые лишайниками надгробия, заросшие бурьяном заброшенные могилы. Мертвецы, как в фильмах ужасов, вылезают из могил и ползут ко мне, распространяя вокруг себя жуткий смрад; я зажимаю нос, но едкий трупный запах разложения… он повсюду. Они прикасаются ко мне ледяными скользкими руками, и я кричу, кричу, кричу…

Велиж, я снова в детстве…

Огненный розовый шар летит прямо на меня, грозно сверкая множеством переплетённых в нём молний. «Помогите!» — зову я на помощь и вижу свои босые маленькие ноги, бегущие по траве, чувствуя сзади раскалённое дыхание неумолимо надвигающейся смерти.

Что-то холодное и влажное легло мне на лоб. На какое-то время стало немного легче. Я услышала рядом с собой чьё-то невнятное бормотание и приоткрыла глаза: кто-то сидел на моей кровати, но было темно, и я не смогла разобрать, кто это. Новое бредовое видение подхватило меня и унесло из реальности.

Всё перевернулось вверх дном. Я оказалась на поле сражения среди людей с копьями и мечами: вокруг пыль и мгла, затмевающая небо, топот конских копыт, запах крови и вопли раненых; гудит и стонет взрытая земля. Рыцарь в доспехах на огромном чёрном коне, вырвавшись из кольца атакующих его, устремляется ко мне. Следом за ним скачет преследователь, но рыцарь не видит его.

— Осторожнее, сзади! — кричу я: почему-то мне хочется помочь ему. Рыцарь поворачивает коня и одним ударом клинка поражает противника. На мгновение он приподнимает забрало шлема и смотрит на меня, — я вижу только его блеснувшие в темноте глаза. Рыцарь благодарно кивает мне, поднимает коня на дыбы и исчезает.

Я слышу журчание воды. Лёжа на спине я безвольно плыву по реке. Мои распущенные волосы струятся вместе с водой и водорослями по течению. Чёрное небо, усыпанное звёздами, безмолвно проносится надо мной. Меня прибивает к берегу.

Всплеск воды за спиной. Из реки, нагая, выходит Кира с венком из водяных растений на голове. В кустах неподалёку ощущается какое-то движение.

— Тсс… Иди сюда, иди… — зовёт Кира кого-то, приблизившись к зарослям. Включается сразу несколько пар светящихся жёлтых глаз, и на берегу, с треском раздвигая ветки, оказываются двенадцать крупных волков. Один из них — изящный, чёрный как смоль — приседает вниз, тянется всем телом, игриво припадая не передние лапы, и превращается в Лауру, одетую в остатки чёрного, изорванного в клочья платья. Она тоже зовёт кого-то из чащи. Странно: на её зов, вытянув вперёд руки, выходит Вадим в одних брюках, босиком и без рубашки, с завязанными глазами.

— Фас! — приказывает Лаура волкам. Щёлкая зубами, звери окружают меня, в их жестоких глазах горит голодный блеск и жажда крови. Неожиданно я поднимаюсь в воздух и лечу вверх, а затем оказываюсь в густом белом тумане, и не могу понять — то ли я в нём двигаюсь, то ли мимо меня движется то, что я вижу.

На миг передо мной возникает фигура человека в длинном коричневом одеянии с капюшоном, скрывающим его лицо; в руках он держит песочные часы, — я успеваю хорошо разглядеть, что в верхней их части песка ещё достаточно много.

Потом из тумана по очереди выплывают знакомые и незнакомые мне лица, среди них снова лицо Вадима, — он истерично хохочет, напоминая свихнувшегося сатира. Но он быстро исчезает, а смех его ещё некоторое время эхом доносится откуда-то издалека.

— Читайте устав! — строго заявляет Мисс Магда непонятно кому, сидя на убогом деревянном стуле в сером старомодном платье и чепце, держа раскрытый зонтик над головой. — Там всё написано. И будет вам счастье!

— Нет, — неожиданно возражаю я ей. — Этот устав не для меня, а для вас. Мне он не нужен… — Но она не отвечает мне и растворяется в тумане.

— Ты никогда не попадёшь в рай, мне очень жаль… — печально говорит священник Валерий, сменивший мисс Магду на стуле. — Они украли твою душу, и теперь у тебя её нет…

— А она была у меня? — спрашиваю я.

— Нет. Ты — это проект.

Слеза ползёт у меня по щеке. У меня нет родителей, никто меня не любит, а теперь, оказывается, и души-то у меня тоже нет…

Какая-то отвратительная беззубая старуха в лохмотьях выскакивает из тумана, хохочет и тычет в меня кривой клюкой:

— Ты не туда попала, правда? Ищи свою мать! Найди её могилу — она ждёт тебя! Кровь мертвецов на ней. И на тебе!

— О, мертвецы! — восхищённо восклицает «Кощей», потрясая человеческой бедренной костью и, с наслаждением понюхав её, откусывает от неё кусок чёрного засохшего мяса. — Мертвецы — это хорошо! Они больше ничего не чувствуют.

Вновь я стою на поле. Молния летит на меня сзади; обернувшись, я молча смотрю на неё, она врезается в мою голову многовольтным электрическим разрядом.

Я слышу свой крик.

Жгучая боль пронзает меня, словно тысячи игл втыкаются в моё тело.

Я вижу свою фотографию, плывущую по ручью, всю истыканную иглами; следом за ней, изгибаясь, плывёт фотография Вадима, будто вырванная из какого-то глянцевого журнала, где он позирует в откровенном виде; кто-то достает её из воды и аккуратно вырезает его лицо. Я следую взглядом выше за руками, взявшими фотографию, и вижу Лауру — её торжествующую волчью улыбку и горящие синим пламенем волосы.

Наверное, прошла целая вечность, пока я находилась в бредовом плену. Но потихоньку власть кошмара стала ослабевать и рассеиваться, уступая место тягучей сонливой усталости. Пожалуй, я скоро смогу уснуть, и это спасёт меня. После ледяного озноба меня бросило в адский жар. Чьи-то заботливые руки бережно приподняли мою голову, и я ткнулась сухими горячими губами в край железной кружки, — потянувшись к ней, жадно глотнула живительной прохладной воды. Кто-то сидел рядом со мной на кровати. Приоткрыв тяжёлые, горящие веки, я узнала Бальдерика Рэя, но подивилась его странной перемене: у него были длинные волосы ниже плеч, лоб пересекала тонкая повязка из переплетённых лоскутков, а одежда на нём выглядела как будто из какого-то далёкого прошлого времени. Он что-то тихо произносил с закрытыми глазами, держа в руках медальон на

цепочке, — какие-то фразы на непонятном языке, бессмысленный набор звуков, больше похожий на ахинею. «Что ты говоришь? Я тебя не понимаю…» — спросила я, отбрасывая одеяло. «Спи, милая, я здесь, с тобой», — сказал он, наклоняясь ко мне и снова накрывая меня; лицо его было встревоженным и озабоченным. Мне захотелось, чтобы Б.Р. прилёг рядом со мной и обнял меня. Я попыталась провести слабой рукой по его щеке, но он осторожно взял мою руку, поцеловал её и положил на кровать, — я не могу сказать точно — во сне это было или на самом деле. Потом я провалилась в тёмную пустоту и спала без сновидений до утра.

Я проснулась, почуствовав приятный запах кофе. Открыв глаза, я болезненно прищурилась: вся комната была залита светом непривычно яркого для ноября солнца. Бальдерик Рэй сидел на подоконнике и что-то увлечённо писал в блокноте. На его лице отображалась работа мысли, а на губах играла сдержанная улыбка. Рядом с ним стояла кружка с дымящимся кофе. Я полюбовалась его безупречным античным профилем. Он заметил, что я смотрю на него, и заулыбался.

— Проснулась, спящая красавица?

Он встал, потянулся, разминаясь, и подошёл к моей кровати.

— Красавица? — с недоверием произнесла я. — Наверное, выгляжу как Баба-яга после шабаша. Волосы вон все перепутались… — я перебирала безнадёжно свалявшиеся космы. — На ночь я всегда заплетаю себе косу.

— Ну извини. Теперь буду знать. В следующий раз заплету тебе две косички.

Я вяло улыбнулась.

— Нет уж. Лучше не надо… никакого следующего раза… — и, обведя взглядом незнакомые стены, спросила: — Где мы находимся? Что это за дом? Чей он?

— Мы всё ещё в глуши. В затерянном уголке, где нас никто не найдёт.

— А что мы тут делаем? — я попыталась сесть на кровати, но голова резко закружилась.

— Боялся, что не довезём тебя до города живой, пришлось тут остановиться, — он помог мне принять сидячее положение, поправив подушки за спиной.

— Ясно, — вздохнула я. — Я мало, что помню. Последнее — это то, что я ужасно хотела спать, а потом на меня навалился какой-то жуткий бред.

— А сейчас как ты себя чувствуешь? — участливо спросил он.

— Нормально… почти.

— Ты так кричала ночью… Тебе что-то приснилось? Это был

кошмар?

— Это был бред. Я почти ничего не помню. Я же сказала — у меня был жар.

— Что-то мешает мне… Не могу понять, что с тобой происходит. Словно заслонку кто, какую поставил. Скажи: что ты видела во сне? — повторил он настойчиво. — Ты ведь что-то видела, но не хочешь говорить, верно? Что ты скрываешь?

— Да нет же! Я действительно ничего не помню… Наверное, подхватила этот мерзкий вирус гриппа вчера в метро. Он у меня всегда так тяжело протекает с высокой температурой. Я болею редко, но метко. Через пару дней всё пройдёт.

— Уверена? — допытывался он.

— Я же учусь на врача. Кому как не мне знать симптомы, сопутствующие заболеванию?

Он потрогал мой лоб.

— Кажется, температура спала. Но лучше бы тебе сегодня не вставать. У тебя что-нибудь болит?

— Нет. Только слабость и…

— Что? — встревожился он.

Если я и умру в ближайшее время, то это произойдёт от голода.

— Я это… ужасно есть хочу, нет ли у тебя корочки хлеба? — смущённо спросила я. Он тихо засмеялся.

В этот момент скрипнула дверь и в комнату вошла пожилая женщина в платке и овчинной безрукавке, — она несла что-то на подносе.

— Молодёжь, я вам тут покушать принесла. Чем богаты…

Когда женщина ушла, я посмотрела на содержимое своей тарелки и с отвращением отодвинула от себя поднос.

— Фу, гадость! Не буду…

— То есть как это — не буду? Ты не любишь жареную капусту? — изумился Бальдерик Рэй, словно это открытие поразило его до глубины души.

— Ненавижу с детства! А ещё тут котлета лежит… Отдай собаке.

— Ну… Какая капризная девочка! Не хочу, не буду… Может, всё-таки дать тебе корочку хлеба, как заказывала? Ну ладно, так и быть. Превратим капусту в… во что?

— Я хочу эклеры с шоколадным кремом и клубнику со взбитыми сливками. И бокал шампанского.

— Шампанского? — удивлённо присвистнул он. — Ну, милая, у тебя и замашки с утра пораньше. Но впрочем — это же нам раз плюнуть. Крэкс, пэкс, фэкс! Пожалуйста: ваши эклеры, мэм, а вот и клубничка.

Б.Р. стал с аппетитом уплетать из своей тарелки, хитро поглядывая на меня. Я недоверчиво заглянула в свою тарелку.

Капуста, естественно, не превратилась ни во что другое, но в то же время уже не выглядела такой неаппетитной, по крайней мере в моём сознании.

Он кормил меня с ложечки как маленького ребёнка, приговаривая: «Это за маму, это за папу, а это за меня…»

— Ну ладно, ладно, хватит, — произнесла я с набитым ртом полушутя-полураздражённо, отодвигая его руку. — Вообще-то я не при смерти.

Отобрав у него вилку, я доела всё до последней крошки, и даже, скрепя сердце, съела ненавистную котлету.

— Отлично! — похвалил он меня. — Держи своё шампанское, — он подал мне стакан молока. — Сегодня ещё полежи, а с завтрашнего дня начнём утренние пробежки и обливания ледяной водой.

— Что?!

— Шутка, — сказал он, увидев испуганное выражение на моём лице, и подмигнул совсем по-мальчишески. Похоже, он пребывал в прекрасном настроении.

Он вдруг словно что-то вспомнил и куда-то вышел. Вернулся через минуту с кувшином воды, чистым полотенцем и тазиком.

— А теперь, займёмся туалетом барышни. Не подобает юной девице иметь такой растрёпанный вид.

Он помог мне умыться, а затем, взяв большой деревянный гребень, стал осторожно расчёсывать мои длинные волосы. Он делал это настолько бережно и аккуратно, стараясь не причинить мне ни малейшего дискомфорта, что я закрыла глаза от блаженства: ещё немного, и я бы замурлыкала, как кошка.

— У тебя лёгкая рука, — похвалила его я.

— Как бы мне этого не хотелось, — с грустной улыбкой сказал Бальдерик Рэй, — но придётся покинуть тебя. Поживёшь тут недельку, наберёшься сил, подышишь свежим воздухом, отдохнёшь, а потом я приеду за тобой.

— Неделю? — растерялась я. — А как же институт?

— Надо, чтобы ты побыла здесь некоторое время. Тебе это нужно. Это же твоя стихия. Вокруг — один сплошной лес, неподалёку есть родник. Почти всё как в твоём родном городе. Клавдия позаботится о тебе, — не волнуйся, ей хорошо заплатили. Только, пожалуйста, не уходи одна далеко. Я приеду в пятницу утром. И в этот же день у тебя будет оправдательный документ с печатью для подтверждения уважительной причины твоего отсутствия. И ещё, запомни: Клавдия не знает о том, что мы другие, — не выдай себя ненароком и не проговорись,

хорошо?

— Поняла.

— Хорошо. Возьми это, — он вложил в мою руку свой медальон на цепочке.

— Что это? — повертела я его в руках. — Зачем он мне?

— Это оберёг для тебя. Он несколько раз спасал мне жизнь, и я хочу, чтобы теперь он был у тебя. Мне так спокойнее.

— А как же ты?

— Со мной ничего не случится, можешь быть уверена в этом.

Он снова куда-то вышел.

Снаружи доносился лай собак, мычала корова и кудахтали куры. Совсем как у меня дома…

Спустя минуту я услышала на улице какой-то стук, босиком на цыпочках подошла к окну, чуть отодвинула занавесь и увидела Бальдерика Рэя. Одетый в грубый деревенский свитер, он колол дрова перед домом, от работы на его щеках играл лёгкий румянец. Я невольно засмотрелась на него. Странное чувство, подозрительно похожее на нежность, зашевелилось в моём, как я полагала, уже мёртвом и окаменевшем сердце. Запоздало я попыталась отогнать наваждение. Наваждение — оно и есть. Только и всего… Промелькнуло и ушло. Не о чем беспокоиться…

Увидев, что он направляется к дому, я быстро юркнула под одеяло и прикинулась, что дремлю.

Из-под полуопущенных ресниц я увидела, как он принёс стопку дров и положил её возле печи, подбросив в огонь несколько поленьев, которые с треском разгорелись.

— Ну вот… теперь точно не замёрзнешь, — сказал он, догадавшись, что я притворяюсь.

Я открыла глаза и увидела его широкую улыбку, не выдержала и улыбнулась тоже.

Через час он уехал.

Я быстро подружилась с Клавдией — хозяйкой дома. Она оказалась простой и доброй женщиной, не избалованной благами цивилизации, к тому же большой рукодельницей. У неё было много животных: собаки, кошки, корова, козы и десяток кур с петухом, — с которыми она разговаривала, как с людьми, за отсутствием других собеседников. Днём я гуляла по лесу, а вечерами мы сидели у печи: я пила горячее молоко с диким мёдом, а Клавдия вязала тёплые вещи из козьей шерсти и рассказывала разные интересные истории времён своей молодости. Она также дала мне немного женской одежды — не моего размера, конечно, старомодной, но чистой. Хоть она и не

просила, но я не упускала любой возможности помочь ей по хозяйству: кормила её животных и прибирала в избе.

Вдали от города и людей я вновь почувствовала давно забытое умиротворение и покой. Бальдерик Рэй оказался прав — мне пошло на пользу пребывание здесь. Силы постепенно возвращались ко мне. Со времени первой ночи в «затерянном уголке» мне не приснилось ни одного кошмарного сна, за исключением одного.

Это было больше похоже на очередное воспоминание из далёкого детства.

Он вырос словно из-под земли. Границы его территории были нарушены, и покой потревожен.

Зверь…

Монстр затаился в кустах, ни единым шорохом не выдавая своего присутствия. Ноздри его нервно подрагивали, втягивая холодный осенний воздух.

Я заметила огромного кабана раньше остальных детей и сразу поняла, что его так разозлило.

«Глупые, да не кричите же вы так!»

Но дети продолжали шуметь и резвиться, не подозревая об опасности.

Я увидела его на большом расстоянии сквозь плотный слой кустарника, — не своим привычным зрением, а каким-то ДРУГИМ, словно в моих глазах включились мощные «линзы», увеличивающие всё во стократ, и я не менее чем за полкилометра от себя увидела источник, излучающий угрозу, как если бы сама стояла там, но прежде я почувствовала, что сейчас произойдёт…

Они не успеют убежать…

Глаза зверя густо налились кровью и наполнились злобной решимостью. Мокрые листья, кусочки мха и глины полетели в стороны из-под его сильного копыта. В следующее мгновение, более не таясь, кабан с негодующим визгом и хрюканьем вырвался из укрытия, выставив вперёд своё смертоносное оружие — острые уродливые клыки. Дети застыли от ужаса, услышав воинственный звериный рёв.

Разъярённое чудовище неумолимо приближалось. Но в этот момент произошло нечто ещё более необъяснимое, чем моё аномально усилившееся зрение…

Какая-то неведомая сила подняла меня с бревна, на котором я сидела, заставив быстро переместиться на середину поляны и встать между насмерть перепуганными детьми и обезумевшим от ненависти кабаном, уже выбежавшим из зарослей. Зверь, ещё секунду назад жаждавший крови, остановился и застыл как

вкопанный. Бока его ходили ходуном, из ноздрей валил густой пар. Я неподвижно стояла перед ним на расстоянии всего одной вытянутой руки, не испытывая ни малейшего страха. Между нами происходила странная борьба, словно вдруг само пространство вокруг нас наэлектризовалось, завихрилось потоками сильной энергии. Кабан хрипел, мотал головой, рыл копытом землю, но не мог сдвинуться с места. Казалось, какая-то невероятная потусторонняя сила удерживает его, или что-то ему преграждает путь. Противостояние длилось не более минуты. Наконец зверь, неловко подпрыгнув на месте в последней попытке прорваться сквозь невидимую преграду, рухнул на землю, издав жуткий рёв, гулким эхом прокатившийся по лесу…

Спустя минуту всё было кончено. Кабан лежал на боку тяжело дыша и ловя последние мгновения жизни.

«Ты убила его? — спрашивает чей-то строгий голос внутри моей головы. — Это твоих рук дело?» Потрясённая произошедшим, я в ужасе качаю головой.

Дети с воплями убежали из леса, оставив меня одну с умирающим зверем. Когда их крики затихли, я опустилась рядом с кабаном на землю и долго гладила его косматую морду, не зная чем ему помочь. Мне было его жалко и одновременно я испытывала чувство вины и бессилия. Слёзы градом хлынули у меня из глаз.

Нет… Я не могла этого сделать. И никто бы не смог. Это не я убила его, а КТО-ТО ДРУГОЙ…

Я ловила себя на том, что думаю о Б.Р. гораздо чаще, чем раньше. Я пыталась понять его, но не могла. Его отношение ко мне и мотивы его поступков. Многие обитатели «Дубовой рощи» не были счастливы в личной жизни. У Ладдока погибла невеста, и он запутался, имея множество порочных связей. Алхимик рано потерял свою жену. Эльвиру бросил муж с тремя детьми, вероломно уйдя к её сестре. Мисс Магда, та вообще не встретила спутника жизни. Бальдерик Рэй, видимо, искал идеальную женщину и никак не мог найти. Может быть, дар магии подразумевает одиночество?

Я всё ещё грустила по бабушке, но история моих отношений с Вадимом как-то заметно потускнела, и уже при мысли о нём я не испытывала, как прежде, никаких острых и болезненных эмоций, — абсолютно ничего. Я даже специально пыталась вызывать в памяти его образ, но с удивлением обнаруживала, что не могу вспомнить даже его лица. Не понимаю, как я могла настолько сильно переживать из-за него и чуть с ума не сойти, а теперь стать такой равнодушной…

Мне было так уютно и спокойно в этом затерянном уголке природы, что если бы была возможность, то я бы осталась здесь жить надолго, а может, и навсегда.

Правда, на пятый день моего пребывания здесь произошло кое-что не очень приятное, несколько омрачившее мои «каникулы».

Гуляя по лесу, я в задумчивости отошла на довольно большое расстояние от дома и в итоге забрела достаточно далеко, куда ещё никогда не осмеливалась заходить. Начинало темнеть, и я повернула обратно, собираясь вернуться по своим следам, когда неожиданно увидела между деревьев старую женщину, собиравшую хворост. Почувствовав мой взгляд, она разогнулась и посмотрела мне в лицо недобрыми колючими глазами. Но ведь это же… Я с удивлением узнала старуху, которую видела в своём последнем кошмаре, — ту, что хохотала, как безумная, и кричала что-то про мою мать и кровь неотомщённых мертвецов. Меня это очень сильно потрясло… Пока я приходила в себя, старуха закинула вязанку хвороста на сгорбленную спину и тут же, ковыляя и помогая себе палкой, убежала в глубь леса, скрывшись из виду.

Вечером Клавдия попросила меня помочь ей с пряжей для вязания, пожаловавшись на то, что в последнее время стала очень неловкой. Я посмотрела на её руки: скрюченные пальцы с большими узлами напоминали птичьи лапы. Пока она наматывала нити вокруг моих рук, я незаметно вылечила её артрит.

— Я видела в лесу какую-то старую женщину. Она была одета в лохмотья, — сказала я.

— Ой! Это Ярема. Будь с ней осторожна. Она шаманка, живёт одна, и она почти безумна, — встревожилась Клавдия.

— Почему она не живёт среди людей?

— Люди боятся её. Говорят, у неё есть сильный дар. Она ясновидящая — может видеть не только будущее, но и прошлое. Но среди людей Ярема жить не может, поскольку она очень зла и духи сводят её с ума.

— Может видеть прошлое… — повторила я задумчиво.

— Ты только, бога ради, не ходи к ней. Не буди лихо, пока оно тихо, — Клавдия суеверно перекрестилась.

— Не пойду, — заверила её я. — А где её дом? Просто интересно…

— Это далеко. К её избе есть постоянная тропинка возле замёрзшего болота. Только обещай туда не ходить. Ярема правда очень страшная… Слушай-ка… А что это такое? — удивлённо воскликнула она, бросив на колени пряжу, сгибая и разгибая

гибкие помолодевшие пальцы. — Представляешь? Артрит-то мой исчез… Я мучилась с ним двадцать лет, а шишки вдруг куда-то взяли и пропали… Вот чудеса-то…

— Правда? Действительно чудеса, — я взяла её руки в свои и с притворным удивлением стала разглядывать их, стараясь не улыбаться. — Я хоть и учусь в медицинском, но такое вижу впервые. Может, у вашего организма активизировались какие-то дополнительные силы?

— Нет, я уже давно им страдаю, и даже смирилась… Господи! Вот радость-то мне на старости лет! — счастливо засмеялась Клавдия.

— Вам действительно очень повезло.

— Это надо же…

— Скажите, а здесь есть кабаны? — спросила я её, переводя разговор на другую тему.

— Кабаны могут быть опасными, — заметила она. — Особенно поздней осенью.

— Да, я знаю, — улыбнулась я.

— Иногда они подходят довольно близко к дороге, но обычно не выходят за пределы заповедника, а до него отсюда больше десяти километров, так что в нашем лесу их почти не встретишь.

…Я дошла до того места, где повстречала вчера старуху, и, пройдя ещё немного вперёд, быстро нашла ту самую тропинку, про которую говорила Клавдия. Она огибала покрытый тонким льдом водоём, петляя, шла вниз под горку меж редкой поросли молодых сосенок и терялась в густом неприступном ельнике.

Проходя в сосенках, я увидела на снегу рядом с тропой свежие раздвоенные следы и услышала подозрительный звук, напоминающий слабый рокот мотоцикла. Впереди колыхнулись ветки деревцев: что-то пряталось за ними — и, по всей видимости, довольно большое. «Кабаны!» — мелькнуло у меня в голове.

В этот же момент из-за невысоких сосен, чуть припорошенных снегом, на поляну вышел крупный клыкастый самец кабана. Он был очень старым, судя по его седой, косматой бороде, придававшей ему почти мудрый вид. Секач остановился в нескольких метрах от меня, подняв кверху морду и нюхая воздух.

Я замерла, не двигаясь, ожидая дальнейших действий кабана.

Он некоторое время смотрел на меня, как мне показалось — усталым стариковским взглядом, затем недовольно фыркнул, повернулся и не спеша удалился в лес. Я подождала ещё немного, но больше никто из его собратьев не появился. Видимо, он был здесь один.

Я принюхалась: откуда-то ощутимо тянуло дымком, значит где-то неподалёку отсюда топилась печь. Путь мой лежал в тёмный зловещий ельник, в который мне идти совсем не хотелось.

Войдя в чащу, я поёжилась от неуютной, мрачной атмосферы. За высокими кронами елей почти не было видно неба, а сам лес казался обиталищем сказочных существ: бабы-Яги, кикимор, леших и прочей нечисти. Сопровождаемая подозрительными воронами, с недовольным карканьем перелетавшими с ветки на ветку вслед за мной, я прошла ещё метров триста по узкой извилистой тропинке и увидела его.

Посреди чёрных стволов елей стоял убогий, некрасивый дом, небрежно сложенный из серых выцветших брёвен, испорченных непогодой и червями. Глухое, безрадостное убежище Яремы…

Дом мог показаться необитаемым, если бы не дым, столбом поднимавшийся из полуразрушенной кирпичной трубы на крыше. Я с опаской ступила на покосившееся, поросшее мхом крыльцо и нечаянно спугнула большого чёрного кота, дремлющего на грязном половике возле порога. Кот зашипел на меня, угрожающе выгнул спину и, яростно взвизгнув, умчался прочь. Под ногой, как назло, скрипнула гнилая половица. Я постояла немного на крыльце, переводя дух, потянула дверь на себя — и чуть не вскрикнула от ужаса: старуха стояла посреди комнаты, прямо напротив двери, руки её тряслись, а лицо было перекошено в приступе сильной злобы.

— Здравствуйте… Извините, что я вошла без разрешения… Мне сказали, что вы предсказываете… — пролепетала я, испугавшись не на шутку.

— Уходи! Духи не хотят видеть тебя! — громко закричала она, и взгляд её чёрных глаз стал страшным. Я испытала внутренний трепет, но не двинулась с места, увидев проблему здоровья отшельницы, решив которую, могла бы умилостивить её.

— У вас уже очень долгое время болит нога, — начала я, справившись с волнением. — Я вижу это. Двойной перелом голени, который сросся неправильно. Я могу вам помочь в обмен на вашу услугу.

Неожиданно моё предложение заинтересовало Ярему, и в её лице появилось признаки смягчения.

— Не врёшь? — спросила она, пытливо заглядывая мне в глаза маленькими колючими глазками.

— Зачем мне вам врать? Спросите у своих духов, если не верите мне.

— Я посоветуюсь. Стой пока тут. Не входи.

Через пять минут она открыла дверь.

— Заходи.

Она села на скрипучий древний стул и, задрав юбку, обнажила изуродованную ногу.

— Духи не сказали вам, как лечить ногу? — поинтересовалась я, разглядывая её распухшее колено и узлы вздувшихся вен.

— Они ненавидят меня. Зачем им помогать мне? — с ненавистью произнесла Ярема.

— Да, действительно, — согласилась я. — Незачем…

Распутав клубок из костей и сухожилий, я срастила их в нужном порядке.

— Готово, — сказала я.

Старуха недоверчиво посмотрела на меня, осторожно подвигала коленом в разные стороны, зловеще ощерилась и вдруг радостно вскрикнула, вскочила со стула, топнула ногой, отшвырнув от себя ставшую ненужной клюку, и победно захохотала.

— Что ты хочешь узнать? — сквозь чёрные зубы процедила она.

— Я хочу узнать кое-что о себе. О своих родителях. Кем был мой отец. И мать….

— Хорошо. Садись. Жди.

Что-то бормоча себе под нос, она удалилась в какую-то смежную каморку сбоку, закрыв за собой низенькую дверь и оставив меня в одиночестве созерцать её жуткое захламлённое жилище. Вернулась минут пятнадцать спустя, держа в руках деревянную пиалу с чем-то дымящимся, горячим, издающим чертовски неприятный запах.

— Пей, — протянула она мне пиалу.

— Что это? Из чего это приготовлено? — брезгливо спросила я.

— Если я скажу тебе, что там, то ты не станешь пить, но только так я смогу связать тебя с духами. Если не хочешь — не пей. Твоё дело.

— Я выпью.

— Духи скажут ответы, — подбодрила она меня.

Я зажмурилась и, сделав глубокий вдох, выпила залпом густую тёмную жидкость. Меня тут же чуть не вывернуло обратно — настолько отвратительным было содержимое чашки.

— Терпи, терпи, — приговаривала старуха.

Я дышала часто, как собачка, стараясь удержать эту дрянь в желудке.

— Началось. Иди сюда, сядь, — позвала она меня, — и смотри в тот угол.

Я посмотрела в указанный угол, оборудованный старухой под место призывания духов, увешанный примитивными амулетами на верёвках и каким-то грязным тряпьём вперемешку со стеблями растений и чьими-то костями, но никого не увидела, зато почувствовала странное движение воздуха, словно откуда-то подул лёгкий ветерок или просочился сквозняк.

— Задавай вопросы, — велела старуха, закрывая глаза и водя рукой возле меня.

— Кто я? — спросила я у «ветерка».

— Что-то странное… Ты родилась от мёртвой женщины, но выносила тебя другая — живая. Ты — плод людского эксперимента над плотью, противоестественного и безобразного.

— Что?! — возмутилась я.

— Тихо! Они мне говорят!

— Хорошо, продолжайте.

— Твой отец… он был очень неосторожен. Любопытство и самоуверенность сгубили его.

— За что его убили?

— Некто хотел похитить тебя и нажиться на сенсации, но тебя спас случай.

— Я - ведьма?

— Ведьма? — зло засмеялась Ярема. — Нет. Чтобы быть ведьмой, нужно иметь к этому проклятую душу через многие поколения. Но твоя душа также темна, как и тайна твоего рождения, покрытая мраком, и будущее твоё связано с тёмным миром. Ты будешь много страдать, но получишь большую власть над людьми и демонами. По твоей вине погибнет очень много демонов, потому что ты зайдёшь туда, куда даже дьявол боится заходить, и выпустишь на свободу чистый ужас, от которого содрогнётся земля и прольётся море крови. Ты станешь преёмницей чёрной королевы. Знак, который есть на тебе, будет довлеть над тобой до тех пор, пока алтарь не будет окроплён кровью и не будет принесена жертва. Кровь за кровь!

— Я не верю вам. Вы лжёте! — в ужасе вскочила я со стула.

— Ты сама просила, зачем теперь злишься?

— Вы выдумали эту чушь, признайтесь?

— Уходи! Духи гневаются на тебя! — закричала Ярема. — Проваливай отсюда, и чтоб духу твоего здесь больше не было!

Я выбежала за дверь, едва не упав, поскользнувшись на крыльце. Меня стошнило в снег.

Забежав в сени, я выпила полный черпак ледяной воды.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила Клавдия.

— Ничего, — ответила я, пытаясь отдышаться, и снова

глотнула воды. — Вы были правы. Эта женщина — сумасшедшая…

— Господи! Зачем ты туда пошла? — всплеснула она руками.

— Сама не знаю… Дурацкое любопытство.

— Евгений просил меня приглядывать за тобой.

— Кто просил?

— Твой жених.

— Мой — кто?

— Вы разве не жених и невеста?

До меня наконец дошло, что это легенда.

— А… ну да… мы в общем… — какого чёрта он меня не предупредил, что он «мой жених»?!

Слова безумной старухи не шли у меня из головы.

В пятницу вместо Б.Р. приехал Ладдок. Я не смогла скрыть своего разочарования, которое не ускользнуло от него.

— Не смог… весь в делах, — развёл он руками. — Пришлось прислать вместо себя гадкого отморозка, типа Ладдока Девятого…

— Да нет… Всё нормально, — я улыбнулась и протянула ему жестяную кружку с тёплым молоком. — Хочешь молочка? Только что из-под козочки… Кстати, очень полезно для печени.

Он только поморщился, улыбаясь, и отрицательно покачал головой.

— Спасибо, но я предпочитаю другие напитки — как раз именно те, которые портят печень.

Я не знаю, что они сделали с Лаурой и её подельницей. Прошёл месяц — будто бы они затихли. Говорят, их в городе не видели.

Глава пятая ВНЕЗАПНАЯ ГОРДОСТЬ БАЛЬДЕРИКА РЭЯ

Я возвращалась домой из института, и, повернув на боковую улицу, ведущую к шоссе, сразу увидела их возле пешеходного перехода. Вадим и его будущая жена Лариса. С большим количеством сумок в руках они собирались перейти дорогу. Мои глаза невольно сузились.

В какой-то момент искра злобы вспыхнула во мне: на сотую долю секунды я подумала, что могу причинить вред ей или её ребенку, но тут же усилием воли отбросила нехорошие мысли. Сначала я хотела проехать мимо них, но меня привлекло выражение лица Ларисы, искажённое болезненной гримасой. Уронив пакеты на землю, она стояла, согнувшись в какой-то неестественной позе, и держалась руками за огромный живот. Поравнявшись с ними, я остановила машину и опустила окно.

— Что случилось? — спросила я у Вадима. Он также был взволнован и растерян.

— Мы вышли из магазина, и ей неожиданно стало плохо. Кажется, схватки начались, но вроде бы ещё рано…

— Воды уже отошли?

— Нет ещё…

— Садитесь, — предложила я. — Я отвезу вас, здесь недалеко есть больница с родильным отделением.

Лариса с громким стоном стала оседать вниз, черты её лица страдальчески заострились. Я вышла из машины, и мы вдвоём с Вадимом помогли ей сесть на заднее сидение.

— Ну потерпи, что ж ты так орёшь, будто тебя режут, — довольно грубо сказал он ей, когда мы уже отъехали от светофора.

— Ей ужасно больно. Разве не понятно? Сам рожать не пробовал? — накинулась я на него.

Он больше не возникал, но в зеркало заднего вида я видела, как он раздражённо сжимает губы.

Она продолжала вскрикивать, пока крики не превратились в одно сплошное завывание. Я посмотрела на Ларису — её лицо было нехорошего землистого оттенка.

— Что-то не так… — произнесла я.

— Не так — что? — спросил Вадим.

— Думаю, она не сможет родить.

Я остановила машину.

— Что значит — не сможет? Зачем ты остановилась?

Пожалуйста, поехали!

— Сейчас посмотрим, что там стряслось… — я решительно открыла дверь.

— Мы теряем время!

— Я будущий врач, между прочим, и разбираюсь кое в чём, впрочем, как и ты должен бы…

— Я не гинеколог, да и ты тоже.

— Неважно. Поднимай кофточку, только поживее, — сказала я Ларисе.

Она вцепилась в мою руку и сжала её так, что побелели костяшки пальцев.

Я увидела в её чреве силуэт ребёнка — он был повёрнут совершенно неправильным образом. Поскольку плод уже силился родиться, матка неистово сокращалась, но довольно крупный ребёнок застрял между узких тазовых костей. Схватки причиняли Ларисе сильную боль, и я видела, что и ребёнку тоже. Я положила руку на её живот, она сразу перестала орать.

— Сейчас всё пройдёт…

Она сильно вскрикнула, задрожала вся и задышала нормально, расслабилась, мышцы её живота продолжали сокращаться.

Ребёнок перевернулся головкой вниз и замер.

— Теперь быстро едем! У нас есть десять минут.

Ларису отвели в родильное отделение, а мы с Вадимом остались ждать в приёмном покое. Вид у него был отрешённый, а сам он — похож на мокрого испуганного воробья.

Мы сели на стулья возле комнатных растений у окна, и какое-то время не разговаривали друг с другом.

— Можно узнать, что ты такое сделала? — первым нарушил молчание Вадим сдавленным голосом.

— Ничего. Просто внушила ей, что всё будет хорошо.

— Ты ей внушила? И всё?

— Всё…

В этот момент из внутреннего коридора в холл вышла сестра в халате и маске и что-то сказала женщине за стойкой.

— Погодин здесь? — расплывшись в улыбке, громко позвала она.

— Да! — подлетел к ней Вадим. Я тоже подошла и встала рядом с ним.

— Всё отлично, роды прошли без осложнений, у вас родился мальчик весом три двести, вашей жене наложили несколько швов, но это не страшно.

Вадим повернулся ко мне и взял меня за плечи.

— Майя… — благодарно пробормотал он. — Майя…

— Не надо, — остановила я его. — Ты не знаешь, что мне сказать, да и я не хочу ничего слушать, хотя… может, только одну вещь…

— Что именно?

— Что тебе тогда сказал Бальдерик Рэй, и отчего ты так внезапно побледнел?

— Кто такой Бальдерик Рэй?

— Ну помнишь, три недели назад, после лекции к тебе подошёл парень — высокий такой, шатен с зелёными глазами, — и вы с ним разговаривали, а потом у тебя лицо так сильно изменилось.

— А, этот… Гм… Ну он сказал, что… Знаешь, вообще-то это очень личное, поэтому я не хотел бы тебе этого говорить.

— Услуга за услугу?

— Хорошо! — с досадой согласился Вадим. — Он заявил, что отнимет у меня мужскую силу, если я посмею бросить Ларису с ребёнком. Сказал, что сделал на меня какое-то несмываемое проклятье или заговор — фиг его знает что, короче, — отчего я до конца своих дней не должен иметь интимных связей с другими женщинами, кроме Ларисы, иначе мне труба…

— И ты что, поверил ему? — усмехнулась я.

— Не могу сказать, что прям так и поверил. Я не верю в колдовство, но всё же… Наверное, это было какое-то очень сильное внушение. Я скорее почувствовал, что он способен на это. И мне почему-то трудно избавиться от этого ощущения до сих пор. Странный всё-таки у тебя дружок. Впрочем, как и тот первый, которого, как ты сказала, не знала…

— Ладно, я пошла. Пока.

— Спасибо и… прости, если причинил тебе…

— Мне это уже неинтересно. Береги жену и ребёнка! — бросила я, направляясь к выходу. — И себя тоже.

— Спасибо! — крикнул он мне вдогонку. — Но признайся: ты ведь всё-таки ведьма?

— Думай, что хочешь…

Садясь в машину, я приняла одно довольно сумасшедшее решение…

Час спустя я уже входила в дом на Садовой-Каретной. Пока я ехала, всю дорогу пыталась отговорить себя от этой безумной затеи, но тщетно. Что привело к следующей нелепой выходке, о которой мне пришлось пожалеть.

Консьержка беспрепятственно пропустила меня в подъезд, поскольку я ещё ранее была внесена Б.Р. в «белый список» его

друзей, которым разрешалось посещение в любое время суток. Дома его, как и следовало ожидать, не оказалось. Я не без труда справилась с хитрым замком двери и проникла в квартиру.

С бьющимся сердцем я набрала номер его мобильного с городского телефона. Мне пришлось бесконечно долго слушать музыку, прежде чем он ответил. Наконец он взял трубку.

— Привет, — поздоровалась я, изо всех сил стараясь не выдать своего волнения.

— Майя? Ты звонишь из… — Бальдерик Рэй растерянно замолк.

— Да, я у тебя дома. Ты… когда-нибудь приедешь?

— Что-то случилось? — встревожено спросил он.

— Мне надо с тобой поговорить, и как можно скорее, — «пока я не передумала», — добавила я про себя. — Так ты приедешь?

— Я сейчас немного занят…

— Хорошо, ну тогда, значит, в другой раз… — я собралась положить трубку, чувствуя себя полной идиоткой.

— Нет-нет, подожди! — остановил он меня. — Мы, наверное, закончим раньше, чем планировалось. Не уходи, я скоро приеду!

Я побродила по пустой квартире, не зная, чем себя занять. От нечего делать заглянула во вторую комнату, которую ещё не видела, когда приходила сюда в первый раз. Она показалась мне очень интересной и таинственной, похожей на кабинет давно минувшей эпохи. Кожаный диван, два кресла, громоздкий шкаф из морёного дуба со сложной резьбой, бордовые шторы до пола, а на стене — большой рисованный портрет молодой красивой женщины с длинными белокурыми волосами и голубыми русалочьими глазами. Интересно, кто она? Его мать, сестра, девушка, которую он любил или, быть может, продолжает любить до сих пор? Некоторое время я разглядывала картину с любопытством и небольшой примесью ревности. Мой взгляд упал на низенький круглый столик в углу, на котором стояло несколько изящных бутылок с вином и три бокала. Чтобы как-то успокоить нервы, я налила себе немного тёмно-бордового напитка из сосуда, взятого наугад. Я чуть пригубила его, и мне сразу стало заметно легче, но я почему-то почти ничего не помню из того, что происходило дальше, и как случилось то, что случилось…

Я была в ванной, когда услышала звук повернувшегося ключа в замке и шаги в квартире.

— Как ты сюда попала? — раздался удивлённый голос из коридора.

Я закончила принимать душ и вышла в одном полотенце.

Увидев меня в таком виде, Бальдерик Рэй остолбенел. Вид у него был ошарашенный. На его волосах и одежде блестела влага от растаявшего снега с улицы.

— Ты… что это? — испуганно спросил он, что меня несколько задело.

Я босиком подошла к нему почти вплотную, капли воды с моих волос упали на палас и на рукав его пальто.

— А я вот… решила сделать тебе подарок…

Неожиданно я почувствовала себя последней дурой и пожалела о том, что сделала. Господи, да я сошла с ума!

Его губы как-то странно дрогнули, скривились, он осторожно провёл рукой по моим волосам, но тут его лицо перекосила страдальческая гримаса. Он резко убрал руку и попятился от меня, словно увидел чудовище.

— Что? Что случилось? — растерялась я. — Всё понятно… Я больше не возбуждаю твоего воображения…

— Ты пьяна… Ты выпила напиток Сов. Я чувствую это! — он трагически закрыл рукой глаза, будто ему было больно смотреть на солнце.

— И что в этом криминального? — с раздражением пробормотала я. — Я выпила-то совсем чуть-чуть. Две капли. Мне что, уже и расслабиться нельзя?

Полотенце упало на ковёр.

— Ты сегодня видела его… — каким-то образом догадался он, не глядя на меня.

— Да, видела! Но скажи: что это для меня значит? Абсолютно ничего! Мои чувства к нему давно остыли, и мне уже всё равно.

— Неужели ты считаешь меня подонком? Что я сейчас, именно в эту самую минуту, воспользуюсь твоей слабостью и глупой безрассудностью?

— Ты же сам давно этого хотел, разве нет? Почему тогда не сейчас?

— Да…. Но не такой ценой… — я стояла перед ним совершенно голая, а он смотрел куда-то мимо меня. Это было невыносимо!

— Свою цену я уже заплатила. Или ты хочешь назначить свою?

— Нет… это всё не то… и так не должно быть…

— А как должно?

Вино совсем опьянило меня, и чем больше я хотела близости с ним, тем более неприступным он становился. Какая досада! Какой стыд! Это так мерзко! Значит, он отвергает меня? С чего я вообще взяла, что у него ко мне есть какие-то чувства? Ладдок зло подшутил надо мной, а я, наивная дура, повелась!

— Мне непонятен твой внезапно возникший приступ целомудрия…

— Ты чушь сейчас несёшь, оттого что пьяна, и я не стану слушать тебя… — он упорно избегал смотреть на меня, словно боясь ослепнуть.

— Тогда зачем ты спас меня? Зачем? Зачем? Зачем?! — крикнула я со злостью, чуть ли не в истерике.

Он промолчал.

Я вскинула голову и посмотрела ему прямо в глаза. Но ничего. В них не было ничего, кроме презрения и отвращения. Я почувствовала себя никому не нужной грязной шлюхой. Б.Р. молча поднял с пола полотенце, обернул им меня и отвернулся; в глазах его застыла боль, хотя я готова была поклясться, что всего лишь минуту назад в них горела страсть. Боже мой! Опять я так глупо обманулась — в который уже раз!

— Оденься… заболеешь.

Словно пребывая в ступоре, я стояла, не двигаясь, уставившись в одну точку, не в силах пережить кошмарной ситуации, в которой оказалась, благодаря своему же собственному идиотизму и самонадеянности.

— Я переночую у друзей, а ты можешь оставаться здесь столько, сколько захочешь… — словно издалека донёсся до меня его голос.

Ничего более не говоря, он повернулся и быстро вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Я подошла к окну и раздвинула шторы. Снег крупными хлопьями тихо падал, кружась, в жёлтом свете фонарей. Я смотрела, как Б.Р. идёт решительным шагом к своей машине, пересекая улицу. Ну что ж… Безумие уже случилось, и ничего теперь не исправить. Но я никогда не прощу тебе, Бальдерик Рэй, эту минуту моего стыда и унижения!

Мне хотелось заплакать, но вместо этого я рассмеялась, и смех мой в большей степени был истерическим. Во мне созрело ещё одно решение — как оказалось впоследствии, опять неправильное. Я быстро оделась и покинула квартиру, — оставаться в ней одной для меня было совершенно невыносимо.

Ночью мне приснилась бабушка в чёрном платке. Она была очень грустной.

* * *

Наутро почти весь снег растаял, и на улице было также грязно и пасмурно, как в моей душе.

Мисс Магда, как обычно, сидела за своими манускриптами и скрупулёзно разглядывала их в пенсне поверх очков; водила длинными крючковатыми пальцами по огромным страницам, переворачивая тяжёлые листы. Увидев меня, она обрадовано улыбнулась и отложила в сторону книгу.

— Ты как раз вовремя, деточка, я заварила чай с лепестками фиалок.

— Я уезжаю, — бросила я, избегая смотреть на неё.

— Уезжаешь? — удивилась она. — Куда это?

— Домой, в Велиж.

— Ты совершаешь ошибку…

— Возможно. Но, в конце концов, это будет моя ошибка; и, вообще, мне надоели постоянные нравоучения. Все кому не лень поучают меня и говорят, что я должна делать и как. Так что, всё. С меня хватит.

— Этот человек не пара тебе, и любовь твоя — неправильная.

— О ком вы говорите? Да и что вы вообще понимаете в любви? — взорвалась я и тут же пожалела об этом.

Трогательная она и такая милая… Мне стало стыдно за свои злые слова; Мисс Магда расстроенно заморгала, похожая в своих больших очках на обиженного кузнечика.

— Боже мой! Простите меня! — я обняла её и чуть не разревелась.

— Нет… Ты права. Но я вижу, что сейчас на твоём лице отображены неправильные чувства. На твоём лице всегда отражается всё, что ты чувствуешь. Ты ничего не можешь скрыть.

— Да, я ужасна! А вы добрая, но я должна съездить домой. Я не была на похоронах у бабушки. Поэтому навещу хотя бы её могилу… Только, пожалуйста, никому об этом не говорите. Обещаете?

— Да… Конечно… — пообещала она.

Глава шестая ЗДРАВСТВУЙ, ДОМ РОДНОЙ!

Я оставила Ане ключи от квартиры, взяв с неё обещание, что она не станет искать себе другого жилья до моего возвращения.

Забежав в супермаркет, я закупила несколько пакетов еды и предметов первой необходимости, побросав всё это в багажник как попало. Когда я бродила по магазину, возле одного из стеллажей мне почудилось, что прямо передо мной возникла фигура Бальдерика Рэя, стоящего ко мне спиной. Я попятилась назад, собираясь незаметно скрыться среди людей, но тут он повернулся, оказавшись совершенно незнакомым мне мужчиной. Встретившись с моим испуганным взглядом, незнакомец, вероятно, принял меня за сумасшедшую и перешёл в соседний ряд, продолжая выбирать покупки. Господи! Неужели он мне теперь повсюду будет мерещиться? Выехав с парковки, я рванула с места так, что завизжали тормоза, и едва не столкнулась с другой выезжающей машиной, потом ещё вдобавок обрызгала водой из лужи проходящую мимо парочку. «Эй ты, дура! Совсем обнаглела!» — понеслось мне вслед, но я уже унеслась прочь, запоздало моргнув «аварийкой» в качестве извинения.

Оказавшись на загородном шоссе, я вела машину так быстро, насколько это было возможно, самым грубым образом нарушая правила дорожного движения и подрезая всех подряд. Два раза меня даже остановили гаишники за превышение скорости, но почему-то отпустили без штрафа, лишь покрутив пальцем у виска и посоветовав хоть изредка включать мозги. Только когда я пересекла границу московской области, я немного успокоилась, снизила скорость и включила магнитолу. Мне нестерпимо сильно хотелось побыть одной, убежать от всех, забраться далеко-далеко и поплакать вволю, как в детстве.

Дорога домой заняла у меня около шести часов, и за это время я ни разу не остановилась, чтобы отдохнуть.

Оставив машину на краю посёлка, возле оврага, я решила прогуляться немного пешком.

Я шла по заснеженному полю, вдыхая чистый прохладный воздух. Сколько же раз я ходила по нему… Но сейчас родные места отчего-то показались мне чужими, мрачными, даже зловещими… или, быть может, это я стала какой-то другой? По дороге я не встретила ни одной живой души. Моё сердце забилось сильнее, когда я увидела очертания своего покосившегося домика с зелёной облупившейся краской на стенах. Окна дома были наспех заколочены старыми досками. Ветер лениво трепал

одинокий ржавый флигель на крыше. Я сунула в рот несколько покрытых инеем ягод рябины, росшей у забора соседей. Их горьковато-сладкий вкус напомнил мне о детстве.

Когда я вошла в калитку, кто-то толкнул меня сзади, едва не свалив с ног. Я присела вниз, и, обхватив руками мохнатую собачью голову, прижала её к груди.

Джек…

Пёс неистово молотил хвостом, поскуливая; в глазах у него стояли самые настоящие человеческие слёзы. Я едва сдержала свои.

Боже… Такой исхудавший…

— Прости меня… — с трудом выдавила я из себя, проглотив комок в горле. — Я просто сволочь и предательница. Ты имеешь право ругаться. Но теперь я тебя ни за что не оставлю…

Я увидела краем глаза, как соседка из дома напротив вышла на улицу в пальто и с сумкой в руках, но, увидев меня, торопливо забежала обратно, захлопнув ворота.

Волнуясь, я вошла в свой дом и ужаснулась бардаку и запустению, царившим в нём. Завывание ветра в щелях оконных рам навевало печаль и уныние.

Я бродила по пустому холодному дому, как во сне, среди до боли знакомых предметов и запахов, не в силах до конца принять новую жестокую реальность, снова почувствовав себя маленьким ребёнком, оставшимся без помощи и мудрого совета взрослых. Грустные образы прошлого, как призраки, витали вокруг меня, усиливая невыносимое чувство одиночества и безысходности. Внутри поселилась разъедающая душу тоска вперемешку с бессильной яростью от невозможности вернуться во времени назад и изменить ход событий, чтобы всё стало как прежде. Если бы только у меня были такие способности…

Я долго не решалась зайти в бабушкину комнату, но всё же заставила себя это сделать. На тумбочке у её кровати с незастеленной отсыревшей постелью в беспорядке были разбросаны пачки таблеток и ампулы с лекарствами. Я взяла одну из ампул двумя пальцами и поднесла к глазам, чтобы рассмотреть название. Значит, всё действительно было настолько серьёзно… Я стиснула зубы. Ну почему она не рассказала мне о своей болезни? Ведь тогда бы у меня был шанс… Это я во всём виновата, оставив её надолго одну из-за своей безумной, нелепой страсти! Мне нет оправдания… Я сняла со шкафа потрёпанного плюшевого медвежонка, которого бабушка хранила как память о моём детстве, и сотряслась от беззвучных рыданий. Не в силах более сдерживаться, я расплакалась впервые за долгое время. Болезненный спазм в животе заставил меня согнуться пополам и

я упала на пол. Скорчившись и подтянув коленки к подбородку, я заревела во весь голос громко и протяжно, судорожно прижимая к себе медвежонка.

Я предавалась страданиям до тех пор, пока не раздался какой-то подозрительный шум на улице: что-то упало снаружи и покатилось по земле. Я перестала рыдать и подняла голову, прислушиваясь. За окном быстро промелькнула чья-то тень.

— Кто здесь? — крикнула я, вскакивая на ноги.

Я выбежала во двор и увидела дырявый эмалированный тазик, раскачивающийся на земле возле рассыпавшейся поленницы.

— Кто здесь был? — спросила я у Джека.

Он заскулил и сделал волчок вокруг себя.

— Ты не прогнал его? Кто это был?

— Друг или враг?

Пёс снова покрутился, дружелюбно помахивая хвостом, и как-то чудно тоненько тявкнул, словно вдруг впал в детство, превратившись в щенка. Мне даже показалось, он улыбается.

— Наверное, птицы… — решила я.

Я сходила к машине за провизией, чтобы накормить Джека. Он никак не мог наесться. Я скормила ему почти все припасы тушёнки.

В моей комнате ничего не изменилось с тех пор, как я была здесь в последний раз. На столе лежала стопка нераспечатанных писем, адресованных мне. Я вскрыла одно из них и извлекла фотографию счастливо улыбающейся женщины с ребёнком на руках. Я вспомнила ту, самую первую мою «клиентку». Значит, всё-таки получилось…

Света в доме не было — электричество в нём уже давно отключили. Я нашла на кухне в чулане запасы стеариновых свечей.

Затопив печь и приготовив себе на скорую руку нехитрый ужин, я легла на кровать, не раздеваясь, и несколько часов посвятила воспоминаниям о прошлом и размышлениям о причинах, которые заставили меня покинуть Город. Наевшийся Джек дремал на полу, ворча во сне и нервно подёргивая лапами.

С утра я отправилась к утёсу, чтобы пополнить запасы глины. Для этого мне пришлось выдолбить несколько кусков ножом, поскольку она основательно промёрзла.

Возвращаясь обратно, я увидела Надежду — жену соседа Алексея, — с любопытством заглядывающую через калитку во двор моего дома. Я окликнула её, поздоровавшись. Женщина вздрогнула, обернулась, посмотрела на меня с непонятным

ужасом и снова, как и вчера, торопливо убежала к себе. Постояв в замешательстве несколько секунд, я решительно направилась к дому соседей и постучала кулаком в их дверь, чтобы потребовать объяснений.

Мне открыл Алексей — заспанный и небритый, — скорее всего, он сильно «поддавал» несколько дней подряд.

— Что тебе? — не очень-то любезно спросил он, не здороваясь.

— Почему она убежала, едва увидев меня? — не скрывая раздражения, поинтересовалась я. — Я вам что — прокажённая?

— Я поговорю с тобой, но не здесь, — понизив голос, сказал он. — Пойдём за дровяной склад, чтобы Надежда нас не слышала.

— Здесь были твои подруги, — начал он, прислонившись боком к стене сарая и закуривая сигарету.

— Какие ещё подруги? — нахмурилась я.

— Они так сказали. Московские… Заявили, что пришли мстить за тебя. Обе — очень яркие, эффектные. Одна такая — высокая, красивая, с голубыми волосами, а вторая — блондинка — нервная, и худющая как смерть.

По описанию походило на Лауру и Киру. Вот стервы! Почему они никак не оставят меня в покое? Похоже, они задались целью сделать моё существование невыносимым, настроив против меня всех и вся. Они изучили историю моей жизни, узнали все слабые места, и решили отомстить таким подлым и мерзким способом!

— Они мне не подруги… — безжизненным голосом произнесла я.

— Неважно, кто они тебе; важно, сколько у нас из-за них народу пострадало, — мрачно сказал сосед. — Считай, почти в каждом доме случилась какая-то беда: у кого пожар, у кого болезнь или несчастный случай. Даже поп у нас тут ходил по домам в округе, окропляя всех святой водой, но и это не помогло. В прошлом месяце похороны были чуть ли не через день.

— Они мне не подруги, — горько повторила я. — Это мои враги.

— Даже если это и так, всё равно тебе лучше уехать. Народ будет связывать произошедшее с тобой. Люди считают, что это именно ты навлекла на наш город неприятности.

— Мне нужно навестить могилу бабушки…

— Её похоронили с левой стороны… Помнишь, где сосенки начинаются? Табличка там есть. Но мой тебе совет… Уезжай-ка ты лучше, да поскорее. Сходи на могилку Анны Михайловны и… В общем… прощай.

Алексей бросил недокуренную сигарету в снег, повернулся и

ушёл в дом.

Велижское кладбище… Я заметила много свежих могил, покрывших ранее нетронутую землю. Видимо, Алексей не преувеличил масштаб чудовищных бед, свалившихся на головы ни в чём не повинных жителей, благодаря стараниям проклятых ведьм. На самом краю кладбища я отыскала запорошенный снегом маленький холмик с казённой табличкой, на которой было указано имя бабушки и даты её рождения и смерти. Комок в горле снова причинил мне боль, но заплакать я так и не смогла: наверное, все слёзы были выплаканы ещё вчера. Постояв недолго над могилой, я воткнула в мёрзлую землю несколько искусственных цветков и ушла прочь. Надо будет позаботиться о памятнике и оградке…

Глава седьмая СТОЛКНОВЕНИЕ С ЖИТЕЛЯМИ ВЕЛИЖА

Я нахожусь в своём городе чуть больше суток, но чем дольше я здесь нахожусь, тем сильнее ощущаю напряжённую атмосферу, насквозь пропитанную липкой враждебностью.

Тишина оказалась затишьем перед бурей.

Сосед предупреждал меня о грозящей мне опасности, но я не послушала его, решив остаться в городе ещё на одну ночь, — и моё упрямство едва не обернулось трагедией.

Ибо ночью случился погром.

Сначала я услышала в отдалении какой-то странный гул, который по мере приближения превратился в многоголосье большого скопления людей, и вскоре у меня уже не было никаких сомнений в том, что под самыми моими окнами гудит огромная толпа. В следующий момент с разных сторон раздались стуки в стенах — то одиночные, то градом. Я поняла, что находящиеся снаружи кидают в мой дом камни. Один из камней влетел в комнату, разбив окно.

Я вышла на крыльцо, рискуя быть убитой на месте, и едва успела отскочить в сторону, как в дверь ударило несколько булыжников.

На улице творилось что-то невероятное! Мне показалось, что возле моего дома собрался если не весь город, то добрая его половина. Пришедшие уже сломали калитку и повалили на землю забор. Кругом что-то горело и полыхало, люди держали в руках зажжённые факелы и… Господи! Да это же Средневековье какое-то!

— Что вы против меня имеете? — крикнула я толпе. Голос мой дрожал от обиды и злости. — Говорите же, ну! Скажите прямо сейчас!

— Тебе не место здесь, сваливай! — с ненавистью ответил мне из толпы чей-то нетрезвый голос, к нему присоединилось ещё несколько, выкрикивая оскорбления в мой адрес, вплоть до пожеланий смерти, вперемешку с нецензурной бранью.

— Ишь ты, как разоделась! — со злобной завистью заметили впереди стоящие женщины, в одной из которых я узнала Светлану — парикмахершу с соседней улицы, которой я в прошлом году отказалась делать приворот на директора хозяйственного магазина.

Со слабой надеждой я посмотрела в окно Алексея, — тот робко подглядывал за происходящим на улице сквозь щель между

шторами, но заметив, что я смотрю на него, быстро задёрнул занавеску и погасил свет.

— Что мы с ней церемонимся? Сжечь ведьму! Разжигайте костёр!

Безумствующая толпа двинулась на меня. В моих глазах вспыхнул огонь: я приготовилась обороняться от нападающих с помощью своего дара. Идущие в первых рядах ахнули и остановились от неожиданности, — видимо, в темноте мои глаза произвели на них устрашающий эффект.

— Глаза! Смотрите! Её глаза! — заверещал кто-то тонким голоском.

— Надо выколоть ей глаза! — нашёлся некто посмелее.

— Семёныч, стреляй же! Давай, грохни её — и дело с концом!

Я ужаснулась, увидев в толпе человека с охотничьим ружьём. Неужели, они и вправду собирались меня убить?!

Двое парней запрыгнули на крыльцо — мне грозила неминуемая смерть. Да они же все сошли с ума! Мне не справиться с такой оравой безумцев, но в этот момент… Я бросила отчаянный взгляд вперёд и застыла в изумлении, увидев следующую странную, но обнадёживающую для себя картину.

Сквозь толпу, с высоко поднятой головой, к моему дому шёл Бальдерик Рэй. Он просто что-то сказал двум типам на крыльце, и они убежали прочь, словно трусливые псы.

— Ты цела? — спросил он, подойдя ко мне, приподнимая моё лицо за подбородок и с тревогой всматриваясь в него.

— Тебе-то какая разница? — буркнула я грубо, отпихнув его руку. Но я, хоть и не могла признаться в этом, была несказанно рада присутствию Б.Р. как никогда. От сильного волнения у меня кружилась голова и моё сердце выпрыгивало из груди. Эти люди будто обезумели, и были готовы на всё.

Мы одновременно повернулись к разъярённой толпе, подступившей к нам уже настолько близко, что казалось — ещё чуть-чуть и нас обоих начнут рвать на куски.

— Уезжай Матвеева! — продолжали кричать пришедшие перекошенными от ярости ртами. — Убирайся, ведьма проклятая! Покинь наш город!

Всё это время Джек лаял за дверью как сумасшедший: я закрыла его в доме, чтобы он ненароком не пострадал, попав под горячую руку какому-нибудь психу; но он выскочил через разбитое окно и, подбежав к толпе, укусил за ногу пожилого мужчину с ружьём. Тот заорал и, прежде чем я успела что-либо сделать, направил на Джека ствол своего ружья. Раздался оглушающий выстрел и следом жалобный визг, болью пронзивший моё сердце. Подняв тяжёлый взгляд, я посмотрела на

стрелявшего. Он испуганно шагнул назад, но упёрся спиной в напиравшую сзади толпу.

Я бросилась к собаке, мои руки погрузились во что-то тёплое и мокрое. Джек был в агонии. Я протянула трясущуюся окровавленную руку над его телом, но слишком поздно… Синие вихри, за которые можно было зацепиться, взмыли вверх и ускользнули от меня в самый последний момент. Преданный пёс отдал за меня свою жизнь и безвозвратно ушёл навсегда…

В моей голове помутилось, и в ту же секунду я впилась безжалостным взглядом в убийцу моего друга. Люди, огни — всё закружилось перед глазами… Мужик уронил дробовик и схватился руками за горло.

Бальдерик Рэй молча смотрел на меня: его красивое побледневшее лицо было искажено ужасом.

— Сделай что-нибудь! — взмолилась я, не в силах вырваться из охватившего меня желания возмездия. — Я же сейчас убью его на месте! — я почти потеряла контроль над собой, затягивая невидимую удавку на шее человека всё сильнее и сильнее. Мужик хрипел и корчился на земле, а люди в панике топтались вокруг него, издавая бессмысленные возгласы.

Я никак не ожидала того, что он сделает, но тем не менее он это сделал, закатив мне сильнейшую пощёчину, от которой я едва устояла на ногах. Как ни странно, это сразу подействовало отрезвляюще. Возмущённая, я попыталась дать ему сдачи, но он перехватил мою руку и отшвырнул меня назад, как котёнка, после чего снова повернулся к толпе.

Бальдерик Рэй с сосредоточенной решительностью пошёл навстречу к собравшимся, отрезая меня от них. Толпа испуганно попятилась, — уж и не знаю, что именно вызвало её ужас, могу только догадываться. Может быть, люди увидели в его глазах полыхающий зелёным дьявольский огонь или что-нибудь ещё наподобие этого. Неожиданно он крикнул так громко, что его крик разнёсся эхом на далёкое расстояние, как раскаты грома.

— А ну-ка, быстро всем назад!

Толпа снова отхлынула. Но тут кто-то завопил:

— Бей колдунов! Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Аминь!

Несколько человек с палками ринулись на нас в атаку. Бальдерик Рэй поднял перед собой руки ладонями вперёд — и атакующие резко остановились, словно наткнулись на непробиваемую стеклянную стену, а затем, оторванные от земли неведомой силой, отлетели назад и упали прямо в гущу толпы, из которой раздался истошный визг.

Я никогда ещё до этого момента не видела открытого проявления способностей Б.Р. и, как заворожённая, наблюдала за

его действиями.

— Всем назад! Назад, я сказал! Шакалы, вашу мать! — в сердцах выругался Бальдерик Рэй, чего никогда себе обычно не позволял. Он подобрал валяющийся на земле дробовик и потряс им над головой. И тут внезапно он… запел. Вначале я решила, что он сошёл с ума. У него был необычайно сильный, чистый и пронзительный голос. Изумлённая, я робко подошла к нему чуть ближе. Он пел песню на каком-то непонятном тарабарском языке. Песня произвела странный эффект на собравшихся. Толпа замерла. Когда он замолк, все стояли неподвижно, точно каменные статуи, и не издавали ни единого звука.

— Добрые соседи, да? — спросил Б.Р., лицо его было искажено гневом, зелёные глаза метали молнии. — Предупреждаю всего лишь один раз. Если кто-нибудь из вас сделает ещё хоть шаг, бросит камень, подожжёт что-либо во дворе или просто замахнётся, то, клянусь, от него останется только кучка из белковой муки — и я не шучу!

Толпа ответила безмолвием.

— Молодцы, — похвалил он её. — А теперь все дружно — кто парами, а кто поодиночке — идут по домам! И подберите свои осиновые колья — они вам сейчас не понадобятся. Завтра можете с ними сюда прийти и сделать из них частокол, взамен сломанному забору. Итак, даю вам установку на счёт «три». Раз, два, три. Кругом! Шагом марш! Пошли все вон!

Толпа «зомби» нестройными рядами поковыляла по улице прочь. Бальдерик Рэй поднял с земли чью-то затоптанную куртку и стал сбивать ей пламя с горящей поленницы, занявшейся от брошенного факела. Я молча стащила со ступеней крыльца половик и присоединилась к нему. Минут пятнадцать мы сражались с огнём.

Мы не спали всю ночь и встретили тревожный рассвет.

Я прикладывала мокрое полотенце к лицу: щека горела огнём; посмотрев в зеркало, я увидела на ней расплывшееся красное пятно и почувствовала раздражение.

— Ты не мог стукнуть меня поаккуратнее? — недовольно процедила я сквозь зубы, мрачно глядя в спину Б.Р., стоящему у окна. — И вообще, ты не мог придумать что-нибудь менее тривиальное, чем пощёчина? Ты мне чуть челюсть не сломал.

— Прости, но ты была уже почти целиком во власти эгрегора мести, нужно было переключить тебя… — отозвался он, не оборачиваясь и продолжая смотреть на улицу.

— Точнее выключить… — саркастически поправила его я.

Бальдерик Рэй повернулся ко мне лицом, но ничего не

ответил. Взгляд его был рассеянным.

— Мы уезжаем, — сказал он после некоторого молчания.

— Мы? Ты сказал — мы? — переспросила я. — Ты не ошибся?

— Нам нужно покинуть город — и как можно быстрее, пока они не очухались и не собрали новое войско «куклускслановцев». Я истратил чёртову тучу эйбов, чтобы утихомирить твоих односельчан, поэтому память им удалось отключить всего лишь на несколько часов. Они не вспомнят этого происшествия ночью, но Лаура хорошо постаралась и прочно вбила им в головы, что ты источник всех их бед, и теперь, едва завидев тебя, они предпримут очередную попытку твоего уничтожения. Я не смогу отразить ещё одну атаку, мне нужно время, чтобы восстановиться…

— Я пока ничего не решила… — сказала я. — Мне надо подумать…

Б.Р. сжал губы. Видимо, терпение давалось ему нелегко.

— Ты всё ещё сомневаешься? Я думаю, тебе нет смысла сопротивляться разумным решениям, — устало произнёс он. — Будь же честна сама с собой. И если у тебя осталась хоть капля здравого смысла, то ответь, пожалуйста, на один единственный вопрос — не мне, а себе: разве ТЫ СМОЖЕШЬ ЗДЕСЬ ЖИТЬ?

— Я должна доказать им, что они заблуждаются… В конце концов, поставить их на место, — сказала я, проигнорировав я его вопрос. — Здесь мой дом, я здесь родилась и выросла. Насколько они могут быть слепы в своей ненависти? Почему я всегда должна убегать как изгой?!

— Оставаясь здесь, ты можешь сделать только хуже себе и другим, — спокойно ответил Бальдерик Рэй, начиная пристально смотреть мне в глаза. Я попыталась отвести свой взгляд, но почему-то не смогла.

— Пойми одно, — продолжил он, — тебе нет места среди этих людей. Однажды они уже выжили тебя из города, и, знаешь, мне как-то не особо верится, что ты хочешь крови. А она прольётся неизбежно, если ты не оставишь свою затею. Это то, что я вижу слишком отчётливо. И боюсь, в следующий раз для тебя всё закончится гораздо плачевнее, чем сегодня. Иногда нужно уметь вовремя остановиться и попытаться включить трезвый рассудок, даже если тебе кажется, что ты должна сразиться со всем миром, чтобы он признал тебя.

В душе я понимала, что он прав, но не могла смириться с мыслью о своём поражении в войне, развязанной против меня Лаурой.

— Ты такой спокойный, холодный и рассудительный… Я не такая… — сказала я ему, изо всех сил борясь с отчаянием и

безуспешно пытаясь вырваться из плена его глаз. — Но неужели ты не видишь, что мне очень трудно? Я словно заложница своего проклятого дара. Этот мир чужд для меня, мне нельзя думать, нельзя чувствовать… Я… я не понимаю… отчего это всё? За что? Что я им сделала… Мне так обидно… Понимаешь? — я стала заикаться от переполнявшей меня боли и чуть не расплакалась.

— Я тебя прекрасно понимаю, как никто другой, — с грустью ответил он. — Ты не такая, как они, но тебе придётся смириться с этим и принять как данность раз и навсегда. Но и ты также пойми, что мы — никакие не проклятые, просто мы не такие беззащитные, как простые люди. У нас есть знания и способности, которых нет у них. Это единственная правда, которая существует на сегодняшний момент. И что бы ты ни вбила себе в голову, люди никогда не примут тебя настоящей, а тебе всё труднее и труднее сдерживать свою силу. Они не смогут выносить твоего присутствия, потому что не готовы к этому. Это равносильно тому, что пытаться подружить огонь и воду…

— …И нетрудно догадаться, что они не очень-то рады соседству с такой, как ты, — добавил он.

— Это мягко сказано… — с горечью согласилась я. Он наконец отвёл гипнотизирующий взгляд от моих глаз, и я тут же уставилась невидящим взором в зияющую черноту разбитого окна.

Бальдерик Рэй принёс табурет и сел напротив меня, взяв мои ледяные руки в свои. Его ладони были тёплыми, и взгляд такой же — тёплый и сочувствующий.

— Знаешь… — продолжил он. — Далеко не всем повезло, как тебе. Ты хотя бы встретила себе подобных, иные же — в разное время были забиты камнями и отвергнуты обществом, или поодиночке сгинули в тюрьмах и домах для умалишённых. Так происходило веками, и мало что изменилось с тех пор… Мы стараемся держаться все вместе, потому что так легче. Может быть, на самом деле не такие уж мы и плохие, как тебе кажется?

— Я считаю… Я считаю… Я не такая, как вы. Я… другая… — я выдернула свои руки из его рук. — Я не такая, как люди, и не такая, как вы.

В его лице ничего не изменилось, только в глазах появилось что-то пронзительное.

— Я честно не знаю, кто ты и откуда пришла, — признался он. — Но мы вместе с тобой это обязательно выясним. Это то, что я могу тебе обещать. Но сколько бы ты ни пыталась убежать, от себя всё равно не убежишь. Отвергая свою природу, ты отвергаешь себя. Подумай об этом, хорошо? Только думай побыстрее, потому что через час я уезжаю. С тобой или без… Но

лучше бы с тобой.

— Я думаю, тебе лучше уехать… — не глядя на него, безжизненным голосом выдавила я из себя и, поднявшись со стула, отошла к печи, чтобы подбросить в неё дров.

Он молчал, но я чувствовала его взгляд на своей спине. Обернувшись, я посмотрела на него. В его глазах светились нежность и сострадание. Неожиданно я не выдержала и разревелась как ребёнок. Бальдерик Рэй как-то растерянно моргнул пару раз, а затем шагнул ко мне, осторожно убрал мои волосы назад и начал покрывать моё лицо поцелуями. У меня моментально ослабли ноги и вдоль позвоночника побежали мурашки.

— Перестань… Ты с ума сошёл? — возмущённо воскликнула я, испугавшись своей реакции, и высвободилась из его объятий.

— Ты что… Боишься своих чувств? — удивлённо спросил он.

— После всего, что со мной было? Да, боюсь! И теперь я больше не могу позволить себе быть размазнёй.

Больше ничего не говоря, Бальдерик Рэй сел за стол у окна, и подперев рукой щёку, снова в задумчивости уставился на улицу. Интересно, чего он ждёт? Что я передумаю?

Поскольку говорить мне стало больше не с кем, в моей голове начался напряжённый внутренний диалог.

Что и кому я хочу доказать? Мне ведь действительно здесь не жить — события сегодняшней ночи это наглядно показали. Да и зачем мне оставаться в холодном, населённом призраками прошлого доме, где всё: каждый уголок, каждая вещица, книга, фотография — всё-всё, на что только может упасть взгляд, — будет служить постоянным напоминанием о давно минувших днях, которых никогда не вернуть, отзываясь в сердце колкой, разрушающей болью. Что я буду делать одна в этом, хоть и родном, но забытом богом городке, где я абсолютно никому не нужна и где все меня ненавидят? У меня здесь нет ни одного друга, даже близкого человека, не говоря уже о возможности как-то заработать себе на жизнь. И если до конца быть честной, то моё желание уехать домой по большому счёту было продиктовано обидой на Б. Р. То, что произошло между нами накануне моего отъезда, — всего лишь простое недоразумение, глупость; причём я сама же и создала эту нелепую ситуацию, — мне некого винить в её последствиях, кроме себя. Конечно, моё самолюбие было сильно задето, но в любом случае это не стоит того, чтобы совершать новые ошибки и тем самым создавать себе и окружающим ещё более чудовищные проблемы…

В итоге чаша благоразумия перевесила чашу гордости, и, хоть это далось мне нелегко, я приняла окончательное решение.

— Хорошо… — услышала я свой надломленный голос. — Я поеду с тобой, только дай мне десять минут.

Бальдерик Рэй молча кивнул, не отрывая взгляда от окна. Словно с самого начала знал, что мой ответ будет именно таким, и просто ждал, когда в моей душе улягутся все противоречия.

Накинув на плечи бабушкин пуховой платок, я в полном расстройстве вышла на улицу. Начинало светать. Я посмотрела на место недавнего побоища и содрогнулась. Забор был завален, а земля вытоптана множеством ног. Сожжённые в саду деревья пугающе торчали вверх чёрными обугленными палками.

Мой взгляд упал на что-то лежащее возле тропинки, чуть припорошённое снегом. Новая слеза поползла у меня по щеке. Лёгкий ветерок шевелил шерсть на окоченевшем теле собаки.

Бедный Джек…

Бальдерик Рэй вышел на крыльцо и остановился позади меня.

— Мой единственный друг, его больше нет… — глотая слёзы, произнесла я. — Теперь я осталась совсем одна… Как всегда… Неужели так будет всегда? Почему? — спросила я, повернувшись к Б.Р.

Мне показалось, что в его лице что-то напряглось, словно его кольнула какая-то боль, но он лишь тяжело вздохнул и снова промолчал.

— Надо похоронить Джека… — выдавила я из себя, изо всех сил стараясь не зареветь.

— Да, надо. Я сделаю это, а ты лучше собирайся, — сказал он тихо, но настойчиво.

— Мне нечего собирать, чемодан до сих пор лежит в багажнике — я даже не успела его распаковать…

— Послушай… — он отвёл взгляд в сторону. — Я должен сообщить тебе кое-что неприятное… Твоей машины больше нет. Они сожгли её прежде, чем я успел им помешать. Свою я предусмотрительно оставил на другой стороне поля. Опыт погромов от людей в крови у моего рода…

— О, проклятье… Так вот, что это был за взрыв!

Я схватилась руками за голову. Боже мой… Какая ненависть! За что?

Опустив глаза, я увидела под сломанной ступенькой лестницы какой-то полиэтиленовый мешок, перевязанный чёрной тесьмой; машинально нагнувшись, сунула руку в проём между ступенями и вытащила его.

— Что это? — удивилась я.

— Дай сюда! — неожиданно грубо сказал Б.Р. и вырвал пакет у меня из рук.

— В чём дело? — возмущённо воскликнула я.

— Это всё проделки Тёмных. Кто-то из них подбросил сюда останки мёртвых тел с кладбищ.

— Зачем? — спросила я, ужаснувшись.

— Человек, которому подбрасывают такой «подарочек», обычно долго не живёт и умирает в течение нескольких месяцев, а то и недель, — пояснил он.

— Мерзкие гадины! — произнесла я с ненавистью. — Они убили мою бабушку, сделали мне приворот к негодяю и вдобавок настроили против меня весь город. Как я их ненавижу! Хочу отомстить… Но как?

— Тихо! — оборвал меня Бальдерик Рэй, сделав предостерегающий жест.

Мы одновременно повернули головы, услышав подозрительный шум со стороны улицы. Кто-то прятался за уцелевшими остатками забора.

— А ну, выходи оттуда! Быстро! — грозным тоном приказал Б.Р. — И подними руки, чтобы я их видел!

Бледная Людмила, та самая медсестра, которая была с моей бабушкой до конца и проводила её в последний путь, вышла из укрытия, подняв над головой руки вместе с сумочкой. Увидев меня, она бросилась ко мне, потрясённо качая головой и с удивлением разглядывая следы моего ночного столкновения с жителями Велижа.

— Майя, дорогая, что здесь стряслось? Пожар? Кошмар какой! Была моя смена… — медсестра с опаской покосилась на моего спутника. Бальдерик Рэй, убедившись, что мне ничего не угрожает, тактично отошёл в сторону, предоставив мне возможность поговорить с Людмилой наедине.

— Ты так сильно похудела, изменилась. Ты не больна? — заметила она, глядя на меня с сочувствием.

Я вяло покачала головой.

— Я должна передать тебе одну вещь… — сказала Людмила. — Анна Михайловна просила меня… Знай, что твоя бабушка в последнее время не доверяла никому, кроме меня. Ты не приехала на похороны, я подумала что-то случилось…

— Да случилось… много чего… — безжизненно произнесла я, не желая углубляться в подробности своих злоключений. Медсестра понимающе кивнула.

— Здесь у нас тоже не всё хорошо… — сказала она. — Точнее сказать, совсем хреново. Пойдём, проводи меня до дома: заберёшь то, что оставила тебе бабушка, и заодно поговорим по дороге.

Дом Людмилы находился недалеко от моего, в конце нашей улицы.

Я собиралась последовать за ней, но неожиданно кое-что

вспомнила.

— Подождите, я должна отдать вам деньги за похороны…

Сцепив зубы, чтобы не расплакаться, я пошла в дом за деньгами.

Выходя, я увидела, как Бальдерик Рэй, расстелив одеяло на земле, завернул в него моего друга и, бережно взяв его на руки, понёс в поле через задний двор. Я зажмурилась, чтобы удержать слёзы, но они всё равно хлынули из глаз.

— Что такое? — обеспокоенно спросила Людмила.

— Ничего… — сказала я, открывая глаза и делая глубокий вздох. — Джека убили. Подстрелили из охотничьего ружья, когда он пытался меня защитить. Люди сошли с ума…

— Джек был здесь? — удивилась она. — Странно, как же это он тебя почуял? Я несколько раз пыталась покормить его, но после смерти Анны Михайловны он совсем одичал, убежал в тот же день, и с тех пор никто его не видел. Говорят, с волками бегал.

— А давно здесь появились волки?

— Трудно сказать. Они то появлялись, то исчезали. Недавно охотники приезжали, поставили по краю леса флажки — и вроде бы отпугнули стаю.

— Понятно…

— Ну вот и мой дом. Ты… подожди здесь, хорошо? — немного замявшись, попросила она меня у своей калитки. — Я вынесу сюда, а то моя мать… видишь ли, она тоже попала под какое-то нехорошее влияние… Но не все в этом городе к тебе плохо относятся. По крайней мере, я не в их числе. Лично я желаю тебе только добра, поэтому… лучше уезжай, пожалуйста, как можно скорее. Не обижайся и пойми меня правильно…

Людмила ушла в дом и тут же вернулась, держа в руках что-то прямоугольное, завёрнутое в плотную почтовую бумагу. Она отдала свёрток мне. На нём стояла сургучная печать и была подпись: «лично в руки Матвеевой Майе».

Через полчаса машина Бальдерика Рэя тихо и осторожно выехала на трассу, увозя меня из негостеприимного спящего города.

Мы ехали, не разговаривая друг с другом; лишь увидев знак, перечёркивающий название моего родного города, теперь ставшего мне совершенно чужим, я произнесла с отчаянием:

— Прощай, Велиж! Теперь уже навсегда!

Ничто меня в нём больше не держало. Отец, мать, бабушка, Джек… все они мертвы. Лес, речка? Что мне теперь с них? Найду другие! Будьте вы все прокляты — разрушившие мой мир и покой!

Глава последняя ПРИМИРЕНИЕ

Сладко потянувшись, я открыла глаза и некоторое время удивлённо разглядывала высокий потолок просторной комнаты, лёжа на широкой чужой кровати и пытаясь понять, как я здесь очутилась. Последнее, что я припоминаю, — это как я перебралась на заднее сидение автомобиля, чтобы хоть немного вздремнуть после бессонной ночи, и… наверное, в какой-то момент отключилась. Но куда делись все мои вещи? Сейчас на мне была только чистая мужская рубашка и больше ничего… Боже мой! Да ведь я же в квартире Б. Р. Не может быть, чтобы я так крепко спала, что не заметила, как он вытащил меня из машины, принёс в свою квартиру и вдобавок… вновь посмотрев на своё облачение, я залилась краской. Неужели он осмелился раздевать меня? Я встала с кровати и подошла к окну. Улица по-праздничному искрилась снегом, в магазине напротив служащие наряжали ёлку и украшали витрину новогодними гирляндами.

Я покосилась на свою сумку, стоящую на комоде, — из неё выглядывал уголок свёртка, который отдала мне Людмила перед отъездом. Разрушив сургуч и развернув бумагу, я извлекла на свет очень старую, сильно потрёпанную временем книгу вместе с конвертом. «Моей дорогой внучке от бабушки» — прочитала я надпись на конверте. Отложив в сторону книгу, я вскрыла конверт.

«Доченька, прости меня за то, что не рассказала тебе о своей болезни, я ужасно виновата перед тобой. Я долго хранила молчание, чтобы не сделать тебе больно, потому что моя болезнь — из тех, что ты не можешь вылечить. Но сейчас я уже чувствую сильную усталость и понимаю, что времени у меня осталось немного. Поэтому, перед тем как я уйду в мир иной, мне необходимо сделать одно важное признание, связанное с твоим появлением на свет. Я не хотела раскрывать тебе эту тайну, но ты имеешь право знать правду.

Ирина не является твоей биологической матерью — вот отчего ты так сильно не похожа на неё. Извини, мне трудно писать, и глаза мои совсем плохо видят. Я не знаю, кем была та бедняжка, которая тебя родила, и как она выглядела, но Феликс — действительно твой родной отец. Он многое не рассказывал мне о своей жизни вдали от дома, и я, наверное, ещё много чего не знаю; могу лишь только сказать, что история, связанная с твоим рождением, — очень странная и запутанная, а также, возможно, в ней таится какая-то опасность. Что же касается твоей настоящей мамы, то она скончалась при родах, и Феликс принял

сложное решение воспитать тебя вместе с Ириной. Как много значила та женщина для моего сына — увы, мне не известно. На самом деле Феликс не погиб в день твоего рождения, как ты привыкла считать. В тот день он вёз тебя домой в Велиж, из далёкого северного города, с другого конца России, когда тебе уже было полтора месяца, и ты ехала вместе с ним, на руках у кормилицы, в том самом поезде, в котором его убили. Та кормилица, узнав об убийстве Феликса, сильно испугалась и несколько дней скрывалась с тобой в Смоленске, перед тем как решилась прийти к нам и поведать эту ужасную историю. Правда, рассказала она совсем немного, взяв с нас клятвенное обещание ни в коем случае никому не говорить, что она находилась с твоим отцом в том поезде (по договорённости с ним она ехала тайно, в другом вагоне), потому что очень боялась, что её найдут и убьют тоже. Также она наотрез отказалась раскрывать какие-либо подробности твоего рождения, сказав лишь, что ты не совсем обычный ребёнок; и, чтобы вывезти тебя из какого-то закрытого научного центра, им пришлось имитировать твою смерть, но если об этом узнают очень влиятельные и страшные люди, то они сотрут в порошок и её, и нас. Мы дали ей немного денег на дорогу и посадили в автобус. У Ирины, несмотря на её легкомысленный характер, была добрая душа, и она решила тебя удочерить. Она очень любила твоего отца и согласилась принять его ребёнка от другой женщины из любви к нему. У тебя не было свидетельства о рождении. Мы с Ириной придумали простую историю: будто бы неизвестная женщина подбросила младенца к дверям нашего дома, а мы захотели взять его себе, чтобы не отдавать в дом малютки. После недолгих и безуспешных поисков горе-матери подкидыша власти дали нам добро. Дальнейших проблем с твоим удочерением не возникло. Ты часто спрашивала, чем занимался твой отец. Так вот, он был историком-археологом, участвовал в поисках следов древнейших цивилизаций, но по каким-то причинам его деятельность была тщательно засекречена органами государственной безопасности. Несколько раз он упоминал о том, что работает на скрытых от посторонних глаз объектах, имеющих важное научное и стратегическое значение. Книга, которую ты держишь в руках, должно быть, принадлежала твоей настоящей матери. Так нам сказала кормилица, отдав её вместе с тобой. Это единственная вещь, уцелевшая при пожаре. Я не знаю, какова её ценность и что в ней содержится. Возможно, она очень древняя…»

Мои руки задрожали, я выронила листок и взялась за книгу. Она показалась мне странной и даже отталкивающей. Её пожелтевшие листы, непохожие на бумагу, скорее были

пергаментом или папирусом. На полуистлевших страницах прочитать что-либо не представлялось возможным, поскольку язык текста, написанного вручную, был мне совершенно не знаком, хотя и отдалённо напоминал латынь. В книге также содержалось множество иллюстраций непонятных существ — по большому счёту уродливых и вызывающих чувство брезгливого внутреннего неприятия.

Я вздрогнула от неожиданно раздавшегося звонка в дверь. Бросив обеспокоенный взгляд на своё легкомысленное одеяние, я на цыпочках подкралась к входной двери и, заглянув в глазок, повернула замок.

На пороге стоял Бальдерик Рэй. Вид у него был немного растерянный, хотя на губах его, едва заметная, играла хитрая улыбка. Он что-то тщетно пытался спрятать за пазухой, поскольку… оно шевелилось.

— Конечно же, она не заменит тебе утраты, поскольку невозможно заменить одного друга другим, но я подумал, что тебе нужно отвлечься, и вот… может быть… — тихо пробормотал он, не глядя на меня.

— Она?

Вместо дальнейших объяснений он достал из-под пальто маленький пищащий комочек. Щенок… Моё сердце дрогнуло.

— Её полное имя — «Афина со святых островов», — сказал Б.Р. — Это чистокровная немецкая овчарка, — по крайней мере, так написано в её родословной. Но ты можешь назвать её по-другому, как сама захочешь. Может быть, Ласточка? Ей полтора месяца.

— Её? Это она? Боже… Ласточка?

Мне показалось, он сжался, напрягся как-то…

Наверное, он ожидал, что я скажу какую-нибудь очередную колкость, возражу или надменно, как и раньше, откажусь от его подарка, но я лишь улыбнулась и протянула к щенку дрожащие руки. Обняла и прижала его к груди. Щенок был мягкий и от него пахло молочком. Он тыкался мне носом в лицо и шею, изо всех сил виляя маленьким хвостиком.

— Кажется, ты ей понравилась… Нет, точно понравилась, — с облегчением произнёс Бальдерик Рэй. — Теперь ты просто обязана её удочерить…

— Прелесть!

Я стала сюсюкать со щенком и целовать его, потом вспомнила, что не одна, и взглянула на Б.Р.

Я увидела широкую улыбку на его лице. Он весь просто светился от счастья, и неожиданно мне захотелось сделать что-нибудь приятное для него тоже. Всё-таки он хороший, несмотря

на все наши прежние разногласия… И почему я к нему всегда так подчёркнуто несправедлива?

— Как приятно видеть радость на твоём лице… — смущённо признался он, и лёд в моём сердце начал стремительно таять.

— Да что же ты наделал! — воскликнула я. — Я не могу оторваться от этой лапуси! Так бы и зацеловала!

— Ты же её затискаешь насмерть, а ей нужно много спать, потому что она ещё ре-бё-нок, — со смехом заметил он. Я нехотя отдала ему щенка.

— Знаешь, у меня есть кое-что. Возможно, тебе это будет интересно, — предположила я.

Б.Р. продолжал молча улыбаться, но в глазах его сверкнули искорки любопытства.

— Бабушка оставила мне одну книгу. Я пыталась её прочесть, но ничего не поняла. Картинки в ней есть. Правда, — я слегка поморщилась, — мерзкие малость.

— Можно мне взглянуть?

Я принесла из комнаты книгу и протянула ему.

— Осторожно, она может рассыпаться, — предупредила я его. — Она ужасно старая.

Он опустил щенка на пол, тот, смешно покрутившись на месте, сделал маленькую лужицу.

Бальдерик Рэй рассматривал книгу и даже зачем-то понюхал её страницы. Я, как заворожённая, уставилась на его руки. Тонкие, длинные пальцы. И одновременно сильные. Наверное, многие красавицы мечтали о прикосновении этих рук, а он тут со мной возится… с такой-сякой… и, кажется, я тоже хочу… Боже, что за идиотские мысли снова бродят в моей голове…

Он заметил мой взгляд, оторвался от книги и посмотрел мне прямо в глаза, отчего меня сразу унесло куда-то далеко-далеко, в космос. Что-то новое. Приехали…

— Это мёртвый язык. Древнегреческий, — пояснил Б.Р. — Попробую что-нибудь прочесть.

Он полистал книгу и остановился на странице с изображением исполина в рыцарских доспехах, сражающимся с каким-то многоруким чудовищем. Люди, толпящиеся вокруг них, казались лилипутами. На левой странице разворота имелось пояснение к картинке.

— «Повержен будет сей могущественный демон, творящий беззакония, силами зла, ибо беззакония его станут настолько немыслимыми по своей жестокости, что оное, накопившись сверх всякой меры, вызовет ропот даже среди верноподданных Тёмного Царства — и те восстанут и свергнут своего Господина, после чего будет дух его сокрушённый покоиться четыре тысячелетия, три

столетия и ещё двадцать девять лет, пока не пробудится, — а потом воскреснет и отомстит. Дочь, тайно рождённая необычным способом от дочери Ламии и одного из Богов, повелевающих небесным огнём, видящая невидимое, разбудит гнев Земли и вызовет из преисподней Города Руин дремлющих воинов тьмы, и тремя огненными мечами будет убит ужасный монстр, охраняющий сосуд с эманацией зла. Сосуд будет повреждён, но не уничтожен окончательно, после чего начнётся хаос, но демонических сил окажется недостаточно…», — прочитал Бальдерик Рэй, и внезапно, нахмурившись, замолк.

— Интересно, что бы это значило, — в недоумении пожала я плечами. — Наверное, сказка какая-то, да?

— Сложно делать однозначные выводы, — ответил Б.Р., закрывая книгу. — Странно, но у моего рода есть похожая легенда о древних воинах гигантского роста, находящихся в состоянии сомати в затерянном городе, погребённом глубоко под землёй. Происхождение их никому неизвестно, так же как и местонахождение самого города. Эти спящие воины — как бы не являются полностью живыми существами, но в то же время это и не роботы. Возможно, архаический вид гибридных великанов, запрограммированных на совершение определённых действий.

— Каких действий, например? — спросила я.

— Судя по размерам исполинов и намеренном погружении их в неестественный сон, дабы оградить от всего остального мира, они явно могут быть очень опасными и представлять угрозу и для ныне живущих. Вероятность того, что они являются безжалостным оружием массового убийства, очень велика. С какой целью создавалось это оружие, и на кого было направлено его действие… — вопрос пока остаётся открытым, гадать не будем, но попробуем это выяснить. Существует ряд предсказаний, основанных на закономерном повторении событий одинаковых временных витков спиралей. Для людей тысяча лет — это очень много, для магов же — всего лишь одно мгновение. Я думаю, что в этой книге содержится зашифрованная информация. Для того времени — вещь вполне обычная. В книге есть упоминание о Ламии, — это персонаж из древнегреческого эпоса, хотя иногда встречается в мифологиях других народов — правда, не в качестве самостоятельного имени, а для обозначения женщин-полудраконов.

— Да уж… — усмехнулась я. — Вот это полёт фантазии был у древних. Видимо, всё-таки сказка…

— Как эта книга попала к твоей бабушке? — серьёзным тоном спросил он, внимательно посмотрев на меня.

— Как оказалась? — растерялась я, и на всякий случай

решила пока соврать, точнее, кое-что умолчать. — Вообще-то мой отец был археологом… Наверное, где-то и нашёл её на раскопках, но точно не знаю… Думаешь, эта книга имеет какую-то ценность?

— Пожалуй, она единственная в своём роде. Покажу её одному моему другу. Изучение протолингвистики — это как раз по его части. Ты не против?

— Нет, конечно. Делай с ней, что хочешь. Она твоя… — книга мне не нравилась, и я была только рада от неё избавиться.

— Ах, да! Чуть совсем не забыл. Это тоже тебе, — Бальдерик Рэй вынул из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо листок. — Больничный, чтобы тебя не отчислили за прогул, — пояснил он.

— Надо же! — обрадовалась я, удивлённо рассматривая больничный с печатью и подписью врача. — Спасибо. И как это у тебя получается всё так замечательно предусмотреть… Даже и не представляю, что бы я без тебя делала.

Б.Р. не ответил, но по его скромной улыбке я поняла, что ему приятны мои слова.

Я неловко покачала головой, не зная, что ещё сказать.

— Хотела тебя спросить… А как ты оказался в Велиже? Похоже, Мисс Магда совсем не умеет держать язык за зубами?

— Нет, она ничего не сказала. Нетрудно было догадаться, куда ты направишься, и я ехал за тобой на некотором расстоянии. У меня было сильное предчувствие, что с тобой что-нибудь обязательно случится. Правда, не предполагал, что всё окажется настолько серьёзно. Ты ужасно гоняешь. Я едва поспевал за тобой, и даже вынужден был обработать пару гаишников, которые остановили тебя за превышение скорости. Хотя, наверное, зря. Не знал, что ты такая нарушительница. Никогда больше так не делай! — добавил он строгим голосом.

— Гм… странно… — проигнорировала я его последние слова. — И где же ты был всё это время, если не секрет? Я тебя не видела в городе.

— Пришлось спать в машине, что не очень-то удобно. Наблюдал за обстановкой. В какой-то момент я незаметно подкрался к твоему дому, и я слышал, как ты плакала за стенкой. Мне с трудом удалось сдержаться, чтобы не зайти и не обнять тебя. Ты так горько рыдала, бедняжка, что я и сам чуть не расплакался, а моё сердце едва не разорвалось от боли. А вот Джек твой позволил мне пройти: наверное, понял, что я не враг; он даже звал меня, чтобы я помог утешить тебя. Не веришь?

Я невольно улыбнулась, вспомнив шум во дворе, рассыпанную поленницу и странное поведение собаки.

— Похоже на правду. А эта безумная толпа… Это просто

кошмар какой-то! Они же на полном серьёзе готовы были разорвать меня на куски и сжечь живьём, а оказалось достаточно одного твоего слова, точнее, песни. Как тебе это удалось?

— Секрет «фирмы», — полушутя-полусерьёзно ответил Бальдерик Рэй с некоторым оттенком превосходства в голосе. — На самом деле, ничего сложного в этом нет, и данный приём частенько использовали мои далёкие предки для того, чтобы управлять энергией людских масс, попавших под влияние отрицательного эгрегора.

— Могу и тебя этому научить, если ты захочешь, конечно, — предложил он.

Я неуверенно пожала плечами, растерявшись от столь неожиданного предложения, но в то же время перспектива получить настоящие магические знания, закрытые от многих показалась мне очень заманчивой.

— Если будешь хорошо себя вести, — добавил он.

— Смотря что ты под этим понимаешь, — насторожилась я.

— Я понимаю — взаимопонимание.

— Угу… — кивнула я. — А эта рубашка на мне… Ты это…

— Нет, — усмехнулся он. — Я знал, что тебе это вряд ли понравится. У меня есть хорошая соседка, с которой мы дружим много лет. Она помогла, хоть я и видел тебя обнажённой, причём совсем недавно. Разве запамятовала?

В глазах его плясали задорные зелёные искорки.

— Ах, да… тогда… — раздосадовано пробормотала я, краснея.

— Да всё нормально, — ободряюще подмигнул он мне. — Что сделано, то сделано.

— Значит, ты всё-всё про меня знаешь? — поспешила я перевести разговор в другое русло.

— Не всё, но я умею предугадывать намерения людей при условии наличия у меня их определённых данных; а также почти со стопроцентной точностью прогнозировать последствия ещё несовершённых поступков и закономерное развитие будущих событий, связанных с ними. Предупреждаю: тебе будет нелегко скрыться от меня, и если я захочу тебя найти, то обязательно найду — можешь быть абсолютно уверена в этом. Нет, я, конечно же, многое успел узнать о тебе, но далеко не всё, и мне этого недостаточно… — сказал Б.Р., посмотрев на меня своим странным проницательным взглядом, от которого мне снова стало не по себе, словно меня исподтишка исследовали изнутри, вторгаясь в самую мою суть. — Хотя недавно узнал о тебе кое-что ещё… — с загадочным видом произнёс он.

— Да? И что же? — сгорая от любопытства, спросила я,

волнуясь.

— Ну… например, что ты очень любишь собак, — ответил Бальдерик Рэй, одарив меня лучезарной улыбкой.

* * *

Прошло почти пять месяцев. Наверное, это было самое спокойное время для меня за последние два года. Бальдерик Рэй вынужден был улететь в Англию из-за учёбы в колледже. Он уехал рано утром за день до Нового года — по своему обыкновению, внезапно и без предупреждения, — прислав мне на телефон лишь коротенькое сообщение из аэропорта. Не скрою, моё самолюбие было уязвлено, и я ответила ему в том же духе, — также коротко и сухо пожелав удачи в новом году. Но справедливости ради должна упомянуть, что вечером того же дня он перезвонил мне и принёс извинения за столь скоропостижный отъезд, объяснив свой не очень красивый поступок нелюбовью к долгим прощаниям. Мы расстались на дружеской ноте, договорившись общаться с помощью СМС и интернета. Б.Р. попросил меня как можно более подробно описывать все события моей жизни, что я и делала — иногда честно, иногда ленилась.

Я подтянула все «хвосты» в институте и почти блестяще закончила второй курс.

Также я вернулась к работе в Центре Магии. Мисс Магда и другие встретили меня с распростёртыми объятиями. Никто даже и не напомнил мне о моём свинском поведении. Напротив, все были очень радушны со мной, словно и не было никакого временного затмения.

Вадим женился на Ларисе и взял очередной академический отпуск; теперь он мог не опасаться, что его призовут в армию, поскольку у него был маленький ребёнок.

Певунова отчислили за неуспеваемость, прогулы и появление на занятиях в нетрезвом виде.

За это время я многое передумала и пересмотрела в своей жизни. Моя любовь к Вадиму казалась мне в высшей степени безумием. Кошмары больше не терзали меня по ночам. Их как-то плавно и незаметно сменили какие-то успокаивающие пейзажи природы, тихий шум морского прибоя и ОН. Странно… Раньше мне так только Вадим во сне являлся…

В один из майских дней — то была последняя суббота месяца, — делая уборку в квартире, я вдруг ощутила необычайно приятное волнение — будто бы от предчувствия приближающейся

радости. Вообще-то это странное чувство впервые посетило меня ещё с утра и периодически повторялось, ненавязчиво подсказывая мне, что сегодня, возможно, произойдёт что-то неординарное, выбивающееся из привычной вереницы похожих друг на друга дней. Так продолжалось почти всё утро до самого обеда. Поначалу я не осознавала, отчего это происходит, сколько ни прислушивалась к себе. Но в какой-то момент волнующие ощущения многократно усилились и моё сердце забилось чаще. «ОН вернулся», — внезапно пришёл в мою голову ответ. Отказавшись поверить своей интуиции, я выглянула в окно: внизу во дворе стоял чисто вымытый чёрный «кадиллак», весело поигрывая слепящими бликами на солнце. Будто во сне я увидела, как Б.Р. выходит из машины и направляется к моему подъезду. Не может быть… Возможно, просто кто-то похожий на него… Я обалдело заморгала, пытаясь прогнать наваждение. Нет, наверное, я всё-таки дремлю и вижу сон… Пока я размышляла над этим, в квартире раздался звонок, и, как была — с тряпкой в руке, — я отправилась открывать дверь, даже сейчас не веря до конца, что происходящее является результатом реальности. Но «сон» оказался явью.

Бальдерик Рэй, как всегда, безупречно красивый и уверенный в себе, молча смотрел на меня, изучая моё лицо; в его необыкновенно выразительных глазах одновременно светилась радость от встречи, плясали знакомые, едва уловимые лукавые искорки, но в их проницательной глубине пряталось что-то ещё, — что-то очень тёплое и мягкое, от чего даже самый холодный лёд мгновенно начинал плавиться… Это не было похоже на страсть — но что же это тогда? Нежность? Господи! Изумрудное море нежности… На миг моё сердце испуганно замерло и перестало биться. «Начинается… — с притворной досадой подумала я, усилием воли сдерживая улыбку. — Конец моему временному спокойствию и безмятежной рутинной жизни…» Но я также поняла, как сильно мне его не хватало все эти месяцы. Ни у кого, как у него, не получалось — да и вряд ли получится — так замечательно держать меня в постоянном тонусе и психологическом напряжении. Достаточно было только одного его присутствия рядом, чтобы ощутить каждой клеткой тела его удивительную энергетику, заставляющую кровь в моих венах струиться быстрее, а интеллект — работать на полную катушку. Но я себя опять не понимаю… Тысяча вопросов в голове, родившихся в один момент… И откуда сразу столько всего взялось? Хорошо это или плохо? Нужны ли мне эти будоражащие чувства, взрывающие мозг и нарушающие моё умиротворённое равновесие? Правильны ли они? А может, я так долго пребывала в

«спящем» состоянии, и теперь появилась возможность проснуться? Какая же я тогда — настоящая? С НИМ я становилась совсем другой — более робкой, растерянной и уязвимой. Но так всегда было и раньше. Почему? У меня нет ответов на эти и многие другие вопросы. Я, словно нечаянно оступившись, упала в огромный шумящий водопад, и стремительный поток воды уносит меня всё дальше, прочь от берега, а я даже не делаю попыток выкарабкаться из него, поскольку знаю, что он всё равно сильнее, поэтому остаётся лишь плыть по течению и по возможности осторожно лавировать меж острыми камнями, чтобы не разбиться об них. Это сравнение захватывает дух, оно одновременно и нравится, но в то же время пугает, разрушая и сводя на нет все удобные стереотипы и хорошо отлаженные ориентиры, вынуждая злиться на себя за свою слабость и беспомощность. Ощущение такое, будто хочешь спрятаться от приближающейся бури в хорошо обжитую, тихую и уютную скорлупку, ставшую вмиг совершенно ненадёжной, но что-то настойчиво заставляет, словно коварно подталкивая тебя придвигаться всё ближе и ближе к тёмной воронке водоворота, обещая рай и успокоение внутри чёрного, устрашающе бурлящего жерла. Но ты не знаешь, что там в действительности, — возможно, там притаилась твоя погибель. Какая-то борьба с собой, со своими искренними чувствами, неподвластными логике и безудержно стремящимися вырваться из рациональных оков разума, пребывающего в состоянии близком к панике от осознания, что в конечном итоге ему суждено проиграть, и тщетно продолжающего цепляться за остатки привычных установок. Похоже, эта игра — без каких-либо правил, но раз остаётся возможность хоть как-то сопротивляться и частично контролировать ситуацию, то значит время проигрыша пока ещё не пришло. Вопрос лишь в том, на сколько хватит сил…

Интересно, о чём он думает в эту самую минуту? А вдруг он, как и я сейчас, испытывает переживания, подобные моим, и пытается выбраться из своего такого же «водоворота чувств»? Да нет, конечно… Всё это только мои безумные мечты и фантазии, — слишком уж хорошо он умеет владеть собой, чтобы позволить каким-то глупым эмоциям взять верх над холодным разумом, тем более из-за такого пустяка, как встреча со мной. Но не дай ему бог узнать о моих странных романтических мыслях… Главное, не показывать вида, как сильно я взволнованна.

Мы стояли вдвоём на пороге моей квартиры, в полном безмолвии глядя друг на друга, до тех пор, пока Афина, молодая собака, бесцеремонно не оттеснила меня в сторону; подойдя к моему гостю, она поставила передние лапы ему на грудь и стала

тянуться к его лицу, дружелюбно помахивая хвостом.

— Надо же… Она узнала тебя, — нарушила я наконец молчание, отступая в сторону, чтобы впустить его в квартиру, и не зная куда деть тряпку, которая всё ещё была у меня в руке.

— Ух, ты! Какая большущая стала, — в свою очередь изумился Бальдерик Рэй, ласково гладя собаку по голове. — Интересно, чем ты её кормишь.

— А ты разве не знал, что все дети имеют свойство расти? — спросила я.

— Да, но не настолько быстро.

Его вдруг почему-то осенила странная мысль:

— Неужели ты уже подумываешь о детях?

— В каком смысле? — я посмотрела на него и, глупо улыбнувшись, отрицательно покачала головой.

— Да так, ничего… — он смущённо усмехнулся и принял какой-то торжественно-официальный вид. — На самом деле я пришёл, чтобы пригласить тебя на вечер поэтических встреч, а потом на бал. Надеюсь, у тебя есть вечернее платье?

— А… если я прям в таком виде? — я бросила шутливый взгляд на свои рваные джинсы школьных времён и старую выцветшую футболку.

— Для меня ты в любом наряде прекрасна, но это всё-таки званый вечер, поэтому необходимо соблюдать некоторые правила этикета… — нарочно растерянным голосом пробормотал он, впрочем понимая, что я дурачусь.

— Я пошутила. Но мне уже некогда искать платье. Ладно, мистер сноб, так уж и быть, исключительно ради сохранения вашего душевного равновесия одолжу что-нибудь у Велесты, — мы с ней одного размера.

— Значит, договорились. Так я заеду за тобой завтра в восемь вечера? Честно говоря, голова уже идёт кругом… А мне ещё надо успеть сделать миллион дел… — он устало провёл рукой по своим волосам.

— Ты мог бы просто позвонить мне по телефону, зачем нужно было ехать на другой конец города?

— В таких случаях для меня важен физический контакт, но ты вряд ли это поймёшь… Так ты не ответила, ты согласна пойти со мной на вечер в качестве моей пары?

Я улыбнулась и молча кивнула, хотя не совсем поняла, что он имел в виду, предлагая мне стать «его парой». Может, изобразить его очередную пассию?

— Ну всё… тогда я пошёл… — улыбаясь, сообщил он сам себе, взявшись за ручку двери, но не двинулся с места.

В этот момент с прогулки вернулись Аня с Ванькой.

Бальдерик Рэй вышел из квартиры, пропустив мою подругу с сыном. Анна уставилась на него, раскрыв рот. «Ну конечно, — усмехнулась я про себя. — Как всегда, одна и та же реакция…» Я вспомнила свои ощущения, когда увидела его впервые.

— Привет, — сказал он, улыбнувшись потерявшей дар речи Ане и весело подмигнув мальчику.

— Кто это был? Неужели сам бог Адонис? — спросила Анна, с трудом водружая отвисшую челюсть на место, едва за Б.Р. закрылась дверь.

— А что, похож? — усмехнулась я.

— Какой красавчик!

— Тебе нравится?

— Ну, знаешь, если бы я была на твоём месте, то времени бы зря не теряла. Такими кадрами не бросаются.

— Может быть… — задумчиво произнесла я. — Может быть… Хотя это ещё не факт…

Я вернулась к уборке, прерванной внезапным появлением Б.Р., и рассеянно продолжила стирать пыль с плафонов люстры, когда из соседней комнаты раздался душераздирающий вопль. Неудачно спрыгнув с табуретки, я упала, но тут же вскочила и забежала в комнату Ани. Бледная как мел, она стояла, прижавшись к шкафу.

— Змея… там… — прошептала она, показывая трясущейся рукой под диван, из-под которого доносилось слабое шипение.

Афина громко лаяла, лёжа на животе, и пыталась дотянуться до кого-то лапами.

Я оттащила собаку за ошейник. Шипение повторилось.

Взяв фонарик, я посветила в темноту: в самом дальнем углу, свернувшись кольцом, лежало что-то довольно крупное.

— Ну иди, иди сюда, глупый ужик, — позвала я змею, и, ухватив рукой её скользкое тяжёлое туловище, не без труда вытащила из-под дивана; Аня снова испуганно вскрикнула.

Это оказался вовсе не «ужик», а огромный тигровый питон, который, изогнувшись, тут же обвился вокруг моей шеи. Впрочем, кажется, у него не было намерения меня душить, но всё равно по моему позвоночнику пробежал лёгкий холодок.

В этот момент раздался звонок в дверь. Аня всё ещё пребывала в ступоре, и я пошла открывать. Я сильно удивилась, вновь увидев за дверью Бальдерика Рэя.

— Я забыл… — начал он и застыл в ужасе, уставившись на змею, обвивавшую мою шею.

— Вот ты где! — обрадовано воскликнул загорелый усатый мужчина, спустившийся с верхнего пролёта лестницы и заглядывавший в мою открытую дверь.

— Ваш питомец? — спросил у него Б.Р.

— Наверное, незаметно выполз на балкон через окно, пока я находился в ванной, — объяснил тот, помогая мне снять с шеи питона. — Но он абсолютно ручной, не бойтесь. И, знаете ли, он не вешается на шею кому попало, а исключительно только тем, кто ему очень нравится. Так что извините за причинённое беспокойство… С меня коробка конфет и букет шикарных роз.

— Ты когда-нибудь меня в могилу сведёшь раньше времени, — выдохнув с облегчением, произнёс Бальдерик Рэй, когда любитель рептилий удалился вверх по лестнице. Укоризненно покачав головой, он повернулся, чтобы уйти.

— Ты кажется что-то забыл, — напомнила я ему.

— Правда? — улыбнулся он, оборачиваясь уже возле лифта. — Да… Точнее, нет… Я просто соскучился и хотел ещё разок тебя увидеть.

На следующий день в «Дубовой роще» состоялся вечер поэтических встреч, а затем — традиционный приём в Большом Зале.

После двухчасового прослушивания всех желающих представить на суд публики свои творения на сцену неожиданно пригласили Б. Р. Его выступлением и завершился вечер.

Бальдерик Рэй прочитал стихи. Это были грустные, красивые строки. Арфистка в длинном белом одеянии, с венком из лилий на голове, тихо перебирала струны, аккомпанируя ему. Под нежные трели арфы он стал зачитывать своё сочинение:

Я беду от Тебя отведу,
Что печатью лежит на челе твоём;
Тихим бродом Тебя проведу
Чрез пучину бушующих вод.

Ты, печали свои не тая,
Мне поведай о том, что тревожит;
Я беду от Тебя отведу,
Оттолкну, отодвину от края.

Знай, всегда буду рядом с тобой,
Чтоб сберечь Тебя хрупкую, нежную;
Я рукою поймаю стрелу,
Что летят сквозь века безжалостно,
Защищу и закрою собой -
Мне они не страшны, ибо призрачны;

Изменю ход времён, даже весь мир вокруг -
Если потребуется!

В этом есть особый сакральный смысл, -
Разгадать его не пытайся, как и я не пытаюсь;
Нет большей силы на Земле и в Запредельном,
Чем притяженье одной одинокой души к другой,
Это стоит того, чтобы пожертвовать всеми благами Мира.

Жизнь бросает Тебя, безутешную
То в ледяной холод одиночества,
То в костёр, пылающий огнём ярости;
Бедная моя…
Не ищи справедливости в этом бренном мире;
Как же я хочу укрыть Тебя от всех злых ветров и жестоких бурь,
Без конца встающих на Твоём пути!
Ты беспомощный маленький кораблик,
Который совершенно не знает, куда ему плыть в бескрайнем океане;
Зачем же Ты одна пытаешься сражаться с могучими волнами?

Тёмное семя зловеще хохочет,
Оно ищет пути
Чтобы ввергнуть Тебя в царство ужаса и страданий;
Но я был рождён для того, чтобы побеждать, — и я не сдамся!
Ведь Ты — моя единственная Песня Неземная.
Доверься мне, Робкая Рысь, Крадущаяся в Серебряном лесу!

Я беду от тебя отведу,
Где бы ты ни была — пусть далеко-далеко,
Хоть за тридевять земель;
Я услышу отчаянный призыв Твой -
Даже с другого конца Вселенной;
И всегда я на помощь приду,
Слёз сотру горько-солёный яд…

Боль свою мне отдай целиком без остатка, -
Заберу, заточу её в надёжную клетку,
К которой никто и никогда не подберётся!

Да, я знаю, Ты не веришь пока, что всё это — не пустые слова…

Злой Рок Судьбы преследует Тебя по пятам
Сердца раненного боль
Исцелить мне предстоит — и это будет нелегко;
Но повторяю, и повторю ещё сотни тысяч раз: я уже никогда не отступлюсь!
Охранять Твой покой отныне и во веки веков клянусь!

Я Тебя за собой поведу
Хоть пока ещё сопротивляешься,
Но я знаю абсолютно точно -
И это такая же непреложная истина
Как и то, что миллиарды лет существуют на небе Луна и Звёзды, -
Ты однажды мне сердце откроешь;
Рухнут стены Тёмного Замка печали и зла,
Превратившись в прах;
Воссияет на небе яркое солнце,
И живая вода вернётся в мёртвые пустыни.

А пока что волнуют Тебя:
Только всполох осеннего леса,
Дикий вскрик одинокого вепря,
Тихая гладь озёр…

Я дрожащей рукой достала свой мобильный. «Эсэмэски» со странными стихами… Тайный поклонник… Не может быть… Боже мой, какая же я идиотка! И как я сразу не догадалась…

— Ты всё ещё сомневаешься в искренности его чувств к тебе? — услышала я тихий голос Ладдока, как всегда неожиданно возникшего рядом.

— Нет-нет… Я просто не знала, что он сочиняет стихи… — пробормотала я в растерянности.

— Ты ещё много, чего не знаешь.

Я взглянула на Бальдерика Рэя, стоящего на сцене. Ему оглушительно хлопали. Я тоже хлопала — глазами, сидя на стуле и пытаясь прийти в себя. А он стоял, ни на кого не обращая внимания, и смотрел в глубину зала, прямо на меня…

— Что-нибудь хочешь сказать? — спросил Б.Р., когда,

наконец, овации стихли, и он смог вернуться ко мне.

— Даже и не знаю… Красиво… Очень… — ответила я невпопад, не в силах справиться с охватившим меня волнением.

— Я написал в домике Клавдии, когда ты спала, — пояснил он; глаза его сияли, как изумруды.

— В смысле… для меня? — я чувствовала себя дурой, не зная, как воспринимать всё происходящее.

— Нет, для Шику, — засмеялся он. — Ты лучше скажи, что ты об этом думаешь.

— Ну… Я сохранила все твои «эсэмэски» со стихами, и даже про унылую русалку… Рифма там, конечно, малость хромает, но смысл довольно интересный… — сказала я что-то опять наверняка очень глупое.

— Это бардовский стиль. Рифма в подобном стихосложении совершенно не обязательна, — невозмутимо возразил он. — Но я не об этом. Ты ведь понимаешь, о чём я? — Б.Р. многозначительно посмотрел на меня.

Я молчала, боясь снова сморозить «что-нибудь не то». Бальдерик Рэй взял с подноса мимо проходящего официанта два бокала шампанского и протянул один мне. Я отпила пару глотков вина и немного успокоилась.

— А как же тогда… — неуверенно начала я. — Помнишь, у тебя в квартире? Мне показалось, что я тебе безразлична…

— Если честно, то на самом деле в тот момент мне едва удалось сдержаться, чтобы не наброситься на тебя, но я не сделал этого ради тебя, и ещё преследуя кое-какие свои определённые цели.

— Какие цели?

Он улыбнулся и хитро посмотрел куда-то вверх.

— Как сказал один замечательный русский поэт: «Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей…» Уверен, ты была вне себя от ярости.

— Ах вот как! — возмутилась я, забывая про своё недавнее смятение. — Между прочим, я испытала тогда сильный эмоциональный стресс, а ты, оказывается, находишь это забавным?

— Всё, что нас не убивает, делает нас сильнее… — хладнокровно заметил он.

— Ты вообще когда-нибудь перестанешь играть со мной?

— А ты? — последовал ответ-вопрос.

— Я не играю!

— Тебе это только кажется, или ты действительно так считаешь, но я слишком хорошо разбираюсь в женской психологии, чтобы не замечать очевидного.

В этот момент к нам подошла красивая китаянка Омелла Чи, подруга Бальдерика Рэя, — ослепительно улыбаясь, она протянула нам два амулета на тонких цепочках.

— У нас сегодня образовались новые пары, — сказала она. — Поэтому примите эти знаки инь и янь, как символ любви и согласия. Так вы дополните друг друга ещё сильнее.

— Спасибо, милая, — поблагодарил её Бальдерик Рэй. — Ты, как всегда, затмеваешь всех своей неземной красотой.

Прежде чем я успела открыть рот, чтобы продолжить тему, прерванную появлением Омеллы, на лице Б.Р. вновь появилось загадочно-хитрое выражение. Наверняка опять задумал какую-нибудь гадость, подумала я — и не ошиблась.

— Здесь мои родители, — вполголоса сообщил он, наблюдая за моей реакцией. — И я хочу тебя им представить прямо сейчас.

— Зачем? — испугалась я. — Но…

— Как же забавно видеть тебя растерянной. У тебя бывает одновременно такой испуганный и беспомощный вид, — не удержался от смеха Б.Р.

— Да, я растерялась, — с досадой призналась я. — Разве можно без предупреждения так огорошивать?

— А что в этом такого ужасного? Я что, не могу познакомить свою девушку со своими родителями?

— Свою девушку! — воскликнула я, поражённая этими словами. Интересно, с каких это пор он считает меня «своей девушкой»?

— Ох, извините, пожалуйста! Вырвалось нечаянно… Моего лучшего друга! — с улыбкой поправился он. Похоже, ему было очень весело. Но только не мне.

— Может, лучше не стоит… — пробормотала я упавшим голосом, делая маленькие шажки по направлению к дверям. — Не сейчас, то есть… Мне кажется, время неподходящее! — я всё ещё надеялась избежать этой неудобной ситуации, но Б.Р. остался непреклонен.

— Вполне подходящее! Когда ещё представится такой случай? Не переживай, они тебе понравятся. И ты им тоже. Я знаю, что говорю, — он решительно шагнул ко мне и схватил меня за руку, предупреждая моё бегство.

— Нет…

— Да! Они уже многое знают о тебе по моим рассказам, и потом, мой отец — идеальный образец такта и понимания, а мать — доброты и интеллигентности, — приговаривая так, он стал увлекать меня за собой.

— Подожди, подожди, подожди! Да стой же, ты! — пыталась я вырываться, но он не слушал меня, продолжая тащить вперёд, как

упрямого ослика. — Я не могу… не хочу…

— Не упирайся, пожалуйста, если не хочешь привлечь нездоровое внимание публики, — строго заметил он. — Вот, посмотри: они уже оглядываются.

Стоящие неподалёку действительно стали заинтересованно поглядывать в нашу сторону, ожидая продолжения неожиданного спектакля.

Бальдерик Рэй подвёл, точнее, практически подтащил меня к высокому мужчине в тёмном смокинге и невероятно красивой хрупкой даме в воздушном светло-сиреневом платье с распущенными по плечам пепельными волосами. На вид им обоим было не больше тридцати лет.

Женщина встретила нас тёплым взглядом и сияющей улыбкой. Я сразу почувствовала себя не в своей тарелке и как предательская краска заливает мои щёки и уши. Бальдерик Рэй отпустил мою руку и стал обниматься со своими родителями. Я осталась стоять у него за спиной, не зная, куда мне деться и изо всех сил стараясь принять невозмутимый вид скучающей аристократки.

— Ты был просто великолепен, — похвалила мать выступление сына и заговорила с ним на английском, вопросительно поглядывая то на него, то на меня.

— Позвольте вам представить мою подругу, — сказал Б.Р., вспомнив наконец обо мне. — Майя, это мои родители Миа и Нэд Мак Рэй.

— Рада познакомиться с тобой, Майя, — обратилась ко мне дама уже по-русски. Обняв меня, она легонько прикоснулась губами к моей щеке, одновременно окутывая облаком нежных духов. Она мне показалась похожей на сказочную фею.

— Да… И я тоже… То есть… Мне очень приятно… — выдавила я из себя.

— Как ты себя ощущаешь в «Дубовой роще»? — участливо поинтересовалась она.

— Спасибо. Хорошо… — промямлила я.

Его отец наклонился и галантно поцеловал мою руку, смотря при этом на меня, и от этого я ещё сильнее залилась краской. У них были почти одинаковые глаза — у отца и сына. Такой же внимательный и проницательный взгляд.

— У Бальдерика есть ещё младший брат Эдгар, но, к сожалению, он не смог приехать с нами, — пояснил он.

— Правда она прекрасна? — обратилась Миа Рэй к мужу, очевидно, имея в виду меня. — Вы отлично смотритесь вдвоём, — сказала она нам.

— Я знаю, — довольно нескромно подтвердил Бальдерик Рэй.

— Мы остановились на неделю в загородном коттедже возле Белого Озера, — сообщил Нэд Мак Рэй. — И вы бы доставили нам огромную радость, если бы оба приехали погостить у нас.

— Мы с удовольствием принимаем приглашение, — ответил Б.Р. за нас обоих, видимо по привычке забыв поинтересоваться моим мнением. — Улыбнись, пожалуйста, — тихо попросил он меня, едва касаясь губами моих волос возле уха.

Я попыталась заставить себя улыбнуться, но, скорее всего, вместо улыбки получилась какая-то вымученная гримаса.

— Как они тебе? — спросил Бальдерик Рэй после того, как мы остались одни.

— Твои родители? Приятные…

— А ты боялась, — улыбнулся он. — Страшно было?

Я посмотрела на него и встретилась с его насмешливым взглядом.

— Да нет вроде… Но вообще-то о таких вещах следует предупреждать заранее. Это явная подстава с твоей стороны! Тебе что, доставляет удовольствие издеваться надо мной? — снова разозлилась я, осмелев от осознания, что всё уже позади.

— Однажды наступит день, когда из запуганной, закомплексованной девчонки ты превратишься в уверенную в себе леди; а если — нет, то мне придётся испробовать на тебе новые технологии в области магии, — пообещал он.

— Ты же знаешь, что я кошка, а кошку нельзя заставить. Разве что…

— Разве — что? — слегка нахмурился он.

— Ничего… Мало ли что… — тихо произнесла я, не желая продолжать словесный поединок.

— В таком случае могу я пригласить Вас на танец, мой прекрасный и грозный Эльф? — Бальдерик Рэй снова улыбался.

— Я не умею танцевать в паре, поэтому со мной ты рискуешь опозориться.

— Зато ты прекрасно танцуешь на столе, — заметил Б.Р.

— Не напоминай. И хватит меня всё время подкалывать! Мне это не нравится.

— Ладно, попробую, но ничего не обещаю. Потому что это чертовски забавно. Ты ведь не будешь драться со мной из-за этого?

Я недовольно поджала губы, но подняв глаза на Б.Р., увидела его обезоруживающую улыбку, не выдержала и улыбнулась тоже.

Мы прошли в Большой Зал, где уже кружилось несколько пар.

Ладдок танцевал с Велестой рок-н-ролл, без конца наступая ей на ноги и топча подол её неожиданно длинного бального платья, явно не подходящего для такого танца. Из-за этого они

постоянно останавливались, чтобы поругаться и отряхнуть платье, а затем продолжали снова. Увидев нас, они приветливо помахали нам, приглашая присоединиться к ним. Стоя за спиной Велесты, Ладдок сделал «свирепые» глаза и поднёс к её шее руки, будто собираясь придушить. Заметив это, она огрела его веером по голове, и он был вынужден спасаться от неё бегством через весь зал.

Заиграла красивая и романтичная музыка.

Я почувствовала тепло руки на своей талии. Мои глаза беспокойно забегали, и я беспомощно посмотрела на Б.Р.

— Что… Как?

— Не волнуйся, — успокаивающе произнёс он, убирая мои волосы назад. — Я буду вести, а ты просто расслабься. Со мной не пропадёшь.

— Что это за музыка?

— Кажется, эта песня называется «Сердца, разбитые навечно».

— Мне нельзя влюбляться… — предупредила его я.

— Знаю. Но тогда всё-таки придётся тебя заколдовать…

— Ты дал слово, его нельзя нарушить.

— Да, нельзя…

Он улыбнулся и бережно обнял меня за талию. Мы плавно влились в число танцующих, постепенно оказавшись на середине зала. Я чувствовала себя в кольце его рук, как в плену, но очень защищённой.

Мы танцевали два медленных танца, а потом ушли, точнее, сбежали через распахнутое окно на первом этаже, вызвав у проходящих мимо старушек возмущённое сокрушение по поводу морального облика молодёжи, «шатающейся где ни попадя в поисках уединения». Мы ещё долго гуляли по тёплому ночному городу. В густой листве деревьев заливались соловьи, а в воздухе витал пьянящий аромат сирени. От запахов и звуков кружилась голова. На лавочках в парках, то тут, то там, попадались влюблённые парочки. Сегодняшняя ночь была особенной. Идти домой совершенно не хотелось. Я нечаянно сломала каблук и, несмотря на все мои протесты, Бальдерик Рэй поднял меня на руки и нёс почти две улицы до самого моего дома. Гасли фонари. Начинался рассвет. У порога моей квартиры мы расстались. Я не пригласила его войти, а он не попросил. Мы смотрели друг на друга и не могли оторваться; в его глазах горел огонь страсти, а мои — умоляли сделать первый шаг. Но я прекрасно понимала, что стоит ему только поцеловать меня, и мы оба сойдём с ума. Тонкая грань реальности отделяла нас от последнего шага в безумие. Я видела, что ему трудно, я слышала, как бьётся сердце у него в груди, и его прерывистое дыхание. Но, приблизившись ко

мне, он лишь легонько коснулся своим лбом моего и нежно погладил меня по волосам, произнося при этом странные слова: «Агапэ[7]… Я чувствую агапэ. Ещё чуть-чуть… Позволь мне насладиться этим чувством…» Мне тоже передалось это необычное состояние. Возможно, это заразно. Словно паришь где-то очень высоко-высоко в небесах, а весь остальной мир становится таким далёким и незначительным… Наверное, мы оба — законченные мазохисты…

* * *

Мы сидели в беседке, в загородной резиденции семьи Бальдерика Рэя, пили чай по-английски и наслаждались красотами природы и обществом друг друга.

— Что означает надпись на твоём браслете? — спросила его я.

— «Любая цель будет достигнута», — ответил он. — Это древний кельтский амулет, точный его аналог.

Я посмотрела на родителей Б. Р., не спешно прогуливающихся в саду.

— Какие интересы связывают твою семью с Россией, если вы живёте в Англии?

— Скажем так — мы не находимся там постоянно, а перемещаемся время от времени между разными странами и континентами. Мой прапрадед был женат трижды, один раз на русской женщине, а после её смерти, основал в Вавилоне «Дубовую рощу». Дома у меня как такового нет, и я не привязан к какому-либо месту, хотя у нас есть родовой замок в Ирландии, который в настоящее время является памятником архитектуры и открыт для свободного посещения всех желающих. Что же касается наших интересов в этой стране… Честно сказать, мы не выбираем объекты для своего влияния — так уж сложилось исторически в результате определённых событий, происходивших на протяжении многих веков. В России живут особенные люди, их судьбы нам небезразличны; это народ со сложной историей, обречённый бесконечно долго переживать тяжёлый опыт потрясений и страданий. Здесь также проживает большое количество наших воплотившихся собратьев с подавленными способностями, которые необходимо выявить и разбудить.

Такое расплывчатое объяснение показалось мне не слишком убедительным. Скорее всего, он что-то не договаривает или утаивает от меня.

— Я всё равно не очень хорошо понимаю… Какая вам выгода

от того, что ваша семья даёт деньги на существование многочисленных офисов и их филиалов, не получая ничего взамен.

— Ошибаешься. Моя семья не нуждается в сторонних средствах. Ты опять всё переводишь в материальную плоскость. Главная выгода состоит в том, что имея более обширные возможности помогать людям, становишься ближе к Источнику и обретаешь ещё большую силу. Это намного важнее денег и прочих материальных благ.

«Хорошо, наверное, рассуждать о высоких материях, презрительно отзываясь о материальном благополучии, когда у тебя и так всё есть», — подумала я про себя. Видимо, его удивительная «семейка магов» с помощью какого-то тайного волшебства или алхимического превращения свинца в золото могут сделать себе столько денег, сколько захотят, разбрасываясь ими направо и налево и совершенно не заботясь о завтрашнем дне.

Я увидела, как мистер Рэй, проходя по естественной тропинке между деревьями, бережно отвёл ветку для своей жены. Такая забота показалась мне чрезвычайно трогательной, и в наши дни — экзотикой.

Бальдерик Рэй проследил за моим взглядом, сдержанная улыбка чуть тронула его губы.

— Они для меня всегда были и будут примером идеальной семьи, и любовь их с годами не утихает, — сказал он.

— Видно, что твой отец очень любит твою маму, — заметила я.

— Знаешь… Я ведь тоже мог бы окружить тебя такой же заботой. Если бы ты, конечно, захотела… Но настаивать не буду. Ты же кошка, и сама так сказала, что «разве что…» — он отвернулся и стал смотреть куда-то вдаль в притворной грустной задумчивости.

Я не знала, что ответить. Мне хотелось сказать «да, я хочу» и броситься ему на шею, но гордость проклятая опять помешала, или, быть может, я боялась показаться глупой и слабой. Хотя… Разве именно так делают предложения руки и сердца? Да и предложение ли это? Я лишь неопределённо пожала плечами. Неужели он только со мной себя так странно ведёт? Продолжает изучать меня, испытывает на прочность мои психические и моральные барьеры? Или это часть его изощрённой тонкой игры? Возможно, он хочет полного реванша, чтобы я сама попросила его… Хотя если вспомнить, как он иногда смотрит на меня… Может, он желает заполучить мою душу? Интересно, как это должно выглядеть? В книгах написано одно, а в жизни… Не знаю,

что и думать. Я всё ещё терялась в догадках и сомнениях.

— Ты не веришь мне… — с горечью в голосе угадал Б.Р. — Но, думаю, я это заслужил. Должен признаться, я всегда был законченным эгоистом в отношениях и довольно часто соблазнял женщин только ради развлечения. Мне было чертовски скучно, и я… В общем, так продолжалось до тех пор, пока мы с тобой не встретились… Когда я увидел тебя там, в аэропорту, то сразу почувствовал, что это Ты… Мир словно перевернулся. Это из области необъяснимого… Что-то изменилось во мне в один миг.

Его неожиданное признание взволновало и удивило меня.

— Да, ты прав, — согласилась я. — Мне действительно трудно поверить. По крайней мере — пока. Вернее… я этого хочу, но только почему-то что-то мешает. На самом деле я совершенно не понимаю, что ты во мне нашёл; будь я на твоём месте, то давно бы уже послала такую, как я, куда подальше… И если ты считаешь себя законченным эгоистом, то я, вероятно, — законченная неудачница, — невесело усмехнулась я.

— Можно тебя кое о чём спросить? — спросил он после небольшой паузы.

— Не знаю… Попробуй.

— Откуда у тебя такая заниженная самооценка?

— Наверное, потому что я выросла в определённых условиях — не самых худших, конечно, но и весьма далёких от беспечной жизни миллионеров. К хорошему быстро привыкаешь и к плохому — увы, тоже… Я привыкла к постоянной борьбе за жизнь, и мне слишком часто приходилось сталкиваться с человеческой несправедливостью и непониманием, а ещё — подлостью и предательством… Я не чувствую себя до конца защищённой, даже несмотря на мои сверхспособности; хотя, возможно, отчасти и в них кроется причина моей неуверенности. Большую часть времени я вынуждена находиться в состоянии стресса и напряжения, боясь зайти за рамки дозволенного и совершить непоправимое, поддавшись сильным эмоциям. Чтобы мне стать другой, я должна заново родиться. Не знаю, понимаешь ли ты меня…

Бальдерик Рэй легонько провёл пальцами по моей щеке.

— Ты очень чистая внутри… — сказал он, глядя на меня с нежностью. — Но эта рана в твоём сердце… Она слишком глубокая и зажила не полностью, поэтому продолжает кровоточить — отсюда все твои барьеры. Я всегда помню об этом, но тебе не стоит меня опасаться. Никогда я не причиню тебе повторно той же боли, что тебе пришлось пережить. Обещаю и клянусь. Каким бы ни было твоё решение.

«Пожалуйста, прими его за меня», — мысленно попросила его

я и тихонько вздохнула. Мне так хотелось, чтобы он прочёл мои мысли, понял мои настоящие чувства, выпустил меня на свободу из моей темницы, в которую я заточила себя сама; чтобы он прогнал все мои страхи и сомнения… И зачем только я сказала, что я кошка… «Господи, да что же ты от меня хочешь? Чего ты ждёшь?» — в отчаянии крикнула я молча, но вслух сказала другое.

— Я не хочу, чтобы мои психологические проблемы становились проблемами других; я должна справиться с ними сама. И чтобы ты знал: я не жду жалости или сочувствия. Более того — я этого не приемлю. Просто надо немного подождать. Я верю, что однажды всё встанет на свои места — и буду этому содействовать по мере своих возможностей.

Он выслушал меня, чуть склонив голову набок, затем улыбнулся.

— Нет, ты неисправима. Придётся всё-таки взяться за тебя всерьёз. Первым делом нужно поставить тебе более надёжную защиту. Но делать это мы будем не здесь, а поедем в одно укромное местечко. Там есть те, кому это по силам, и заодно они помогут разобраться с твоим даром. Кажется, мне становятся понятны истоки твоего неудавшегося самоубийства. Должен признаться, я делал кое-что за твоей спиной, чтобы отпугнуть эту свору Тёмных от тебя. Для этого пришлось прибегнуть к помощи более могущественных покровителей, — они мне не отказали, как я и предполагал.

— Кто они? — немного напряглась я.

— Тебе это ровным счётом ни о чём не скажет. Один из них — мой преподаватель из колледжа.

— Интересно, почему мне не помогает обычная защита, как остальным?

— Я беседовал с Мэги Ра по этому поводу. Он поделился со мной некоторыми необычными фактами, касающимися тебя. Ты действительно не такая, как мы, и в тебе есть тайна, которую мы с тобой, надеюсь, совместными усилиями попробуем разгадать.

Понятно… Значит, Мэги Ра не сдержал своего обещания оставить наш разговор между нами…

— С одной стороны мне это было бы интересно, но с другой… — я тревожно посмотрела на Б.Р. — А вдруг это что-то очень плохое или даже… ужасное? Тогда я не хочу знать…

— А может быть, и нет. Ты прямо трусишка какая-то, — снисходительно улыбнулся он.

— Эти пять месяцев… — перевела я разговор на другую тему.

— Ты должна была отдохнуть, — ответил он, прежде чем я успела закончить.

— Ах, вон оно что, — усмехнулась я. — А я-то уж обрадовалась. Думаю: и что это мне так спокойно и безмятежно…

— Это, пожалуй, был единственный раз, когда я позволил себе вмешаться в твой ментальный план, — точнее, почти единственный…

— Верю, — сказала я с шутливым сарказмом и добавила: — Почти.

Мы оба рассмеялись.

— Лаура всё ещё не отступилась от своих намерений и лелеет новые коварные замыслы в отношении тебя, — напомнил мне Б.Р.

— Да, я думала об этом. И о том, зачем она пыталась уничтожить меня, используя грязные средства.

— Догадываешься, почему?

— Похоже, этой красавице с синими волосами вместе со своей подругой больше делать нечего, как только отравлять мне жизнь, — усмехнулась я.

— Ты должна была стать добычей Тёмных. Светлые вырвали тебя из их когтей в самый последний момент, и они не смогли смириться с этим. Но мне кажется, есть и другая, более веская причина, по которой они продолжают преследовать тебя.

— Какая?

— Пока не знаю, но посмотрим, что будет дальше, понаблюдаем за их поведением. В крайнем случае задействуем наших агентов в среде Тёмных, — возможно, им удастся узнать что-то большее.

— Если честно, то я немного боюсь их… Вернее, побаиваюсь. Неужели мне никогда не отделаться от их присутствия в моей жизни?

— Со мной им не справиться. Отсюда делай вывод: тебе лучше держаться меня. Пока я рядом — тебе ничего не угрожает. В любом случае у меня хватит сил, чтобы защитить нас обоих.

— И всё-таки… Мне не очень понятна твоя странная связь между мной и тобой. Как тебе так часто удаётся узнавать, где я оказываюсь? Всё это очень подозрительно…

— Хочешь, чтобы я открыл тебе свою тайну? — хитро улыбаясь, спросил он.

— Скажем так, я была бы не против.

— Ты любопытная.

— Что есть, то есть, — согласилась я.

— Ну ладно. Ты сама попросила…

Бальдерик Рэй достал из внутреннего кармана пиджака небольшую коробочку, обтянутую синим бархатом, и, открыв её, вытащил ожерелье — то самое, которое он мне когда-то пытался подарить вместе с шубой из белого горностая.

— Что… Что такое? — растерялась я.

— Это частично ответ на твой вопрос.

— Я не понимаю…

— Ты ведь одевала его хотя бы раз.

— Ну… — уклонилась я от прямого ответа. — И что из этого следует? Какая здесь может быть связь?

— Поскольку это всё-таки случилось, то теперь я в курсе всех твоих перемещений и могу знать твоё настроение, причём заранее. Это ожерелье состоит из специальных кристаллов Сидхе[8]. Помнишь священника и поиск? Здесь задействованы те же механизмы, только в гораздо более сложном варианте.

— Всё это магические штучки?

Б.Р. не ответил, по его губам скользнула загадочная улыбка. Не нравится мне это… Я стала лихорадочно соображать. Надо как-то заставить его отдать ожерелье мне. Или мне придётся украсть его у него. Одно из двух.

— Знаешь, что… — начала я.

— Что?

— Наверное, я бы теперь могла принять твой подарок. Точнее… Если он всё ещё в силе…

— Ты серьёзно? — усмехнулся он, удивлённо приподнимая брови. — Вот так вот просто взять — отдать его тебе и потерять контроль над ситуацией? И потом, дорогая, разве это прилично — выпрашивать подарки?

Он с интересом рассматривал кристаллы, держа их на ладони прямо перед моим лицом. Они меняли свой цвет, взволнованно поигрывая разными оттенками.

— Смотри, как он считывает все твои эмоции, — улыбаясь, сказал Б.Р. — На это можно смотреть бесконечно…

Я нервно сглотнула слюну.

— Во-первых, ты мне его уже дарил. Забыл? — напомнила я ему. — Я думала, что, когда ты мне его дарил, твои намерения были искренними. Но, оказывается, опять обман… Все мужчины — обманщики, и ты — не исключение.

— Подарок был искренним, хотя я и знал, что ты мне его вернёшь, но точно не устоишь перед соблазном надеть хотя бы разок, — ответил он, переводя на меня насмешливый взгляд.

— Значит, ты воспользовался моим неведением и женской слабостью!

— Иногда это бывает полезным.

Я вспомнила психологические приёмы давления Ладдока, сделала грустные глаза и приняла обиженный вид. Как ни странно, это подействовало, или он притворился, что подействовало.

— Я могу доверять тебе? — обеспокоенно спросил Б.Р.

— Смотря в чём, — уклончиво ответила я.

— Ты обещаешь, что никуда не денешься, и не станешь делать глупостей?

— Ну конечно! Куда же я могу деться? — сказала я с напускным удивлением.

— Хорошо. Тогда повернись и подними волосы, — велел он мне.

Он осторожно застегнул ожерелье на моей шее. Я повернулась к нему лицом.

Бальдерик Рэй не мог оторвать от меня восхищённых глаз.

— Ты просто неотразима! Его цвет показывает, что сейчас ты находишься в превосходном настроении.

— Замечательно, — улыбнулась я. — Значит, теперь я всегда буду знать своё настроение заранее, чтобы не испортить его кому-нибудь ещё.

— Ну вот, теперь ты снова улыбаешься… — произнёс он. — Пожалуйста, улыбайся почаще, тебе это так идёт.

Мы прошлись немного по саду в полном молчании.

— Слушай… — неожиданно вырвалось у меня.

— Да?

— Я больше не хочу быть Сибиллой Вейн. И ещё… Все эти приёмы с балами… Меня они довольно сильно напрягают. Я чувствую себя там, как… не знаю, как кто.

— Это всего лишь чистая формальность… Но впрочем… — неожиданно он улыбнулся и сказал то, чего я от него никак не ожидала: — Если честно, то мне и самому уже давно надоели эти церемониальные излишества. Веришь? До чёртиков надоели! Всегда — одно и то же. Веками ничего не меняется…

— Правда? — обрадовалась я. — Но я думала…

Где-то вдалеке раздались глухие раскаты грома. Я вздрогнула и невольно прижалась к своему спутнику.

— Что я вижу? Ты боишься грозы? — удивлённо спросил Бальдерик Рэй.

— Да. Это моя самая сильная фобия… — призналась я.

— Ты продолжаешь удивлять меня всё больше и больше. Так что? Давай бояться вместе? Или расскажешь всё как есть?

— Лучше второе. Но только чуть позже, ладно?

— Хорошо, я подожду. Терпения мне не занимать, в отличие от тебя.

Вздохнув с облегчением, я благодарно улыбнулась ему. Он аккуратно взял мою руку и положил на свой локоть.

Мы чинно пошли по живописной тропинке к дому. Начал накрапывать маленький дождик.

notes

Примечания

1

Багван Шри Раджниш (Ошо) — нео-индуистский мистик, просветлённый гуру.

2

«Je suis très mignon, est-ce pas?» (фр.) «Я очень мила, не правда ли?»

3

«Не беспокоить» (англ.)

4

Туата Де Дананн (племена Богини Дану) — по преданиям древних ирландцев, боги, обладающие неземной красотой, выдающимся умом и одарённые талантами в искусстве и музыке.

5

Дагда — один из верховных богов племени Дану.

6

Nuadu (др. — ирл.) — в кельтской мифологии воин-предводитель богов Туата Де Дананн.

агапэ (др. греч) — высшая степень любви.

8

Сидхе (ирл. Sidhe) — в кельтской мифологии потусторонний мир, населённый эльфами